

The background is a dark, textured collage of various geometric shapes and patterns. On the left, a large, dark, angular shape contains a bright, glowing vertical beam of light that transitions from yellow at the top to red at the bottom. To the right, there are several rectangular panels with different textures and patterns, including a grid of thin lines and a solid dark area. The overall aesthetic is modern and abstract.

**В. Д. ЕРМАКОВ**

**АНАРХИСТЫ НА ФРОНТАХ  
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ  
1917–1922 ГОДОВ**

Министерство культуры Российской Федерации  
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

В. Д. Ермаков

АНАРХИСТЫ НА ФРОНТАХ  
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ  
1917–1922 ГОДОВ

Санкт-Петербург  
СПбГИК  
2018

УДК 94(470)"1917/1922":329.285

ББК 63.3(2)612-543

Е69

Монография издается по решению Редакционно-издательского совета  
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Рецензенты:

Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, профессор гуманитарного факультета  
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

П. И. Талеров, кандидат исторических наук, доцент  
Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета  
«Высшая школа экономики»

**Ермаков, Владимир Дмитриевич**

**Е69** Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов / В. Д. Ермаков :  
М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург : СПбГИК,  
2018. – 272 с.

ISBN 978-5-94708-263-0

Российский анархизм как видная составная часть мирового анархического движения играл и играет заметную роль в современной политике. За период своего более чем полуторавекового существования в России он пережил многое: взлеты и падения, вплоть до почти полного забвения, возрождение и поиски своего места в общественной жизни страны. Наиболее заметным явлением российской политики анархизм стал в период Великих Российских Революций 1905–1907 и 1917 гг. Анархисты и их сторонники сыграли весьма заметную роль в основных событиях Гражданской войны 1917–1922 гг. Именно им и посвящена предлагаемая читателю книга. Монография адресована историкам, специалистам других социально-политических дисциплин, а также широкому кругу читателей для которых слово Родина, ее истоки и ее прошлое не является пустым звуком.

УДК 94(470)"1917/1922":329.285

ББК 63.3(2)612-543

ISBN 978-5-94708-263-0

© Федеральное государственное бюджетное  
образовательное учреждение высшего образования  
«Санкт-Петербургский государственный  
институт культуры», 2018

## Оглавление

Введение . . . . .	5
1. Российские анархисты в революционных событиях 1917 г. . . . .	11
2. Вооруженные конфликты Советской власти с анархистскими вооруженными отрядами в конце 1917 – весной 1918 г. . . . .	27
3. Взгляды анархистских идеологов на войну, армию и защиту завоеваний революции. . . . .	40
4. Действия анархистских дружин Черной гвардии и руководимых анархистами Красногвардейских отрядов на фронтах Гражданской войны. . . . .	61
5. Анархисты и революционный флот. . . . .	73
6. Роль и место анархистов в партизанско-повстанческом движении в стране. . . . .	100
7. Н. И. Махно и партизанско-повстанческое движение на Украине в 1918–1921 гг. . . . .	120
7.1. Современники о Махно. . . . .	120
7.2. Н. И. Махно и анархизм. . . . .	127
7.3. Социально-культурная политика анархистов на территории, контролируемой махновцами. . . . .	134
7.4. К вопросу о награждении Н. И. Махно орденом Красного Знамени. . . . .	153
Заключение: анархистское движение в стране после окончания Гражданской войны 1917–1922 гг. . . . .	166
Приложение 1. Биографии наиболее активных участников Гражданской войны из числа анархистов. . . . .	175
Приложение 2. Биографии Н. И. Махно и ближайших соратников. . . . .	218
Именной указатель . . . . .	260

Будем милосердны и благородны.  
Склоним головы перед светлой памятью  
павших за Родину, какого бы цвета знамена  
ни развевались над ними:  
они поступили так, как велела  
им совесть, и было бы в высшей степени  
справедливо воздать должное  
всем павшим за Россию в нашей  
столь кровавой и мучительно долгой  
гражданской войне.

Б. Васильев.

## Введение

В огромном пласте научной и публицистической литературы советских и российских исследователей, на наш взгляд, по-прежнему остается малоизученной проблема участия российских анархистов в военных событиях 1917–1922 гг. в составе различных воинских формирований Черной гвардии, красногвардейских отрядов, частей Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), матросских отрядах и партизанско-по-встанческом движении.

Советские историки по понятным причинам старались обходить эту тему, тем более что впоследствии практически все анархисты и сочувствующие им были признаны врагами Советской власти и репрессированы. Немногочисленные работы, в той или иной степени затрагивающие действия отдельных анархистов или отрядов, которыми они руководили, были идеологизированы и написаны в духе «борьбы большевистской партии с анархистской идеологией», «анархо-партизанщиной», «проявлениями анархистских тенденций» и т. д. Так было, и эта особенность советской исторической литературы об анархизме сегодня тоже стала историей.

Советская историография оставила нам не такое уж большое количество крупных работ по истории российского анархизма в XX в. в лице Я. Яковлева, Б. И. Горева, В. В. Комина, С. Н. Канева, М. Х. Худайкулова, Е. М. Корноухова [1], а также ряд статей таких авторов, как: С. Н. Канев, В. А. Кадейкин, Н. С. Ларьков, В. А. Клименко, А. В. Безрукова, В. И. Шипкин, А. П. Шурыгин и др. [2], посвященных рассматриваемым в монографии проблемам. В начале 1920-х гг. за рубежом вышли работы российских анархистов-эмигрантов, которые с иных позиций, чем в Советской России освещали и ход Гражданской войны, и роль анархистов в ней, и репрессии Советской власти против своих бывших союзников. Некоторое время в этом направлении активно работали А. Горелик, А. Комов, В. М. Волин, Е. З. Ярчук [3].

В дальнейшем, уже в постсоветское время в связи с более открытым допуском к архивохранилищам, российские историки значительно рас-



ширили масштабы исследований в изучении анархистского движения в стране. Вышли из печати сборники документов и материалов, наиболее видные представители анархизма и их различные издания, организации и течения анархической мысли появились на страницах российских, прежде всего политических, энциклопедий [4].

Под иным углом зрения стали выходить работы, посвященные отдельным представителям анархистского движения, принявших активное участие в событиях Гражданской войны. К изданным в советское время работам советских историков и публицистов: М. М. Моршанской, Е. П. Мара, Н. А. Барамидзе, М. Б. Церетели, В. Е. Кожевина, И. Е. Амурского, В. Н. Чемезова, Н. П. Егунова и др. [5] добавились публикации российских и украинских историков В. Д. Ермакова, В. Г. Оппокова, Я. В. Леонтьева, В. Чопа, В. А. Брошевана, Б. И. Беленкина, В. Савченко, Д. И. Рублева, Л. А. Юзефовича, И. Полонского, В. В. Кривенького, Е. Г. Малафеева, А. Н. Фуфыгина и др. [6].

Вышли в свет работы российских исследователей В. Д. Ермакова, Д. Б. Павлова, А. А. Штырбула, В. П. Сапона, П. И. Талерова, В. В. Кривенького и др., посвященные истории анархистского движения в стране в разные периоды времени, однако в той или иной степени затрагивающие период 1917–1922 гг., а также работа П. Эврича (P. Avrih), вышедшая за рубежом [7].

Ряд работ Д. Е. Бученкова, И. С. Ратьковского, П. Эврича, Д. М. Рублева, В. Г. Яценко, В. Я. Крестьянинова и др. были посвящены взаимодействию анархистов и большевистских органов власти в различных регионах страны в годы Гражданской войны. Особняком здесь (по глубине и качеству изучения вопроса) стоит работа А. А. Штырбула, посвященная действиям анархистов в Сибири на протяжении первой четверти XX в. [8].

Больше всего в отечественной и зарубежной, прежде всего, украинской, историографии написано работ о Н. И. Махно и махновском движении, а также о соратниках батько. Никто из участников (героев или антигероев) Гражданской войны 1917–1922 гг., даже в советское время, не получил столь пристального внимания, как батько Махно, о котором написаны тысячи работ, песен, стихов и т. д.

В далеко не полном библиографическом справочнике к 125-летию со дня рождения Н. И. Махно в Областной универсальной научной библиотеке имени М. Горького в г. Запорожье было представлено 1037 наименований работ, посвященных Махно и махновскому движению. Значительное их число указано в библиографическом словаре-справочнике

(составители В. Д. Ермаков и П. И. Талеров) за 2007 год [9] и в ряде историографических работах В. Д. Ермакова, И. Ю. Назарова и др. [10].

Анализ литературы, посвященной махновщине, не входит в канву нашей работы, обширный список наиболее значимых работ по этой теме перечислен ниже после краткой биографии Н. И. Махно. Однако следует особо подчеркнуть, что абсолютное большинство работ, посвященных махновскому движению и его лидеру носят литературный, публицистический характер, часто различные сведения об этом явлении переключаются из работы в работу без должного критического анализа, без ссылок на источник и т. д. Вероятнее всего, появится еще не одна работа, чтобы говорить о значительном раскрытии причин и следствий такого явления как махновщина.

Тема Гражданской войны 1917–1922 гг. неисчерпаема. В ее истории свое особое место занимают и представители анархистского движения, которые по-своему понимали и интерпретировали события, происходившие в стране. Они внесли определенный вклад в победу революционных сил в России и их имена и судьбы не должны быть преданы забвению. Хотя бы потому, что как писал писатель Б. Васильев «...в гражданской войне нет правых и виноватых, нет справедливых и несправедливых, нет ангелов и нет бесов, как нет победителей. В ней есть только побежденные – мы все, весь народ, вся Россия. Нельзя торжествовать победу, убив собственного брата, выгнав отца за пределы Отчизны и доведя сестру до панели» [11].

Автор выражает благодарность и признательность создателям Сайта <http://www.makhno.ru> (А. Дубовик, Ю. Кравец, А. Белаш) за собранные ими на протяжении многих лет сведения об участниках махновского движения на Украине в 1918–1921 гг.

Огромное спасибо и особую благодарность за профессиональные советы и помощь в написании данной работы автор выражает своему другу и коллеге П. И. Талерovu.

### Примечания

1. Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. М., 1921; Горев Б. И. Анархизм в России (От Бакунина до Махно). М., 1930; Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Канев С. Н. Борьба Коммунистической партии против анархизма (1917–1922 гг.). Л., 1970; Его же. Октябрьская революция и крах анархизма: Борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922 гг. М., 1974; Худайкулов М. Х. Большевики в борьбе с анархизмом в первые годы Советской власти. Ташкент,



1974; Он же. Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. Ташкент, 1984; Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981.

2. Канев С. Н. Крах русского анархизма // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 50–75; Он же. Советская историческая литература о борьбе большевиков против анархизма // Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений. Л., 1987. С. 168–179; Кадейкин В. А. Из истории борьбы Коммунистической партии против анархистских тенденций в партизанском движении // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР: сб. ст. Томск, 1975. С. 309–329; Ларьков Н. С. Историкография борьбы сибирских большевиков с анархо-эсеровским влиянием в партизанском движении в годы гражданской войны // Деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению масс в революционное движение и повышение их активности в строительстве социализма и коммунизма: сб. ст. Томск, 1977. С. 18–27; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг. М., 1978; Шишкин В. И. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919–1920 гг. // Классовая борьба в Сибирской деревне в период построения социализма: сб. науч. тр. Новосибирск, 1978. С. 3–38; Безрукова А. В. Банкротство анархизма на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 230–240; Шурыгин А. П. Борьба РКП (б) против непролетарских партий в Дальневосточной республике (1920–1922) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 220–227; Его же. Борьба коммунистов против анархистов и эсеров-максималистов в низовьях Амура // За Советский Дальний Восток–Владивосток, 1989. Вып. 4. С. 289–304 и др.

3. Горелик А. Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрес, 1922; Горелик А., Комов А., Волин В. М. Гонения на Анархизм в Советской России. Берлин, 1922. № 1; Ярчук Е. З. Кронштадт в Русской Революции. Нью-Йорк, 1923.

4. Политические деятели России 1917: биогр. слов. / гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: энциклопедия. М., 1996; Анархисты. Документы и материалы. 1889–1935 гг. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. В. В. Кривенький. М., 1999. Т. 1–2; Левый радикализм: полит. энцикл. / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М., 1999. Т. 1–2; Революция и Гражданская война в России 1917–1922: энциклопедия. М., 2008. Т. 1–4;

Революционная мысль в России XX – начале XX в.: энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев. М., 2013 ; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов / сост. А. В. Посадский. М., 2015 ; Вожаки и лидеры смуты 1918–1922 гг.: биограф. материалы / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2017 ; Россия в 1917 г.: энциклопедия. М., 2017.

5. Моршанская М. М. Иустин Жук: очерк его жизни и деятельности. Л., 1927 ; Матрос Железняк: сб. ст. / сост. Е. Мар. М., 1959 ; Мар (Высоцкий) Е. П. Человек из песни: рассказы о герое Гражданской войны Анатолии Железнякаве. М., 1963 ; Барамидзе Н. А. Герой гражданской войны Нестор Каландаришвили. Батуми, 1960 ; Церетели М. Б. Народный герой Нестор Каландаришвили: воспоминания соратника. Тбилиси, 1965 ; Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири: Н. А. Каландаришвили. 1876–1922. Улан-Удэ, 1967 ; Его же. Боевые соратники Каландаришвили. Улан-Удэ, 1975 ; Амурский И. Е. Матрос Железняков. М., 1968 ; Чемезов В. Н. Строд. Якутск, 1972 ; Егунов Н. П. Павел Балтахинов. Иркутск, 1979 и др.

6. Ермаков В. Д. «Маруся»: портрет анархистки // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 91–95 ; Оппоков В. Г. Лев Задов: смерть от бескорыстия: (повесть о махновце-чекисте). Петрозаводск, 1994 ; Леонтьев Я. В. Пасынок революции: Красная дьяволиада матроса Железняка // Родина. 1997. № 1. С. 58–64 ; Чоп В. Маруся Никифорова. Запорожье, 1998 ; Его же. Всеволод Волин – глава махновского культпросвета // Избранные труды Запорожских еврейских чтений. Запорожье, 2005. С. 369–382 ; Брошевван В. А. А. В. Мокроусов: жизнь в борьбе. Симферополь, 2000 ; Беленкин Б. И., Леонтьев Я. В. «Черная тень революции» (атаманша Маруся Никифорова) // Отечественная история. 2002. № 4. С. 169–178 ; Савченко В. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008 ; Полонский И. Константин Акашев – отец советской военной авиации // Военное обозрение. 2014. 14 августа ; Леонтьев Я. В., Рублев Д. И. Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина»... С. 31–40 ; Юзефович Л. А. Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии 1922–1923. М., 2015 ; Кривенький В. В., Малафеева Е. Г., Фуфыгин А. Н. Яков Тряпицын без легенд: новые данные о судьбе партизанского командира // Acta eruditum. СПб., 2018. С. 126–129 и др.

7. Ермаков В. Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX веков). СПб., 1996 ; Его же. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997 ; Павлов Д. Б.

Большевистская диктатура против социалистов и анархистов: 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. М., 2006 ; Штырбул А. А. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н. э. II тысячелетие н. э.). Омск, 2006 ; Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертариизм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород, 2008 ; Талеров П. И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е гг. СПб., 2016 ; Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018 и др.

8. Кронштадтская трагедия 1921 года: документы. М., 1999. Кн. 1–2 ; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в.: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Омск, 1996. Ч. 1–2 ; Бученков Д. Е. Нижегородские анархисты в 1918 году // Шестая нижегородская секция молодых ученых. Гуманитарные науки. Н. Новгород, 2001. Ч. 2. С. 66–70 ; Ратьковский И. С. Акции по разоружению анархистов в 1918 году // Политические партии России: прошлое и настоящее. СПб., 2005. С. 208–216 ; Его же. Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г. // Вестник СПбГУ-КИ. № 2 [23]. 2015. С. 24–31 ; Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007 ; Рублев Д. И. К вопросу о союзе леворадикальных сил в октябрьские дни 1917 г. // Октябрьская революция – известная и неизвестная. М., 2008. С. 61–80 ; Ященко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2008 ; Крестьянинов В. Я. Мятёжный Кронштадт. 1905–1917–1921. М., 2017 и др.

9. Ермаков В. Д., Талеров П. И. Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиогр. слов.-справ. СПб., 2007 ; Ермаков В. Д. Современная историография махновщины (1987–1991 гг.) // Актуальные проблемы политической истории России: источниковедение, историография, методология и методика преподавания. Брянск, 1992. Ч. 1. С. 30–32 ; Его же. Н. И. Махно в российской и украинской литературе последнего десятилетия (1997–2007) // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: сборник. СПб., 2008. С. 45–50 ; Назаров И. Ю. Махновское движение: историографический обзор // Наше Отечество. Страницы истории: сб. науч. тр. М., 2005. Вып. 2. С. 109–125 и др.

10. Васильев Б. Покаянные дни // Родина. 1990. № 1. С. 8.

## 1. Российские анархисты в революционных событиях 1917 г.

Первая мировая война 1914–1918 гг. расколола революционное движение в целом, в том числе мировой и российский анархизм. Ряд российских анархистов (И. И. Гроссман (Рошин), А. Ю. Гё, А. М. Шапиро и др.) отстаивали интернационалистские позиции, осуждая любые военные действия и войну как таковую. Их поддерживали известные анархистские лидеры разных стран: Л. Бертони, Ж. Грав, Э. Малатеста, Р. Рокер, Ф. Дамела-Ньювенгейс, Э. Гольдман и другие. До начала войны выдающийся российский теоретик анархизма П. А. Кропоткин также неоднократно заявлял о том, что для анархистов всегда важно безусловно отрицательное отношение к войне. Однако начавшая мировая бойня изменила его позицию. П. А. Кропоткин заявил о том, что считает главным препятствием на пути к освобождению человечества германский империализм, а значит Германия должна быть повержена во имя торжества социальной революции. Эволюция взглядов Кропоткина привела к расколу в мировом и российском анархистском движении. Впоследствии П. А. Кропоткин и его сторонники по отношению к войне получили прозвище «анархисты-оборонцы». Несмотря на определенный кризис в революционном и анархистском движениях, продолжение войны, огромные потери на фронте и лишения народов в тылу своих стран постепенно привели к оживлению политической активности представителей различных политических партий и движений, включая и российских анархистов. В 1914 г. анархистские группы действовали в 9-ти городах России, в 1915 – в 10-ти [1].

Это несколько расходится с данными В. В. Кривенького, который называет восемь городов в 1915 г. В 1916 г. по его данным действовало 15 анархистских организаций в семи населенных пунктах страны [2].

Особенно заметно оживление российского анархизма стало накануне Февральской революции 1917 г. По докладом Петроградского охранного отделения, представленного в департамент полиции в октябре 1916 г., в столице существовало и активно действовало «три автономных организации: в Выборгском, Невском и Московском районах и, кроме того, в начале текущего октября месяца отмечены попытки организовать в Озерках

четвертую группу объединенных анархистов и синдикалистов» [3]. Там же указывалось, что петроградские анархисты пытались установить связи с провинциальными анархистскими группами в Москве, Туле, Брянске, Харькове, Екатеринославе и Баку. По данным Е. М. Корноухова, в Петрограде в конце 1916 г. существовало пять анархистских групп [4].

Более крупные силы анархистов, чем в Петрограде, имелись в Москве. Накануне Февральской революции в ней действовало шесть групп анархистов: московская группа анархистов-синдикалистов «Авангард», группа железнодорожников, Северная группа анархистов-коммунистов, Сокольническая группа анархистов-коммунистов, Рогожская группа анархистов-коммунистов, Даниловская группа анархистов-коммунистов [5].

Кроме этих городов, как удалось установить автору, анархистские группы заявили о своем существовании в 12 городах Российской империи [6].

Сразу же после февральских событий 1917 г. резко усилилось влияние анархистов в армии и на флоте, в основном, в прифронтовых военных округах, где было сосредоточено большое количество солдат уже почти недееспособной Российской армии. Анархистские организации появились в Выборге, Кронштадте, Гельсингфорсе, Курске, Севастополе и других городах, а также в частях 12-й армии [7].

Сразу после Февральской революции 1917 г. стали создаваться легальные организации анархистов в Сибири. Они возникли в Иркутске, Томске, Чите, Черемхово. Основу этих организаций в Сибири составили анархисты, находившиеся в ссылке, а также политические ссыльные, возвращавшиеся в Россию через Сибирь из США, Австралии и других стран. Из анархистских организаций Сибири одной из самых активных и авторитетных была Иркутская федерация анархистов. Уже 10-го, а затем 12-го марта состоялись организационные собрания федерации на которых присутствовало до 40 анархистов разных течений и оттенков [8].

На протяжении 1917 г. российский анархизм превратился в серьезную политическую силу, ядро которой сосредоточилось в крупнейших городах страны. Виднейшую роль в организации анархистского движения в Петрограде и Москве играли вышедшие из заключения, а также вернувшиеся из эмиграции и ссылки П. А. Аршинов, В. В. Бармаш, А. А. Боровой, братья Абба и Владимир Гордины, И. Блейхман (Солнцев), Д. Новомирский, Л. Черный (Турчанинов), Г. Б. Сандомирский, А. А. Солонович, Г. П. Максимов, В. С. Шатов, В. М. Эйхенбаум (Волин), Е. З. Ярчук и другие, а также прибывший в Петроград из эмиграции в конце мая 1917 г. вождь российского анархизма князь П. А. Кропоткин. Только в мае-июне 1917 г. через один только Владивосток в Россию вернулось до 800 анархистов, социал-демократов и социалистов-революционеров [9].



Значительная активизация анархистов проявилась во время Апрельского кризиса Временного правительства в Петрограде, когда анархисты, используя этот кризис, вызванный нотой министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова, призвали население города, солдат и матросов, участвовавших в акциях протеста, к немедленному свержению правительства. Так, «21 апреля перед началом массовых манифестаций рабочих со стороны Садовой улицы к Адмиралтейству проехал грузовой автомобиль с лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Да сгинет капитализм, пулемет и булат сокрушат его!» [10].

В мае 1917 г. петроградскими анархистами были организованы и проведены две вооруженные демонстрации. Однако эти выступления анархистов значительного влияния на умонастроения большинства населения города не оказали [11].

Весной 1917 г. в Томске сформировалась большая группа анархистов, которая в дальнейшем создала Томский Союз объединенных анархистов (Лидеры: Е. Д. Ключев, Д. М. Третьяков и др.). Читинские анархисты под черным знаменем вышли на празднование 1 мая вместе с представителями других левых политических партий. Иркутские анархисты весной 1917 г. поставили вопрос об объединении анархистского движения в Сибири и организовали в Иркутске съезд анархистов Сибири, однако из-за отсутствия общего мировоззрения и в вопросах оценки лозунгов, выдвинутых революцией, участники съезда раскололись на различные группы [12].

Серьезной проблемой для анархистского движения Сибири в начале июня 1917 г. стало использование лидерами местных анархистов выпущенных Временным правительством по амнистии из тюрем и призванных в армию уголовников. В воинских частях Томского гарнизона амнистированные уголовники занялись грабежами, терроризировали население города. Попытка участников совещания руководителей всех общественных и политических организаций Томска навести порядок и отделить уголовников от солдат, не имевших никакого отношения к грабежам и другим противоправным действиям, закончилась трагедией. В ходе арестов в нескольких ротах местного гарнизона началась паника, погибло 22 человека из которых только 5 были уголовниками.

После расследования причин трагических событий специально созданной следственной комиссией, до 1000 бывших уголовников были вновь арестованы. Задержанными оказались и 67 гражданских лиц, включая и анархистов: Ключева, Ильиных, Третьякова, Сизова, Самойлюка. Местные власти приняли решение гражданских отпустить под поруительство двух лиц, а наиболее опасных выслать из Томского уезда.

После этого в городе установился относительный порядок, а грабежи практически прекратились [13].

Лидеры томских анархистов крайне негативно отреагировали на действия властей по наведению порядка в городе, продолжали и в дальнейшем, вместе с другими своими единомышленниками, возлагать особые надежды на люмпенско-уголовные элементы. Задействовать уголовников для привлечения их к различным акциям протеста в 1917 г. пытались анархисты Иркутска. Популярностью у них пользовались анархисты с уголовным прошлым Пережогин, Каландаришвили. Работу с уголовниками вели анархисты Красноярска, Читы, Черемхово. В связи с тем, что уголовники этих городов под прикрытием анархистских лозунгов неоднократно занимались грабежами и вымогательствами, лидерам местных анархистских организаций приходилось неоднократно через средства массовой информации официально заявлять о своей непричастности к противоправным действиям уголовников [14].

Началу новой волны активности петроградских анархистов в июньские дни способствовало их нападение на редакцию газеты «Русская воля». 15 июня «около 12 часов дня отряд вооруженных анархистов в количестве 50-ти (по другим данным 70-ти) человек во главе с секретарем федерации И. Блейхманом занял помещение редакции, конторы и типографии, поставил у ворот караулы и пулемет» [15]. Редактору газеты И. Блейхман (между прочим член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) заявил, что отряд будет занимать помещение редакции до тех пор пока «представители социалистических партий не выскажутся о дальнейшей судьбе этого предприятия» [16].

Дальнейшие действия анархистов были впечатляющими: «В типографии они отпечатали воззвание к рабочим Петрограда, в котором заявили, что «решили возратить народу его достояние и поэтому конфисковали типографию «Русской воли» для нужд социализма, анархии и революции» [17].

Для того чтобы разрешить возникший конфликт и успокоить разгоревшиеся страсти вокруг «Русской воли», Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов направил в типографию своих представителей. Анархисты впустили их в помещение, но обратно не выпустили, объявив заложниками, и стали требовать создания согласительной комиссии из представителей Совета, анархистов и социалистических партий. Такая комиссия вскоре была создана, но анархисты неожиданно отказались от ведения каких-либо переговоров. Тогда министр юстиции Временного правительства П. Н. Переверзев отдал приказ об аресте анархистов, захвативших типографию. Во главе с командую-

щим Петроградским военным округом генерал-лейтенантом П. А. Половцовым к типографии были посланы «две роты Егерского и Семеновского полков и сотня казаков. На переговоры с анархистами приехали члены Исполкома Петроградского Совета Гоц, Анисимов, Каменев. В результате переговоров анархисты согласились освободить помещение и сдать оружие, если им будет обеспечена личная неприкосновенность» [18].

Начальник городской милиции Д. А. Крыжанов в рапорте Начальнику Главного Управления по делам милиции сообщил, что «...оружие было принято членами милиции, причем винтовки из числа 39-ти штук были сданы на временное хранение Начальнику Штаба 1-й гвардейской запасной бригады, пулемет с шестью лентами к нему был передан в распоряжение Главнокомандующего. Все находившиеся в помещении анархисты были размещены на двух грузовых автомобилях и под эскортом сотни казаков отправлены в помещение Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов» [19]. Позднее при осмотре помещения типографии была обнаружена «грушевидная бомба», оставленная анархистами. Ее обезвредили [20].

Временное правительство попыталось выселить анархистов с дачи видного царского сановника, бывшего генерала П. П. Дурново. Под предлогом борьбы с анархистами правительство практически начало борьбу с рабочими организациями, т. к. кроме анархистов в помещении дачи Дурново находились рабочий профсоюз булочников, комиссариат рабочей милиции и рабочий клуб «Просвет». К тому же сад при даче служил для трудового народа Выборгской стороны местом отдыха. Ввиду этого попытка выселить анархистов была встречена в штыки рабочими Выборгской стороны. Так, уже 8 июня забастовало 28 заводов с 15 тыс. рабочих. Политическая ситуация в Петрограде накалилась до предела [21].

Используя сложившуюся ситуацию в своих интересах, анархисты организовали 9 июня на даче Дурново «конференцию представителей 95 заводов и воинских частей» [22].

Активно в это время вели себя и анархисты Кронштадта, стремившиеся принять живое участие в намечавшейся на 10 июня демонстрации в Петрограде. Однако в самый разгар демонстрации на Якорной площади стало известно, что руководство большевистской партии отменило проведение демонстрации. Это вызвало крайнее возмущение и недовольство у решительно настроенных рабочих, солдат матросов, особенно тех из их числа, кто относил себя к анархистам. Среди них выделялся Ш. А. Аснин.

Ярко описывает облик этого представителя анархистской братии И. Флеровский: «Аснин на трибуне был чрезвычайно живописен. Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взабой, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь

винтовка на которую Аснин опирался. Не помню лица, только черная клином борода врезалась в память. «Карбонарий», «заговорщик»... Даже масса затихла, увидев столь импозантную и редкостную фигуру» [23]. Однако Аснин оказался плохим оратором и эффект от его выступления оказался незначительным. Матросы под влиянием большевистских ораторов отказались от немедленного участия в демонстрации.

Узнав об отмене демонстрации, анархисты Петрограда решили провести ее самостоятельно. Развернув шумную пропаганду и собрав под свои «знамена» всех недовольных отменой демонстрации, анархистский «Временный революционный комитет» сумел привлечь на свои совещания делегатов от 150 заводов и воинских частей. Он назначил проведение демонстрации на 14 июня [24].

Но провести самостоятельно демонстрацию анархистам не удалось, и они приняли активное участие в состоявшейся 18 июня массовой 500-тысячной демонстрации в столице, прошедшей, в основном, под большевистскими лозунгами. В потоке демонстрантов анархисты особенно выделялись в колонне трудящихся Выборгской стороны, неся свое традиционное черное знамя с надписью «Смерть тиранам!». И это несмотря на то, что накануне демонстрации они заявили, что не собираются принимать в ней участие.

Во время проведения демонстрации группа анархистов во главе с И. Блейхманом, Ш. Асниным и И. Жуком напала вместе с сочувствующими им солдатами Гренадерского полка на «Кресты» и освободила из тюрьмы 7 человек, в том числе и редактора «Окопной правды» Ф. П. Хаустова [25].

Воспользовавшись этим обстоятельством, Временное правительство, несмотря на постановление Бюро Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, перешло к решительным действиям. 19 июня на дачу Дурново прибыл министр юстиции Временного правительства П. Н. Переверзев, прокурор Н. Каринский и генерал-лейтенант П. А. Половцов в сопровождении сотни казаков, батальона пехоты и броневика с требованием о выдаче освобожденных из тюрьмы. После получения отказа на даче был учинен настоящий погром: разбита вся мебель, выбиты окна и взломаны двери. Один из анархистов был убит и 59 арестовано [26].

Убитым оказался Ш. А. Аснин. Среди арестованных были не только анархисты с дачи Дурново, но и те, кто не имел ни малейшего представления о том, за что их арестовали, в том числе – руководители некоторых рабочих организаций Выборгской стороны и группа кронштадтских матросов, прибывших на дачу для того, чтобы дождаться утреннего катера. В числе последних находился известный на Балтийском флоте анархист-



коммунист Анатолий Железняков. В Петрограде и его рабочих пригородах действия Временного правительства вызвали серию акций протеста и демонстраций. Активность анархистов, их желание во что бы то ни стало вывести население Петрограда на улицу, особенно усилились в последние дни июня. «В саду дачи Дурново днем и ночью шли митинги с призывом подняться на свержение Временного правительства» [27].

Воспользовавшись тем, что 2 июля в Петрограде стало известно о провале организованного Временным правительством наступления на фронте, уже днем 2-го июля руководители Петроградской Федерации анархистов-коммунистов, получив сведения о сильном возбуждении масс, устроили тайное совещание на даче Дурново. Участники совещания решили мобилизовать всю организацию анархистов и призвать рабочих и солдат к вооруженному выступлению. В этом совещании участвовало 14 человек. Среди них были И. Блейхман (Солнцев), П. Колобушкин, Д. Назимов, П. Павлов, А. Федоров и другие. Анархистские призывы к немедленному выступлению против Временного правительства сыграли роль детонатора взрыва всеобщего возмущения населения Петрограда политикой продолжения кровавой бойни на фронте.

Наибольшую активность в столице России в это время проявляли солдаты 1-го пулеметного полка. Около 11 часов утра 3-го июля в помещении солдатского дома полка собралась группа солдат во главе с Я. Головиным, сочувствовавшим анархистам. Избранный председателем собрания, Я. Головин предложил выработать наказ полковому комитету на предстоящее заседание.

После выступления Я. Головина слово взял И. Блейхман, который от имени Петроградской федерации анархистов-коммунистов призвал пулеметчиков «...протестовать против войны и требование свое поддерживать демонстрацией, но не мирной, которая никакой цели не достигнет, а демонстрацией вооруженной. Он призывал взять власть в свои руки, помимо совета Солдатских и Рабочих Депутатов, из которых большинство на стороне буржуазии, он требовал реквизировать у буржуев деньги и продовольствие, захватить донецкие рудники, все заводы и фабрики, свергнуть Временное правительство и сделать все это немедленно» [28].

С подобными же требованиями выступили и другие присутствовавшие на митинге анархисты, а П. Голубушкин заявил даже, что будто бы Путиловский завод уже давно готов к вооруженному выступлению [29]. На митинге был избран Временный революционный комитет, куда вошли многие анархисты во главе с И. Блейхманом.

О том, как проходила Июльская демонстрация и о ее расстреле войсками, верными Временному правительству, хорошо известно, поэтому хотелось бы остановиться на малоизвестных событиях, происшед-



ших во время подготовки, в ходе, а также после разгрома демонстрации. К ним самое прямое отношение имели петроградские анархисты.

Так, накануне проведения демонстрации, 3 июля, пулеметчики 1-го пулеметного полка предприняли ряд действий, которые нельзя квалифицировать иначе, как восстание [30]. Ими в этот день в Петрограде был занят Финляндский вокзал, установлены караулы на станции Ланская, где пулеметчиками контролировалось движение поездов, проверялись документы пассажиров. Они также воспрепятствовали выведению автоброневым дивизионом своих бронемашин, которые ЦИК Советов хотел использовать для своей охраны. Несколько автомобилей с пулеметами появились у казарм верного правительству 9-го кавалерийского полка. Пулеметчики угрожали открыть огонь в случае враждебных действий со стороны кавалеристов. Кто организовал и провел эти операции, сказать трудно. Но можно вполне справедливо предположить, что здесь не обошлось без анархистов или им сочувствующим [31].

Помимо этих действий, пулеметчики отбирали у всех проезжающих по Выборгской стороне автомобили, устанавливали на них пулеметы и направляли в центр города. Ряд добровольцев-пулеметчиков встали в караул у ворот на ближайших перекрестках и у телефонов [32]. Этими действиями пулеметчики мешали пропуску в распоряжение полка всех посторонних, что позволило солдатам полка спокойно готовиться к проведению демонстрации.

3-го июля 16-я рота 1-го пулеметного полка вошла в Петропавловскую крепость, заняла арсенал и занимала его до 6 июля, не позволив никаким политическим партиям, воинским частям и группам получить даже минимальное количество оружия. Чтобы охранять демонстрантов от возможного нападения, солдатами 1-го пулеметного полка были выставлены броневые машины на Николаевском вокзале, Литейном проспекте, у Главного Штаба, на мостах между дворцом Кшесинской и Петропавловской крепостью.

4-го июля около 9 часов вечера петроградские анархисты захватили типографию газеты «Новое время», задержали выход очередного номера и напечатали воззвание, которое распространили в городе. Однако типография находилась в их руках меньше двух дней, т. к. ввиду начала репрессий со стороны Временного правительства против всех левых сил, включая и анархистов, последние были вынуждены сами оставить помещение типографии.

Интересным эпизодом Июльской демонстрации явился арест Виктора Чернова (в то время министра земледелия Временного правительства). Показания самого В. Чернова, а также поручика А. Яблонского, бывшего тогда помощником коменданта Таврического дворца, говорят о том, что арест был проведен анархистами [33], хотя Л. Д. Троцкий, способствовавший ос-

вобождению В. М. Чернова, утверждал, что «арест был произведен десятком субъектов полу-уголовного полу-провокаторского типа» [34].

Наряду с 1-м пулеметным полком, очень активно проявил себя в июльских событиях 1917 г. и Кронштадтский гарнизон. После того, как пулеметчики избрали Временный революционный комитет, делегации от полка были отправлены не только в воинские части Петроградского гарнизона, на заводы и фабрики, но и на предприятия в пригороды. В Кронштадт была послана делегация, в состав которой вошел анархист П. Павлов, а также пулеметчики Казаков и Кошелев. Возглавляла делегацию анархистка М. Никифорова [35].

3-го июля около двух часов дня эта делегация прибыла в Кронштадт. Не получив поддержки у Исполкома Кронштадтского Совета, делегаты решили обратиться непосредственно к матросам. В результате их агитации около 10 тысяч матросов и рабочих Кронштадта представляли Балтийский флот во время июльских событий в Петрограде.

Вместе с кронштадтцами большую активность в подготовке демонстрации проявил Ораниенбаумский гарнизон. В Ораниенбауме среди других частей города находился 3-й батальон 1-го пулеметного полка. Известно, что уже днем 3-го июля в город прибыла делегация от 1-го пулеметного полка, которая предложила 3-му батальону подготовиться «...к выступлению в вооруженном виде в гор. Петроград для свержения Временного правительства» [36]. Далее вопрос о выступлении обсуждался в Ораниенбаумском Совете Солдатских и Рабочих депутатов, который постановил наутро 4-го июля выступить с оружием в Петроград. Власть в городе оказалась в руках вооруженных солдат, которые установили контроль над важнейшими пунктами Ораниенбаума, встретив помощь и поддержку со стороны рабочих города.

В Сестрорешке сразу же после получения известия о событиях в Петрограде началась всеобщая забастовка рабочих оружейного завода. Заводские красногвардейцы заняли вокзал, телефонную станцию, курорт и другие пункты в городе. В Петроград была направлена делегация с наказом, требовавшим от Петроградского Совета и ЦИК немедленно взять власть в свои руки. В городе состоялась многочисленная демонстрация, проходили митинги и собрания. Солидарность с пулеметчиками проявили солдаты 176 пехотного полка (Красное Село) и 3-го пехотного полка (Петергоф) [37].

После расстрела Июльской демонстрации войсками, верными Временному правительству, начались репрессии против участников июльского выступления. Досталось и анархистам. 5 июля отряд добровольцев, инвалидов и кексгольмцев освободил от анархистов помещение редакции газеты «Вечернее время» [38]; 7 июля юнкера школы прапорщиков Северного

фронта заняли дачу Дурново [39]; 9 июля был разгромлен клуб анархистов, помещавшийся на 5-й линии Васильевского острова в доме № 68 [40].

События, происходившие в столице оказали значительное влияние и на политические события в Сибири и на Дальнем востоке. Во Владивостоке в июле 1917 г. анархисты во главе с бывшими политическими эмигрантами Двигомировым (Вороной) и Черновым-Чернобаевым, получив известие о происшедших в Петрограде событиях, призвали солдат местного гарнизона к вооруженному выступлению. Однако далее публикации анархистского воззвания с призывом к восстанию и попытке захватить типографию газеты «Дальний Восток» дело не пошло [41].

Более масштабные события, вошедшие в историю как «Иркутский солдатский бунт 20–21 сентября 1917 г.», произошли в г. Иркутске. По утверждению А. А. Штырбула, «еще задолго до корниловского мятежа в некоторых частях иркутского гарнизона под влиянием анархистов начала назревать мысль о вооруженном выступлении» [42].

Влияние анархистов на солдат иркутского военного гарнизона было практически безраздельным. Они возглавили стихийное движение солдат. 17 сентября ими был созван многочисленный митинг солдат на Тихвинской площади города. На нем было провозглашено образование «Беспартийного союза взаимопомощи солдат» (БСВС). От имени анархо-коммунистических групп «Возрождение» и «Хлеб и Воля» солдат приветствовали их лидеры Гейцман и Ерыгин. На митинге была провозглашена Декларация в которой содержались путаные и не до конца понятные требования к Временному правительству. После митинга состоялось шествие толпы солдат к анархистскому клубу «Хлеб и Воля», где солдатам торжественно было вручено черное знамя [43].

После того, как 19 сентября БСВС постановил не исполнять приказов своих командиров, не выходить на занятия и не отправлять маршевых рот до выполнения всех требований, в гарнизоне прошли многочисленные аресты революционно настроенных солдат. В ответ на аресты начались волнения солдат в 9-м, 11-м и 12-м стрелковых полках. Прибывший в казармы 12-го полка командующий войсками Иркутского военного округа подпоручик эсер А. А. Краковецкий был арестован солдатами и посажен на гауптвахту. Эти действия солдат местного гарнизона привели к началу репрессий. С помощью верных властям воинских частей, юнкеров, применявших пулеметы и орудия, сопротивление солдат было сломлено. Город был объявлен на военном положении. За ним последовало разоружение всего Иркутского гарнизона, за исключением казаков и юнкеров. Среди восставших потери составили по одним данным до 400 участников событий [44], по другим – 1 солдат был убит, двое ранены, 180 солдат были арестованы [45].

Российские анархисты в период между Февралем и Октябрем 1917 г. проявляли большую политическую активность и нетерпение в поисках верного пути выхода из политического, военного, национального, социального и экономического кризисов, в которых находилась Россия. Борьба с капитализмом, внутренней и внешней политикой Временного правительства, по-прежнему, несмотря на разобщенность анархистских сил (в стране накануне Октября действовало 40 различных анархистских организаций) [46] оставалась стратегическим направлением сторонников безвластного коммунистического общества.

События Октября 1917 г., как известно, не только «потрясли мир», но и стали самым заметным «рубцом» на «теле истории» XX в. Октябрьский переворот был делом рук не только большевиков. Против Временного правительства выступили и левые эсеры, и анархисты, и другие революционные силы. Анархисты В. С. Шатов, Г. Богацкий, И. С. Блейхман, Ф. П. Другов и Е. З. Ярчук вошли в состав образованного 12 [25] октября 1917 г. Петроградского военно-революционного комитета, подавляющую часть членов которого составляли большевики [47]. В одной из своих работ Д. И. Рублев сообщил о том, что «...в состав Петроградского ВРК в период вооруженного восстания 24–26 октября 1917 г. входили лидеры и активисты ведущих организаций петроградских анархистов (от ПФАГ (Петроградской Федерации анархистских групп – прим. В. Д. Ермакова.)) – анархо-коммунисты И. С. Блейхман, И. П. Жук, К. В. Акашев, Ф. И. Другов; от Союза анархо-синдикалистской пропаганды В. С. Шатов и Х. З. Ярчук; от Союза независимых анархистов – Г. М. Богацкий» [48]. При этом Д. И. Рублев не указал на источники, которые бы подтвердили его утверждение.

В. П. Сапон утверждает, что «документально подтверждено участие в ВРК анархистов-синдикалистов В. Шатова и Е. Ярчука, анархиста-коммуниста И. Блейхмана, независимого анархиста Г. Богацкого (последние двое вошли в «штаб восстания» уже после свержения Временного правительства), анархиста-индивидуалиста Ф. П. Другова. Кроме того, по свидетельству А. Р. Вильямса и Дж. Рида, членом ВРК являлся еще один анархист – член завкома Обуховского орудийного завода Н. М. Петровский» [49].

В. П. Сапон приводит следующие аргументы по поводу членства Н. М. Петровского в составе Петроградского ВРК: «В упомянутом выше списке членов ВРК фамилия Петровского не значится, однако можно предположить, что список не является полным» [50]. Весьма неубедительные, даже, на наш взгляд «странные» аргументы приводит В. П. Сапон. Никаких документальных данных о том, что членом Петроградского ВРК был И. П. Жук, о котором говорил выше Д. И. Рублев, нет. Любопытны «воспоминания» Ф. П. Другова, написанные более чем через десятилетие после



известных событий Октября 1917 г. и перепечатанные в 1990-х гг. в газете питерских анархистов «Новый свет» [51]. Так называемые «воспоминания» Ф. Другова не выдерживают никакой критики. Вот некоторые выдержки из них: «Маруся (так в тексте – В. Д. Ермаков.) Спиридонова... попросила меня войти в Петроградский Военно-Революционный Комитет»; «...после переговоров с Лениным я был введен в ПВРК»; «председатель ПВРК Дзержинский предложил мне поехать к Зимнему дворцу...»; о «штурме» Зимнего: «Я взял на себя командование»; в Зимнем: «У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами... привычным движением распахивали перед каждым дверь»; «Передо мной стала задача охраны Зимнего» и т. д. и т. п. Надо ли подобного рода «воспоминания» комментировать!

В вышедшей в свет в 2018 г. в весьма основательной и интересной работе В. В. Кривенького об участии анархистов в работе Петроградского ВРК говорится следующее: «Учитывая, что до сих пор отечественная историография не определила точное количество членов Петроградского ВРК (от 32 до 104), укажем поименно представителей анархистов в этом центральном органе Октябрьской революции. В него входили: анархо-синдикалисты – В. С. Шатов, Х. З. Ярчук, анархисты-коммунисты – И. Х. Ш. Блейхман, И. П. Жук, К. В. Акашев, независимый анархист Г. М. Богацкий» [52]. При этом В. В. Кривенький не сослался ни на один источник, чтобы подтвердить свои данные.

Представители анархистов были в составе Военно-революционных комитетов в ряде других городов страны: Орла, Одессы, Тулы, Смоленска, Бежицы, Екатеринодара (ныне г. Краснодар), Екатеринослава (ныне г. Днепр), Торжке, Ржеве [53], а также в районных, заводских и фабричных ВРК [54]. И хотя ни в одном из этих Военно-революционных комитетов анархисты численно не преобладали, однако они принимали самое активное участие в свержении власти Временного правительства во многих районах страны.

Сообщение одного из лидеров Петроградской Федерации анархистов-коммунистов И. Блейхмана от 28 октября 1917 г. в Петроградский ВРК о том, что «по подсчету представителей фабрик, заводов и районов, количество членов около 18 тыс. товарищей, готовых к боевому участию 500 и более...» [55] не нашло документального подтверждения. И хотя сами анархисты писали, что «не нужно забывать, что среди 250 жертв октябрьской революции было 16 анархистов» [56] – эти данные также не подтверждаются имеющимися фактами, так как по подсчетам, убитых во время октябрьских событий в Петрограде было не более 10–15 человек, раненых 50–60 человек с обеих сторон [57]. Имена наиболее известных анархистов – участников октябрьских событий история нам сохранила. И сделали они в октябрьские дни немало.



Одну из ключевых ролей во взятии Зимнего дворца сыграл анархист К. В. Акашев, который, будучи комиссаром Временного правительства в Михайловском артиллерийском училище, сумел вывести две батареи училища вместе с юнкерами из расположения Зимнего дворца. Если бы не находчивость и смекалка К. В. Акашева (а против ухода артиллерийских батарей были и юнкера, и многие высшие чины в Зимнем), ряды наступавших на дворец красногвардейцев, солдат и матросов понесли бы большие потери. На практике же, последний оплот Временного правительства в столице был взят без серьезного сопротивления обороняющихся и малой кровью. Трудно сейчас даже представить себе, что могло бы произойти со зданиями дворца и хранящимися в них уникальными культурными ценностями, если бы толпы восставших, стремившихся захватить Зимний были бы встречены бьющим в упор артиллерийским огнем, что, естественно, вызвало бы немедленный, и, вероятно, не менее мощный ответ артиллерии восставших как с судов Балтийского флота, территории Петропавловской крепости, так и с близлежащих улиц [58].

В период подготовки большевиками вооруженного выступления Кронштадтским Советом была создана военно-техническая комиссия, активную роль в которой играл анархист Е. З. Ярчук. Он был также назначен членом походного штаба по оперативному руководству кронштадтским десантом [59], а позже вошел в состав Петроградского ВРК. В октябрьские дни комиссаром Центробалта на эскадренном миноносце «Деятельный» был анархист П. М. Скурихин. Анархисты А. Г. Железняков, Э. А. Берг, А. В. Мокроусов и уже упомянутый Е. З. Ярчук были комиссарами отдельных революционных отрядов балтийских моряков [60].

Были анархисты и среди красногвардейцев Петрограда. В частности, они входили в состав красногвардейского отряда завода «Русский Рено» [61], в отряды Красной гвардии Василеостровского, Невского, Шлиссельбургского и Выборгского районов [62]. Наибольшим уважением среди красногвардейцев города пользовался анархист-коммунист И. П. Жук, возглавлявший в октябрьские дни Красную гвардию Шлиссельбургского порохового завода [63].

Активно участвуя в октябрьских событиях 1917 г., российские анархисты на власть не претендовали и в процессе усиления большевистской диктатуры к концу 1917 – началу 1918 гг. разделились как бы на три четко выраженные части: первая из них продолжала активно сотрудничать с большевиками (многие из числа этих анархистов вступили затем в ряды большевистской партии или погибли в годы Гражданской войны в борьбе за власть Советов); вторая часть, в лице некоторых анархистских лидеров и их немногочисленных сторонников (В. М. Волин, Г. П. Максимов,

В. Л. и А. Л. Гордины, Л. Черный и другие разрабатывавшие идею «третьей революции», вскоре превратилась в ярых противников большевиков; третья же группа сторонников анархистских взглядов (она была самой малочисленной) заняла колеблющуюся, нейтральную позицию.

### Примечания

1. С. Н. Канев указывает на то, что анархистские группы действовали в 8-ми городах страны. См.: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922 гг.). М., 1974. С. 258.
2. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: энциклопедия. М., 1996. С. 213.
3. Красный архив. 1926. Т. 4 [17]. С. 34.
4. Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981. С. 85.
5. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 322.
6. Там же ; Корноухов Е. М. Указ. соч. С. 85 ; Политическая каторга и ссылка: биограф. справ. членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934. С. 635.
7. Якупов Н. М. Борьба за армию в 1917 г. М., 1975. С. 41.
8. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в.: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Омск. 1996. Ч. 1: 1900–1918. С. 135–136.
9. Пак В. Земля вольной надежды: Тревожные годы Приморья (1917–1922 гг.). Свидетельства эпохи. Владивосток, 2013. С. 7.
10. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября // Из истории борьбы большевистской партии против оппортунизма. М., 1966. С. 284.
11. Там же.
12. Штырбул А. А. Указ соч. С. 136.
13. Там же. С. 142–143.
14. Там же. С. 143–144.
15. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков... С. 284.
16. Там же. С. 287.
17. Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969. С. 141.
18. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков... С. 287.
19. ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 54.
20. Там же. С. 55.
21. Залесская Ф. Июньская демонстрация 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 6 (65). С. 145.
22. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков... С. 280.

23. Флеровский И. Июльский политический урок // Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 66.
24. Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.: Л., 1927. С. 173.
25. Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков... С. 150.
26. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков... С. 294–295.
27. Кузина Л. А. Из истории борьбы большевиков против анархистов в период подготовки Октябрьской революции // Ленин. Партия. Октябрь. Л., 1967. С. 138.
28. Июльские дни в Петрограде // Красный архив. 1927. № 23. С. 14.
29. Корноухов Е. М. Деятельность партии большевиков... С. 299.
30. Стулов П. М. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // Красная летопись. 1930. № 3 [36]. С. 109.
31. Там же. С. 110.
32. Там же. С. 112.
33. Женевский А. Арест В. Чернова в июльские дни 1917 г. // Красная летопись. 1926. № 6 [21]. 71, 73.
34. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М.: Л., 1925. С. 128–129.
35. Из архивных материалов о июльских днях 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5 [17]. С. 271–272.
36. Большевизация Петроградского гарнизона: сб. материалов и док. Л., 1932. С. 144.
37. Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г.: Протоколы. М., 1979. С. 503–504.
38. Дрезен А. К. Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 3. С. 209.
39. Там же. С. 213.
40. Марочкин Г. И. На Васильевском острове в 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 1 [22]. С. 102.
41. Безрукова А. В. Банкротство анархизма на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 232–234.
42. Штырбул А. А. Указ. соч. С. 149.
43. Там же. С. 150–151.
44. Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск. 1962. С. 416–417.
45. Штырбул А. А. Указ. соч. С. 151.
46. История политических партий России. М., 1994. С. 216.
47. Петроградский ВРК. Документы и материалы: в 3 т. М. 1969. Т. 3. С. 663–664.
48. Рублев Д. И. К вопросу о союзе леворадикальных сил в октябрьские дни 1917 г. // Октябрьская революция – известная и неизвестная. М., 2008. С. 79.
49. Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород, 2008. С. 281.
50. Там же.

51. Другов Ф. Анархисты в Петербурге в 1917 г. «Дача Дурново» // Пробуждение. 1932. № 23–27.

52. Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в. С. 269.

53. Цыпкин Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции. М., 1980. С. 48 ; Минц С. Совет рабочих депутатов в Одессе // Летопись революции. 1927. № 4 [25]. С. 104 ; Октябрьский переворот в Туле. Тула, 1924. С. 3 ; Даиян М. Смоленск в революции 1917 г. Смоленск, 1927. С. 33 ; Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 52 ; Сергеев В. Н. Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов-на-Дону, 1979. С. 113 ; Борьба за Советы на Екатеринославщине: сборник. Днепропетровск, 1927. С. 121 ; Сапон В. П. Указ. соч. С. 73.

54. РГВА. Ф. 106. Он. 1. Ед. хр. 8. Л. 123 ; Год борьбы. М.; Л., 1925. С. 212–213 ; Десять лет: сб. материалов Ю. О. К. Сокольников к 10-летию Окт. Революции. М., 1927. С. 46, 75, 81 ; Борьба за Советы на Екатеринославщине. С. 121, 163 ; Шиндилов Н. А. Октябрь на Амуре. Установление Советской власти в Амурской области, март 1917 – апр. 1918 гг. Благовещенск, 1973. С. 144–179 и др.

55. Петроградский ВРК. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 272.

56. Протоколы Первого Всероссийского съезда анархистов-коммунистов. 25–28 дек. 1918 г. М., 1918. С. 22.

57. Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений: докт. период. Л., 1987. С. 179.

58. Гальперин Ю. Первый главком // Огонек. 1987. № 44. С. 10–11 ; Троцкий Л. Моя жизнь // Юность. 1990. № 10. С. 18.

59. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917–1918. М.; Л., 1963. С. 474.

60. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1977. С. 457.

61. Сазонов И. К. Об октябрьских днях 1917 г. // Каторга и ссылка. 1932. № 11–12. С. 112.

62. Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918). М.; Л., 1965. С. 300.

63. Моршанская М. Иустин Жук. Л., 1927. С. 36.

## **2. Вооруженные конфликты Советской власти с анархистскими вооруженными отрядами в конце 1917 – весной 1918 г.**

Максимально используя своих политических союзников-анархистов, а также представителей других революционных партий в февральские и октябрьские дни 1917 г., большевики, придя к власти, стали проявлять все большую нетерпимость в отношении сторонников свободы личности и антигосударственности. Рост анархистских настроений, в основном стихийного характера, среди значительного числа городских деклассированных элементов, а также рабочих, солдат и матросов бывшей царской армии и флота, таил в себе серьезную опасность для большевистского руководства, стремившегося к усилению своего влияния в стране и к укреплению позиций своей партии. Постепенно на протяжении нескольких месяцев конца 1917 – начала 1918 г. от политики лояльности и терпимости по отношению к анархистам, большевики перешли к арестам их лидеров, закрытию анархистских газет и журналов, разгрому центров так называемого «анархо-бандитизма». На руку своим политическим противникам играли и сами анархисты, практически не обращавшие внимание на качественный состав пополнения своих рядов. Лишь с немногими анархистами и военными отрядами, сформированными анархистами и находившимися под их влиянием, большевики сотрудничали, да и то в основном в начальный период Гражданской войны.

После октября 1917 г. примитивно понятые и вульгаризированные идеи М. А. Бакунина о бунте и П. А. Кропоткина о немедленном переходе к безвластию были взяты на вооружение многими примкнувшими к движению после свержения царизма анархистами, в большинстве своем слабо или совсем не подготовленными теоретически. Это незамедлительно привело к проникновению в анархистское движение массы люмпенов и полууголовных элементов, понимавших анархизм как хаос, вседозволенность, полное отсутствие дисциплины. Это компрометировало анархистское движение и его лидеров, однако терпимость идейных анархистов к пополнявшим их ряды случайными лицами не исчезла.



Странное, если не сказать больше, отношение анархистов к дисциплине, признаваемой в теории, да и то расплывчато, а на практике в основном отрицаемой, приводило анархистское движение в годы Гражданской войны к серьезным осложнениям, вызывавшим резкое падение престижа, или, говоря современным языком, имиджа российского анархизма.

М. А. Бакунин считал, что «известная дисциплина, не автоматическая, но добровольная и продуманная, прекрасно согласуется со свободой индивидов, необходима и всегда будет необходима, когда многие индивиды, свободно объединившись, предпримут какую-нибудь работу или какие-либо коллективные действия» [1]. Уже в этом высказывании основоположника российского анархизма много неясности. В эпоху же Гражданской войны, когда встал вопрос о несколько иной, воинской дисциплине, его последователи еще больше запутались в теоретизировании по этому поводу.

После прихода к власти большевики весьма ревностно следили за вооружением как своих врагов, так и союзников, включая анархистов. На просьбы последних о вооружении их для борьбы с контрреволюцией (анархисты не имели возможности собрать и организовать, в силу ряда причин, крупный отряд своих сторонников) отвечали: «Анархисты, как группа быть вооружаемы не могут. Вооружаются только эшелоны...» [2]. В связи с этим между анархистами и большевиками постоянно возникали конфликты. Неоднократные обращения анархистов за разъяснением к местным органам власти, почему им не выдают оружие, ничем, как правило, не заканчивались [3].

Многие анархисты взяли на вооружение лишь те лозунги движения и его идеологов, которые были им выгодны, как, например, такой тезис П. А. Кропоткина: «Пусть каждый берет сколько угодно всего того, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить» [4]. Естественно, в период Гражданской войны не приходится говорить ни о каком изобилии, равно как и о разделении того, чего явно не хватает на всех. В связи с этим многие анархисты и лица, выдававшие себя за анархистов, а таких в смутное революционное время появилось в стране достаточно много, стали присваивать себе то, что им не принадлежало, естественно, не считаясь с мнением гражданского населения и местных властей. Это привело к целой серии вооруженных выступлений и конфликтов российских анархистов с пришедшими к власти большевиками, которые прокатились в конце 1917 – весной 1918 г. практически по всей стране.

Уже в ноябре 1917 г. было проведено разоружение анархистов, захвативших здание коммерческого клуба в Екатеринбурге [5]. В декабре того же года коменданту Харькова Саенко пришлось применить во-

йска против анархистов, захвативших под свой штаб дом на Пушкинской улице [6]. В том же месяце для пресечения действий матросов 2-го Флотского экипажа в Петрограде пришлось привести в боевую готовность Волынский и Егерский полки, личный состав которых поддерживал большевиков [7]. Разоружение анархистских отрядов местными органами Советской власти с помощью красногвардейских отрядов было проведено в январе – начале февраля 1918 г. в Самаре и Каменском [8].

Значительные силы красногвардейцев были направлены на подавление анархистских выступлений на многих рудниках и в городах Донбасса и юга Украины. Анархисты пытались укрепить свои позиции в Луганске, Юзовке, Мариуполе, Макеевке и других местах. При этом местные органы власти, стоящие на стороне большевиков, вынуждены были вступить в конфликт с анархистскими отрядами, прибывшими в Донбасс в декабре 1917 – начале 1918 г. под предлогом борьбы с А. М. Калединым. Личный состав этих отрядов состоял в основном из бывших матросов и солдат царской армии [9].

В марте 1918 г. серьезные анархистские выступления против проводимой большевиками политики произошли в Бежецке, Воронеже, Екатеринославе, Николаеве. При этом действия анархистов в Бежецке были вполне законными, поскольку они пришли к власти в городе после работы 5-го Чрезвычайного съезда Советов, прошедшего в марте 1918 г. На нем были избраны в состав Исполкома и возглавили его анархисты Зуев, Алексеев и другие. Только в июле 1918 г. коммунистам города удалось, используя ошибки анархистов в проводимой ими политике, взять власть в свои руки, образовав в противовес законно избранной власти собственную Чрезвычайную комиссию и Военно-революционный комитет [10].

Пик вооруженных анархистских выступлений в стране против укрепившейся большевистской диктатуры пришелся на апрель – май 1918 года. Однако следует говорить скорее не о реальных выступлениях и мятежах, подготовленных и проведенных анархистами, а, прежде всего о стремлении большевиков устранить военные формирования во многих городах страны одного из своих политических противников, с представителями которого еще совсем недавно, в период захвата власти, они тесно сотрудничали, активно борясь против политики Временного правительства.

Самыми впечатляющими по своим масштабам действия анархистов и разоруживших их большевиков были события происшедшие в Москве, ставшей после переезда туда в январе 1918 г. Советского правительства столицей революционной России. В Москву направились и многие анархисты, а также вооруженные отряды Черной гвардии. По данным И. С. Ратьковского «анархистское движение на тот период в Москве на-

считывало в своих отрядах около двух тысяч человек, большая часть из которых входила в созданный 31 января 1918 г. Л. Черным, М. Крупениным, В. Бармашем и А. Гординым «Совет Московской Федерации анархистских групп (МФАГ). Анархистская Федерация включала в себя 50 самых различных анархических групп и отрядов: «Авангард», «Автономия», «Анархо-синдикалисты», «Борцы», «Буревестник», «Буря», «Братство», «Граком», «Коммуна», «Лава», «Лесма», «Независимые», «Немедленные социалисты», «Смерч», «Студенческая группа», «Ураган» и многие другие. Позднее к ним присоединился Самарский партизанский отряд и ряд других более мелких отрядов. Также в столице находилось много анархистских групп, не подконтрольных МФАГ» [11].

Главным штабом московских анархистов являлся особняк (ранее в нем находился московский купеческий клуб) на малой Дмитровке, д. 6, ставший для москвичей «Домом Анархии». Он находился под охраной нескольких пулеметов и горного орудия. Всего же анархисты экспроприровали в городе 25–26 особняков в самом его центре и к началу апреля 1918 г. практически захватили в тактическое кольцо Кремль. При этом они никак не реагировали на требование Моссовета освободить захваченные ими здания [12].

По мнению В. П. Сапона, необходимо учитывать «то обстоятельство, что анархистские „гнезда“ представляли собой не только импровизированные арсеналы, казармы и партийные штабы, но и центры массового политического просвещения, пропаганды и развлечений, которые местная публика посещала с большей охотой, нежели скучные большевистские „храмы“» [13].

Ряд особняков, формально находившихся в ведении анархистского руководства, стали использоваться антисоветским подпольем и, прежде всего, савинковским «Союзом защиты Родины и Свободы» (СЗРиС).

Например, по воспоминаниям белогвардейского генерала К. Гоппера, тесно связанного с эсером Б. Савинковым «...к началу апреля у нас было около 60–70 человек, размещенных под видом анархистов» [14]. Упоминая об этих событиях, А. Ветлугин передал свою беседу с одним из офицеров иностранной державы, рассказавшей ему, что вызванный в апреле 1918 г. «интерес, возбуждаемый анархистами, был столь велик, что возможности использовать их организации для борьбы с Советской властью уделил целую главу в докладе своему правительству английский консул; французский же генерал Леверна через третьих лиц предлагал анархистам своих офицеров в качестве инструкторов» [15].

И у ВЧК, по воспоминаниям Я. Х. Петерса, появились сведения о том, что в ряде занятых особняков под видом анархистов в Москве жи-

вут белогвардейские офицеры [16]. В условиях все более увеличивавшихся случаев правовых нарушений со стороны анархистов, усилением криминализации Москвы, что было непосредственно связано с деятельностью местных анархистов и в связи с их угрозой вооруженного выступления против Советской власти, ВЧК перешло к решительным мерам по пресечению противоправных действий анархистов.

При этом формальным поводом к данному решению Ф. Э. Дзержинского послужили: реквизиция 26 марта 1918 г. по подложному ордеру Моссовета с последующей продажей анархистами во главе с Ф. С. Горбовым запасов опия у товарищества «Кавказ и Меркурий»; дело Кебурье, ограбившего большой состав бывшего Всероссийского Земского союза и скрывшегося в одном из анархистских особняков, а также угон 9 апреля группой московских анархистов автомобиля, принадлежавшего полковнику Реймонду Роббинсу, представителю американского Красного Креста [17].

В начале апреля Ф. Э. Дзержинский вызвал к себе коменданта Кремля матроса Балтики П. Д. Малькова и поручил ему изучить подходы к особнякам, занятым анархистами. Он выполнил это поручение вместе с командиром латышского подразделения П. Берзиным и комиссаром Э. Озолем. На расширенном заседании ВЧК совместно с представителями военного ведомства, районов и учреждений Москвы был рассмотрен и утвержден план разгрома анархистских сил. К операции привлекались отряды ЧК, воинские части Московского гарнизона, 1-й автоброневого отряд ВЦИК и латышские стрелки из охраны Кремля (4-й Видземский полк). Основу вооруженных сил ВЧК составил отряд левого эсера Попова, прибывший из Финляндии, который после операции превратился в специальный отряд ВЧК [18].

Начало выступления было назначено в ночь с 11 на 12 апреля. Слабое сопротивление анархистов практически повсеместно было быстро подавлено превосходящими силами чекистов и солдат, однако ожесточенное сопротивление оказали защитники «Дома Анархии» на Малой Дмитровке, в «Доме независимых» на Поварской улице д. 9 и в соседнем д. 7, в особняке Цейтлина, а также на Донской улице в доме Н. Д. Банкетова. При разоружении анархистов было убито и ранено не менее 30 (по другим данным – 40) человек. Арестовано от 500 до 800 человек, причем многие из их числа были вскоре освобождены. Среди арестованных было много уголовников, в том числе и каторжане, судимые за неоднократные грабежи и убийства (около 70-ти человек) [19].

Красноармейцы и чекисты потеряли ранеными и убитыми 10–12 человек. Небольшое ранение в руку получил и Ф. Э. Дзержинский, принимавший участие в освобождении от анархистов одного из особняков. По



данным В. А. Клименко, после разоружения анархистов преступность в Москве снизилась на 80%. Идейные анархисты составили среди арестованных лишь 5% [20].

После разоружения анархистских отрядов в столице в савинковской газете «Свобода» член «Союза защиты Родины и Свободы» И. Л. Соколов заявил, что «первый удар нашему делу был нанесен большевиками ликвидацией анархистов в Москве, так как несколько групп анархистов стали уже вполне нашими» [21].

На разгром анархистов в Москве откликнулся Петроградский «Буревестник»: «Вы Каины. Вы убили ваших братьев. Вы и Иуды, предатели. Ленин возводит свой октябрьский трон на наших костях. Теперь он отдыхает и «переводит дыхание» на наших мертвых телах, на трупах анархистов. Вы скажете, что анархисты разгромлены. Но это всего лишь наши июльские дни, с 3-го по 6-е. Наш Октябрь еще впереди» [22].

Разоружение анархистских отрядов Черной гвардии, арест многих руководителей и рядовых участников анархистского движения в апреле-мае 1918 г. произошли также в Витебске, Вологде, Воронеже, Екатеринбурге, Курске, Ростове-на-Дону, Мелитополе, Орле, Петрограде, Саратове, Елабуге, Смоленске, Екатеринославе, Самаре, Сызрани, Царицыне, Тамбове, Иркутске, Евпатории и в ряде других населенных пунктах страны [23].

По сведениям А. А. Штырбула, сибирские анархисты крайне негативно отреагировали на апрельские события в Москве и в других городах европейской части страны, где были проведены операции по разоружению анархистских отрядов Черной гвардии, уничтожению их штабов и мест дислокации. «Газета «Бунтовщик» опубликовала передовую статью «Гонение на анархистов», в которой томичи осуждали действия большевиков и предупреждали, что скоро волна репрессий дойдет и до Томска. Черемховские анархисты в телеграмме Советскому правительству в ответ на насилие власти угрожали «объявить беспощадную борьбу». Нечто подобное содержалось в телеграмме читинских анархистов Совнарком от 15 апреля 1918 г.» [24].

Члены Вологодской Северной Федерации анархистов-коммунистов в своем заявлении от 27 июля 1918 г. на имя большевистского Чрезвычайного Революционного Штаба потребовали вернуть им отобранное у них оружие и предоставить помещение для издания анархистской газеты, а также прекратить преследование анархистов. На что Чрезвычайный Революционный Штаб Вологды им ответил: «...по поводу указанного заявления отказать, ввиду того, что со времени разоружения группы анархистов-коммунистов отношение их к Советской власти не только не изменилось, но, судя по выступлениям их представителя Федорова на митингах, стали



носить характер весьма резкой борьбы против Советской власти, ...никаких репрессий в отношении анархистов-коммунистов не предпринимается и в частности издание печатного органа им не запрещено, <...> ввиду обостренного жилищного вопроса и в связи с прибытием Беломорского Военного Округа, для которого требуется масса помещений, удовлетворить указанное требование не представляется возможным» [25].

В последующие месяцы 1918 г. анархистские выступления состоялись лишь в некоторых городах страны и не представляли серьезной угрозы для большевиков. В июне анархисты выступили в Самаре и Воронеже [26], в июле многие анархисты приняли участие в событиях так называемого «Мятежа левых эсеров» в Москве [27].

Российские анархисты и их лидеры страстно протестовали против действий органов Советской власти и неоднократно обращались за пониманием, сочувствием и помощью к населению. Вот, например, как призывно звучало обращение к народу Брянской федерации анархистов, выпущенной в июле 1918 г.:

«Вставай народ!

Социал-вампиры пьют твою кровь!

Те, кто раньше призывал к свободе, равенству и братству, творят страшное насилие!

Заклоченных расстреливают без суда и следствия и даже без их «революционных» трибуналов...

Большевики стали монархистами...

Больше нет ни свободы речи, ни свободной прессы, ни свободы совести. Всюду только кровь, стоны, слезы и насилие...

Ваши враги в борьбе с вами призвали на помощь голод...

Пора подниматься, народ! Уничтожим паразитов, которые мучают нас!

Уничтожим всех, кто подавляет нас!

Сами создадим свое счастье... никому не доверяйте свою судьбу...

Вставай, народ! К анархии и коммунам!» [28].

В конце августа – начале сентября 1918 г. местная ЧК разгромила анархистские организации Брянска и Мглины, предупредив тем самым, как было заявлено властями, вооруженные анархистские заговоры и мятежи в этих городах [29].

Вполне вероятно, что питерские анархисты, пытаясь спасти после разоружения их отрядов хотя бы часть имевшегося прежде в их распоряжении имущества, позволявшего им издавать различную печатную продукцию, в сентябре 1918 г. решили вывезти часть денег и ценности за границу. Члены Первой издательской коллегии Союза пропаганды анархистских идей Петрограда, которым принадлежали книжный склад

завода «Рапид», другие помещения, решили отправить в Стокгольм некоторые ценности и 25 тысяч крон якобы для закупки машин для завода. При этом анархисты также утверждали, что их эмиссар тов. Магомет-Бек Хаджет-лаше был делегирован одновременно в Алжир, Марокко и Индию для пропаганды там анархистских идей. Из этой затеи у анархистов ничего не получилось, т. к. резолюция на их заявлении Председателю Совета Комиссаров Северной Областной Коммуны тов. Зиновьеву гласила: «Конфискованная сумма перевозилась тайно в двойном дне чемодана и по постановлению т. Урицкого конфискована безусловно» [30].

ЧК Петрограда в октябре 1918 г. послала распоряжение в Вытегрскую Чрезвычайную комиссию с требованием разоружить местных анархистов. Этот акт стал, вероятно, последним среди большевистских действий по разоружению анархистских организаций в городах страны [31].

Однако не все анархистские отряды Черной гвардии и отдельные анархисты так бесславно сдались властям под нажимом преданных большевикам отрядов Красной гвардии и воинских частей. Среди них были и непримиримые враги Советской власти.

Самыми известными среди таковых оказались так называемые «анархисты подполья» – организация, возникшая летом 1919 г. в Москве и ставившая своей задачей активную террористическую деятельность в борьбе с Советской властью. Официально она называлась «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» или «Всероссийская организация анархистов подполья». Во главе ее стояли Петр Соболев и Казимир Ковалевич, установившие тесный контакт с группой левых эсеров и их руководителем Донатом Черепановым.

Вполне вероятно, что «анархисты подполья» были связаны с Н. И. Махно и получали от него финансовую поддержку. По крайней мере П. Соболев и К. Ковалевич были у «батьки» и просили у него денег, однако получили не столько сколько им хотелось. Были они связаны и с М. Никифоровой, квартиру которой в Москве они использовали в своих целях, точнее они снимали квартиру на Арбате на ее имя и также общались с нею у Махно.

Денег у «анархистов подполья» на закупку оружия, динамита и боеприпасов не хватало, поэтому целью первых их экспроприаций стали банки. В течение августа 1919 г. подпольная анархистская организация провела ряд удачных экспроприаций в Москве, похитив 12 августа 52 504 руб. в отделении Народного банка на Долгоруковской улице; 18 августа операция по изъятию банковских средств у государства закончилась еще большим успехом, и «анархисты подполья» «прихватили» 803 197 руб. в другом отделении того же банка на Большой Дмитровке. В Туле на патронном заводе 29 августа им удалось похитить 3 480 000 руб. [32].

Получив столь значительные средства, «анархисты подполья» сняли ряд дач, обзавелись «явками», конспиративными квартирами. На даче в поселке Красково под Москвой они оборудовали типографию и лабораторию взрывчатых веществ, превратив дачу в свою штаб-квартиру. Они намеревались осуществить целый ряд террористических актов, а один из них – взрыв здания Совнаркома – приурочить ко второй годовщине Великого Октября и VII съезду Советов. Они предприняли ряд попыток проникнуть в Кремль, изучали распорядок дня и места проведения правительственных заседаний. Командированные по их заданию в Брянск лица доставили в Москву несколько сот килограммов взрывчатки [33].

В период действия своей организации (в нее входило до 30 человек) «анархисты подполья» помимо активной подготовки террористических актов, занимались и издательской деятельностью, успев выпустить в свет 4 прокламации «Медлить нельзя», «Правда о махновщине», «Извещение», «Где выход», а также два номера органа Всероссийской Московской организации «анархистов подполья» газеты «Анархия». Во втором номере этого издания они напечатали «Декларацию анархистов подполья», поставив одной из главных для себя задач «организацию нового безвластного общества», «организацию динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками, и организацию массового движения» [34]. В первом номере «Анархии» они называли «диктатуру большевиков худшей тиранией в истории человечества» [35].

«Анархисты подполья» прекрасно понимали, что, выпустив ряд листовок и программу, они тем самым заставили многократно усилить их поиски органами ВЧК, поэтому лидеры организации поставили перед собой цель-максимум – взрыв Кремля и уничтожение большевистского руководства во главе с В. И. Лениным. Однако вскоре у Д. Черепанова возник план взрыва дома в Леонтьевском переулке, где должно было состояться совещание виднейших членов большевистской партии вместе с главой Советского правительства. Это, естественно, сделать было значительно проще, т. к. в этом особняке до убийства левыми эсерами графа Мирбаха (посла Германии в России)\* находились левозсеровские организации. Д. Черепанов не раз бывал в этом доме, а затем двухэтажный особняк стал местом заседаний Московского комитета РКП (б). Руководители «анархистов подполья» план одобрили, и взрыв за очень короткое время был подготовлен.

25 сентября 1919 г., пробравшись к зданию, П. Соболев бросил бомбу, начиненную динамитом и нитроглицерином, в зал, где проходило собрание актива Московской организации ВКП (б). Взрыв огромной мощности привел к большим жертвам. В результате этого террористического акта, целью которого было устранение В. И. Ленина (но он по

какой-то причине на собрание не приехал), оказалось убито 12 человек, включая секретаря Московского комитета РКП (б) В. М. Загорского. 55 человек получили ранения и контузии, среди них видные деятели большевистской партии А. Ф. Мясников (Мясникян), М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский и другие. Здание было полностью разрушено. Непосредственное участие в этом террористическом акте принимали шесть человек: Соболев, Барановский, Гречанинов, Николаев, Глазгон и Черепанов [36].

В результате активных розыскных действий ВЧК вскоре удалось установить причастность к взрыву «анархистов подполья» и выйти на их штаб-квартиру в Красково. Понски террористов ускорились и из-за того, что у арестованных по этому делу вскоре узнали о подготовке анархистами 7 ноября ряда новых взрывов в Москве, а до проведения праздника оставалось всего два дня. Были арестованы Цинципер, Гречанинов и другие. Ковалевич и Соболев были убиты в перестрелке с чекистами [37].

Попытка небольшого чекистского отряда численностью в 30 человек захватить дачу Горина где скрывались анархисты не увенчалась успехом. Засевшие в ней шесть анархистов встретили штурмующих залпами из револьверов и взрывами ручных гранат. Перестрелка продолжалась около двух с половиной часов. В дальнейшем, видя безвыходность своего положения, «анархисты подполья», отказавшись сдаваться, взорвали себя и дачу. Количество приготовленных анархистами взрывчатых веществ было столь велико, что здание взлетело на воздух, а во время продолжавшегося около четырех часов пожара неоднократно происходили взрывы.

Завершение операции по уничтожению организации «анархистов подполья» ВЧК провела в Туле, Подольске и Брянске, арестовав и обезвредив находившихся там членов этой организации, занимавшихся сбором и хранением оружия и боеприпасов. В Одинцове под Москвой был ликвидирован и склад динамита. По постановлению МЧК восемь оставшихся в живых участников террористической группы «анархистов подполья» (А. Восходов, А. Барановский (Попов), М. Гречанинов, Ф. Николаев, А. Домбровский, П. Исаев, Х. Цинципер, Л. Хлебныйский) были расстреляны. Д. Черепанов был приговорен к ссылке в Сибирь, где вскоре умер от тифа [38].

Можно с прискорбием для российских анархистов констатировать тот факт, что они стали по сути первыми из числа союзников большевиков в период захвата ими власти в октябрьские дни 1917 г., на кого обрушилась десница укрепляющейся большевистской диктатуры. Многочисленные анархистские дружины, отряды Черной гвардии и другие вооруженные группы практически во всех городах страны где власть находилась в руках большевиков, в основном, весной 1918 г. были разо-

ружены. При этом анархисты и их сторонники практически не смогли оказать органам Советской власти серьезного сопротивления. Лишь немногочисленные противники большевиков из числа непримиримых анархистов продолжили борьбу с установившейся в стране диктатурой РКП (б). Однако на флоте и особенно в партизанско-повстанческом движении, анархисты и их сторонники вплоть до окончания Гражданской войны продолжали борьбу за создание бесклассового общества.

### Примечания

1. Бакунин М. Избранные сочинения. М., 1922. Т. 2, С. 21.
2. ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 15.
3. Там же. Л. 16; ЦГА СПб. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 24.
4. Цит. по: Пирумова Н. Мятежный князь // Аргументы и факты. 1990. 6 окт. (№ 40).
5. Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты: сборник. Екатеринбург. 1921. С. 41.
6. Харьков в 1917 г.: Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции. Харьков, 1957. С. 33.
7. Канев С. Н. Петроградские большевики организаторы борьбы рабочих с анархической контрреволюцией в 1917–1918 гг. // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг.: сб. ст. М., 1986. С. 145–146.
8. Троцкий Л. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: (Хроника событий). Самара, 1929. Т. 2. С. 14–16; Борьба за Советы на Екатеринославщине. С. 154–155; Рассказывают участники Великого Октября: сб. воспоминаний. М., 1957. С. 436–437.
9. Лукьянов Х. Ф. Красная армия Донбасса. Сталино, 1958. С. 40.
10. За власть Советов!: воспоминания участников революционных событий в Тверской губернии. Калинин, 1957. С. 203–208; Большевики Воронежских заводов в борьбе за социализм: сборник. Воронеж, 1933. С. 36, 84; За власть Советов: сб. воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 гг. Воронеж, 1957. С. 72; Сидлин А. Боевая рабочая... Воронеж, 1976. С. 109–134; Борьба за Советы на Екатеринославщине. С. 198; Аверин В. От корниловских дней до немецкой оккупации на Екатеринославщине // Пролетарская революция. 1927. № 11 (70). С. 168; Страницы борьбы: очерки и материалы по истории революционного движения в Николаеве. Николаев, 1923. С. 173; Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине (февраль 1917 – март 1918 гг.): сб. док. и материалов. Николаев, 1957. С. 261 и др.
11. Ратьковский И. С. Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 2 [23]: июнь. С. 25.
12. Там же; Сапон В. П. Указ. соч. С. 81; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920. М., 1978. С. 156.
13. Сапон В. П. Указ. соч. С. 81.
14. Гоппер К. Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 1920. С. 238.



15. Генкин И. И. Среди преемников Бакунина: (Заметки по истории российского анархизма) // Красная летопись. 1927. № 1 [22]. С. 185.

16. Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10 [33]. С. 8.

17. Ратьковский И. С. Указ. соч. С. 26 ; Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006. С. 194.

18. Клименко В. А. Указ. соч. С. 169 ; Ратьковский И. С. Указ. соч. С. 27 ; Сапон В. П. Указ. соч. С. 82.

19. Клименко В. А. Указ. соч. С. 162 ; Ратьковский И. С. Указ. соч. С. 28–29 ; Эврич П. Русские анархисты. С. 194.

20. Клименко В. А. Указ. соч. С. 162.

21. Известия. 1921. 29 мая.

22. Цит. по: Эврич П. Русские анархисты. С. 194.

23. Правда. 1918. 26 апр.; 1 мая ; Известия. 1918. 1 мая; 12 мая ; За власть Советов: воспоминания вологодских большевиков. Вологда, 1957. С. 35 ; Мальков В. М. На Северном плацдарме: очерки из истории борьбы за Советский Север в 1918–1920 гг. Вологда, 1963. С. 29 ; Кляцкин С. М. Рождение Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Исторический журнал. 1941. № 7–8. С. 31–32 ; Кизрин И. Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. Воронеж, 1933. С. 79 ; Глебов Л. Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (март 1917 – декабрь 1918 г.). Курск, 1952. С. 127–128 ; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: сб. док. и материалов. Курск, 1957. С. 189–197 ; Курск в революции: сб. материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск, 1927. С. 109 ; Октябрь 1917 г.: сб. ст. и воспоминаний. Ростов-на-Дону, 1921. С. 42 ; Орджоникидзе З. Г. Путь большевика: (страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе). М., 1967. С. 206–209 ; Сергеев В. Н. Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов-на-Дону, 1979. С. 109 ; Генкин И. И. Среди преемников Бакунина. С. 185 ; Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1968. С. 197 ; За власть Советов!: воспоминания участников революционных событий 1917 г. в Саратовской губернии. Саратов, 1957. С. 126 ; Назаров А. Ф. В бурях рожденная. Саратов, 1968. С. 55 ; Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии: сб. ст. Смоленск, 1957. С. 63 ; За власть Советов!: воспоминания участников борьбы за власть Советов в Нижегородской губернии. Горький, 1967. С. 52–53 ; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967. С. 236 ; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии: док. и материалы. Самара, 1957. С. 457 ; Генкина Э. Приезд т. Сталина в Царицын // Пролетарская революция. 1936. № 7. С. 70 ; За Советскую власть: сб. воспоминаний участников революционных событий в Царицыне. Волгоград, 1957. С. 63 ; Водолагин М. А. Красный Царицын. Волгоград, 1967. С. 77 ; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб., 2006 ; Сапон В. П. Указ. соч. ; Ященко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2008 ; Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в. и др.

24. Штырбул А. А. Указ. соч. С. 181.

25. ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Ед. хр. 16. Л. 4.
26. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. С. 414 ; Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Воронеж, 1928. С. 67–68.
27. Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 409.
28. Цит. по: Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. С. 196–197.
29. Петроградская правда. 1918. 12 сент. ; Известия. 1918. 21 авг.; 2 сент. ; Октябрь на Брянщине: сб. док. и воспоминаний. Брянск, 1957. С. 225 ; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России, 1917–1920 гг. М., 1968. С. 171 ; Gladkov T. Остаюсь чекистом!: о герое Советского Союза Д. Н. Медведеве. М., 1987. С. 28 ; Правда. 1918. 14 сент. и др.
30. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 162–168.
31. Там же. Л. 104.
32. Клименко В. А. Указ. соч. С. 164.
33. Там же.
34. Красная Книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 331.
35. Цит. по.: Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. С. 198.
36. Клименко В. А. Указ. соч. С. 164–165.
37. Там же. С. 167.
38. Там же. С. 168.

\*Вильгельм фон Мирбах-Харфф, граф, дипломат. В декабре 1917 – марте 1918 г. участвовал в советско-германских переговорах в Брест-Литовске. С апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. Убит левыми эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. Андреевым 6 июля 1918 г. по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией. Убийство германского посла послужило сигналом к началу восстания левых эсеров против их бывших союзников по Октябрьской революции 1917 г. – большевиков.

### 3. Взгляды анархистских идеологов на войну, армию и защиту завоеваний революции

Некоторые лидеры российских анархистов встретили захват власти в стране большевиками как возможный переход к следующей – анархистской революции. На страницах «Буревестника» Братья Гордины писали следующее: «Революция, устроенная большевиками, есть революция именно не социальная, а социалистическая, то есть революция непоследовательности, уступничества жизни, но не доведенная до конца, до логически жизненных пределов. Для нас потому и ясно, что за этой, второй революцией неминуемо последует третья» [1].

В условиях социальных потрясений, вызванных событиями октября 1917 г. идейные анархисты не желали запятнать себя действиями, вызванными реалиями начавшихся в стране сложных социально-политических процессов: «Чистый идейный анархизм должен отмежеваться от всякого рода эксцессов, погромов, хулиганства и избегать отвратительных приемов демагогии, клеветы, грубых ругательств, к которым прибегают в настоящее время все политические партии в борьбе за власть» [2].

Некоторые анархисты, несмотря на тесное сотрудничество с большевиками в период двух российских революций 1917 г. не питали никаких иллюзий насчет союза с ними в будущем. А. Ге писал по этому поводу: «Пока большевики не поддались вправо, пока они еще продолжают вести борьбу – борьбу не бумажную только, а фактическую – с контрреволюцией и буржуазией, – мы будем бить вместе с ними, даже будучи их идейными противниками. И мы открыто заявляем об этом. Но мы выступим открыто, опираясь на массы, также и против большевиков, когда они сами остановятся и захотят насильно остановить дальнейшее развитие революции. Врозь с большевиками идти, но вместе с ними бить, пока они продолжают бить направо, – такова наша общая тактика в настоящее время по отношению к буржуазии» [3].

Представители анархистских организаций в армии и на флоте, в частности группа Гельсингфорских анархистов, возненавидев идущую уже на протяжении нескольких лет войну, требовали на страницах газеты «Буревестник»: «Немедленно прекратить международную бойню, именуемую

войной. Распустить по домам армию и флот и, тем самым, уничтожить постоянную армию и флот, как таковую, и на будущее время; армия и флот должны быть распущены в полном вооружении, вплоть до пулеметов, снаряды же и орудия подлежат переработке на предмет выделки сельскохозяйственных машин и других предметов, полезных народу...

Армия и флот, распущенные по домам, должны быть обуты и одеты, для чего экспроприруются все торгово-промышленные предприятия, а также интендантские склады, со всем находящимся в них имуществом» [4].

То же самое требование: «Армия и флот должны быть распущены в полном вооружении, вплоть до пулеметов» [5], гельсингфорские анархисты опубликовали в газете «Рабочее знамя». Это же требование прозвучало и на страницах анархо-синдикалистского «Голоса Труда», считавшего, что «раз начавшись, демобилизация должна вестись и дальше» [6].

Однако разворачивающиеся в стране события, вызванные усилением проявлений Гражданской войны и начавшейся иностранной военной интервенцией, потребовали от анархистов перестраивать свою работу на организацию отпора всем врагам революции:

«На встречу бандам буржуазии всего мира, на них и против них мы, анархисты, тебя, народ, призываем. Скорей же! Сегодня или завтра будет уже поздно! Дай же отпор насильникам, ты, воин революции. Не дозвожь же издеваться над собой. Скорей за оружие! И да будет твоим знаменем завет лучших сынов народа: жить в свободе, умереть в борьбе! К нам, в наши ряды! В ряды беспощадных борцов за революцию! За анархию! За коммуны! Вперед!» [7].

После выхода в свет декрета СНК от 15 января 1918 г. об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Бр. Гордины в своем программном документе «Декларация. Первый Центральный Социотехникум», обращаясь к населению страны, заявили следующее:

«Пора понять, что Анархия придет не чрез слабосилие: не чрез разложение и дезорганизацию. Анархия придет не чрез беспорядок свободной конкуренции, не чрез групповщину, Анархия придет не чрез расхлябанность интеллигентщины, а чрез железо и мощь высокоорганизованного пролетариата и других организованных угнетенных коллективов современного общества. Анархия придет и чрез технически усовершенствованную армию...

Власть – это дезорганизация, власть это беспорядок. Анархия – это сверхорганизация и сверхпорядок. Социалистическое государство это лишь порядок по сравнению с дезорганизацией свободной конкуренции буржуазного строя, но сам беспорядок по сравнению с высшей, но вольной концентрацией-специализацией Анархии.

Не через партизанские отряды, а через технически обставленную армию придет Анархия.

Красная армия только тогда станет черной, анархической, когда красное знамя побледнеет перед мощью сверх дисциплины, перед нашим абсолютным непринуждением и все же образцовейшим порядком» [8].

После того, как войска Германии и стран Четверного союза в феврале 1918 г. перешли в наступление на Восточном и других фронтах, предъявив Советской России жесткий ультиматум, анархисты повсеместно стали призывать своих сторонников к отпору врагу. На страницах газеты «Анархия» в обращении «К оружию!» прозвучал призыв к созданию анархистских вооруженных отрядов:

«В ком течет кровь революционера, в ком бьется львиное сердце борца, кто горд душой и тверд духом возмущения – станьте на защиту революции.

Образуйте боевые анархические дружины, станьте под черное боевое знамя, в складках его живет смерть и мщение врагам народа, и в белых знаках его обитает счастье, жизнь и воля угнетенных.

Станьте под черное знамя и творите чудо победы.

С нами правда, станьте силой.

Раздайся громовой клич, развейся знамя: К оружию! На врагов свободы.

Если мы не заключили договора с победой, то мы заключили договор со смертью.

Пусть знают все посягнувшие на нашу волю, что путь к рабству, к закрепощению пойдет по нашим трупам, а путь к свободе и воле проложим по трупам врагов.

Наша война не война народов, а борьба угнетенных с угнетателями. Горе угнетателям.

Бьет последний роковой час. Пусть сильнее грянет зов. К оружию!

Встаньте на защиту своей свободы!

Мы разбили оковы Николая, мы не оденем оковы Вильгельма.

Мы согнули нашу буржуазию, мы сокрушим и европейскую буржуазию и ее хищнические шайки, разрушим узел дипломатических затей.

Мы хотим победить, мы должны победить – и мы победим.

С нами Правда, с нами будет и сила. Встаньте на защиту свободы. К оружию!

Развейся черное знамя – смерть врагам» [9].

По вопросу о Брестском мире сибирские анархисты, в большинстве своем, поддерживали всех противников заключения «похабного мира» с Германией, включая левых эсеров, «левых коммунистов» и др. На тер-



ритории Сибири из числа добровольцев стали формироваться «международные пролетарские партизанские отряды», которые должны были быть отправлены на германский фронт и для действий на оккупированной войсками Четверного союза территории. Б. З. Шумяцкий, бывший председатель Центросибири, сформировал отряд, в основном из числа анархистов, однако до фронта он так и не доехал. Командир же отряда предпочел остановиться в Омске.

В своем выступлении в Хабаровске 6 июля 1918 г. анархист-коммунист И. Гейцман, являвшийся представителем комиссариата иностранных дел Центросибири, на совещания представителей сибиряков и дальневосточников, посвященном координации совместных действий против вооруженных сил белых и интервентов, заявил о том, что надо было придерживаться непризнания мирного договора с Германией, чтобы на этом основании умиротворить страны Антанты и не допустить их вмешательства в дела России. Категорически отвергая Брестский мир, анархисты Читы и Черемхово выдвигали ультиматум и угрожали Совнаркому объявить беспощадную войну Советской власти, если мир не будет расторгнут [10].

Совет Московской Федерации анархических групп на своем заседании 5 марта 1918 г. рассмотрел вопрос об организации боевых дружин (Черной гвардии). В ходе состоявшейся дискуссии «... выяснилось, что черная армия должна быть организована на федеративных началах, причем первоначальными ячейками являются заводские группы, на местах объединенные в районные группы, сообщающиеся через посредство центрального штаба... В задачи черной армии должна входить как борьба за идеалы анархизма с контрреволюционерами России, так и с контрреволюционным выступлением германских белогвардейцев. В своей борьбе черная армия должна руководствоваться общими принципами анархического движения, для чего должен быть выработан договор, обязательный для принимающего его члена армии» [11]

На страницах «Анархии» в марте 1918 г. в статье Александра «Черная гвардия» было сформулировано следующее положение:

«...Черная гвардия признается федерацией революционных анархистских отрядов, ставящей себе задачей самую широкую деятельность, направленную к завоеванию важнейших прав народов, и постоянную борьбу с международной контрреволюцией и действующей в настоящее время в контексте с революционной Красной армией, поставленной с ней в одинаковые материальные и боевые условия, для чего организуется комиссия, которая делегирует своих представителей в штаб Красной армии.

Организационная комиссия, считая себя временной до утверждения согласием всех босвиков, разбивается немедленно же на следующие от-

делы: 1. Хозяйственный; 2. Оружейный; 3. Информационный (связь, информация, секретариат); 4. Инструкторский.

Хозяйственная комиссия немедленно же организует общежития по боевым группам и озабочивается обеспечением их продовольствием и обмундированием.

Оружейная комиссия получает, приводит в боевую готовность и распределяет по группам и отдельным боевикам оружие.

Информационная комиссия организует отдел связи между всеми, большевиками, революционными отрядами и группами. В ее задачу входят самая широкая боевая информация и установление контакта боевых действий. В ее ведение входит также и секретариат Черной гвардии.

Инструкторская комиссия организует все анархические группы, создавая специальные курсы под руководством инспекторов и конструируя боевые группы на местах, а также пропагандируя идеи боевого анархизма» [12].

На протяжении марта-апреля 1918 г. на страницах «Анархии» неоднократно публиковались объявления, заявления и призывы к созданию отрядов Черной гвардии. При этом Штаб Черной гвардии указывал, что прием боевиков в Черную Гвардию производится по рекомендации или: 1) Местных групп; 2) Трех членов Федерации; 3) Фабрично-заводских комитетов; 4) Районных Советов, ежедневно, с 10 до 2 часов дня, в помещении дома «Анархия» (Малая Дмитровка, 6) [13].

В Совете Федерации московских анархистских групп были определены задачи по организации Черной гвардии: «Черная гвардия не должна принимать на себя задачи Красной гвардии, как то: обыски, аресты и т. д. Формирующиеся отряды должны отправляться немедленно на фронт по своему назначению» [14].

Естественно, как и в других своих программных документах, российские анархисты не были едины. Это относится и к вопросу об отношении к Красной армии и к защите Советской власти. Говоря о защите Советской Республики, анархисты Москвы в газете «Свободная коммуна» писали: «Таких „отечеств“ мы не защищаем. Мы сначала уничтожим у себя буржуазный порядок, сначала установим Царствие коммунизма, а затем только наденем на себя военные доспехи» [15].

Критикуя действия Советского правительства по прекращению империалистической войны и заключению Брестского мира, сибирские анархисты считали необходимым отдать инициативу по установлению мира в руки матросских и солдатских организаций, утверждая, что «...они лучше, вернее и скорее всяких дипломатов организовали бы настоящий мир – справедливый и вечный» [16]. Этому же требовала в своем воззвании от 25 января 1918 г. и Воронежская группа анархистов-коммунистов: «Товарищи

рабочие, устраивайте мир сами, не дожидаясь приказов и согласия какого бы то ни было начальства. Братайтесь, устраивайте мир без посредничества властей. Мир солдата с солдатом, полка с полком и т. д.» [17].

Ряд анархистских лидеров на страницах некоторых органов печати выступали в поддержку создания РККА. «Вольный труд», журнал анархо-синдикалистов, в начале 1918 г. писал, что «усилив энергичную пропаганду идеи повстанческих дружин, агитацию против регулярной Красной армии временно отложить, как метод борьбы сейчас в условиях российской действительности непригодный» [18].

Анархист Добровольский на 1-й Московской областной конференции Рабочей Красной гвардии 20 января 1918 г. в своем выступлении заявил: «Мы считаем, что должна быть создана Рабочая Красная армия, армия революционная, преданная делу, признающая власть Советов» [19].

Видный деятель анархистского движения А. М. Шапиро подготовил резолюцию Петроградского «Союза анархо-синдикалистской пропаганды Голос Труда» на Второй Всероссийской конференции анархо-синдикалистов, состоявшейся в Москве в период с 25.11 по 1.12.1918 г. И хотя она не была одобрена делегатами форума, она отражала позицию ряда представителей анархо-синдикалистов в стране:

«О Красной армии».

Принимая во внимание, что всемирный империализм готовит поход на предвестницу всемирного восстания – русскую социальную революцию.

Что русская буржуазия, при помощи европейских бандитов, вот уже год, как терзает измученное тело России, героически защищаемой рабочими и крестьянами.

Что организация вооруженной силы – основная задача Советской России, ибо героическая защита революции воодушевит западно-европейский пролетариат и послужит важным фактором разложения реакционных армий Запада:

Что, с другой стороны, принудительная мобилизация идет вразрез с принципом свободы и автономии труда:

Что принуждение создает вредную иллюзию количественной силы, понижает качество армии, затемняет свободный порыв к защите революции и подготавливает готовую организацию, вооруженную контрреволюционную силу в лице насильно мобилизованных, возглавленных чисто реакционным командным составом:

Что единственной формулой борьбы с государственно-механическим принципом является разъяснение массе глубинного, всемирного смысла Октябрьской революции, создание добровольного мотива глубоко осознанного стремления к вооруженной защите социальной революции:

Вторая Всероссийская Конференция анархо-синдикалистов убеждена, что передовые товарищи отважной воодушевленной борьбой на фронте покажут и докажут. Что в деле борьбы с внешним врагом свободный мотив целесообразнее властного приказа;

Таким образом, государственно-механический момент будет изжит изнутри, в борьбе с реакцией, тогда как бунты невольно послужат укреплению реакции.

Конференция считает также, что главным фактором победы над врагом является агитация и пропаганда освободительных идей среди наступающих войск, – обманутых рабочих Запада» [20].

Приведенный выше текст резолюции навел столько «тумана» на вопросы обороны Советской России, Красную армию и т. д., что, вероятно, не был понят присутствующими на съезде анархистами и резолюция не была принята Второй Всероссийской Конференцией анархо-синдикалистов.

Московское совещание анархистов-синдикалистов-коммунистов с представителями с мест в июле 1919 г. в «Резолюции по текущему моменту» высказалось более определенно по отношению к Красной армии:

«В целях необходимой организованной борьбы с надвигающейся со всех сторон контрреволюцией, как внутренней, так и внешней, – необходимо существование организованной, целостной, вооруженной силы.

Отрицая в принципе всякую армию, всегда строящуюся на палочной дисциплине и удушении личности, – необходимо, однако, считаться с Красной армией, – как с организованной вооруженной силой, созданной для защиты революции.

Разложение Красной армии, – вытекающее из самой природы и сущности принудительной армии в эпоху длительной классовой войны, – выражающееся, главным образом, в массовом дезертирстве, предательстве и измене революции, – вызывает необходимость в создании новых форм организации вооруженных сил – вольных полков революции, – основываясь на добровольных побуждениях глубинно-сознательных стремлений к организованной целостной вооруженной защите социальной революции, – связанных общими действиями всех организованных вооруженных сил» [21].

Похожие взгляды в отношении Красной армии были высказаны анархо-синдикалистом А. Лиссом в статье «Красная армия и борьба классов». В ней он писал: «...Отрицая, таким образом, за всякой постоянной армией, в какое угодно время, какие бы то ни было технические или моральные заслуги, мы тем не менее, признаем полнейшую необходимость физической защиты революции» [22].

При этом А. Лисс проповедовал идею отказа от вступления в ряды Красной армии, признавая и воспевая только методы партизан-



ской войны: «Партизанские отряды должны быть организованы во всех городах и селах и при необходимости рабочие будучи вчера у станков, сегодня могут взяться за оружие, а завтра, как только эта опасность минет, они снова вернуться к нормальному труду» [23].

А. Лисс считал, что только так можно вести успешные боевые операции, а если будет создана регулярная армия, то «...рабочий класс, как в каждом отдельном случае, так, в общем и целом потеряет руководство над этой армией, и последняя перейдет всецело в руки господствующей власти» [24].

Известный анархистский идеолог И. Гроссман-Рошин в 1919 г. на страницах «Голоса Труда» в статье «Что делать?», заявил, что «необходимо всячески поддерживать героическую борьбу на фронте, ибо победа – единственный путь преодоления государственно-механических форм» [25].

Многие известные российские анархисты на протяжении 1919–1920 гг. активно выступали в своих работах против Красной армии. Например, харьковская организация анархистов группы «Индивид» в декабре 1919 г. так сформулировала свою позицию в этом вопросе: «Мы отрицаем вхождение в Красную армию, как централистической системе-машине, построенной на принципе обезличивания индивида, и противодействуем ей, поскольку она выполняет не революционные, а государственные задачи и цели» [26].

Выдвигая в качестве альтернативы регулярной армии, как и прежде, повстанчество, группа «Индивид» провозглашала, приветствуя бунт «...как личный, так и массовый, направленный против угнетателей и <...> революционное восстание против государственной и военной власти» [27].

Еще более радикальные взгляды на армию высказал в 1920 г. основатель одного из течений российского анархизма-универсализма А. Л. Гордин, заявивший:

«Мы анархисты-универсалисты являемся антимилитаристами, но мы не только против буржуазного, армейского милитаризма, против социалистического милиционного, но и против анархо-народнического, партизанского, мы против милитаризма без различия масти, белой, черной» [28].

А ведь еще в конце 1918 г. А. Л. Гордин и его анархистская группа от имени «Первого Цетрального Социотехникума» и Московской Федерации анархистских групп обращались с воззванием против наступления белогвардейских войск адмирала А. В. Колчака. В нем они призывали к сплочению вокруг Советской власти для отпора белогвардейцам [29].

В 1920 г. большинство анархистских организаций продолжало вести агитацию, направленную на подрыв боеспособности Красной армии. Союз «Чернознаменцев» в июле 1920 г. в своей листовке призывал красноармейцев «...обращать штыки вместе или помимо Польши на Совет-



скую власть» [30]. В другой листовке этот же Союз требовал, обращаясь к красноармейцам и рабочим: «Сбросьте коммунистов-надзирателей, комитеты, советы, профсоюзы. Оставьте войну, не идите на фронт, разрушайте армию...» [31].

Однако не все организации анархистов в России выступали в период Гражданской войны против Красной армии. В августе 1920 г. Всероссийская секция анархо-универсалистов заявила следующее в своем «Отношении к Красной армии»:

«Принимая во внимание, что существует частная и государственно-коммунистическая собственность, не может быть речи об упразднении милитаризма; принимая далее во внимание, что Советская Россия находится в состоянии обороняющейся от нападающих на нее хищников, контрреволюционеров, несущих ей монархию и частное владение, принимая во внимание, что Советская Россия совершает великое историческое дело – уничтожение частной собственности, мы, анархисты-универсалисты, приветствуем победы, одерживаемые Красной армией, Советской Россией над ее буржуазными и феодальными врагами. Считаем победы Советской России победами нового над старым, зарождающегося над отжившим, одряхлевшим миром частной собственности и частных собственников» [32].

Совершенно особняком по отношению к Красной армии и к сотрудничеству с ней стояло махновское движение и Конфедерация анархистов Украины (КАУ) «Набат». Еще в июне 1918 г. набатовцы требовали «...уничтожения Красной армии и организации всенародного ополчения трудящихся через производственные союзы и сельские общества» [33].

На своем первом съезде, проходившем в г. Елисаветграде в апреле 1919 г. первый съезд Конфедерации анархистов Украины «Набат» принял резолюцию «Красная армия и наше отношение к ней», в которой говорилось:

«1) Съезд рассматривает принудительную, регулярную, сверху дисциплилируемую и сверху же централизованную Красную армию как одну из роковых неизбежностей на том властническом, политическом, государственно-коммунистическом пути, на который «коммунисты» временно увлекли революцию. Эту неизбежность, – в случае политического пути революции, – анархисты всегда предвидели и предсказывали.

Никакая принудительная армия, – в том числе и Красная, – не может считаться истинной и гарантированной защитницей социальной революции. В силу самой природы своей, всякая такая армия может быть, в конечном счете, успешно использована реакционными силами и поэтому представляет собою постоянную угрозу революции.

Единственной реальной, – в случае необходимости, – защитницей социальной революции Съезд считает партизанскую (повстанческую) армию. Причем под партизанской армией и партизанской войной анархисты понимают отнюдь не мелкие, разрозненные отряды, оторванные от населения и действующие – каждый – за свой страх и риск; под партизанской войной анархисты понимают войну, ведомую восстающими и сопротивляющимися широкими массами населения, желающими защищать свою революцию и действующими при поддержке объединенных, крупных партизанских отрядов. При правильном пути революции, творимой живой самостоятельной массой, такая война и такая армия легко, быстро и окончательно справилась бы с внутренней контрреволюцией. Объединение и организацию такой повстанческой армии Съезд понимает как организацию снизу, выдвигаемую и осуществляемую в меру необходимости самой этой армией. Съезд обращает особенное внимание товарищей на то обстоятельство, что нынешняя революция и победная борьба против контрреволюции на Украине была выполнена, главным образом, именно такими повстанческими силами.

Что касается внешнего наступления на социальную революцию со стороны западного или иного империализма, то в этом отношении анархисты всегда рассчитывали и рассчитывают, главным образом, не на регулярную Красную армию и даже не на повстанческую войну, но на неизбежное, в силу развертывающейся в мировом масштабе социальной революции, – разложение самого империализма и его вооруженных сил.

Принимая во внимание все вышеизложенное, Съезд заявляет:

1) что, не относясь враждебно к самой по себе Красной армии, он стоит на точке зрения игнорирования ее анархистами, которым он предлагает продолжать неуклонно стремиться к возбуждению в массах тех живых сил, которые единственно способны как перевести революцию на верный путь, так и вызвать к жизни широкую организацию повстанческого движения, повстанческих армий – этого «золотого фонда» социальной революции, единственно способного, в случае нужды, отстоять и защитить ее блага и завоевания; и

2) в случае вступления анархистов в ряды Красной армии Съезд рекомендует им неустанно вести среди солдат революционную пропаганду в анархическом духе, стараясь создавать в недрах армии сознательные анархические группы и готовить последние к предстоящей им роли застрельщиков в деле активной защиты сознательной частью армии как прошлых завоеваний, так и грядущих приобретений социальной революции» [34].

В проекте Декларации революционной повстанческой армии Украины (махновцев), принятом на заседании Военно-Революционного Совета армии 20 октября 1919 г., говорилось:

«До тех пор пока свободное общежитие будет нуждаться в организации физической силы с целью самозащиты от внешнего нападения, оно организует свою армию.

Армия эта понимается нами как свободная и всенародная военная организация, построенная на выборных началах и тесно спаянная с населением.

Внутри страны эта армия должна находиться в распоряжении трудовых рабоче-крестьянских организаций, защищая их от всяких попыток насилия со стороны власти и капитала и помогая им в осуществлении их свободного строительства» [35].

Отрицая в принципе регулярную армию, махновцы на съезде крестьян, рабочих и повстанцев, состоявшемся в Александровске и проходившем с 27 октября по 2 ноября 1919 г., приняли решение «...произвести добровольную уравнительную мобилизацию на территории, освобожденной от Белых, от 19 до 39 лет по волостям, селам и уездам с командным составом и хозяйственно-судебным органом при частях, начиная от полка, стремясь превратить повстанческую армию, как таковую, во всенародную рабоче-крестьянскую армию» [36].

Махновцы называли мобилизацию добровольной. Насколько же она была добровольной ясно из приказа штаба бригады Н. И. Махно, вышедшего еще в мае 1919 г., когда махновцы, заключив соглашение с советским командованием, сражались против белогвардейских войск генерала А. И. Деникина. Приказ гласил:

«Некоторыми группами лиц добровольная мобилизация была принята в том смысле, что мобилизации подлежат лишь те, которые пожелают идти в повстанческую армию, кто же по тем или причинам пожелает остаться дома, мобилизации не подлежит. Так понимают добровольную мобилизацию некоторые лица. Но такое понимание неверно... Добровольной мобилизация называется потому, что сами крестьяне, рабочие и повстанцы решили мобилизовать себя не дожидаясь, когда власть из центра пришлет распоряжение о мобилизации» [37].

Как видно из этого длинного и путанного приказа, на словах Н. И. Махно и его ближайшее окружение выступало за полную свободу и право выбора, против всего принудительного, в том числе и против регулярной армии. На деле же махновцы стремились к организации своей повстанческой армии и к ее значительному увеличению численно любыми средствами, в том числе и принудительными, оставляя свободу и право выбора за сильным.

Третья конференция «Набата» в сентябре 1920 г. провозгласила: «Отношение анархистов к Красной армии должно быть отрицательным, как и ко всякой другой государственной армии, мы не должны ее

считать революционной потому, что Красная армия не восполняет существенность революционного дела на внешнем фронте, а внутри страны является главным оплотом реакции. Участие анархистов в Красной армии с целью защиты революции считается делом, способствующем обману и заблуждению масс и враждебным целям» [38].

Вот какие взгляды на армию в то время исповедовал один из анархистских идеологов махновского движения В. М. Волин:

«Всякая армия, какой бы она ни была, является злом. Даже свободная и народная, состоящая из добровольцев и созданная для защиты благородного дела, представляет опасность. Став постоянной, она неизбежно отдаляется от народа и мирного труда; теряет привычку к здоровой трудовой жизни; постепенно, незаметно – и это тем более опасно – становится сборищем бездельников с антиобщественными, авторитарными, «диктаторскими» наклонностями; приобретает вкус к насилию, то есть грубой силе, причем тогда, когда подобные средства противоречат цели, которую она, как думается, защищает.

Особенно подобным недостаткам подвержены командиры. Но и масса бойцов все чаще следует за ними, почти неосознанно, даже когда они не правы.

Таким образом в конечном счете всякая постоянная армия имеет тенденцию к превращению в орудие несправедливости и угнетения. Она забывает о первоначальной роли и считает себя «самоценной».

Действительно, даже в здоровой и благоприятной атмосфере вдохновители и военные руководители движения должны обладать исключительно высокими духовными и нравственными личными качествами, которым не страшны никакие испытания и искушения, чтобы удалось избежать подобного зла, заблуждений, трудностей, опасностей» [39].

Что же предлагали анархисты взамен регулярных буржуазной белой и рабоче-крестьянской Красной армий? Например газета «Буревестник», писала: «..Красная армия должна быть независима от власти, она должна быть сама собой управляться...» [40]. Исходя из этого тезиса анархисты предлагали красноармейцам «...выделить из своей среды коллективную организацию, контролирующую и управляющую хозяйственной и боевой жизнью красноармейцев; необходимо развить широкую самодеятельность, экономическую и политическую; организация красноармейцев и их семей; обработка огородов на коммунистических началах; организация коммунистических столовых... открытие клубов, библиотек... общественная забота о детях и женах павших в бою и больных товарищах...» [41].

Для чего же анархисты призывали к защите революции? По мнению анархиста Ивана Смирнова, опубликовавшего в «Буревестнике» статью

«Анархисты на защиту революции»: «Каждый должен брать винтовку и идти на кровавый пир – пир анархии. Не ради защиты родины, не ради защиты государства, этих измышлений капиталистов и буржуазии, а ради защиты анархии, ради торжества ее...» [42].

Анархисты считали, что на пир анархии они должны идти в составе боевых дружин:

«...мы, анархисты, должны стать боевой силой! Но как ее создать? Вербовать ли нам армию? Разумеется, что мы, не признавая государства, отрицая принуждение, должны класть в основу нашей боевой организации свободную, самостоятельную, здоровую, волевою и сознательную личность.

О принуждении речи быть не может, ни теоретически, ни практически. Ведь несвободную армию может создать тот, кто обладает принудительным аппаратом. Мы им не обладаем и никогда обладать не будем, так как мы боремся за его уничтожение.

Остается второй путь – вербовать добровольцев. Мы не говорим – создание «добровольной армии», ибо такой армии никогда не было и никогда, смеем уверить, никогда не будет...

Что же нам остается?

Организация боевых дружин из своих же товарищей. Мы должны вооружить всех своих товарищей, наших идейных борцов, и, таким образом, стать боевой силой, идейной и вооруженной... Вооружение с идеей создадут могущество» [43].

Со своим проектом новой армии выступил А. Атабекян в статье «Проблема свободной армии» на страницах газеты «Анархия» и в книге «Против власти». Он писал:

«Дело народной обороны – дело профессиональное, задача чисто технических знаний и опыта... разрешение задачи народной обороны заключается в объединении профессиональных технических знаний с народной самодеятельностью» [44].

Конкретизируя свои взгляды, А. Атабекян указывал, что должен быть «...создан профессиональный союз офицеров независимо от их политических взглядов, и именно беспартийность союза вызовет доверие народных масс к нему» [45].

На первом этапе строительства регулярной Красной армии большевики допускали к участию в нем представителей различных революционных партий. Более того, к участию в деятельности института военных комиссаров также были допущены все политические силы, которые поддерживали большевиков в деле борьбы с внутренней контрреволюцией и интервенцией. Об этом наглядно свидетельствует Всероссийский съезд военных комиссаров, проходивший в Москве 7–11 июня 1918 г., выработавший



«Положение о военных комиссариатах и комиссарах», сохранявшее свое значение в течение всей Гражданской войны. Партийный состав съезда был следующим: всего присутствовало 365 человек, в том числе коммунистов – 274, левых эсеров – 58, социал-демократов-интернационалистов – 2, анархистов – 4, максималистов – 2 и беспартийных – 10 [46].

В дальнейшем, в ходе Гражданской войны, к членам других революционных политических партий, даже являвшимся союзниками большевиков, последние стали относиться все более настороженно. К тому же действия этих союзников, как, например, анархистов, давали повод усомниться в их желании и умении восвать, что в конечном счете привело к тому, что местные органы власти запретили отправлять на фронт отряды, укомплектованные только анархистами. Конечно, не обошлось здесь и без усиления большевистских действий, направленных на монополизацию власти в стране и, конечно же, в армии.

Последняя попытка анархистов, поддерживавших большевиков, объединить свои усилия в борьбе с интервентами и белогвардейцами произошла на Южном фронте. Анархисты в своих печатных органах неоднократно писали о несогласованности действий различных отрядов в южных регионах страны и, стремясь скоординировать свои действия, решились на создание Главного анархистского штаба, направив командирам различных анархистских отрядов телеграмму, в которой извещали: «...об образовании анархистского штаба для координации действий всех анархистских сил страны для искоренения эксцессов под знаменем анархизма и анархистов...» [47].

Они решились созвать даже прифронтовой анархистский съезд, но из этой затеи ничего не вышло, поскольку, как признавали сами анархисты «...все почти были против... по принципиальным соображениям» [48].

Практически одновременно с этими действиями, многие анархисты, находившиеся на юге страны, стали уходить из армии, мотивируя это тем, что «...в армии разложение, и делать там анархистам нечего» [49].

К тому времени многие из их числа считали, что нужно покинуть армию как можно скорее, потому что это был «...единственный выход спасти анархистскую чистоту, которая при совместной работе с большевиками все более загрязняется» [50].

И это утверждалось людьми, более чем кто-либо виновными в дезорганизации, недисциплинированности и паникерстве. Показателен в этом отношении факт, признаваемый самими анархистами: они отказались принять предложение советского командования Южного фронта взять в свои руки дело защиты хотя бы небольшого участка фронта чисто анархистскими силами. Для этого у анархистов не оказалось

не только реальных сил, но, главное никакого желания вести борьбу с контрреволюцией на фронте, так как это требовало именно тех качеств регулярных частей, которые у анархистских отрядов Черной гвардии и боевых дружин, в основном, отсутствовали. Последнее обстоятельство, впрочем, не помешало анархистам обвинять Советское правительство в том, что именно оно, обезоружив различные анархистские отряды, виновато в том, что «...весь юг в руках немцев!» [51].

В дальнейшем, на протяжении всей Гражданской войны большевики сотрудничали только с отдельными представителями ряда революционных партий, включая и анархистов, разделявших взгляды большевистского руководства на военное строительство (оно тоже велось не без проблем и ошибок) и мужественно сражающихся на фронтах против войск интервентов и белогвардейцев в составе различных воинских подразделений Красной армии. Известны случаи, когда российские анархисты занимали в армии и даже в карательных органах большевиков видное положение и были неоднократно награждены.

Основные события Гражданской войны завершились. Большевики одержали в ней победу над силами интервентов и белогвардейцев, однако анархисты, точнее их теоретики, продолжали разрабатывать программные документы в которых так или иначе речь шла о Красной армии или вообще о революционной армии и об отношении к ней анархистов.

В 1921 г. (когда бои продолжались лишь на Дальнем Востоке) в Декларации Московской организации Анархо-универсалистов, составленной А. Л. Гординым и принятой общим собранием, говорилось:

«X. Красная армия.

Пока не создано мирового товарищеского общежития, пока нет мирового правления и мирового хозяйства, звучат бессодержательной мечтой речи об упразднении всякой армии.

Как капитализм не уничтожил милитаризма, а, наоборот, создал, укрепил и расширил его, так и социализм не уничтожит милитаризма, а создаст новый вид его. Капитализм в организации обороны и нападения ознаменовался переходом от рекрутства к мобилизованной всенародной армии.

Социализм должен был создать интернациональную армию, которая будет конструирована по милицейской системе.

Но как капитализм начал с рекрутства, так и социализм в организации обороны начнет с армейской службы пока в пределах одного государства и перейдет к милиционной и международной.

Милитаризм же будет окончательно уничтожен лишь анархо-универсализмом, созданием единого мирового общения и хозяйства» [52].

В проекте Организационной платформы Всеобщего Союза анархистов, созданной в эмиграции бывшими российскими гражданами и опубликованной в Париже в 1926 г. защите революции уделялось значительное внимание:

«Социальная революция, угрожающая привилегиям и самому существованию нетрудовых классов современного общества, неминуемо вызовет отчаянное сопротивление этих классов, которое выльется в ожесточенную гражданскую войну.

Как показал опыт России, подобная гражданская война явится делом не нескольких месяцев, а нескольких лет.

Коль бы успешны ни были первые шаги трудящихся в начале революции, тем не менее имущие господствующие классы на долгое время сохранят огромную силу сопротивления и в течение ряда лет будут переходить в наступление на революцию, стремясь отвоcать отобранные у них власть и привилегии.

Созданная из их многочисленных приверженцев армия, военная техника и военная стратегия, капитал – все будет брошено на победоносных тружеников.

Последние, чтобы удержать завоевания революции должны будут создать органы защиты революции, дабы всему этому противопоставить соответствующую боевую силу. В первые дни революции такой боевой силой явятся все вооруженные рабочие и крестьяне. Однако лишь в первые дни, когда гражданская война еще не достигнет своего кульминационного пункта и когда борющиеся стороны не выдвинут еще правильно построенных военных организаций.

В социалистической революции наиболее критическим моментом является не момент низвержения власти, а момент, который наступит после этого низвержения, момент всеобщего наступления низвергнутого строя на трудящихся, когда надо будет удерживать достигнутые завоевания.

Самый характер этого наступления, техника и развитие гражданской войны вообще потребуют от трудящихся определенных военно-революционных формирований. Сущность и основные начала этих формирований должны быть заранее определены. Отрицая государственно-властные методы управления массами, мы тем самым отрицаем государственно-властный способ организации военной силы трудящихся, т. е. отрицаем принцип принудительной государственной армии. Согласно основным положениям анархизма в основу военных формирований трудящихся должен лечь принцип добровольчества. Как на пример таких формирований, можно указать на партизанские военно-революционные отряды рабочих и крестьян, действовавшие в русской революции.

Однако революционное добровольчество и партизанство не следует понимать в узком смысле этих слов, т. е. как борьбу с врагом местных рабоче-крестьянских отрядов, не связанных между собою оперативным планом и действующих каждый на свою ответственность. Партизанство и партизанская тактика в высшей стадии своего развития начинают руководствоваться общей военно-революционной стратегией в революции.

Гражданская война, подобно всякой войне, может быть успешно проведена трудящимися лишь при соблюдении двух основных принципов военного дела – единства оперативного плана и единства общего командования. Тот момент революции, когда буржуазия организованными силами пойдет на свержение революции, явится наиболее критическим моментом и он потребует от трудящихся прибегнуть к этим принципам военного дела.

Таким образом, вооруженные силы революции в силу требований военной стратегии и стратегии контрреволюции неминуемо должны будут слиться в общую революционную армию, имеющую общее командование и общий оперативный план.

В основу этой армии лягут следующие принципиальные основания: а) классовый характер армии; б) добровольчество (исключается какое бы то ни было принуждение в деле защиты революции); в) революционная самодисциплина (добровольчество и рев. самодисциплина, вполне согласуясь между собою, сделают рев. армию в духовном отношении сильнее любой государственной армии); и г) полное подчинение рев. армии рабоче-крестьянским массам в лице тех, общих для всей страны, организаций рабочих и крестьян, которые в момент революции будут поставлены массами на руководящие посты хозяйственно-социальной жизни страны. Иными словами, – орган защиты революции, несущий на себе обязанности борьбы с контрреволюцией, как на открытых военных фронтах, так и на фронтах скрытой гражданской войны (заговоры буржуазии, подготовка выступлений и т. д.), находится в полном ведении высших производственных рабоче-крестьянских организаций, им подчиняется и ими политически направляется» [53].

Весьма любопытно, сделанное авторами Организационной Платформы примечание:

«Хотя революционная армия должна быть построена на определенных анархических принципах, тем не менее на самую армию не должно смотреть, как на предмет принципа. Она – лишь следствие военной стратегии и революции, лишь стратегическое мероприятие, к которому неминуемо приведет трудящихся процесс гражданской войны. Но на это мероприятие должно быть обращено внимание теперь же. Оно теперь же должно быть тщательно изучено, чтобы в деле обороны и защиты

революции не случилось непоправимого запоздания, ибо опоздания в дни гражданской войны могут оказаться губительными для исхода всей социальной революции» [54].

В 1927 г. в проекте программы анархистов-коммунистов, опубликованной в США в отношении подготовки революции говорилось следующее:

1. «Партия анархистов-коммунистов, имея в виду разложение правительственной армии, организует союзы солдат и матросов и ведет анти-милитаристскую пропаганду.

2. В целях военной подготовки своих членов Партия анархистов-коммунистов считает необходимым развитие военного спорта, а также вступление в армию при мобилизациях, считая особенно важным изучение артиллерии, химической войны и авиации.

3. В моменты подготовки выступлений Партия анархистов-коммунистов считает необходимым создание Комитетов действия, общих с другими революционными партиями» [55].

В 1929 г. в Париже была опубликована новая программная работа П. А. Аршинова «Новое в анархизме. (К чему призывает Организационная Платформа)», на страницах которой большое внимание было уделено вопросу защиты революции, отчасти, как и в 1926 г. были повторены некоторые положения о партизанстве и т. д.:

«Мы, анархисты, рычагом социального переворота всегда считали и считаем весь восставший трудовой народ. Средством разрушения старого мира мы считаем революционное партизанство, то есть создаваемые по почину самих масс повсеместные добровольные военно-революционные отряды рабочих и крестьян, нападающие на государство и его охрану – армию и полицию. Однако лишь круглые дураки могут думать, что партизанство означает борьбу местных отрядов, действующих куда попало, как попало и во имя какой угодно цели. Подобное представление о партизанстве возможно лишь у лиц, чуждых революционной и политической мысли...

Буржуазию надо бить ее же техникой, ее наукой и, между прочим, ее методами. На войне часто враг навязывает свою тактику противной стороне. В великой русской революции мы были свидетелями того, как свободное революционное партизанство махновщины в течение трех почти лет держалось методов общих оперативных планов и действовало объединенными фронтами. С другой стороны, мы видели как контрреволюционные армии Деникина прибегали к чисто партизанским приемам войны, разбиваясь на части и заходя глубоко в тыл противнику, где производили разрушение и дезорганизацию. Подобными партизанскими действиями проявила себя армия деникинского генерала Шкуро на Украине и армия Мамонтова в центральной России...



Платформа совсем не касается вопроса защиты будущего анархического общества от внешних и внутренних врагов. Это вопрос совершенно иной, нежели вопрос защиты революции в период гражданской войны. Революционное партизанство в процессе революции и регулярная армия, стоящая на страже сформированного общества, – это «две большие разницы». Критикам Платформы надо понимать все значение этой разницы, прежде чем пускаться в отрицание плана, построенного на данных величайшего опыта русской социальной революции. Авторы Платформы эту разницу отчетливо сознают, поэтому-то они и осветили один вопрос – вопрос защиты революции. Идею защиты будущего, сформированного уже общества силою постоянной армии авторы не включили в Платформу потому, что относятся к этой идее отрицательно, считая ее противоречащей идеалам и принципам анархизма» [56].

Таким образом, можно констатировать, что после октябрьских событий 1917 г. и прихода к власти большевиков, представители различных российских анархистских течений, групп и организаций, в лице их наиболее теоретически подготовленных идеологов пытались разработать определенные организационные действия по созданию анархистских отрядов Черной гвардии, дружин, боевых групп и т. д.

На страницах многих анархистских изданий рассматривались условия участия анархистов в борьбе против буржуазии, об отношении анархистов к милитаризму, регулярной армии, партизанскому и повстанческому движениям, интервенции, Брестскому миру, белогвардейским и Красной армии и т. п. Приходится, с сожалением для анархистов, говорить о том, что на практической плоскости, в условиях Гражданской войны, различные по своей форме анархистские отряды, состоящие в основном из анархистов или руководимые анархистами, оказались в большинстве случаев совершенно не пригодны к ведению ожесточенных боевых действий в силу целого ряда причин, и, прежде всего, из-за своей неорганизованности и недисциплинированности.

Все это, в конечном счете, привело к тому, что уже к концу первого года Гражданской войны чисто анархистских боевых дружин и отрядов на фронтах, где сражались регулярные армии, не было. Влияние анархистов, иногда весьма значительное, сохранилось в партизанско-повстанческом движении, где харизматические анархистские командиры в лице Н. И. Махно, Н. А. Каландаришвили, А. В. Мокроусова, И. Н. Новоселова и др. вели за собой, находившиеся под влиянием анархистской идеологии партизанско-повстанческие массы. Однако на заключительном этапе Гражданской войны новая экономическая политика и репрессии большевиков увели из-под воздействия анархистов крестьянские массы, что в конечном

счете и привело к краху анархистского влияния на Красную армию (по сути своей крестьянской), флот и партизанско-повстанческое движение.

Многие весьма оригинальные анархистские идеи о защите революции, о чистоте рядов ее защитников, об армии чисто профессиональной (чего стоит, например, идея о создании профессионального союза офицеров независимо от их политических взглядов!) и т. д. и т. п. оказались невостребованными в условиях страшной, кровавой Гражданской войны.

### Примечания

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. М., 1999. Т. 2: 1917–1935 гг. С. 70.
2. Там же. С. 77.
3. Там же. С. 103.
4. Там же. С. 107.
5. Рабочее знамя. Пг., 1918. 30 янв.
6. Голос Труда. Пг., 1918. 30 янв.
7. Анархисты. Документы и материалы. С. 123.
8. Там же. С. 200.
9. Там же. С. 214.
10. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в.: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. Ч. 1: 1900–1918. С. 182.
11. Анархисты. Документы и материалы. С. 215.
12. Там же. С. 217–218.
13. Там же. С. 218.
14. Там же. С. 221.
15. Свободная коммуна. М., 1918. 12 апр.
16. Сибирский анархист. Красноярск. 1918. 26 янв.
17. Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертариизм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород, 2008. С. 247.
18. Вольный труд. Пг., 1918. № 1. С. 18.
19. Из истории Московской Красной гвардии: материалы и док. М., 1930. С. 163.
20. Анархисты. Документы и материалы. С. 284–285.
21. Там же. С. 286.
22. Голос Труда. Пг., 1919. № 1, 17 февр. С. 14.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же. С. 10.
26. Андреев А. Неонигилизм. М., 1922. С. 103.
27. Там же.

28. Цит. по: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 38–39.
29. Гордин А. Л. Анархизм-универсализм: К обоснованию программы. М., 1920. С. 24.
30. Цит. по: Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. М., 1921. С. 68.
31. Там же. С. 50.
32. Анархисты. Документы и материалы. С. 383.
33. Известия. 1918. 25 июня.
34. Анархисты. Документы и материалы. С. 342–343.
35. Там же. С. 360.
36. Цит. по: Яковлев Я. Указ. соч. С. 66.
37. Цит. по: Кубанин М. К истории кулацкой контрреволюции (махновщины) // На аграрном фронте. 1925. № 7–8. С. 84–85.
38. Цит. по: Яковлев Я. Указ. соч. С. 68.
39. Волин В. М. Неизвестная революция. М., 2005. С. 521.
40. Буревестник. 1918. 19 апр.
41. Там же.
42. Там же.
43. Буревестник. 1918. 23 марта.
44. Там же.
45. Атабекия А. Против власти: сб. ст. М., 1918. С. 54.
46. Михалева В. М. Всероссийский съезд военных комиссаров // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 171.
47. Анархия. 1918. 17 мая.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же.
52. Анархизм. Документы и материалы. С. 413.
53. Там же. С. 488–490.
54. Там же. С. 490.
55. Там же. С. 495–496.
56. Там же. С. 519–521.

## **4. Действия анархистских дружин Черной гвардии и руководимых анархистами Красногвардейских отрядов на фронтах гражданской войны**

С началом Гражданской войны сторонники анархистских взглядов совершенно искренне приступили к формированию собственных вооруженных отрядов для борьбы с силами контрреволюции, а затем с войсками интервентов. При этом руководители многочисленных, совершенно разных по своей структуре и организации, анархистских отрядов Черной гвардии постоянно вступали в конфликты с вооруженными отрядами, а затем уже и воинскими частями регулярной Красной армии. Происходило это, прежде всего, из-за плохой организации и недисциплинированности, стремлению к полной независимости командиров анархистских отрядов. В условиях боевых действий это часто приводило к серьезным потерям и поражениям, вызывая гнев и соответствующие меры дисциплинарного характера со стороны командования Красной армии, стремившегося, по возможности, как можно скорее избавиться от ненадежных союзников.

Вот как, например, понимали дисциплину анархисты в отряде известного в годы Гражданской войны матроса-анархиста Порубаева: «Никакой официальной дисциплины в отряде установлено не было. Из обмундирования каждый брал столько, сколько ему заблагорассудится и обмундировывался, как только ему нравилось. Кроме того, каждый партизан получал в сутки по двадцатирублевой керенке, в виде жалованья... суточные умудрялись получать по 2–3 раза» [1]. Один из «анархистов», делаясь впечатлением о командире отряда матросе Порубаеве, с восторгом рассказывал, «что лучшего начальника, чем Порубаев, никто в отряде и не желает. Лучше даже трудно придумать: ни с кого ничего не требует. Настоящий анархический начальник» [2].

А вот пример того, как обстояло дело с воинской дисциплиной в анархистских отрядах на фронте под Одессой весной 1918 г.

К этому времени в Одессе находилось много разных анархистских отрядов, однако только один из них – Одесский отряд террористов – выехал на фронт, где участвовал в тяжелых боях на подступах к городу. При этом

28 человек в отряде были ранены. Неплохо зарекомендовавший себя отряд должен был бы и дальше так же храбро сражаться с австро-германскими войсками, однако этого не произошло. Отряд террористов самовольно покинул позиции, посчитав свою задачу выполненной и, нисколько не смущаясь, во всеуслышание заявил в печати о своих подвигах: «Остатки 2-го Одесского отряда террористов, доблестно исполнившие свой долг перед революцией и родиной, прибыли в г. Одессу для отдыха и пополнения...» [3]

При этом анархистов нисколько не заботило, что оголенный ими участок фронта необходимо было каким-то образом защитить. Им было совершенно безразлично, есть ли в городе лазареты, хватает ли медикаментов. В ультимативной форме одесские анархисты потребовали, чтобы раненые бойцы отряда были «приняты беспрепятственно во все лазареты, куда они направятся по своему усмотрению» [4].

В дальнейшем под натиском превосходящих сил австро-германских интервентов части 3-й советской армии вынуждены были эвакуироваться в Крым. При этом, по воспоминаниям В. А. Антонова-Овсеенко (в марте-мае 1918 г. исполнял обязанности Верховного главнокомандующего советскими войсками Юга России), анархистские отряды Зайделя и Вл. Желябова раньше других войск оставили оборону Одессы и Николаева, заявляя о том, что могут только наступать, и захватив с собой большое количество материальных ценностей, отплыли в Севастополь [5].

Практические действия анархистов в духе их представления о полной анархии и способах ее достижения привели к еще более обильному притоку в их ряды деклассированных элементов, ко многим эксцессам, начавшимся сразу же после октября 1917 г.

Весьма наглядный пример действий и вида анархистов дают воспоминания одного из очевидцев событий весной 1918 г. в Ростове-на-Дону: «В эти дни горячка организации органов власти и в то же время появление анархистов. Маруся... „Испанцы“ в длинных волосьях и в черных пелеринах... Из-за поясов торчат дула больших кольтов и, рукоятками кверху, в карманах бомбы. К этим налетным друзьям присоединились некоторые братишки в клешах с золотыми дамскими браслетами на руках, сжимавших чудодейственную „Бутылочку“...»

– Братишки, сторонись!

– Клеш в цилиндре тащит за собой максимку и устанавливает на углу Таганрогского.

– Наша взяла!

– Оцепили?

– Готово!

– Та-та-та-та...



- По Донскому областному исполкому!
- Готово!
- Крой их б...!» [6].

В условиях Гражданской войны многие анархисты, поддерживавшие новую власть, стали вступать в отряды Красной гвардии, в регулярные части создаваемой большевиками Красной армии во главе с председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким, сторонником жесточайшей дисциплины и централизации, одного из самых ярых противников партизанщины и любых форм ее проявлений.

Под значительным влиянием анархистов находились в Петрограде органы Советской власти Московско-Заставского района, где «не только районный Совет, но даже и военный штаб состояли в значительной своей части из явных или тайных анархистов» [7]. Во главе красногвардейского штаба в этом районе стоял анархист Э. Берзинь [8]. Борясь с анархистским влиянием в этом районе, большевики вначале направили в красногвардейский штаб своего наблюдателя С. А. Лаврентьева, который докладывал городскому большевистскому руководству о всех действиях анархистов, а затем создали в противовес анархистскому военному штабу Красной гвардии свой. При активном влиянии большевистски настроенных рабочих завода «Треугольник» в середине марта 1918 г. попавший под влияние петроградских анархистов Московско-Заставский штаб Красной гвардии был ликвидирован [9].

В период наступления австро-германских войск влияние анархистов на Красную гвардию Петрограда резко возросло. Во многом этому способствовала активная деятельность идейных анархистов. Например, один из их активных лидеров, И. Блейхман, на страницах «Буревестника», ведущего печатного органа анархистов Петрограда, призывал своих единомышленников обратить взоры на Красную гвардию: «Большевики отошли от Красной гвардии. На знаменах гвардии они увидели черный цвет. Мы будем с красногвардейцами» [10].

Серьезное влияние на взгляды красногвардейцев и на руководство их действиями анархисты оказывали и в других районах страны. На Украине анархисты и их сторонники входили в состав красногвардейских отрядов Одессы, Николаева, Полтавы, Екатеринослава и ряда других городов [11]. Иногда влияние анархистов на красногвардейцев было определяющим. Так, Красная гвардия Одессы находилась в конце 1917 – начале 1918 г. под сильным влиянием популярного в городе анархиста Х. Рыхта [12]. Активно действовали в Крыму красногвардейцы под руководством анархистов Савицкого, А. и М. Добрицких [13].

В начале 1918 г. серьезную боевую силу представляли собой отряды Красной гвардии Урала, где позиции анархистов были также весьма за-

метны [14]. Анархисты совместно с максималистами руководили Красной гвардией Ижевска [15], отдельными красногвардейскими отрядами Екатеринбурга [16] и Перми [17]. В составе советских войск осенью 1918 г. действовал большой красногвардейский отряд под командованием бывшего военного комиссара Екатеринбургского уезда анархиста П. Жебенева. В конце сентября 1918 г. отряд стал основой формирующейся бригады Красной армии [18].

Есть и другие примеры действий на Урале красногвардейских отрядов, руководимых анархистами. Например, за самовольное оставление позиций в августе 1918 г. по приказу командующего 3-й армией Р. И. Берзина были арестованы и преданы военно-полевому суду начальник отряда анархист Борисов и его ближайшее окружение, разделявшее и исповедовавшее анархистские взгляды [19].

Под влиянием известных анархистов Перцева и Триполитова находилась Красная гвардия Читы [20], пост начальника штаба которой занимал до конца февраля 1918 г. анархист Степанов [21], а ее начальником был анархист М. Я. Перцев [22]. Еще более заметным было влияние сторонников этого идейно-политического течения в Черемховском шахтерском районе, где в отряды Красной гвардии записались тысячи рабочих и шахтеров. Начальником Черемховского гарнизона осенью 1917 г. и членом военного отдела Черемховского Совета был анархист подпоручик Сухачев [23].

Говоря о степени влияния в этом районе анархистов осенью 1917 и в первой половине 1918 гг., Д. М. Зольников указывал, что «...на III съезде Советов Восточной Сибири в январе 1918 г. от Черемховского района было послано 7 делегатов, и все они зарегистрировались как анархосиндикалисты» [24]. Взаимодействуя с большевиками и представителями других революционных партий, анархисты во главе 2-х тысяч черемховских красногвардейцев под командованием анархистов Буйских и Решко принимали непосредственное участие в подавлении контрреволюционного юнкерского мятежа в Иркутске в декабре 1917 г. [25].

Черемховские красногвардейские отряды сыграли заметную роль в иркутских событиях конца 1917 – начале 1918 гг., а активно сотрудничающий с большевиками анархист, председатель Черемховского совета А. Н. Буйских, оказавшийся после установления белогвардейской диктатуры адмирала А. В. Колчака в тюрьме, в период восстановления Советской власти вступил в РКП (б) и активно работал затем на руководящих постах в угольной промышленности Сибири и Донбасса [26].

В Кузбассе в поселке Гурьевский завод важную роль в установлении Советской власти сыграл образованный осенью 1917 г. Красногвардейский отряд численностью 70 человек во главе с синдикалистом

Б. Шатило. В январе 1918 г. после начала антисоветского мятежа для его подавления был создан ревком, в который вошел анархист Ф. Шевцов. В Семипалатинске весной 1918 г. во главе Красногвардейского отряда был председатель уездного Совета анархист М. Т. Труссов [27].

Серьезную дезорганизованность в действия слабо дисциплинированных, плохо подготовленных и вооруженных советских войск в Сибири вносили отдельные красногвардейские отряды, находившиеся под влиянием или руководимые анархистами. Подтверждением этому служит ряд примеров. В апреле 1918 г. Черемховский отряд под командованием анархиста Грайцера прибыл в Троицкосавск (г. Кяхта, республика Бурятия) и помог местному Совету взять власть в свои руки. Однако вскоре красногвардейцы перестали подчиняться властям и штабу местной Красной гвардии. В отряде стали процветать мародерство, воровство, пьянство. С большим трудом Троицкосавскому Совету удалось с помощью гражданского населения города заставить отряд Грайцера убраться из города, арестовав при этом командира отряда и ближайшее его окружение [28].

В Троицкосавске с марта 1918 действовал и анархистский отряд черемховских красногвардейцев под командованием анархиста Д. М. Третьякова. На красном знамени отряда было написано: «Мир хижинам, война дворцам!» и «Грабь награбленное!» [29]. Из-за наличия в составе отряда значительного числа бывших уголовников, его бойцы не всегда соблюдали революционную законность и допустили ряд бесчинств. За противоправные действия отряд был отозван с фронта в период тяжелых боев. Но и в тылу советских войск он не прекратил дезорганизующих действий. Отряд разгромил Гусино-Озерский дацан, что вызвало справедливый гнев со стороны религиозных бурят и монголов. Отряд был окружен войсками Центросибири (Центральный исполнительный комитет Советов Сибири, ЦИК Сибири, созданный в октябре 1917 г. в Иркутске) и под угрозой разоружения расформирован. Третьяков и комиссар отряда Кошкин были арестованы. Разоружение отряда совпало по времени с известными событиями в Москве по разгрому Черной гвардии и явилось первым крупным конфликтом в лагере революции в Сибири [30].

Отсутствие единства действий различных фронтов на дальних рубежах России (отрицательную роль в деле объединения вооруженных сил Сибири и Дальнего востока сыграл председатель Дальневосточного СНК анархо-синдикалист А. М. Краснощеков [31], единого снабжения армии и населения, отрыв от центральных органов Советской республики, борьба с силами внутренней контрреволюции и интервенции, многократно превышавшими по численности советские войска, и ряд других

обстоятельств играли на руку отдельным командирам, находившимися под анархистским влиянием.

В период напряженных боев на фронте анархисты организовали в Верхнеудинске заговор против Центросибири. Конфликт между Центросибирью и анархистами обострился до предела. Заговор был своевременно раскрыт. Руководители его – анархисты Пережогин и Караев – вместе со своими отрядами стали громить советские тылы, захватив накануне эвакуации Центросибири ценности Читинского банка [32]. Всего ими было украдено до 240 пудов золота и 360 пудов серебра [33]. При этом анархисты сообщили в Нерченский Военревштаб, возглавляемый также анархистами, о том, что якобы комиссары Центросибири увезли золото на восток. В результате анархистских действий один из поездов с сотрудниками Центросибири и членами их семей был пущен под откос, многие его пассажиры были обысканы и ограблены. Только подход к Чите отряда под командованием С. Лазо заставил анархистов спешно убраться из города [34].

Пережогин и его отряд, добравшись до Благовещенска, неоднократно устраивали в городе пьяные оргии и дебоши, расплачиваясь за все съеденное и выпитое «...только золотом, отрубая шашкой на глаз куски от слитков» [35]. Распоясавшиеся анархисты сеяли панику и смятение среди местного гарнизона и жителей города. С огромным трудом местным властям удалось разоружить пережогинский отряд, при этом был убит и сам командир Красногвардейского отряда, превратившегося по сути в анархо-уголовную банду. Караев – после прихода к власти белых явился в комендатуру с частью награбленного им золота для того, чтобы вымолить себе прощение за свои прошлые грехи [36].

Анархистские отряды Лаврова, Пережогина, Орлова и других в период ухудшения обстановки на фронте и ряда поражений советских войск вели себя дезорганизующе. Они не подчинялись командованию, самовольно перемещались по фронту, предъявляли ультимативные требования, мародерствовали и усугубляли своими действиями ситуацию, ухудшая положение советских войск, что, естественно, подрывало авторитет Советской власти в широких слоях населения и наносило значительный морально-психологический урон. Вот как писал о психологии анархистских отрядов и их командиров член Центросибири П. Парников: «Без боя отдав неприятелю важную сопку, Чагин мотивировал свой отход, так как мой отряд, организованный добровольно, может делать все только добровольно. Если его добрая воля наступать, он будет наступать. Если он захочет идти домой, он уйдет, хоть в самый разгар боя. Я в отряде выбранный главковерх и в своих действиях не зависим от штабов и фронтовых начальников» [37].

По мнению А. А. Штырбула, «роль анархистов в военных событиях весны – лета 1918 г. в Сибири неоднозначна. Они принимали участие в создании вооруженных сил трудящихся – отрядов Красной гвардии и чисто анархистских отрядов (дружин). При активном участии анархистов в Сибири было создано не менее 15 таких отрядов, 11 из которых возглавлялись непосредственно анархистами (Третьяковым, Каландаришвили, Караевым, Пережогиным, Лавровым, Орловым, Карасевым, Грайцером, Шатило, Трусовым, Новоселовым). Под влиянием анархистов осенью 1917 – весной 1918 гг. находилась Красная гвардия Черемхово и Читы. Основными районами формирования анархистских отрядов и красногвардейских частей со значительным влиянием анархистов были Иркутск, Черемхово, Забайкалье, Кузбасс. Анархистские и проанархистские красногвардейские отряды участвовали в боевых действиях на Забайкальском, Нижнеудинском, Прибайкальском и других советских фронтах» [38].

Интересный факт сотрудничества анархистов и уголовников в годы Гражданской войны имел место летом 1919 г. в Одессе. Он подчеркивает то обстоятельство, что как анархистские боевые дружины и отряды Черной гвардии, так и большинство красногвардейских отрядов, где было значительное количество анархистов, не отличались, мягко говоря, дисциплиной, и, в конечном счете, были небоеспособны.

С началом Гражданской войны Одесса оказалась практически во власти разноликих уголовных банд, многие из которых действовали под видом весьма популярных местных анархистов. Не проходило и дня, чтобы в каком-либо районе не совершалось под их именем грабежа и убийства. Видя все это, анархисты обеспокоились и вскоре распространили обращение, которое стоит того, чтобы привести его полностью:

«К вора́м и налетчи́кам!

Совет Федерации анархистов Одессы обращается к Вам с просьбой и предупреждением. Вас мы считаем продуктом тех проклятых условий строя эксплуатации и насилия, которые созданы буржуазией и охраняются сейчас только продажной бандой наемного белогвардейского офицерства да чужеземными штыками.

Если буржуазия страдает от вашей деятельности, тем хуже для нее – она пожинает сейчас то, что сама посеяла, и уже не наше дело ее защищать.

В новом коммунистическом обществе, на борьбу за создание которого мы зовем пролетариат России и всего мира, все будет всем, не будет частной собственности, не будет богатых и бедных, не будет тогда места грабегам и налетам.



В этой нашей борьбе с капиталом и властью, продолжающейся уже много лет, лучшие, достойнейшие сыны нашего класса обездоленных и угнетенных сложили свои головы, раньше в петле и на плахе, а сейчас у стенки.

Во имя святого дела освобождения трудящихся, за которое гибли и гибнут наши товарищи от рук палачей в расцвете силы и здоровья, Совет Федерации анархистов предлагает всем немедленно прекратить возмутительные безобразия, которые за последнее время имели место в вашей среде, прекратить злоупотребления памятью героев-революционеров, прекратить требования денег от имени анархистов.

В то же время Совет Федерации анархистов предупреждает тех из вашей среды, у которых ничего святого уже не осталось, на которых никакие призывы рабочих и революционеров не действуют более; всех тех, которые будут продолжать денежные вымогательства производить дорогим именем анархизма – они для нас те же паразиты – буржуи, заботящиеся только об одном, как бы поплотнее набить свои карманы, тех мы в последний раз предупреждаем, что уличенные в злоупотреблении нашим именем, они будут тут же, на месте, расстреливаться нами.

Одесская Федерация анархистов» [39].

Естественно, что никакие воззвания анархистов к уголовникам не помогли нормализовать обстановку в городе. Налеты и грабежи, по-прежнему, продолжались.

И вдруг в Одессе стало тише и спокойнее. Дело в том, что известный одесский вор-рецидивист Мишка Япончик обратился к одесскому чекисту Ф. Т. Фомину с просьбой организовать отряд, который под его командованием вступил бы в Красную армию и сражался бы против денкинских войск. Предложение это было, на первый взгляд, просто фантастическим, но только не для тех, кто знал, что в то время представляли из себя одесские «блатные» и их вожак.

Вот как писал позже в своих «Записках чекиста» Ф. Т. Фомин: «В распоряжении Мишки Япончика было по меньшей мере несколько тысяч человек. Он имел личную охрану. Появлялся где и когда вздумается. Везде его боялись и потому оказывали почести прямо-таки королевские. Его называли „королем“ одесских воров и грабителей» [40]. К Фомину Мишка Япончик явился со своим адъютантом: «Через несколько минут у меня в кабинете в сопровождении чекиста Доброго появляются два человека. Оба среднего роста, одеты одинаково, в хороших костюмах. Впереди скуластый, с узким японским разрезом глаз молодой человек. На вид ему лет 26–28» [41].

Пообещав, что одесские налетчики перестанут заниматься грабежами ввиду вступления в город частей Красной армии, Мишка Япончик заявил следующее: «Я пришел не каяться. У меня есть предложение.

Я хотел бы, чтобы мои ребята под моим командованием вступили в ряды красной армии. Мы хотим честно бороться за Советскую власть. Не могли бы вы дать мне мандат на формирование отряда Красной армии? Люди у меня есть, оружие тоже, в деньгах я не нуждаюсь» [42].

Ф. Т. Фомин доложил о столь необычной просьбе командующему 3-й Украинской советской армией Н. Худякову, который после продолжительного обдумывания просьбы Мишки Япончика вместе с членами РВС армии Я. Гамарником, Н. Голубенко и А. Датько-Фельдманом принял решение, как вспоминал об этом Фомин, «разрешить Винницкому – такова была настоящая фамилия Мишки Япончика – сформировать отряд, а политотделу армии прикрепить к отряду командиров и членов партии для идейно-воспитательной работы» [43]

Трудно сейчас точно сказать, чем руководствовалось командование 3-й Украинской советской армией и одесские анархисты, но, вероятнее всего, побуждающим мотивом явилась вера анархистов и коммунистов в то, что и преступники могут исправиться, сражаясь за интересы своего народа, если они этого искренне хотят, и, тем самым, сумеют окончательно порвать со своим прошлым. Возможно, советскому руководству Одессы показалось, что воры и налетчики после обращенного к ним призыва одумались и искренне хотят сражаться против войск интервентов и белогвардейцев. Как бы то ни было, а отряд вскоре был создан и насчитывал в своем составе около двух тысяч человек. Военным комиссаром отряда был назначен известный одесский анархист Саша Фельдман.

Однако серьезным образом заниматься военной подготовкой ни сам Мишка Япончик, ни его дружки не собирались. Командиру отряда больше нравилось маршировать по центру Одессы во главе своего войска. Несмотря на это, советское командование решило отправить отряд на фронт в связи с осложнившимся там положением и требованием сражавшихся частей новых подкреплений. Личному составу отряда было разрешено провести прощальный «семейный вечер» в помещении местной консерватории. Как писал об этом Ф. Т. Фомин, «некоторые наши командиры заинтересовались этим банкетом и пошли посмотреть. Среди гостей было много женщин из тех, которые раньше помогали своим друзьям: прятали и сбывали краденые вещи и ценности. Разодеты они были в шелковые платья ярких цветов. На многих сверкали драгоценности. На сцене и в зале стояли длинные столы. Все было сделано на широкую ногу, с шиком, с явным желанием поразить, блеснуть. Обилие вина, закусок, фруктов. Мишка Япончик восседал в середине, на самом почетном месте. „Семейный вечер“ длился до утра» [44].

После столь шикарного бала отряд трижды собирался грузиться в эшелон для отъезда на фронт и трижды уголовные горе-вояки разбе-

гались. В конце-концов Мишке Япончику удалось погрузить в эшелон около тысячи человек и привезти их под Винницу, где полк (а именно так стала называться столь своеобразная воинская единица) прибыл в расположение 45-й стрелковой дивизии, которой в то время командовал И. Э. Якир. По свидетельству начальника политотдела дивизии А. Гринштейна, полк с внешней стороны производил отличное впечатление: «одних пулеметов было... сорок с лишним штук (по тем временам очень много). Политическая часть также производила выгодное впечатление: большая библиотека, основная и передвижная, граммофоны с агитационными пластинками – все новенькое, чистенькое» [45].

У командования дивизии имелись серьезные опасения в отношении боеспособности одесского полка и возникали мысли о его разоружении, но комиссар полка анархист Саша Фельдман ручался за его боеспособность, хотя несколько и сомневался в его политическом поведении (весьма и интересно было бы нам сейчас узнать, о каком именно политическом поведении одесских «блатных» могли говорить большевики и анархисты в то время).

Как очень часто бывало в период Гражданской войны, перед тем как отправить полк Мишки Япончика на боевые позиции, состоялся парад части. По словам А. Гринштейна, принимавшего его: «Зрелище было довольно любопытное. В ответ на мои приветствия последовала речь Япончика, примерно такого содержания: «Мы, мол, были воры и налетчики, но то было при старом режиме, а при советах мы станем передовыми бойцами и так далее и тому подобное в этом роде. Все дружно кричали «ура». Торжество, однако, было омрачено донесением о налете молодчиков из полка Япончика на жителей Бирзулы» [46].

К сказанному стоит добавить воспоминания еще одного из очевидцев парада, повествующего о внешнем виде бойцов полка: «Это было умопомрачительное зрелище. Синие, голубые и красные галифе, лакированные сапоги и модные туфли, офицерские кителя и гражданские пиджаки, сюртуки, фуражки, кепки, папахи... Люди увешаны патронташами, пулеметными лентами, за поясами торчат кинжалы, на португелях болтаются шашки, ниже колен свисают револьверы...» [47].

Полк Япончика все-таки выступил на фронт и. Используя ручные бомбы, совершил удачную атаку. Однако после наступления ночи его личный состав, забрав все свое имущество, кроме винтовок, которые уголовники не любили использовать в бою и давно уже бросили, одесские горе-вояки бежали с фронта. На железно-дорожной станции Вознесенск оплошавший Мишка Япончик был задержан и в силу того, что вел себя вызывающе, был просто застрелен комендантом станции [48].

Так бесславно закончился анархо-большевистский эксперимент по привлечению уголовников Одессы в ряды Красной армии. Дружки. Япончика, желая отомстить за убийство своего главаря, стали охотиться на руководителей большевистского подполья Одессы. При этом были убиты выданные одесскими «блатными» в застенках денкинской контрразведки несколько известных большевиков-подпольщиков. Самими же уголовниками был убит продолжавший и в подполье сотрудничать с большевиками анархист Саша Фельдман [49].

В дальнейшем большевики сотрудничали в военных вопросах только с отдельными представителями анархистского движения, разделявших взгляды большевистского руководства на военное строительство и мужественно сражающихся на фронтах против войск интервентов и белогвардейцев.

### Примечания

1. Чуднов М. Н. Под черным знаменем: Записки анархиста. М., 1930. С. 66.
2. Там же.
3. Гражданская война: материалы. М., 1923. Т. 2. С. 41.
4. Там же. С. 70.
5. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне: в 4 т. М., 1932. Т. 2. С. 41.
6. Рошаль М. Записки из прошлого. М., 1969. С. 15.
7. Ильин-Женевский А. Ф. Большевики у власти: Воспоминания о 1918 году. Л., 1929. С. 60.
8. Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918). М.: Л., 1965. С. 210.
9. Там же. С. 210–211.
10. Буревестник. 1918. 2 марта.
11. Грачев П. Червона гвардія України у жовтневій революції. Харьков. 1969. С. 114–116; Борьба за Советы на Екатеринославщине. С. 195–198.
12. Ярославский П. Из истории Одесской Красной гвардии // Летопись революции. 1924, № 3 [8]. С. 6.
13. Ремпель Л. И. Красная гвардия в Крыму. 1917–1918. Симферополь, 1931. С. 101.
14. Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. Свердловск, 1933. С. 52.
15. Там же.
16. В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 248.
17. Победа Великой Октябрьской социалистической революции: сб. воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958. С. 43.
18. Рычкова Г. П. Указ. соч. С. 86; Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 128.

19. РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 17.
20. Кожевни В. Е. Дмитрий Шиллов. Улан-Удэ, 1979. С. 46 ; Красногвардейцы и партизаны: сб. воспоминаний. Чита, 1957. С. 13–14.
21. Павлова И. В. Красная гвардия в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 163.
22. Штырбул А. А. Указ. соч. С. 177.
23. Там же. С. 159.
24. Зольников Д. М. Борьба большевиков Сибири с анархо-синдикалистскими тенденциями в рабочем движении в 1917–1918 гг. // Партийные организации Сибири в социалистическом строительстве. Новосибирск, 1973. С. 29. (Научные труды Новосибирского государственного университета: историческая серия; вып. 6).
25. Павлова И. В. Указ. соч. С. 59.
26. Зольников Д. М. Указ. соч. С. 24.
27. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 5.
28. Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957. С. 169–170.
29. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 168.
30. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 5–6 ; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 247.
31. Рябиков В. В. Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск, 1957. С. 174, 181–182.
32. Познанский В. С. Указ. соч. С. 267 ; Рябиков В. В. Указ. соч. С. 115.
33. Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 – март 1920 гг.). Владивосток, 1962. С. 59.
34. Познанский В. С. Указ. соч. С. 267.
35. Безродный А. Амур в огне. Владивосток, 1932. С. 20.
36. Там же. С. 21 ; Познанский В. С. Указ. соч. С. 267.
37. Цит. по.: Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 13.
38. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 22–23.
39. Анулов Ф. Союзный десант на Украине // Летопись революции. 1923. № 5. С. 193–194.
40. Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1962. С. 66–67.
41. Там же. С. 68.
42. Там же. С. 69.
43. Там же. С. 71.
44. Там же. С. 72.
45. Гринштейн А. Из истории 45-й дивизии // Летопись революции. 1927. № 1 [22]. С. 89.
46. Там же.
47. Командарм Якир: воспоминания друзей и соратников. М., 1963. С. 77.
48. Фомин Ф. Т. Указ. соч. С. 72–73.
49. Логиннов В. Заметки о деникинском подполье // Летопись революции. 1929. № 2 [35]. С. 186.



## 5. Анархисты и революционный флот

Уже в первом составе Центрального комитета Балтийского флота, образованного после победы Февральской революции 1917 г., среди вошедших в него представителей различных политических партий и беспартийных, были анархисты [1]. В июне 1917 г. в Ревельском Совете рабочих и солдатских депутатов из 311 делегатов было до 70-ти большевиков, около 90 эсеров и 11 анархистов. Остальных депутатов представляли беспартийные. Два анархиста входили в Исполнительный комитет этого Совета [2].

В начале августа 1917 г. в Кронштадтский Совет из почти 300 делегатов было избрано 96 большевиков, 73 эсера, 13 меньшевиков, 7 анархистов и более 100 человек беспартийных. Один из анархистов вошел в Исполком Совета [3].

Активно анархисты действовали и среди личного состава Сибирской военной флотилии, где уже в мае 1917 г. команда эсминца «Грозный» приняла резолюцию в поддержку «идейных» анархистов. Большое влияние анархисты оказывали и на экипаж военного судна «Печенга» [4].

Определенная популярность анархистов на Балтийском флоте у части матросов была связана с их резкой критикой политики Временного правительства и буржуазных партий, а также радикальностью выдвигаемых лозунгов, в чем анархисты преуспели больше других российских революционеров. Однако, учитывая то обстоятельство, что большинство матросов Балтики шло за левыми эсерами и большевиками, тесно взаимодействовавшими и сотрудничавшими друг с другом, анархисты, действовавшие на флоте, по многим вопросам активно поддерживали позицию этих революционных партий.

Наиболее всего это было заметно в Кронштадте, где местная группа анархистов-синдикалистов во главе с Е. З. Ярчуком неоднократно на многочисленных митингах и собраниях, проходивших на Якорной площади в период между двумя российскими революциями 1917 г., по ряду важных политических и тактических вопросов поддерживала большевиков и левых эсеров. Лидеры анархистов Балтики Е. З. Ярчук, Э. А. Берг, А. Г. Железняков и другие на практике действовали в то время в тесном контакте с представителями других революционных партий, что вызвало порой серьезное недовольство петроградских анархистов [5].

В сентябре-октябре 1917 г. влияние анархистов на матросские массы флота в России заметно усилилось и об этом в ЦК своей партии писали руководители местных большевистских организаций. Например, член

Севастопольского комитета РСДРП (б) Н. И. Островская, обращаясь к своему партийному руководству в письме от 16 сентября сообщала: «Если не пришлете двух работников, то разовьется намечающийся здесь уклон к анархизму...», а затем в письме от 10 октября еще более тревожно: «за последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений... их принимают за нас, наши не отходят, но масса «левее» по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам не малым...» [6]

Беспокойством и тревогой было проникнуто письмо В. А. Антонова-Овсенко, писавшего в сентябре из Гельсингфорса: «Масса идет через нашу голову – на съезде балтийцев оборонцами не пахнет, но есть – небывалое у нас явление – 6 анархистов. В провинции и того хуже – бурлят, невтерпеж. Надо спешить с организацией» [7].

Деятельное участие отдельных анархистов Балтийского флота в подготовке большевистского переворота в Петрограде в октябре 1917 г. способствовало тому, что матросские массы избрали несколько их представителей на II Всероссийский съезд Советов. Его делегатами стали А. Г. Железняков и Е. З. Ярчук [8]. Характерно то, что при выборах анархиста Е. З. Ярчука за него отдали свои голоса как часть левых эсеров и максималистов, так и большевистская фракция. Объясняя действия большевиков, известный на Балтике депутат Петроградского совета и Петроградского ВРК И. П. Флеровский писал, что «наше голосование за Ярчука определялось необходимостью иметь на съезде политически решительного человека, способного без колебаний идти за нами до конца. Ярчук был таким» [9].

Активная деятельность анархистов по установлению Советской власти в различных районах страны, тесное сотрудничество многих из их числа в это время с большевиками и левыми эсерами, привели к тому, что их лидеры в момент прихода к власти большевиков и в первые месяцы 1918 г. были среди руководителей российского флота. Красноречивее всего об этом говорят следующие факты: Главным комиссаром Черноморского флота с ноября 1917 по февраль 1918 г. был анархист-коммунист В. В. Романец [10]. Анархист Е. С. Блохин с 23 марта по 30 мая 1918 г. исполнял обязанности комиссара Балтийского флота [11]. Одним из руководителей Центрального комитета Мурманской флотилии несколько месяцев был член Мурманского Совета анархист С. Л. Самохин [12].

После прихода к власти большевиков соотношение политических сил на флотах бывшей Российской империи изменилось в пользу меньшевиков, левых эсеров и анархистов. Факты свидетельствуют о том, что экипажи некоторых судов отказывались выполнять приказы большевистского руководства уже в декабре 1917 г. [13].

Любопытный эпизод, связанный с деятельностью анархистов-синдикалистов Кронштадта, произошел в конце 1917 г. Влияние анархистов на членов Кронштадтского Совета было в то время столь велико, что действия начальника уголовной милиции, члена Исполнительного комитета Кронштадтского Совета Панкратова, пытавшегося пресечь проводимые анархистами и уголовными элементами под видом анархистов, экспроприации, результатом чего стал обыск в анархистском штабе по выявлению изъятого у населения имущества, были встречены в штыки анархистами. Кронштадтский Совет (основу которого составляли большевики) вынужден был уступить требованию входивших в его состав анархистов под руководством Е. З. Ярчука, которые заявили о том, что решили «...отозвать своих членов из Исполнительного Комитета» [14], что в определенной степени могло парализовать работу Кронштадтского Совета. Вопрос был снят с повестки дня в связи с упразднением криминальной милиции и конфликт с анархистами был улажен.

В начале 1918 г. анархисты усилили свою активность, что проявилось в захвате ими здания Морского собрания в Гельсингфорсе, а также при проведении экспроприации в одном из магазинов города. Несмотря на то, что действия анархистов были осуждены решением специально созванного заседания Гельсингфорского флотского комитета совместно с матросской фракцией Совета, Центробалтом и судовыми комитетами, предложившими анархистской группе очистить здание Морского собрания в 24 часа [15], нашлись экипажи судов, выступившие против решения Центробалта и большинства судовых комитетов. Например, команда эскадренного миноносца «Сторожевой» приняла на общем собрании резолюцию, в которой требовала не только сохранения за анархистами здания Морского собрания, но и прекращения всяческих преследований матросов-анархистов за проводимые ими экспроприации [16].

Вот содержание этого любопытного постановления команды эскадренного миноносца «Сторожевой» с полным сохранением стиля текста оригинала:

«Протокол.

Заслушав доклад т. Волкова об анархистах 23 января с. г. Мы, команда эск. мин. Сторожевой на общем собрании обсудив создавшееся положение детально во всей его плоскости все как один человек постановили «требовать».

1. Протестуем самым решительным образом решению М. Ф. к-та. Совместно с Центробалтом... и требуем беспрекословной выдачи хлеба клубу анархистов, т. е. нашему народному делу, так как у нас такового не существует. И требуем выдачи т. т. анархистам всей провизии как и выдается так называемому буржуазному Матросскому Клубу.

2. Категорически протестуем против выселения т. т. анархистов как-то с самого Клуба и пределов Финляндии. Кто это посмел выносить такое решение, мы в лице всех команд эск. мин. Сторожевой клеймим позором тех г. г. правителей, которые посмели посягнуть на волю социалистов анархистов коммунистов так как г. г. правители не выражают волю массы, а действуют как им угодно и как им нравится, таких насильий не должно быть в свободной стране, да здравствует свобода слова и неприкосновенность личности.

3. А относительно тех элементов, которые грабят якобы они анархисты, а на самом деле какие-то темные личности, и этим самым клеймят т. т. анархистов и их великую идею дела, то против таких элементов принять самые суровые меры всем подписывается Председатель судебного комитета и Секретарь.

Председатель  
Секретарь» [17].

В январе 1918 г. группа матросов-анархистов транспортного судна «Чайка», как было заявлено ими, в отместку за репрессии царского самодержавия в период революции 1905–1907 гг. совершили убийство арестованных в октябрьские дни в Петрограде бывших министров Временного правительства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, находившихся в тот момент на лечении в Мариинской больнице. Специальной следственной комиссии уже на следующий день удалось установить, что непосредственными исполнителями этой акции явились матросы-анархисты Оскар Крейс и Яков Матвеев [18]. Нечто подобное, но только в более значительном масштабе, произошло 15–16 декабря 1917 г. в Севастополе, где матросы Черноморского флота, видную роль среди которых играл анархист Власов, устроили самосуды, расстреляв несколько десятков офицеров флота и других так называемых буржуазных элементов [19].

О ситуации, сложившейся в Крыму в последние месяцы 1917 г., в период проводимых там самосудов, свидетельствовал известный русский поэт Максимилиан Волошин: «Между тем волна всеобщего развала достигла Крыма и сразу приняла кровавые формы. Началось разложение Черноморского флота. Когда я в первый раз при большевиках подъезжал из Коктебеля к Феодосии, под самым городом меня встретил мальчишка, посмотрел на меня, свистнул и радостно сообщил: „А сегодня буржуев резать будут!“ Это меня настолько заинтересовало, что приехал на два дня, я остался в городе полтора месяца. Феодосия представляла в эти дни единственное зрелище: сюда опоражничивались Трапезундская армия, сюда со всех берегов Черноморья стремились транспорты с войсками и беженцами, как в единственный открытый порт...

В те дни спасались в нем народы:  
 Затравленные пароходы  
 Врывались в порт, тушили свет,  
 Причаливали, швартовались,  
 Спускали сходни, выгружались  
 И шли захватывать Совет.  
 Пестрели бурки и халаты,  
 И пулеметы, и штыки,  
 Румынские большевики  
 И трапезундские солдаты,  
 „Семерки“, „Тройки“, „Румчерод“,  
 И „Центрослух“, и „Центрофлот“,  
 Полки одесских анархистов  
 И анархистов-коммунистов,  
 И анархистов-террористов –  
 Специалистов из громил.  
 В те дни понятия так смешались,  
 Что господа буржуй молил,  
 Чтобы Совет их охранил,  
 Чтобы у власти продержались  
 Остатки большевистских сил...» [20].

Несмотря на стремление местных властей покончить с самосудами и проведением незаконных экспроприаций, они вновь возобновились в Севастополе уже в 1918 г. За период с 23 по 25 февраля в городе было расстреляно до 350 человек [21]. Массовый террор, ответственность за который несли не только анархисты, но и местные большевистские органы власти, перекинулись и на другие города Крыма, хотя в ряде мест, как, например, в Алушке, удалось не допустить самочинных арестов и расстрелов [22]. Второй Обще-черноморский съезд и команды ряда судов флота резко осудили в своих резолюциях самосуды:

«Резолюция.

2-й Обще-Черноморский съезд в экстренном заседании совместно с Ц. Ф., представителями социалистических партий, демократических организаций и представителями судовых и береговых комитетов флота постановляет:

1) Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе в течение трех кошмарных ночей.

2) Немедленно создать комиссию из лиц собрания для установления степени виновности замешенных лиц и решить как с ними быть, и меры пресечения, а все судовые комитеты и товарищи матросы обязуются способствовать раскрытию всего этого гнусного дела: дабы показать



пролетариату западных государств, что русские социалисты не палачи, подобно царским, имевшим место при кровавом Николае II.

3) Председатель Ц. Ф. для разбора этого дела временно слагает свои полномочия.

4) Никакой вызов к выступлению флота не должен быть без осведомления о том Ц. Ф., каковой и делает соответствующие распоряжения.

5) Просить все судовые и береговые комитеты флота, совместно с командой обсудить этот вопрос и резолюции представить съезду» [23].

Не было самочинных расстрелов и в Феодосии, которых, по воспоминаниям М. Волошина, удалось избежать весьма своеобразным способом, характерным для эпохи начального этапа Гражданской войны: «Во главе Совета стоял портовый рабочий – зверь зверем, – но когда пьяные матросы с „Фидониси“ потребовали устройства немедленной резни буржуев, он нашел для них слово, исполненное неожиданной государственной мудрости: „Здесь буржуи мои и никому чужим их резать не позволю“, установив на этот вопрос совершенно правильную хозяйственно-экономическую точку зрения. И едва ли не благодаря этой удачной формуле Феодосия избегла своей Варфоломеевской ночи» [24].

Несмотря на предпринимаемые меры, некоторыми представителями анархистов совершались террористические акты против руководителей местных органов власти. Так, в апреле 1918 г. на корабле «Афон» при его переходе из Одессы в Крым анархистами был убит П. И. Старостин, являвшийся до того времени председателем Облисполкома Одесского Совета [25]. Анархистами Симферополя примерно в это же время был убит начальник вооруженных сил города Хацько [26].

Весьма заметным было и влияние анархистов на моряков торгового флота. Тем более, что большая часть торговых судов была вооружена еще со времен Первой мировой войны и фактически была превращена в военные корабли. В Одессе, после бегства ряда офицеров, членов штаба транспортной флотилии во главе с адмиралом Хоменко, Союз моряков принял решение о взятии руководства торговыми судами в свои руки. После длительного совещания в Комитете моряков и Исполкоме г. Одессы руководящая часть моряков торгового флота во главе с Чернявским оказалась под влиянием анархистов, что выразилось в принятии нескольких своеобразных анархистских решений «Советом девяти», стоявшим во главе торгового флота.

«Совет девяти» обратился по радио с декларацией ко всем государствам, расположенным по берегам Черного моря, в которой объявил Российский Черноморский торговый флот «вольным флотом» и предложил всем правительствам черноморских стран войти в переговоры с «Советом девяти» по совместной эксплуатации этого флота.

Анархистов не смутило ни то, что страны, к которым они обратились, находились в состоянии войны друг с другом, ни то, что предлагая совместными усилиями эксплуатировать торговый флот, они тем самым помогали странам Четверного союза и Антанты расправиться с Советским государством. К тому же анархистское руководство торгового флота не поинтересовалось мнением моряков на этот счет.

Абсурдность этого решения «Совета девяти», полный отрыв от реальной жизни, наиболее ярко проявились в Керчи, где последователи «Совета девяти», анархисты во главе с Улановским, также объявили торговый флот, находившийся на керченском рейде, вольным и предложили морякам по своему усмотрению работать на судах и заработок судов делить между командами кораблей. Однако после занятия города австро-германскими войсками и в результате действий белогвардейской контрразведки, приступившей к арестам моряков, Улановский и другие анархисты вынуждены были спасаться бегством.

В Новороссийске «Совет девяти» был смещен Управлением Черноморского торгового флота и Областным Черноморским Комитетом Союза моряков. На место анархистов к руководству торговым флотом пришли большевики Ачканов и Кремянский, хотя анархистские и левозэсеровские настроения среди моряков торгового флота изжиты до конца не были. К сожалению, в сложной обстановке начавшейся Гражданской войны, сохранить торговый флот на Черном море не удалось, т. к. австро-германские интервенты сумели обманом увести большую часть судов в Севастополь, где они стали в дальнейшем добычей белогвардейских правительств генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля и, в конце концов, оказались в большинстве своем за границей [27].

К весне 1918 г. влияние анархистов в Крыму ослабло. По воспоминаниям того же М. Волошина, «...борьба с анархистами шла довольно успешно, и однажды феодосийцы смогли прочесть на стенах трогательное воззвание: „Товарищи! Анархия в опасности: спасайте анархию!“ Но на следующий день на тех же местах висело уже мирное объявление: «Революционные танц-классы для пролетариата. Со спиртными напитками». Анархия была раздавлена» [28].

Серьезный удар по авторитету большевистских лидеров на Балтийском флоте и в Центробалте, являвшемся фактически коллективным руководителем флота, нанесли анархисты и их сторонники в начале 1918 г. Под влиянием известного матроса-анархиста П. М. Скурихина Центробалт 5-го созыва принял решение о лишении полномочий П. Е. Дыбенко в качестве представителя этого органа в Верховной морской коллегии [29]. Стоя на позиции образования вольнонаемного флота, Центробалт, а вслед

за ним Всероссийская военно-морская конференция Черноморского флота и выборные органы флотилии Северного Ледовитого океана выступили против большевистских планов создания Рабоче-Крестьянского Красного Флота, строившегося на тех же принципах, что и РККА [30].

Центробалт под влиянием активно действовавших анархистов, прежде всего Скурихина и Дудина, выступил резко против решения Советского правительства о назначении комиссаров, внесших предложение о необходимости реорганизации флота и роспуска Центробалта, а также против приказа СНК о переводе Балтийского флота из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт в связи с заключением Брестского мира и возможным захватом флота Германией [31].

4 марта 1918 г. Центробалт был все-таки распущен по решению Советского правительства, и в управление флотом вступил Совкомбалт – Совет Комиссаров Балтийского флота – совещательный орган при Главном комиссаре. Он состоял из 9–19 выборных членов. 12 марта была восстановлена должность начальника Морских сил. В конце марта 1918 г. В. И. Лениным было утверждено положение о новой структуре управления флотом. Согласно ему, в мае был восстановлен штаб Балтийского флота, а Кронштадтская крепость была оперативно подчинена командованию Балтийского флота [32].

Довольно жесткими действиями с помощью вооруженных отрядов матросов, преданных Советскому правительству, большевикам удалось резко снизить влияние анархистов на матросские массы, что стало особенно заметным после эвакуации кораблей Балтийского флота в Кронштадт. Настроение матросских масс отчетливо выразил III съезд моряков Балтийского флота, выборы делегатов на который проходили при значительном нажиме большевиков. Съезд этот проходил в апреле 1918 г. Публикуя отчет о его работе, «Известия» писали: «Преобладающее настроение съезда строго-деловое, чувствуется жажда порядка, сильное единодушие, желание создать боеспособный флот. Вопреки широко распространенному мнению, анархизм не встречает сочувствия в матросских кругах» [33].

Яркой иллюстрацией давления большевиков на работу съезда послужил инцидент с известным петроградским анархистом И. Блейхманом, который прибыл на съезд с мандатом от бюро конференции петроградских красногвардейцев, проходившей в городе в эти же дни, и где влияние анархистов на принимаемые решения было весьма заметно. Однако III съезд моряков Балтийского флота (не без вмешательства большевистского руководства флота) отверг его просьбу о присутствии на заседании даже в качестве гостя и постановил: «Блейхмана удалить» [34].

Процесс падения влияния анархистов на Балтийском флоте продолжался. Значительное уменьшение их популярности вследствие действий

большевиков и укрепления их диктатуры можно наглядно проследить на примере Кронштадта – одной из важнейших баз флота. Если в январе 1918 г. в Кронштадтский Совет было избрано из 283 делегатов 14 анархистов [35], то в июле 1918 г. лишь 3 человека [36], в январе 1919 г. – 1 человек [37], а уже в июле 1919 г. – ни одного [38].

О снижении влияния анархистов на матросские массы Балтики говорит и состав 5-го съезда моряков Балтийского флота, состоявшегося в июле 1918 г. На съезд было избрано 107 большевиков, 11 левых эсеров, 19 беспартийных и только 1 анархист [39]. Резко уменьшилась активность анархистов на базах и кораблях флота. За весь 1919 год было совершено лишь одно террористическое выступление анархистов против Советской власти – взрыв бомбы в августе во время митинга-концерта в Кронштадте [40]. Сколь-либо заметных выступлений анархистов на Балтике в 1920 г. не произошло.

В годы Гражданской войны Балтийский флот был небоеспособен и практически заперт в Финском заливе. Черноморский флот был утрачен из-за действий австро-германских войск. Большинство матросов оказалось на суше, поэтому не удивительно, что матросские отряды воевали на различных фронтах Гражданской войны на суше.

В период установления Советской власти на окраинах бывшей Российской империи многие матросские отряды, в том числе и руководимые анархистами, поддерживали на начальном этапе Гражданской войны очень тесную связь с центром, с главной базой Балтийского флота – Кронштадтом. Например, комиссар одного из отрядов балтийских моряков Е. З. Ярчук, вернувшийся в Кронштадт с отрядом с Калединского фронта в марте 1918 г., привез с собой для нужд городского населения «...20 вагонов муки, 95 лошадей, около 30 пулеметов, 15 вагонов угля, находящегося еще в пути, шесть 3-х-дюймовых орудий. Винтовки, патроны, пулеметы и прочее» [41].

Многие матросские отряды, а таких было большинство, являлись центрирующим ядром будущих регулярных частей Красной армии. Неплохо себя зарекомендовали на фронтах и некоторые отряды под командованием анархистов. Значительный вклад в разгром корниловцев, гайдамаков, калединцев, татарских националистов, петлюровцев внес отряд черноморских матросов под командованием анархиста-коммуниста А. В. Мокроусова, который продолжал активно сотрудничать с большевиками и в Севастополе, а ранее – в Петрограде. Красноречивее всего об этом говорит тот факт, что в Черноморском флотском экипаже при выборах в Севастопольский Совет (конец 1917 г.) А. В. Мокроусов баллотировался по списку большевиков и получил подавляющее количество голосов [42].



Однако имелись и другие негативные примеры действий на фронте матросских отрядов, где значительным влиянием пользовались анархисты. В июле 1918 г. в Пермь прибыл 1-й экспедиционный отряд в составе 425 моряков-добровольцев Балтийского флота с двумя орудиями и 10 пулеметами. Во многих боях против белогвардейцев и чехословаков отряд показал себя с самой лучшей стороны. Несмотря на бегство находившегося рядом на соседней позиции отряда анархистов, балтийские моряки, атакованные с трех сторон, отбиваясь гранатами и переходя в штыковые контратаки, отошли к своему эшелону. В боях отряд понес большие потери и через два дня прибыл в Кунгур, где группе анархистов удалось убедить матросов о необходимости их отъезда в Петроград [43]. Известие об этом вызвало волну возмущений на флоте. На станции Званка дезертиры были остановлены, часть матросов-анархистов была арестована, а остальные возвращены в район Перми [44].

В районе г. Нижний Тагил по приказу штаба 3-й армии в августе 1918 г. был разоружен за самовольное оставление позиций отряд матросов-анархистов под командованием Борисова. Начальник отряда и главные виновники бегства были преданы военно-полевому суду [45].

Некоторые матросские отряды, руководителями которых являлись анархисты, нередко вступали в конфликты с представителями местных органов власти. Так, ликвидация одного из очагов анархо-бандитизма была проведена красногвардейскими отрядами в Петрограде, где противоправными действиями занялась часть матросов 2-го Балтийского флотского экипажа во главе со старшим братом А. Г. Железняка. Матросы-анархисты очень быстро превратились в заурядную уголовную банду, забыв о дисциплине, порядке и матросской чести. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, матросы-анархисты превратили свое место расположения в нечто никак не похожее, даже с первого взгляда невоенного человека, на жилище военного матросского отряда. Он писал: «Мы вошли в довольно просторную комнату всю сплошь беспорядочно заваленную ящиками с ручными гранатами, бомбами, бикфордовым шнуром, ружьями, лентами от пулеметов, ящиками с ружейными патронами. Тут же вперемешку стояло более десятка пулеметов, валялись беспорядочно сложенные ружья, у стен – куча револьверных патронов. В углу стояли знамена и длинное черное полотно, укрепленное на двух шестах, на котором белыми буквами тянулась бледная надпись: «Да здравствует анархия!» И действительно анархия здесь здравствовала. Она была в полной красоте своей» [46].

Призывы В. Д. Бонч-Бруевича к порядку и дисциплине ни к чему не привели. Лишь после применения военной силы Советскому правительству удалось образумить анархистское руководство 2-го Балтийского



флотского экипажа и разоружить большую часть его недисциплинированных матросов [47].

О том, во что превратились матросские отряды на фронтах Гражданской войны под влиянием не только недисциплинированных своих руководителей, но и в силу ряда обстоятельств, говорит случай, произошедший в августе 1918 г. под Казанью с одним из таких отрядов. Емко и четко о нем говорится в приказе Главнокомандующего Восточным фронтом И. И. Вацетиса и члена Революционного Военного Совета К. А. Механошина № 50: «2-го августа Казанский социалистический батальон моряков получил боевой приказ выступить из Казани на позицию для обороны устья Камы. В ответ на этот приказ представители батальона в лице командира батальона и политического комиссара явились ко мне и заявили решение общего собрания моряков о возможности выступить на позиции лишь по удовлетворении их вперед жалованием за месяц, провизией, боевыми припасами и т. д. Мною было приказано немедленно их всем этим удовлетворить и утром 3-го августа отправить на позиции. Этот приказ не был выполнен. Обнаружилось, что вследствие разгульной жизни в батальоне моряков оказалось много больных венерическими болезнями, неспособных выступить в поход. Батальон моряков, имея по списку около 500 человек, выступил через два дня после назначенного срока в составе около сотни человек. Узнав у дер. Нижний-Услон о бегстве нашей Волжской флотилии, Казанский социалистический батальон моряков присоединился к беглецам и вместе с последними покинул Казань, убежав на пароходе вверх по Волге и никакого участия в боевых действиях под Казанью и на ее подступах не принимал. За неисполнение боевого приказа предается Военно-революционному трибуналу командир означенного батальона и политический комиссар. Батальон же за столь позорное поведение расформировывается. Тов. Раскольников прощу опубликовать списки всех моряков Казанского социалистического батальона, изменивших своему долгу солдата-гражданина» [48].

Именно о таких матросских отрядах, как Казанский социалистический батальон, писала в августе 1918 г. «Петроградская правда»: «Что же случилось под Казанью? Кто не подчинился новому революционному приказу? Моряки ли это русского флота стали предавать дело революции? Нет – то кучка дезертиров революции! Им нет больше места в рядах революционеров. Революционный же флот сумеет еще не раз оправдать свою великую славу» [49].

С разложившимися, анархически настроенными матросскими отрядами частям Красной армии и органам Советской власти пришлось

вести борьбу и в других районах страны. Связано это было еще и с тем, что многие матросские отряды, даже крепко спаянные внутренней дисциплиной, хорошо обмундированные и вооруженные, на практике в первые годы Гражданской войны не очень точно и обязательно стремились выполнять приказы вышестоящего начальства и зачастую «колесили» с фронта на фронт. При этом они сами выбирали места своего пребывания с учетом интересов входивших в отряд матросов. Большинство из этих воинских формирований ждала судьба отряда матроса Полупанова:

«Черноморский, летучий, республиканский, истребительный отряд моряков! И это еще не полное его название... его ядро – действительно черноморские матросы; отличные товарищи, великолепные бойцы, участники неизвестного на Дону отряда Полупанова, носившего почетные флотские ленточки. Но это было очень давно; полгода тому назад. Отброшенные с низовьев Дона партизанские и красногвардейские отряды не все сумели влиться в войсковую организацию Красной армии... И не мудрено, что возникали товарищеские боевые группы, выбиравшие по своей воле ближайшую судьбу и... маршрут. С Дона перекинулись на Волгу, по Волге – в Астрахань. А по пути «обросли бродячим элементом всякой породы»... Месяца через два «республиканцы» были отправлены на фронт, где в атмосфере Кизлярского винного района были со скандалом расформированы» [50].

Любопытно, что многие из матросских отрядов только на словах и по форме были матросскими, а на деле оказывались зачастую мало похожими на действительно революционные части. Так, в июле 1918 г. Ставропольский губернский Исполком разоружил бесчинствующий матросский батальон. В ходе проверки его личного состава оказалось, что в батальоне матросов было только 18 человек, «а остальные – подозрительный сброд, причем у многих не было никаких документов, хотя все были одеты матросами» [51].

Н. И. Подвойский (Председатель Высшей военной инспекции РККА) в связи с этим инцидентом направил 16 июля 1918 г. телеграмму Л. Д. Троцкому (Председателю РВСР): «Необходимо издать декрет, что за использование матросской формы лицами, не состоящими на морской службе, будет налагаться строжайшая кара» [52].

Если ряд матросских отрядов во многих случаях и не без помощи анархистов часто оказывался не способным постоять за себя, то некоторые из числа анархистских отрядов, в состав которых входили представители различных партий, а большинство составляли беспартийные, в отдельные периоды Гражданской войны сознательно выступали против политики, проводимой большевистским руководством. Заключительным аккордом этих выступлений были события, развернувшиеся весной

1921 г. в Кронштадте, однако, несомненным близнецом этих событий, в какой-то степени предтечей Кронштадта, можно считать выступление матросов Черноморского флота весной 1919 г. в Николаеве.

По распоряжению Украинского Советского правительства было принято решение о мобилизации матросов, проживавших в республике, в Николаевский флотский полужкипаж. К концу своего формирования он насчитывал около 1500 человек. Это были люди разных политических взглядов, возрастов, но всех их объединяло резкое недовольство введением на Украине 1 апреля 1919 г. продразверстки (обязательная сдача крестьянами государству по твердым ценам всех излишков (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) хлеба и других продуктов).

В Николаеве события развивались следующим образом. Матросы флотского полужкипажа на одном из воскресных митингов выступили с резкой критикой проводимой местным Исполкомом политики и сумели вскоре привлечь на свою сторону большинство личного состава гарнизона города. И городская милиция, и караульный батальон, и артиллерийские части, и часть спартаковцев (подразделение, сформированное из представителей различных национальностей, большинство из которых составили более 200 австро-германских солдат как пленных, так и оставшихся по собственной воле в городе после ухода кайзеровских войск) встали на сторону флотского полужкипажа или решили соблюдать нейтралитет в его борьбе против местной власти. Активную роль в этом матросском выступлении играли анархисты.

Местная ЧК была разгромлена. Несколько ее членов, включая и председателя Абашидзе, были убиты. Многие члены местной большевистской организации ушли в подполье, а наиболее известные из них были арестованы, в том числе и председатель Николаевского Исполкома Соколов и военный комендант Белов.

И здесь, вероятно, следует сказать о самом главном и принципиальном отличии украинских событий от того, что произошло весной 1921 г. в Кронштадте. При почти полной схожести начала выступлений матросов Черноморского, а затем и балтийского флотов – общегородской митинг там и там, отказ в доверии руководителям Советской власти (в этом случае председателю Николаевского Исполкома Соколову и председателю ВЦИК М. И. Калинин) матросы Кронштадта не громили ЧК и никого не убили. События весны 1921 г. носили вначале абсолютно мирный характер со стороны выступивших матросов, в городе ими поддерживался образцовый порядок.

В Николаеве весной 1919 г. все было иначе. На заседании Николаевского Совета, продолжавшего работать и дальше, военкомом и начальником гарнизона города был избран матрос Проскуренко – один из

наиболее активных участников митинга, положившего начало выступлению матросов. Комендантом города был назначен, по собственной инициативе, матрос-анархист Евграфов [53].

На имя николаевского военкома Проскуренко 18 мая был подан рапорт следующего содержания: «По уполномочию красных моряков города Николаева, прошу Вашего распоряжения на выпуск газеты. Военный моряк Евграфов» [54].

Новая газета «Свободное слово красного моряка», издаваемая анархистами, сформулировала основные требования восставших. Эта программа во многом созвучна с требованиями кронштадтских матросов, выдвинутых ими в 1921 г.

Газета «Свободное слово красного моряка» писала:

«Мы честно, открыто заявляем, что мы – беспартийные и независимые ни от какой партии социалисты. Мы беспартийные люди, любящие свою родину, мечтающие о праве и о свободе для всех граждан нашего отечества, выступившие в качестве партизанов для борьбы за правду, свободу, революцию.

Мы враги партийной узости, партийной замкнутости, крайних политических течений, губящих нашу родину, и несправды.

Под лозунгом «Свободное слово красного моряка» мы собираем все рвущееся из тьмы политической неразберихи, все мятущееся во имя правды и справедливости» [55].

Далее речь шла о Советах и депутатах: «Те порядки, которые существуют у нас под названием Советской власти, действительно не особенно хороши... Нехороши они главным образом тем, что власти Советской, собственно говоря, нет, нет власти рабочих и крестьян. По тому, что говорят и пишут представители этой власти и люди, стоящие у нее на службе, можно подумать, что рабочие и крестьяне и вправду властители и вправду хозяева сами. Но разве, рабочие, вы чувствуете в самом себе властителя? Когда вы выбирали своего представителя в Совет рабочих и крестьянских депутатов, вам сказали: „Выбирайте коммуниста-большевика, а если не выберете большевика, значит вы предатели революции“. Ну. Вы послушали и выбрали большевика, а если не большевика выбрали, так он с перепугу записался в большевики. Выбрали вы своего депутата в Совет – тем все и окончилось. Спрашивал ли он хоть раз, чего ему следует добиваться в Совете? Делал ли он доклад о своей деятельности и деятельности Совета?... Все разрушено. Нет хлеба, нет одежды, нет топлива. Идут бои на сотнях внутренних и внешних фронтов... Если Советская власть была бы лучше, была бы настоящая, не было бы столько врагов у Советской России» [56].

В другом номере газеты были выдвинуты конкретные требования восставших матросов:

«Нужно очнуться от оцепенения и принять деятельное участие в политической жизни страны. Это необходимо сделать немедленно, ибо мы идем к гибели. Нужно добиться, чтобы ваши депутаты в Совете действительно выражали ваши взгляды и настроения и имели возможность проводить их в жизнь. Нужно добиться того, чтобы вы могли заменить одного депутата другим, если он был выбран неправильно, под влиянием власти, или если в избрании его участвовали только немногие из вас. Нужно добиться:

- 1) действительной власти Советов, уничтожения комиссародержавия;
- 2) организации общих перевыборов Совета, причем выборы должны быть организованы так, чтобы в них могли принять участие равное все трудящиеся и чтобы не было со стороны начальства никакого давления и никакой указки – кого можно выбирать, а кого нельзя;
- 3) пропорционального представительства;
- 4) полной свободы предвыборной агитации и вообще восстановления политических свобод и прав человека и гражданина;
- 5) уничтожения по всей Украине кровавой коммунистической чрезвычайки и застенка, где сидели люди без суда и следствия;
- 6) сокращения числа советских канцелярий и чиновников и избрания ответственных работников Советов;
- 7) коренного изменения продовольственной политики, глупой и жестокой, ведущей страну и народ к гибели;
- 8) признания всех политических партий, стоящих на платформе Советской власти.

Короче говоря, добиться установления на деле, а не на словах, свободы и власти трудящихся. Одним словом, нужно взять свое дело в свои руки и не выпускать. Нужно помнить, что освобождение рабочих – дело самих рабочих» [57].

В дальнейшем события в Николаеве развивались следующим образом. Часть воинских подразделений города, и, прежде всего, спартаковцы, спустя какое-то время поддержали оставшихся в подполье большевиков и вскоре сумели освободить из-под ареста бывшего председателя Исполкома города Николаева Соколова, военкома Белова и других, сидевших в тюрьме большевиков. Они не позволили расстрелять уполномоченного СНК Украины в Херсоне и Николаеве И. Скляра [58].

В городе образовалось как бы двоевластие: власть прежнего Совета и власть военных моряков. Приближение войск атамана Н. А. Григорьева к Николаеву потребовало подготовки необходимого отпора.



К сформированным отрядам красногвардейцев из числа рабочих города добавились добровольцы из состава флотского полуэкипажа. Отряд матросов, отправившийся на борьбу против Григорьева состоял из 500 человек. Во главе его встал матрос-анархист Евграфов. При первом же столкновении с григорьевцами матросы перешли на их сторону. Скорее всего именно о таком продолжении событий и думал командир отряда Евграфов и его ближайшее окружение. В дальнейшем личный состав флотского полуэкипажа в начавшихся боях за город частично рассеялся по окрестным селам, деревням или ушел на соединение с частями партизанско-повстанческой армии Н. И. Махно.

Матросское выступление в Николаеве было подавлено. Через четыре дня Советская власть в нем была восстановлена. Совет рабочих депутатов был переименован в Совет рабочих, красноармейских и краснофлотских депутатов. Газета восставших матросов «Свободное слово красного моряка» была закрыта [59].

Так, внешне спокойно и почти безвестно кануло в Лету выступление матросов города Николаева весной 1919 г., чтобы через два года, уже весной 1921 г., состояться в еще более значительном и многожертвенном виде в Кронштадте, практически повторив при этом основные требования матросов-черноморцев.

Заключительным аккордом в действиях матросов-анархистов на флоте, в частности, на Балтийском, было их активное участие в событиях, получивших у советских историков официальное название «Кронштадтский мятеж», хотя, как показывают вышедшие в последние годы работы российских историков, скорее всего, это было стихийное народное выступление, в котором тысячи матросов, солдат и рабочих выразили свое гневное недовольство внутренней политикой, проводимой в стране большевистским руководством во главе с В. И. Лениным.

Кронштадтское выступление было вызвано совершенно прозаическими объективными причинами: нехваткой продовольствия, топливным и энергетическим кризисами, безработицей, беспорядком жителей деревни, чиновничьим произволом и арестами всех недовольных установившимися в стране порядками. Поводом к выступлению кронштадтского гарнизона были резко усилившиеся в Петрограде забастовки, введение комендантского часа, запрещение митингов и всякого рода собраний и демонстраций, а также произведенные в городе массовые аресты всех недовольных проводимой большевиками экономической политики. Резко негативное отношение матросов к властям, независимо от их политических пристрастий, усилили сообщения с мест от их родных о безрадостном житье, о бесчинствах, творимых при выколачивании продо-

вольствия у крестьян, о бездельниках, расхитителях и пьяницах, нашедших себе пристанище в различных органах власти. Реальность жизни того времени была известна матросам не только из писем. Все это они видели собственными глазами. На флоте, как и в армии, в конце 1920 г. личный состав недоедал, не получал положенного ему обмундирования, обуви, одеял, постельного белья.

Кронштадцы нашли понимание у рабочих ряда заводов и фабрик Петрограда, а вот убедить в необходимости решительных преобразований Петросовет во главе с членом Политбюро ЦК РКП (б), председателем Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьевым делегации кронштадтцев не удалось.

Узнав об этом, группа балтийских матросов во главе с одним из наиболее грамотных и авторитетных из них – Степаном Петриченко, служившим на линкоре «Петропавловск», решила провести собрания на кораблях флота, стоявших в Кронштадтской бухте. 28 февраля собрания состоялись. На них обсуждались вопросы социально-экономического положения в стране и ситуация, сложившаяся на Балтийском флоте. Была принята написанная С. Петриченко резолюция, включившая в себя чаяния и требования бывших членов различных политических партий и беспартийных. 1 марта в центре города, на Якорной площади состоялся общегородской митинг. На нем и была принята уже обсужденная прежде резолюция. Ее текст гласил:

«Заслушав доклад представителей первой бригады линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь», гарнизонное собрание постановило:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают воли рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы в Советы тайным голосованием, при сем перед выборами провести свободную предварительную агитацию для всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и других политических партий.

3. Свободу права профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4. Избрать не позднее 5-го марта с. г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и моряков города Петрограда, Кронштадта и всей Петроградской губернии.

5. Освободить всех политических заключенных и политических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не должна пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и не получать от государства средства для этой цели, вместо них должны быть учреждены сверху выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должно отпускать государство.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять паек для всех трудящихся за исключением вредных цехов.

10. Упразднить все коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на заводах и фабриках и разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства и отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11. Дать полную свободу действий крестьянам на землю так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться в нашей резолюции.

13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены в печати.

14. Требуем, чтобы назначалось разъездное бюро.

15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята единогласно за исключением 2 против: Калинина и Кузьмина!» [60].

2-го марта полетели в эфир другие, страшные для большевистского руководства слова:

«Воззвание Кронштадта

Все. Все. Все.

В Кронштадте вся власть перешла в руки Временного Революционного Комитета без единого выстрела. Местные коммунисты сами признают свои ошибки.

Трудящиеся Кронштадта решили больше не поддаваться красноречию коммунистической партии, называющей себя якобы представителями народа, а на деле это выходит наоборот.

Товарищи! Не верьте словам самодержавных комиссаров, уверяющих будто в Кронштадте действует штаб белых офицеров во главе с генералом Козловским. Это наглая ложь. Весь находящийся в Кронштадте флот и форты крепости выразили свою преданность и безусловное подчинение Временному Революционному Комитету.

Кронштадтские товарищи предлагают вам немедленно присоединиться к Кронштадту и установить прочную связь, общими и дружными усилиями достичь долгожданной свободы.

Товарищи! Вопрос серьезный. Ждем немедленного ответа.

Временный Революционный Комитет Кронштадта» [61].

Основные требования восставших матросов Балтики почти идентичны тем, которые выдвигали еще весной 1919 г. матросы Черноморского флота в Николаеве. В кронштадтских событиях, как прежде в николаевских, приняли участие и анархисты, и представители других политических партий, выступавших в то время в тесном единстве против большевистской диктатуры.

Председателем Временного Революционного Комитета стал С. М. Петриченко (После кронштадтских событий он бежал в Финляндию, где принимал участие в работе «Русского Обще-Воинского Союза» (РОВС). В апреле 1945 г. он был арестован органами «Смерш», и 17 ноября 1945 г. Особым совещанием при НКВД СССР «за участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к иностранной разведке» он был заключен в концентрационный лагерь сроком на 10 лет. В 1947 г. Петриченко умер в местах заключения. В настоящее время остается не реабилитированным.) [62].

Из 15 членов Ревкома четверо являлись по своим политическим взглядам анархистами. Заместителем председателя ВРК был избран телефонист Кронштадтского района службы связи анархист В. П. Яковенко, в 1919 г. списанный за антибольшевистскую агитацию с линкора «Петропавловск» [63]. Матросы Балтики выдвинули в Ревком и других анархистов: машиниста с «Севастополя» Г. Ососова, гальванера с этого же корабля П. М. Перепелкина, а также старшину-гальванера с линкора «Петропавловск» Патрушева [64]. Комендантом морской тюрьмы был назначен анархист матрос с линкора «Петропавловск» Тузов [65].

Матросы-анархисты – участники кронштадтского выступления – были поддержаны анархистами Петрограда, где все анархистские течения и группы, за исключением лишь небольшой группы анархистов-индивидуалистов во главе с А. Гординым, выступили на стороне восставших матросов [66].

Лидеры анархистов Петрограда Беркман, Гольдман, Перкус и Петровский обратились с письмом к Председателю Петроградского Совета Г. Е. Зиновьеву в котором просили его провести переговоры с личным составом Кронштадтского гарнизона для того, чтобы решить спорные вопросы. Они предлагали послать в Кронштадт специальную комиссию из пяти человек, включив в ее состав двух представителей анархистов [67].

Однако лидер петроградских большевиков, стремясь как можно скорее избавиться от кронштадтцев с помощью имевшихся в его распоряжении войск, переговоры вести не пожелал, и 4 марта Комитет обороны Петрограда опубликовал свое откровенно провокационное обращение к кронштадтцам:

«Достукались

К обманутым Кронштадтцам.

Теперь вы видите, куда вели вас негодяи? Достукались! Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов. Всех этих Петриченко, Туриных дергают, как плясунов за ниточку, царский генерал Козловский, капитан Бурксер, Костромитинов, Ширмановский и другие заведомые белогвардейцы. Вас обманывали! Вам говорили, что вы боретесь „за демократию“. Не прошло и двух дней – вы видите: на самом деле вы боретесь не за демократию, а за царских генералов, вы посадили себе на шею нового Вирена.

Вам рассказывают сказки, будто за вас стоит Петроград, будто вас поддерживают Сибирь и Украина. Все это наглая ложь! В Петрограде от вас отвернулся последний моряк, когда стало известно, что среди вас орудуют царские генералы Козловские. Сибирь и Украина крепко стоят за Советскую власть. Красный Петроград смеется над жалкими потугами кучки эсеров и белогвардейцев.

Вы окружены со всех сторон. Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться. У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют как куропаток. Все эти генералы Козловские, Бурксеры, все эти негодяи Петриченко и Турины в последнюю минуту, конечно, убегут к белогвардейцам в Финляндию. А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, – куда денетесь вы? Если вам обещают, что вас в Финляндии будут кормить, – вас обманывают! Разве вы не слышали, как бывших врангелевцев увезли в Константинополь и как они там тысячами умирали, как мухи, от голода и болезней?

Такая же участь ожидает и вас, если вы не опомнитесь тотчас же.

Сдавайтесь сейчас же, не теряя ни минуты!

Складывайте оружие и переходите к нам!

Разоружайте и арестовывайте преступных главарей, в особенности царских генералов!

Кто сдастся немедленно – тому будет прощена его вина!

Сдавайтесь немедленно!

Комитет обороны Петрограда» [68].

Председатель РВСР Л. Д. Троцкий, после консультаций с В. И. Лениным, 4-го, по другим сведениям – 5-го марта прибыл в Петроград и сразу же потребовал от восставших немедленной и безоговорочной капитуляции:

«Последнее предупреждение.

К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов.

Рабоче-крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.



Посему приказываю:

Всем, поднявшим руку против социалистического Отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

Петроград.

5 марта 1921 г. 14 час.» [69].

После того как руководители Советского правительства окончательно решили силовым путем решить проблему Кронштадта, его защитники 7 марта, когда были даны первые артиллерийские выстрелы по Кронштадту, обратились по радиостанции линкора «Петропавловск» к населению Петрограда, солдатам и морякам:

«Всем! Всем! Всем!

Пусть знает весь мир – итак, грянул первый выстрел. Стоя по пояс в крови трудящихся, кровавый фельдмаршал Троцкий первый открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против владычества коммунистов для восстановления подлинной власти Советов.

Без единого выстрела, без капли крови мы, красноармейцы, матросы и рабочие Кронштадта, свергли владычество коммунистов и даже пощадили их жизнь. Под угрозой орудий они снова хотят навязать нам свою власть.

Не желая кровопролития, мы предложили прислать к нам беспартийных делегатов Петроградского пролетариата, чтобы они увидели, что в Кронштадте идет борьба за власть Советов. Но коммунисты скрыли это от рабочих Петрограда и открыли огонь – обычный ответ мнимого рабоче-крестьянского правительства трудовому народу на его требования.

Пусть знает весь мир трудящихся, что мы, защитники власти Советов, стоим на страже завоеваний Социальной Революции.

Мы победим или погибнем под развалинами Кронштадта, борясь за правое дело трудового народа. Трудящиеся всего мира нас рассудят, а кровь невинных падет на головы опьяненных властью изуверов-коммунистов.

Да здравствует власть Советов!

Временный Революционный комитет Кронштадта» [70].

Необходимо отметить, что симпатии простого городского населения Петрограда были на стороне кронштадтцев. Никакие обвинения в адрес балтийских моряков о якобы имевшемся их сговоре с царскими генералами и иностранными разведками и прочие обвинения в вероломстве не смогли убедить рабочих и городское население Петрограда в том, что кронштадтские матросы являются их врагами. Восставшие в своих листовках также отвергали распространяемые против них большевистской пропагандой чудовищные обвинения в предательстве. В одном из своих изданий кронштадтские матросы писали: «Перед лицом пролетариата всего мира заверяем: никакие белогвардейские генералы нами не руководят, никаких переговоров с Финляндией ни о военной, ни о продовольственной поддержке не было и не могло быть. Военным снаряжением и продовольствием мы обеспечены на время, нужное для свержения коммунистов» [71].

Можно сказать с полной уверенностью, что никакого заговора в Кронштадте не существовало хотя бы потому, что, имея около ста пятидесяти орудий, неприступную морскую крепость с ее грозными фортами и первоклассными линкорами, матросы могли бы подождать несколько недель до схода льда или, заминировав лед, взорвать его вокруг города и тогда уже были бы действительно недоступны для частей, остающихся верными большевистскому руководству и приготовившихся штурмовать восставший город.

Артиллерия самого мощного форта Красной Горки, оставшегося в руках власти, была бессильна против корабельной и береговой артиллерии Кронштадта. На кораблях находились тридцать два 12-дюймовых и восемь – 10-дюймовых орудий, не считая большого количества орудий меньшего калибра, а на Красной Горке было всего восемь 12-дюймовых и четыре 8-дюймовых орудия. Помимо этого все запасы орудийных снарядов Кронштадта, Красной Горки и Балтийского флота находились на складах Кронштадта, что предопределяло его победу в артиллерийской дуэли с береговыми батареями всех фортов, занимаемых войсками, верными большевистским лидерам [72].

По приказу Л. Д. Троцкого 8 марта воинские части приступили к штурму Кронштадта. По сообщениям разведки, перебежчиков и плененных, силы Красной армии брошенные против Кронштадта состояли из 15 000 штыков на южном берегу и 8 000 на северном при 20 батареях и 4 бронепоездах. К 12 часам дня атаки на Кронштадт и островные форты прекратились. Первый штурм был неудачен. Потери атаковавших составили около 800 человек убитыми, утонувшими, ранеными и пленными. Командующий 7-й армией М. Н. Тухачевский

в докладе по прямому проводу главкому С. С. Каменеву доложил: «В общем матросы в Кронштадте оказались более стойкими, чем об этом говорилось» [73].

Следует подчеркнуть, что кронштадтцы по-настоящему взялись за оружие лишь после того, как начался обстрел крепости и города со стороны Ораниенбаума. Кронштадтский Ревком поддерживал в городе строгий революционный порядок. Всем военным и гражданским представителям Советской власти было предложено покинуть город. Были арестованы лишь те из них, кто не уехал, а также лица, занимавшие в ходе дальнейшего развития событий враждебное отношение к кронштадтскому выступлению. За время восстания никто из представителей большевистской партии не был уничтожен физически. Рядовых же коммунистов никто не арестовывал. К тому же большая часть из них перешла на сторону восставших.

Подготовка ко второму штурму была более основательной и серьезной. Войска обеих групп насчитывали более 24 000 штыков, 433 пулемета. Общая численность 7-й армии составляла 45 000 человек и 159 орудий, авиационная группа состояла из 25 аэропланов. В случае неудачи штурма крепости у руководившего операцией М. Н. Тухачевского на руках был приказ № 17, предусматривающий обстрел крепости, фортов и кораблей химическими снарядами со смертельным газом [74].

Второй штурм Кронштадта закончился поражением восставших. На протяжении десятилетий цифры погибших красноармейцев, курсантов военных училищ, командиров Красной армии или занижались или в разных источниках назывались по-разному. Современные исследования говорят о том, что общая цифра погибших при подавлении Кронштадтского восстания составляет «...70 красных командиров и 1315 красноармейцев. Всего 1385 человек. Однако это сведения только по 7-й армии. Сюда, вероятно, не входят потери сотрудников ВЧК, военных моряков, милиционеров, бойцов рабочих отрядов, коммунистов, прибывших из Москвы и других городов, возчиков мобилизованных саней. Кроме того, некоторые скончались в госпиталях от ран» [75]. Есть и другие косвенные данные говорящие о более значительных потерях со стороны Красной армии. В боях за Кронштадт погибли приблизительно 15 делегатов X съезда РКП (б), который в дни матросского восстания проходил в Москве. Они были похоронены с воинскими почестями вместе с другими погибшими 24 марта в Петрограде [76].

Большевистское руководство во время кронштадтских событий проводило жестокую политику по отношению ко всем кто сочувствовал вос-

ставшему Кронштадту. В Петрограде и его окрестностях проводились массовые превентивные аресты активистов рабочего движения, членов левых политических партий и других лиц не угодных Советской власти. Арестовывались члены семей, родственники, знакомые руководителей восстания, офицеров, служивших в Кронштадте, и даже знакомых их родственников. Их объявили заложниками за арестованных в крепости коммунистов. В случае смерти кронштадтских коммунистов заложники подлежали расстрелу [77].

Расправа над участниками восстания была массовой и жестокой. Вечером 18 марта 1921 г. пленные были построены на Усть-Рогатке в одну шеренгу, и каждый второй был застрелен на месте. Всего в ночь с 18-го на 19-е марта было расстреляно около 400 человек. Заседали Чрезвычайные тройки, расстрелы стали проводиться более «плановмерно». Расстреливали не только в Кронштадте, но и в Ораниенбауме, Мартышкино, Сестрорецке, Лисьем Носу, Детском Селе и Гатчине [78].

По утверждению В. Я. Крестьянинова: «По архивно-следственным материалам КГБ СССР о Кронштадтском мятеже установлено, что в качестве обвиняемых было привлечено 10 026 человек. Из них в марте-сентябре 1921 г. по постановлению различных судебных и несудебных органов 2 103 человека осуждены к расстрелу, 6 459 человек к различным мерам наказания, 1 464 человека освобождены от ответственности» [79]. Около 8 000 восставших бежало в Финляндию. Среди них почти весь штаб: 12 из 15 членов Ревкома. Из числа его членов были арестованы лишь Перепелкин, Вершинин и Вальк.

Подытожил восстание кронштадтских моряков ушедший в Финляндию председатель кронштадтского Ревкома С. М. Петриченко:

«Скажу только, что честь и слава кронштадтцам, защищавшим настоящую свободную избранную народом власть советов, а не власть партии и доказавшим всему миру, как без всякого насилия, а по своему собственному сознанию может вести народ борьбу».

Особенно доказали рядовым коммунистам, что, несмотря на то, что они являются самыми злейшими врагами народа, народ в момент отчаянной борьбы показал еще раз свое русское великодушие и доказал, что он действительно способен прощать и миловать своих противников не на словах и на бумаге, а на деле. Кронштадт дорого обошелся коммунистам. Падение Кронштадта есть падение коммунистов. Коммунисты могут расстреливать кронштадтцев, но правду о Кронштадте им не расстрелять никогда.

ПЕТРИЧЕНКО (подпись).

Председатель Кронштадтского Революционного Комитета» [80].

Спустя некоторое время часть восставших была амнистирована, однако в ходе начавшихся в стране массовых репрессий все без исключения оставшиеся в живых участники кронштадтского восстания были вновь осуждены и погибли в сталинских лагерях. Лишь после краха Советского Союза абсолютное большинство участников кронштадтского выступления были полностью реабилитированы.

### Примечания

1. Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.: Л., 1966. С. 80.
2. Ильин Ф. (Раскольников). Объезд кронштадтской делегацией финского побережья в июне 1917 г. // Красная летопись. 1925. № 1 [13]. С. 237.
3. Петраш В. В. Указ. соч. С. 186.
4. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1977. С. 199.
5. Флеровский И. Большевицкий Кронштадт в 1917 г. М., 1957. С. 89–90.
6. Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков... С. 170.
7. Там же.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 209; Флеровский И. Большевицкий Кронштадт в 1917 г. С. 89.
9. Флеровский И. Кронштадт в октябрьской революции: Воспоминания // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 130.
10. В. И. Ленин и ВЧК: сб. док. (1917–1922 гг.). 2-е изд. М., 1987. С. 604.
11. Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 53.
12. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. М., 1977. С. 80, 116–117; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920): сб. док. Л., 1982. С. 360.
13. Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт: краткий ист. очерк. 2-е изд., перераб., доп. Калининград, 1967. С. 244.
14. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 661. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 80.
15. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 95. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 22–24; Д. 185. Л. 1.
16. Там же. Ед. хр. 185. Л. 5.
17. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 95. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 5.
18. В. И. Ленин и ВЧК. С. 35, 580, 618.
19. Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 27.
20. Волошин М. Россия распятая // Юность. 1990. № 10. С. 27.
21. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 183. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 77–88, 93.
22. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, 1917–1918. М.: Л., 1963. С. 28–30.
23. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 183. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 106.
24. Волошин М. Указ. соч. С. 28.
25. Известия. 1918. 10 мая.
26. Там же.



27. Ачканов Г. Очерки Февральской и Октябрьской революции в Одессе. Одесса, 1927. С. 53–69.

28. Волошин М. Указ. соч. С. 28.

29. Известия Кронштадтского Совета. 1918. 28 янв.

30. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 661. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 62.

31. Там же. Ед. хр. 233. Л. 1.

32. Там же. Ед. хр. 235. Л. 1.

33. Известия. 1918. 25 июля.

34. Там же ; ЦГА ВМФ Ф. Р – 661. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 25 ; Ед. хр. 4. Л. 195а.

35. Известия Кронштадтского Совета. 1918. 28 янв.

36. ЦГА ВМФ Ф. Р – 661. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 62.

37. Там же. Ед. хр. 233. Л. 1.

38. Там же. Ед. хр. 235. Л. 1.

39. Известия. 1918. 25 июля.

40. Худайкулов М. Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. Ташкент, 1984. С. 70.

41. ЦГА ВМФ. Ф. Р – 661. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 40.

42. Гречанюк Н. М., Попов П. И. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. С. 72.

43. Березовский Н. Ю. Военные моряки на Восточном фронте (1918) // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 180.

44. Там же.

45. РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 17.

46. Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1969. С. 175.

47. Там же.

48. Берзин Р. И. Этапы в строительстве Красной армии. Харьков, 1920. С. 98.

49. Петроградская правда. 1918. 24 авг.

50. Красная армия 23 февраля 1918 – 23 февраля 1922. М., 1922. С. 31.

51. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920 гг.). Ставрополь, 1928. С. 100–101.

52. РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 143.

53. Ряппо Я. Революционная борьба в Николаеве (1918–1919 гг.) // Летопись революции. 1924. № 4 [9]. С. 19.

54. Викторов І. Південний Кронштадт // Літопис революції. 1930. № 2. С. 98.

55. Там же.

56. Там же. С. 99.

57. Там же. С. 102.

58. Полторац С. Н. Был ли «Украинский Кронштадт?» // Смена. 1991. 23 июля. С. 3.

59. Ряппо Я. Указ. соч. С. 20–26 ; Октябрь на Николаевщине. Николаев, 1927. С. 68.

60. Цит. по: Крестьянинов В. Я. Мятежный Кронштадт, 1905–1917–1921. М., 2017. С. 239–240.

61. Сафонов В. Н. Кто спровоцировал Кронштадтский мятеж // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 59.
62. Там же. С. 60; Щетинов Ю. А. Мелкобуржуазные партии в Кронштадтском мятеже 1921 г. // Вестник МГУ. Серия «История». 1974. № 3. С. 83; Крестьянинов В. Указ. соч. С. 493.
63. Сафонов В. Н. Указ. соч. С. 60; Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 55; Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. С. 359.
64. Канев С. Н. Указ. соч. С. 363.
65. Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 257.
66. Канев С. Н. Указ. соч. С. 363.
67. Сафонов В. Н. Указ. соч. С. 63.
68. Цит. по: Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 287–288.
69. Цит. по: Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007. С. 144–145.
70. Цит. по: Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 299.
71. Цит. по: Ломакина И. Рабочий Петроград и восставший Кронштадт // Ленинградский рабочий. 1990. 17 авг. С. 16.
72. Эврич П. Восстание в Кронштадте. С. 228.
73. Цит. по: Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 307.
74. Там же. С. 369.
75. Там же. С. 436.
76. Эврич П. Восстание в Кронштадте. С. 205.
77. Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 437.
78. Там же. С. 440–441.
79. Там же. С. 447.
80. Цит. по: Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 525.

## **6. Роль и место анархистов в партизанско-повстанческом движении в Советской России**

Массовым явлением в годы Гражданской войны было партизанско-повстанческое движение. Многие партизанские отряды во всех уголках нашей огромной страны находились под влиянием не только большевистской, но и эсеровской и анархистской идеологий. Во главе ряда партизанских отрядов стояли представители различных революционных партий, включая и анархистов. Часть партизанских отрядов по разным причинам в тот или иной период воевала и против белых, и против красных.

Стремление большевиков подчинить себе все партизанско-повстанческое движение наталкивалось на жесткое сопротивление действовавших в нем представителей других политических сил. Многие партизанские отряды и даже целые партизанские армии (разные по численности и боевой организации), руководимые членами различных революционных партий, представляли собой значительную силу. Не были исключением и партизанские соединения, возглавляемые российскими анархистами.

Например, на Украине в 1918 г. своими действиями на фронте выделялся многочисленный партизанский отряд под командованием анархиста Сахарова [1]. Большевики, стремясь усилить свое влияние на партизанско-повстанческое движение в этом районе, делали все возможное, чтобы разоружить партизанские формирования, руководители которых не подчинялись их приказам. Однако разоружить отряд Сахарова не смогли, так как, по мнению председателя Воронежского участка Южного фронта Полонского, отряд представлял собою значительную вооруженную силу. Только артиллерии было в нем, как считали руководители фронта, «...в 10 раз больше, чем полагается для этой части» [2]. К тому же отряд длительное время находился в тылу у австро-германских войск и только иногда возвращался на советскую территорию [3].

Объявив отряд Сахарова вне закона, большевики по приказу Ф. Э Дзержинского направили в отряд группу членов своей партии во главе с Ф. И. Ильиным, которая влилась в его состав в качестве партизан-добровольцев. Большевикам удалось организовать в отряде подпольную группу, которая стала под влиянием их пропаганды быстро расти. Подчинив своему

влиянию большую часть отряда, Ф. И. Ильин по решению штаба 8-й армии, в период пребывания отряда на советской территории сумел с помощью преданных ему людей арестовать 160 анархистов. Сахарову удалось скрыться. Позднее в Волчанске он был задержан сотрудниками ВЧК и расстрелян на месте [4]. На базе партизанского отряда анархиста Сахарова большевиками был создан 107-й Волчанский полк 12-й дивизии 8-й армии [5].

В воспоминаниях В. А. Антонова-Овсенко, рассказывающих о событиях 1918 г., есть сведения о довольно внушительных по своему составу партизанско-повстанческих отрядах под руководством анархистов, имевших на вооружении многочисленные пулеметы и орудия. Так, в районе Мерефы-Павлограда действовал партизанский отряд анархистов под командованием Девичкого численностью до 1 000 штыков и имевший на вооружении 2 орудия и до 100 пулеметов [6].

В Харькове и Волчанске действовал повстанческий отряд анархиста Чередника. Его численность составляла 1 000 – 1 200 человек. Он имел на вооружении также 2 орудия и много пулеметов. Этот отряд неоднократно нападал на австро-германские войска и провоцировал их на ответные действия [7]. Захватив в Харькове гостиницу «Гранд-Отель» и вывесив над нею черный флаг, отряд занимался самочинными реквизициями и обысками. Также он действовал и в Волчанске. Местные органы Советской власти приняли решение разоружить отряд Чередника. С виду сильный и внушительный численно, он был разоружен без единого выстрела, несмотря на его «грозные» приготовления к сопротивлению [8].

В конце 1919 г. под Харьковом в составе 1 000 человек действовал сильный кавалерийский отряд анархиста Огаркова, оказавший заметную помощь повстанческим войскам Лозово-Синельниковского направления в борьбе против белогвардейцев. Позже по неизвестным причинам часть отряда – 400 человек – во главе с Огарковым ушла к Н. И. Махно, другая же – более 600 человек – в партизанские отряды, находившиеся под большевистским влиянием [9].

Определенное влияние анархистов и эсеров на партизанско-повстанческое движение было заметно и в других южных районах страны. Прежде всего на Кубани и в Крыму, где действовали Кубано-Черноморская повстанческая «красно-зеленая» армия, состоявшая, в основном, из дезертиров белогвардейских армий, а также повстанческая «красно-зеленая» армия Крыма, которой на заключительной стадии борьбы с белогвардейскими войсками генерала П. Н. Врангеля командовал известный матрос-анархист А. В. Мокроусов.

«Красно-зеленые» партизанские отряды, находившиеся под сильным влиянием анархистов, эсеров и меньшевиков, вели активную борьбу про-

тив белогвардейских войск Деникина и Врангеля, освободив значительные территории, способствуя тем самым наступлению Красной армии. С другой стороны, подход Красной армии резко усилил напор большевистской пропаганды на повстанческое движение со стороны созданного в Екатеринодаре подпольного Северо-Кавказского краевого комитета. Началась жесткая борьба за влияние на партизанско-повстанческое движение между сформированным большевиками военно-революционным штабом «красно-зеленых» отрядов и Кубанским краевым комитетом, созданным эсерами, меньшевиками и анархо-синдикалистами. В ходе этой борьбы большевикам удалось одержать верх, а большинство их политических противников за разрушительную, по мнению большевиков, работу в «красно-зеленых» отрядах были расстреляны [10].

Стремясь организовать активную борьбу против белогвардейцев в Крыму как можно более широких слоев городского и сельского населения, значительное влияние на которых оказывали анархисты, большевики привлекли к участию в работе Крымревкома, созданном нелегально действовавшим в Симферополе областным комитетом большевистской партии, представителей от Южной группы анархистов [11]. В Крыму было организовано несколько партизанских отрядов, однако наибольшего размаха партизанское движение здесь достигло в августе 1920 г., когда по решению Крымского обкома КП (б)У все действовавшие здесь отряды были сведены в единую повстанческую армию под командованием анархиста А. В. Мокроусова. Он прибыл в Крым на небольшом судне в составе группы из 10 человек, среди которых 3 человека были анархистами, а остальные большевиками [12].

Партизанско-повстанческая армия Крыма с конца августа 1920 г. развернула активные боевые действия. Партизаны провели несколько рейдов по Крыму, разгромив ряд белогвардейских частей. Во время штурма частями регулярной Красной армией Перекопских укреплений партизаны нанесли по белым удары с тыла и оказали активную помощь атакующим частям. Отряды партизанско-повстанческой армии принимали участие в освобождении ряда населенных пунктов Крымского полуострова: Феодосии, Карасубазара, Старого Крыма и других, благо отступающие под ударами Красной армии белогвардейские части уже не оказывали ожесточенного сопротивления крымским партизанам [13].

Заметным было влияние анархистов и на партизанское движение Северного Казахстана, в особенности в период восстания населения Кустаная, имевшего место в мае 1919 г. Восстание сыграло важную роль в разгроме белогвардейской армии адмирала А. В. Колчака. Оно проходило в дни наибольшего успеха колчаковской армии у Волги. Командую-



ший революционной партизанско-повстанческой армией был анархист А. Жилиев. Среди руководителей партизанскими отрядами находилось немало эсеров и анархистов [14].

После того, как восставшими был занят Кустанай, встал вопрос о дальнейшей судьбе восстания. Слабо вооруженные, плохо обученные отряды кустанайских партизан не могли противостоять регулярным частям армии А. В. Колчака, направленным к городу с фронта и из тыла, где формировался 1-й Волжский корпус генерала В. О. Каппеля. Однако, Военно-революционный комитет под влиянием анархистов А. Жилиева, П. Прасолова и других принял решение защищать город. Оборона Кустаная от белогвардейских войск приняла всенародный драматический характер и продолжалась более двух с половиной суток. В разгар боев А. Жилиев с рядом своих сторонников отступил от города. За время боев по некоторым данным погибло свыше 18 тыс. человек [15].

Анархисты во главе с А. И. Жилиевым и часть партизан, отступивших из Кустаная, отправились на Актюбинский фронт, где влились в состав Долбушинского полка Красной армии. Однако оставаться на вторых ролях А. И. Жилиев не захотел и поднял мятеж. В ходе этого мятежа был разгромлен Реввоенсовет Актюбинского фронта. Жилиев объявил себя командующим (бывший командующий Актюбинским фронтом большевик Астраханцев был ранен, а председатель Реввоенсовета Актюбинского фронте А. Г. Брегадзе был арестован). Но большинство красноармейцев нового командующего не признало. 18 августа 1919 г. после активной пропагандистской работы, проведенной большевиками, была созвана фронтовая конференция с участием представителей всех частей фронта, а также создана чрезвычайная комиссия для расследования действий Жилиева и его окружения. Конференция вынесла 27 августа 1919 г. следующее решение: «Активных участников преступной авантюры расстрелять» [16]. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Были расстреляны Жилиев, его жена, а также Володин и Стефановский.

В отличие от Казахстана, где анархистская вольница носила локальный характер и наиболее зримо проявила себя только в Кустанае, в Сибири влияние анархистов, в сравнении с другими революционными партиями, было более заметным и по масштабам, и по длительности существования. Гражданская война выдвинула в Сибири несколько крупных фигур анархистов – командиров партизанско-повстанческих формирований, резко разделившихся как бы на две группы. Первая – Н. А. Каландаришвили, И. Я. Строд, А. П. Кожан, П. С. Балтахинов и другие, тесно сотрудничающие с большевиками постепенно отошли от анархизма и перешли в большевистский лагерь, вступив в ряды РКП (б).

Вторая группа – типичные представители «сибирской махновщины» в партизанском движении Сибири в лице И. Н. Новоселова, Г. Ф. Рогова, Романова-Богатырева, П. К. Лубкова, Ф. Д. Плотникова и других, совершила переход от борьбы против белогвардейцев, временного сотрудничества с Советской властью – к борьбе против утвердившейся в Сибири большевистской диктатуры. В дальнейшем все эти люди, став вожаками различных антисоветских банд, были уничтожены.

Уже после Февральской революции многие анархисты Иркутска, среди них своей активностью выделялся Н. А. Каландаришвили, сотрудничали с большевиками в период борьбы за власть. Н. А. Каландаришвили принял самое живое участие в работе военной секции – «военки», созданной при иркутской большевистской организации, а в дни вооруженной борьбы в Иркутске в декабре 1917 г. возглавил Кавказскую дружину, оказывая помощь Красной гвардии в подавлении мятежа юнкеров [17].

В 1918 г. Н. А. Каландаришвили организовал кавалерийский дивизион, получивший пышное название: 1-й Иркутский кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов-интернационалистов. Основу кавдивизиона составили рабочие и шахтеры Черемховских угольных копий, среди которых анархисты пользовались безграничным авторитетом [18]. Кроме них в состав кавдивизиона входили левые эсеры, интернационалисты, большевики и беспартийные.

Среди командиров эскадронов кавдивизиона были анархисты А. Кожан, С. Карасев, А. Караев. У отряда было черное знамя. На его одной стороне имелась надпись: «1-й Иркутский отдельный кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов», на другой: «Анархия – мать порядка!». В Иркутске возник и анархистский отряд Пережогина. Бойцы отряда носили на рукаве черную пятиконечную звезду [19].

После падения в конце августа – начале сентября 1918 г. Советской власти в Забайкалье, отряд Каландаришвили совершил с боями двухмесячный переход из Забайкалья в Иркутскую губернию. Весной-летом 1919 г. ядро отряда базировалось в 70 верстах западнее Иркутска. Каландаришвили согласился на сотрудничество (в марте 1919 г.) с Иркутским комитетом РКП (б) и опираясь на поддержку местного населения его отряд усилил давление на колчаковские войска, проведя ряд успешных операций. В течение лета 1919 г. партизанами отряда было пушено под откос 8 эшелонов и уничтожен железно-дорожный мост через реку Китой. Колчаковцы назначили за голову Каландаришвили награду в 40 тысяч рублей.

Отряд Каландаришвили не отличался дисциплинированностью, о чем свидетельствовал ряд инцидентов, происшедших по вине анархистов. Еще в 1918 г., в период боев с чехословаками и белогвардейцами, анархист Караев.

собрав часть своих сторонников в Отряде Н. И. Каландаришвили и связавшись с анархистским отрядом Пережогина, ушел из кавдивизиона [20].

В конце декабря 1919 г. Каландаришвили провозгласил себя Верховным главнокомандующим всех партизанских сил в районе Иркутска. Произошел его конфликт с главнокомандующим Северо-восточным фронтом Сибири коммунистом Д. Е. Зверевым, назначенным на эту должность Центросоветом Северо-Восточного фронта. Действия Каландаришвили были осуждены Центросоветом [21].

24 января 1920 г. в Иркутске, когда анархисты из отряда Н. И. Каландаришвили убили адъютанта чехословацкого представителя, возник новый конфликт. С большим трудом Иркутскому ревкому удалось его уладить. Был наказан и командир отряда, которого ревком за плохую дисциплину и самовольную реквизицию лошадей у местного населения, временно отстранил от командования. Необходимость подобных действий ревкома была продиктована еще и тем, что под видом бойцов отряда Каландаришвили уголовные элементы совершали в городе погромы, сваливая все это на анархистов, что, естественно, не прибавляло славы одному из известнейших партизанских командиров [22].

Спустя некоторое время ситуация изменилась. Н. А. Каландаришвили был восстановлен в должности командира отряда, под его руководством партизаны продолжили борьбу с войсками интервентов и белогвардейцев. Отряд Каландаришвили отличился в феврале 1920 г., когда имея силы несколько меньшие, чем у каппелевского отряда генерала Сукина (численностью 1,5 тыс. человек) партизаны разгромили основные силы белогвардейцев, а их остатки рассеяли по тайге [23].

Весной 1920 г. Каландаришвили выступил с инициативой созыва Сибирского съезда анархистов и был поддержан анархистами Омска и Иркутска. Однако по целому ряду причин, и, прежде всего из-за того, что руководители местных большевистских организаций отправили Н. И. Каландаришвили и его отряд численностью до 2 тыс. человек (в составе 1-го Кавказского, 1-го Тасжского полков, артиллерийской и пехотной команд) на Семеновский фронт, он не состоялся. Отряд принял участие уже в борьбе против интервентов и белогвардейцев на территории Дальневосточной республики в рядах ее Народно-революционной армии. Вместо намеченного съезда в начале сентября 1920 г. в Омске прошло совещание анархистского актива с представителем Иркутской Федерации анархистов Хлоповым [24].

За освобождение Читы Н. А. Каландаришвили был награжден орденом Красного знамени, а его отряд получил за боевые заслуги наименование Гонготского полка [25].

Выздоровев после ранения, полученного в боях за Читу, Н. А. Каландаришвили был направлен в Москву, где встретился с В. И. Лениным. Под влиянием этой встречи 6 января 1921 г. Каландаришвили вступил в РКП (б), причем, учитывая его активную борьбу против колчаковцев и интервентов, иркутская губернская партийная проверочная комиссия установила ему партстаж с 1917 г. [26]. Храбро сражаясь и дальше против остатков белогвардейских войск и различных банд, Н. А. Каландаришвили 6 марта 1922 г. погиб в бою под Якутском. Перезахоронен он был в Иркутске, в городе, которому были отданы многие годы его революционной деятельности, 17 сентября 1922 г. [27].

Многие видные анархисты, тесно сотрудничавшие с Н. И. Каландаришвили, также со временем вступили в ряды большевистской партии. Так, командир эскадрона анархист А. П. Кожан, участвуя во всех боях, которые вел отряд Каландаришвили, воевал до конца 1921 г. В том же году стал начальником милиции Иркутска [28]. И. Я. Строд, вступивший в организацию анархистов-коммунистов под влиянием самого Н. И. Каландаришвили, стал героем Гражданской войны. За героизм, проявленный в боях против белогвардейцев, и за разгром банды Донского в 1922–1924 гг. он был награжден тремя орденами Красного знамени. В 1927 г. Я. И. Строд вступил в ряды большевистской партии [29].

Зимой 1918–1919 гг. на Алтае, в районе реки Чумыш, был сформирован небольшой партизанский отряд под руководством Г. Ф. Рогова. В годы Первой мировой войны, во время службы в Петрограде, он был связан с анархистами. Вернувшись с фронта после октября 1917 г., работал в Барнауле в земельном отделе местного Совета. Начало Гражданской войны и приход в Барнаул белогвардейцев встретил равнодушно. Возвратился в родное село, но после того, как вместе с семьей был подвергнут преследованиям со стороны новых властей, ушел в тайгу. Здесь под его руководством был создан партизанский отряд [30].

Долгое время отряд Г. Ф. Рогова действовал совместно с отрядом И. П. Новоселова в Щегловском уезде Томской губернии, где тот впервые появился в июле 1919 г. Анархист Новоселов был хорошо образованным человеком. Он изучал труды П.-Ж. Прудона, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина. В первой половине 1918 г. пытался создать анархистскую Коммуну, о судьбе которой до сих пор мало что известно. Затем, после свержения Советской власти в Сибири, он подвергался преследованиям со стороны белогвардейцев, был арестован, но смог бежать [31].

Весной 1919 г. И. П. Новоселов организовал анархистский партизанский отряд. Марш анархистов был отрядным гимном, а анархистский флаг Новоселов предложил в качестве знамени отряда [32].



Играя на честолюбии Г. Ф. Рогова, И. П. Новоселов и другие анархисты фактически подчинили себе последнего. В начале декабря 1919 г., накануне открытия III съезда Советов Причернского партизанского края, Новоселов и Рогов выступили на заседании краевого Совета с речами, заявив о том, что они ни в какой власти не нуждаются. Это привело к обострению отношений в отряде Рогова между теми, кто поддерживал позицию его и Новоселова, и сторонниками большевиков. В результате непримиримых разногласий отряд распался примерно на две равные части. Около тысячи партизан ушли с Роговым и Новоселовым в Кузнецкий уезд, а другая часть во главе с большевиком Ворожцовым – в Барнаульский уезд, влившись впоследствии в ряды регулярной Красной армии [33].

Прибыв со своим отрядом в Кузнецк, где в результате восстания солдат местного гарнизона колчаковцы были разгромлены, и в городе был образован революционный комитет, взявший власть в свои руки, Г. Ф. Рогов обезоружил солдат местного гарнизона и вместе со своим окружением организовал в городе ужаснейший погром. В Кузнецке были сожжены все церкви и ряд других зданий, разграблены многие магазины и жилые дома, убито около 400 человек [34]. Нечто подобное было содеяно роговским отрядом и в Гурьевске, Кольчугине, Щегловске. За массовый террор, погромы, отказ подчиниться директивам штаба 5-й армии и другие противоправные действия против власти и местного населения, Рогов и его штаб были арестованы и преданы суду, а его отряд разоружен [35].

Возвращение Советской власти в Сибирь в конце 1919 – начале 1920 г. (А. А. Штырбул назвал ее «2-я Советская власть») изменило политическую ситуацию к худшему, т. к. эта власть «...оказалась более жесткой, централизованной, забюрократизированной и, фактически однопартийной» [36].

По приказу Сибирского походного ревкома № 3 все Советы, которые возникли в партизанских и повстанческих районах были объявлены распущенными. Вместо них были назначены ревкомы. Проводимая политика явилась выражением недоверия сибирскому крестьянству и партизанам, что привело к непониманию, недоумению, настороженности, которые стали переходить во враждебность. Согласно приказу РВСР от 11 декабря 1919 г., одним из авторов которого был Л. Д. Троцкий, о мерах борьбы с «партизанщиной» в Красной армии, партизанским отрядам, как таковым, было запрещено сражаться в рядах Красной армии. Не подчинившиеся этому требованию отряды предписывалось подвергать беспощадной каре, особенно командный состав. На практике проведение этой линии в Сибири привело к арестам ряда заслуженных и авторитетных партизанских командиров: Г. Ф. Рогова, И. П. Новоселова, П. К. Лубкова, А. Д. Кравченко,



Е. М. Мамонтова, И. Я. Третьяка, что вызвало проявление недовольства и в ряде случаев открытый протест рядовых партизан [37].

Учитывая многочисленные просьбы партизан и населения, а также большие заслуги Г. Ф. Рогова в борьбе с белогвардейцами, советское военное командование решило его освободить. В марте 1920 г. Рогов вышел на свободу. Новоселов еще раньше бежал из-под стражи [38]. В апреле 1920 г. на родине Рогова в с. Жуланихе анархистами был созван съезд бывших партизан-роговцев под предлогом сбора средств на покрытие издержек по освобождению партизанского командира. А к 1 мая в Жуланиху прибыло для участия в митинге и торжественном перезахоронении жертв колчаковского террора около 1 000 партизан и несколько тысяч местных жителей. Было поднято над собравшимися красное знамя и черное с надписью «Анархия – мать порядка!» [39].

Еще до начала восстания руководители повстанцев стремились придать движению организационно-политические формы и идейную направленность, предприняв попытку создания региональной анархистской организации – Федерации алтайских анархистов (ФАА). Ядром Федерации вместе с Новоселовым стали бывшие командиры отряда Рогова: Леонов, Соколов, Некрасов, Габов, Мурзин, Возилкин, Сизиков. В деятельности Боевой комиссии ФАА принимал участие и Рогов. Четко разработанной программы ФАА не имела, но выпускаемые повстанцами листовки с лозунгами: «Анархия – мать порядка!», «Долой власть!», «Бей гадов!» и другие, говорили о значительном влиянии анархистов и их сторонников на восставших, действовавших в северо-восточной части Барнаульского уезда и прилегающих к нему районов Бийского, Кузнецкого и Новониколаевского уездов [40].

Вскоре Г. Ф. Рогов и И. П. Новоселов вновь выступили против утверждающейся на местах Советской власти, подчеркивая в своих воззваниях: «Мы выступаем против какой бы то ни было власти, против всякого насилия человеком над человеком, мы боремся лишь в защиту труда, а врагами труженика видим, самое главное, власть, собственность и религию... Комиссия Алтайской Федерации: П. Леонов, Новоселов, Рогов, Габов» [41].

Анархистское восстание распространилось на Кузнецкий и Щегловский уезды, хотя боевые действия между повстанцами и советскими войсками характеризовались, в основном, отсутствием ожесточенности и постоянным уклонением повстанцев от решающих, возможно, кровопролитных боев. По замечанию А. А. Штырбула: «Это объяснялось как относительной слабостью военных сил повстанцев, так и нежеланием с их стороны проливать кровь не только свою, но и своих вчерашних союзников по борьбе с белыми» [42].

Действовавшие порознь отряды Новоселова и Рогова в конце мая объединились, однако в ряде боев в июне 1920 г. были разгромлены, разбились на мелкие группы и рассеялись в тайге. В одной из таких групп оказались Рогов и его жена, которая вскоре в одном из боев была убита, а Рогов, будучи раненым, вместе с Е. Возилкиным более 10 дней скрывался от преследователей. Утром 3 июля Рогов и его товарищ были обнаружены в с. Евдокимово. Беглецы были блокированы. Рогов отстреливался, однако был вновь ранен двумя выстрелами. Не желая попасть в плен он застрелился. По другим данным, его застрелил прибывший сюда председатель Дмитро-Титовского волревкома [43].

После гибели Г. Ф. Рогова, И. П. Новоселов и его отряд продолжили борьбу против Советской власти. Потеряв ряд своих сторонников, Новоселов пытался примириться с Советской властью, однако по ряду причин в конце-концов отказался от этого. 17–18 января 1921 г. в районе Жуланыхи, на родине Г. Ф. Рогова, вспыхнул новый массовый антисоветский мятеж, охвативший 16 волостей Алтайской губернии. Разоружив без боя кавполк 26-й стрелковой дивизии и пользуясь отсутствием других частей Красной армии, повстанцы создали штаб «крестьянской армии» во главе с анархистами И. Новоселовым и П. Леоновым в с. Сорокино (отсюда название – «Сорокинский мятеж»). Численность повстанцев по разным оценкам колебалась от 5 до 10 тысяч человек. Новоселов и Федерация Алтайских анархистов, как это ни парадоксально, пошли на союз с монархическим Союзом трудового крестьянства (СТК) и Сибирским крестьянским союзом под лозунгами «Советы без коммунистов» и «Чистая Советская власть без коммунистов». Действия повстанцев стали приобретать характер белого террора и погромов [44].

Руководителям Советской власти в Сибири понадобилось приложить значительные усилия по разгрому повстанцев. Новоселову пришлось распустить основные силы повстанческой армии, хотя с рядом своих сторонников он продолжал борьбу и в 1921 г., постоянно меняя места своей дислокации. При этом непрерывно менялся и численный состав его отряда, превратившегося в обыкновенную банду. Осенью 1921 г. он предпринял еще одну безуспешную попытку примириться с Советской властью, но вскоре вновь отказался от своих намерений. В октябре 1921 г. Новоселов умудрился провести принудительную мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 35 лет в южной части Кузнецкого уезда и увеличил численность своего отряда до 1 500 человек. Однако в том же октябре банда Новоселова была разгромлена отрядами ЧОНа. Уйдя в очередной раз в тайгу, И. П. Новоселов отделился от своего небольшого отряда и бесследно исчез. По данным ГПУ в 1922 г. он был снят с учета «как скрывшийся». По другим данным он эмигрировал в Японию [45].

В Западной Сибири под влиянием анархистов (Романов-Богатырев – комиссар армии, Полищук – член главного штаба, партизанские командиры Усырев, Козырь и другие) находился командир партизанско-повстанческой армии Е. М. Мамонтов. Лишь в результате длительных идейных споров между анархистами и большевиками, последним удалось привлечь на свою сторону сначала большинство партизан в армии Мамонтова, а затем и самого командующего [46].

Несмотря на установление своего влияния во всех партизанских отрядах Западной Сибири, большевики встречали ожесточенное сопротивление действиям своей диктатуры в период так называемого «Западно-Сибирского мятежа», проходившего под лозунгом «Советы без коммунистов». Многие из числа оставшихся в живых анархистов приняли активное участие в этом антибольшевистском выступлении. Например, анархист Новодворский вошел после взятия восставшими Тобольска во Временный Совет, руководивший всеми вооруженными силами восставших. Вскоре, однако, сопротивление западно-сибирского крестьянства политике «военного коммунизма» было подавлено, прекратились и анархистские выступления [47].

Говоря об анархистском влиянии на партизанское движение Сибири в период Гражданской войны 1918–1922 гг., один из самых авторитетных современных исследователей этой проблемы, профессор А. А. Штырбул, разделил его на два этапа. По его мнению на первом этапе анархистскому влиянию в партизанском движении в 1918–1919 гг. «...способствовала стихийно-анархистская позиция части сибирского крестьянства. По существу, значительная часть сибирских партизан, до нескольких десятков тысяч, по своей политической ориентации приближалась к так называемым красно-зеленым (термин, укоренившийся в годы гражданской войны на юге России, но в Сибири не использовавшийся). Характерной чертой политической позиции этой части партизанского движения была однозначно антибелогвардейская ориентация, что, однако, в большинстве случаев вовсе не означало подчинения коммунистам. Стихийно-анархистская, по сути красно-зеленая часть партизанского движения в Сибири была фоном деятельности идейных анархистов, под руководством и влиянием которых в Сибири сражалось несколько тысяч партизан. Районами наибольшего анархистского влияния на партизанское движение в Сибири были Томская, Алтайская и Иркутская губернии. Партизаны, находившиеся как под влиянием стихийного, так и идейного анархизма, были неотъемлемой частью более чем 140-тысячной партизанской армии Сибири. Имевшие место идейно-политические разногласия и конфликты анархистов с коммунистами в данный период времени, не могут перечеркнуть вклада анархистов в совместную борьбу и исключить их из лагеря левых революционных сил края» [48].

Говоря о втором этапе развития анархистского влияния на крестьянское движение Сибири в 1920–1921 гг. А. А. Штырбул указывал, что оно «...имело очаговый характер и было сосредоточено, главным образом, в Западной Сибири (Алтайская, Томская, Семипалатинская губернии и Славгородский уезд Омской губернии). Численность участников «сибирской махновщины» (волнений, движений, восстаний под анархистскими или комбинированными, в том числе анархистскими, лозунгами) составляла в 1920 – первой половине 1921 гг. от 20 до 25 тысяч человек» [49].

По мнению А. А. Штырбула, «среди сибирских анархистов, в целом, преобладали сторонники разной степени лояльности к Советской власти. Наиболее радикальной и последовательной частью этих анархистов были те, кто тесно сотрудничал с коммунистами, однозначно являясь их союзниками. Наиболее известными из них были И. Гейцман, А. Буйских, Н. Каландаришвили. С конца 1920 г. уполномоченным по управлению всеми железнодорожными и водными путями Восточной Сибири являлся анархо-синдикалист В. С. Шатов. Сюда же следует отнести и менее известных: анархиста-индивидуалиста Ф. П. Другова (работал в органах ЧК) и начштаба Тобольского советского отряда Никифорова. К числу таких анархистов, несомненно, принадлежало ядро партизанского отряда Н. Каландаришвили в конце 1919 – начале 1920 гг., а позднее – часть командного и рядового состава 1-го Тажного и 1-го Кавказского полков регулярного отряда Каландаришвили» [50].

Большинство просоветски настроенных сибирских анархистов в 1920 г. вступили в РКП (б). В Сибири (без Дальнего Востока, но с Забайкальем) из числа партизан-анархистов таких было до 80 человек. После 1920 г. в ряды большевистской партии вступили Н. Каландаришвили (1921), А. Буйских (после 1922), И. Гейцман (1923) [51].

Влияние анархизма и анархистов сказывалось серьезным образом и на партизанско-повстанческом движении Дальнего Востока в отрядах Шевченко, Савицкого, Паутова, Иванова, Богданова, Перцевого, Шевчука, Туманова и других [52]. Анархисты стремились привлечь на свою сторону как можно больше партизан, пытаясь возглавить на Дальнем Востоке партизанско-повстанческое движение. Особенно активно они действовали в созданном большевиками Амурском областном военно-революционном полевом коллективе Рабоче-Крестьянской Красной армии (АОВПК) [53]. Некоторое время командующим партизанскими отрядами этого района был анархист П. Иванов, однако, большевикам удалось отстранить его от поста командующего партизанской армией, разоружив при этом партизанский отряд, созданный самим П. Ивановым [54].



Во многом благодаря действиям анархистов и максималистов трагически сложились события в Николаевске-на-Амуре весной и летом 1920 г. Они вошли в российскую историю под названием «тряпицынщины» – по фамилии руководителя партизанско-повстанческой армии в низовьях Амура Я. И. Тряпицына.

Нижнеамурские события и историками, и участниками Гражданской войны оценивались и оцениваются по-разному. Л. И. Беликова, посвятившая этому вопросу специальную работу, писала: «Одни пишут о беспримерном героизме партизан под руководством большевиков, боровшихся за власть Советов, о смелости и находчивости их руководителей... Другие положительно оценивают события до момента эвакуации партизан из Николаевска. Дальнейшие действия повстанцев они рассматривают как анархизм и бандитизм... И, наконец, некоторые в действиях партизан от начала до конца видят только анархизм и бандитизм, анархо-максимализм» [55]. Указанные различия во взглядах и суждениях требуют дальнейшего более глубокого изучения одной из трагических страниц в истории Гражданской войны на Дальнем Востоке.

2 ноября 1919 г. в деревне Анастасьевке, расположенной неподалеку от Хабаровска, была созвана вторая областная объединенная партийная и партизанско-повстанческая конференция, сыгравшая важную роль в борьбе с интервентами, положив начало организованному партизанскому движению в низовьях Амура. Конференцией был создан Военно-революционный штаб партизанских отрядов и революционных организаций Хабаровского и Николаевского районов, большинство членов которого составляли большевики. Членом штаба была избрана максималистка Н. М. Лебедева, в качестве кандидата в штаб вошел и анархист-индивидуалист Я. И. Тряпицын [56]. Поставив в качестве главной цели задачу освобождения Николаевской области от белогвардейцев, конференция поручила руководство партизанскими отрядами члену ревштаба большевику М. Б. Попко, назначив его помощником командира одного из партизанских отрядов Я. И. Тряпицына [57].

Развернув активную работу в Николаевской области, Тряпицын сумел за довольно короткий срок резко увеличить численность своего отряда за счет рабочих, крестьян, бывших солдат колчаковской армии, бывших уголовников, представителей малых народов Севера. Совершив многокилометровый марш к Николаевску-на-Амуре и пополнив свой отряд за счет присоединения к нему различных более мелких партизанских групп и отрядов, Я. И. Тряпицын стал во главе Нижнеамурской партизанско-повстанческой народной армии.



Нельзя согласиться с мнением ряда исследователей о том, что Я. И. Тряпицын установил в партизанской армии, а затем и в Николаевскена-Амуре свою личную диктатуру. Против этого говорят следующие факты. В январе 1920 г. по инициативе большевиков и требованию командиров различных партизанских отрядов Нижнеамурская партизанско-повстанческая армия была преобразована по образцу Красной армии и стала именоваться Красной армией Николаевского фронта. Несмотря на то, что главой этой армии нижнеамурские партизаны и повстанцы поставили анархиста-индивидуалиста Я. И. Тряпицына (анархисты возглавили военный трибунал, следственную и реквизиционную комиссию), на другие ответственные посты в армии были избраны большевики, пользовавшиеся значительным влиянием среди местных партизан. Д. С. Бузин стал заместителем командующего, Т. И. Наумов – начальником штаба, Ф. В. Железин, А. И. Комаров – членами штаба, В. П. Ляхов – заведующим организационным и политическим отделами. И хотя один из полков партизанско-повстанческой армии называл себя анархо-коммунистическим, четыре других находились под сильным влиянием РКП (б) и возглавлялись известными в партизанской среде большевиками [58].

Уже после захвата партизанами Николаевскена-Амуре максималистка Н. М. Лебедева предложила создать «Бюро левых советских партий», пытаясь возглавить его, однако ей это не удалось сделать. Большинство членов бюро составили большевики [59]. К тому же избранный съездом Советов Николаевскена-Амуре Исполком возглавили большевики. Как указывала в своей работе Л. И. Беликова: «...на Нижнем Амуре установилась не диктатура анархиста Тряпицына, а Советская власть, которую признавал и Я. И. Тряпицын. Исполком сформировался коалиционный. Преобладали в нем беспартийные, а политическое руководство принадлежало большевикам» [60].

Даже в момент отступления партизан из Николаевскена-Амуре под угрозой захвата города японскими интервентами, когда Сахалинский Исполком Советов постановил объявить область на осадном положении, передав всю полноту власти Военно-революционному штабу, состав его был коалиционным, хотя и возглавлялся анархистом. В штаб входили большевики О. Х. Ауссем, Ф. В. Железин, максималистка Н. М. Лебедева, беспартийный И. И. Перегубов и анархист-индивидуалист Я. И. Тряпицын [61].

Однако это не означало, что анархисты и эсеры-максималисты отказались от попыток возглавить руководство партизанско-повстанческим движением в низовьях Амура. На проходившем съезде Советов в Николаевскена-Амуре анархист Оцевили, говоря о борьбе с японскими интервентами,

договорился до того, что заявил следующее: «Мы пойдем в Токио, мы сбросим японцев с островов!» [62]. Под руководством анархистов и эсеров-максималистов в городе была полностью национализирована частная торговля и кооперация, была объявлена всеобщая трудовая повинность под лозунгом: «Кто не работает – тот не ест», вводились бумажные деньги, так называемые «тряпицынки», однако как вспоминал О. Х. Ауссем, вряд ли хотя бы одна сделка была совершена на эти деньги [63].

Не встречая поддержки на съезде Советов в принятии путанной программы немедленного введения «анархо-коммунизма», анархисты и эсеры-максималисты пытались воздействовать на делегатов пулеметами, поставленными у входа в реальное училище, где проходил съезд, но ничего из этого не вышло. Большинство делегатов разделяло взгляды большевиков [64].

Трагизм положения, сложившегося в этом районе Советской республики, был обусловлен рядом обстоятельств: непониманием причин создания буферного государства (Дальневосточной Республики – буржуазно-демократического по форме государственного образования в 1920–1922 гг. на территории Забайкальской, Амурской, Приморской областей с центром в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), а с октября 1920 г. – в Чите), недостаточной информированностью и изоляцией от правдивой информации, вероломством японских интервентов и рядом других объективных и субъективных причин.

После занятия партизанско-повстанческой армией Николаевска-на-Амуре японские войска, бывшие в городе и обещавшие соблюдать нейтралитет в борьбе партизан с белогвардейцами, накануне Сахалинского съезда Советов, открытие которого было намечено на 12 марта 1920 г., неожиданно напали на партизан. Ожесточенные бои продолжались в городе 4 дня. Японским войскам активную поддержку оказали проживавшее в городе гражданское японское население и местная русская буржуазия, а также находившиеся в подполье белогвардейцы. Японцы стремились прорваться к тюрьме и освободить содержавшихся там белогвардейцев, но партизаны не допустили этого, расстреляв всех арестованных и обезопасив свой тыл. В ходе боев погибло много гражданского населения, в том числе стариков, женщин и детей. Только 15 марта остатки японского гарнизона (136 человек) сдались по приказу японского командования из Хабаровска. В период боев дважды был ранен Я. И. Тряпицын.

Наличие в партизанско-повстанческой армии бывших уголовников привело к тому, что в период боев в ряде мест города Николаевска-на-Амуре были совершены ограбления, сопровождавшиеся убийствами местных жителей. Это вызвало появление приказа командующего армией Тряпицына, в котором говорилось, что «лица, замеченные в пьянстве, мародерстве или

распускающие провокационные и злонамеренные слухи, будут расстреливаться без суда» [65]. Виновными в больших жертвах в период мартовских боев в городе являлись японские интервенты, вероломно напавшие на партизан, которые вынуждены были защищаться, применяя при этом не всегда продуманные и взвешенные методы ведения боевых действий.

После начала японского наступления и захвата ими Северного Сахалина, а также наступления японской армии в направлении Николаевска-на-Амуре, Тряпицын и его штаб стали готовиться к отражению агрессии: 13 мая был создан Военно-революционный штаб к которому перешла вся полнота власти в области, во главе штаба встал Я. И. Тряпицын. Чтобы помешать проходу японских кораблей в устье Амура в лимане были затоплены 20 груженных камнями барж, был заминирован фарватер в самом узком месте Амура у с. Тыр. В середине мая первые японские воинские части численностью до 20 000 солдат и офицеров высадились в Порт-де-Кастри и организовали блокаду Николаевского побережья.

В сложной обстановке изоляции Николаевска-на-Амуре Я. И. Тряпицын допустил ряд политических ошибок. Им и его окружением было передано по радио много ошибочных высказываний по вопросу о роли и значении буферного государства (Дальневосточной республики), сделаны подстрекательские заявления в адрес Японии. Как указывал Я. С. Павлов, «одну из таких шантажирующих телеграмм японское радио повторило как доказательство намерений Советской России напасть на Японию» [66].

При отступлении из Николаевска-на-Амуре ввиду возможности захвата его войсками японских интервентов, штаб допустил еще одну роковую ошибку, отдав приказ о расстреле находившихся в тюрьме японских солдат и офицеров. Именно эти действия штаба, подчеркивала Л. И. Беликова, «... японское правительство использовало для фальсификации всех николаевских событий, для обвинения большевиков в зверствах, что подрывало авторитет Советской власти» [67]. Как отмечал еще в 1920-х гг. П. С. Парфенов (Алтайский), «... николаевский инцидент объединил все японские партии, от социалистов до черносотенцев, в бурном негодующем протесте против расправы над японцами... по всей Японии был организован специальный «траурный день» и обе палаты, верхняя и нижняя, посвятили николаевскому вопросу специальное заседание» [68].

Наряду с этими ошибками, Я. И. Тряпицыным были допущены и другие. По его приказу в ночь с 31 мая на 1 июня были взорваны основные здания и сооружения Николаевска-на-Амуре и крепости Чныррах. Началась трагическая эвакуация гражданского населения из Николаевска, которая была плохо подготовлена (а можно ли было ее нормально подготовить в тех условиях?). Начало отступления из Николаевска-на-Амуре

совпало и с началом расслоения партизанско-повстанческой армии, активизировались и бывшие уголовники, чинившие расстрелы и насилия над мирными жителями. Свою лепту в нагнетание страха на местное население внесли и контрреволюционные элементы, распространявшие слухи о том, что с низовьев Амура движется не партизанская армия, а шайка бандитов. Руководство штаба армии пыталось бороться за революционный порядок, но его усилия не увенчались успехом.

К тому же по приказу Я. И. Тряпицына были расстреляны большевики И. А. Будрин, А. К. Иваненко и Н. С. Мизин, хотя члены штаба и выступили против этого решения. По мнению Л. И. Беликовой, «решая судьбу арестованных коммунистов, Я. И. Тряпицын действовал как диктатор, анархист. Гибель коммунистов predetermined расстрел не только Я. И. Тряпицына, но и некоторых других членов штаба» [69]. Современными исследователями число жертв в ходе боевых действий, вместе с японцами, белогвардейцами и гражданским населением, а также за время страшной эвакуации из Николаевска-на-Амуре от голода и лишений оценивается в 6–7 тысяч человек [70].

Группой партизанских командиров во главе с бывшим белогвардейским офицером И. Т. Андреевым (член Исполкома и начальник Сахалинской областной милиции) был образован Временный ревштаб, который решил всю инициативу по наведению порядка в отступающей партизанской армии взять в свои руки. Ревштабом в городе Керби были арестованы 133 человека, в том числе Я. И. Тряпицын, Н. М. Лебедева и их ближайшее окружение [71]. Все они были преданы импровизированному суду всех присутствующих. При этом подсудимые были лишены судебной защиты. На скорую руку было принято и оглашено решение согласно которому 23 человека включая Я. И. Тряпицына были расстреляны. К различным срокам заключения было приговорено около 40 человек [72].

Приморская конференция РКП (б) назвала эти события «николаевской трагедией», подчеркнув, что «оказавшиеся у власти товарищи сделали ряд трагических ошибок, ибо они были оторваны не только от общего потока революции, но даже и от местного ревштаба, находившегося около Хабаровска. Эти товарищи за свои ошибки заплатились жизнью... Но, вероятно мало кто не сделал тех или иных ошибок в той дьявольски трудной революционной обстановке при полной оторванности и малой подготовке к государственной и дипломатической работе» [73].

Временный ревштаб отстранил анархистов от всех ответственных постов в партизанском движении. Правда, сторонники Я. И. Тряпицына пытались активизировать свои действия на Сахалине и в Благовещенске, но большевики этого им не позволили. Созданные при активном



участии анархистов в начале 1922 г. Амурский ревштаб партизанских отрядов, а также партизанский отряд «Бунтарь» под командованием анархиста Михайлова, были распущены по приказу главнокомандующего Народно-революционной армией ДВР В. К. Блюхера [74].

Гражданская война на Дальнем Востоке закончилась. Приход во Владивосток регулярных частей Народно-революционной армии утвердил на самых отдаленных рубежах России Советскую власть.

Война принесла России неисчислимые потери – и материальные, и людские, и духовные. В бушевавшем несколько грозных лет пожаре войны погибли миллионы россиян, многие из которых так и не поняли, на чьей стороне и за чьи интересы реально они выступали. Жертвы взаимной враждебности и жестокости основных противоборствующих сторон, как правило, не повинные ни в чем, составляли большинство тех, кто пал в безумных акциях проводившихся в стране белого и красного террора. Люди гибли независимо от своих политических взглядов. Невосполнимые потери понесли все российские политические партии. В первую очередь – идейные противники большевиков, а уж потом их политические союзники, представители так называемых советских или революционных партий, включая и анархистов.

### Примечания

1. Москвичи на фронтах гражданской войны: воспоминания. М., 1960. С. 160.
2. Правда. 1918. 30 окт.
3. РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 64 ; Ед. хр. 26. Л. 90–91 ; Ф. 100. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 60, 81, 82, 111, 112.
4. Москвичи на фронтах гражданской войны. С. 260–261.
5. Там же.
6. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. Т. 3. С. 108.
7. РГВА. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 505. Л. 29.
8. Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч. С. 108.
9. Никитин-Макаров Н. М. В тылу у Деникина // Літопис революції. 1929. № 5–6. С. 209–213 ; Гражданская война на Екатеринославщине. С. 182.
10. Кин Д. Л. Деникинщина. Л., 1927. С. 186.
11. Алексащенко А. П. Крах деникинщины. М., 1966. С. 258.
12. Поликарпов В. Бурям навстречу. Симферополь, 1961. С. 87, 149.
13. Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 359.
14. Пахмурный П. М. Коммунистическая партия организатор партизанского движения в Казахстане. 1918–1920. Алма-Ата, 1965. С. 222.
15. Там же. С. 225–232.
16. Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1960. С. 173.
17. Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири Н. А. Каландаришвили. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 1971. С. 21–24.
18. Кожевин В. Е. Боевые соратники Каландаришвили. Улан-Удэ, 1975. С. 6.



19. Штырбул А. А. Указ соч. Ч. 2. С. 4.
20. Кожевин В. Е. Боевые соратники Каландаришвили. С. 29.
21. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 52–53.
22. Солодянкин А. Г. К вопросу о партийном руководстве партизанским движением в Иркутской губернии (1918–1920 гг.) // Труды Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова. 1958. Т. XXI. С. 31.
23. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 101.
24. Там же. С. 104.
25. Солодянкин А. Г. Указ. соч. С. 33.
26. Там же ; Дворянов Н. В., Дворянов В. Н. В тылу Колчака. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1966. С. 246–247.
27. Там же. С. 248.
28. Кожевин В. Е. Указ. соч. С. 18–19.
29. Чemezov В. Н. Строд. Иркутск. 1972. С. 26 ; Кожевин В. Е. Указ. соч. С. 21–23 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 576.
30. Кадейкин В. А. Из истории борьбы Коммунистической партии против анархистских тенденций в партизанском движении // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 311–315.
31. Павлов Я. С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев: Руководство РКП (б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны. Минск, 1983. С. 367.
32. Шишкин В. И. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919–1920 гг. // Классовая борьба в Сибирской деревне в период построения социализма. Новосибирск, 1978. С. 9.
33. Там же. С. 11–12.
34. Кадейкин В. А. Указ. соч. С. 318–319.
35. Там же. С. 322.
36. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 65.
37. Там же. С. 65–67.
38. Шишкин В. И. Указ. соч. С. 17–18.
39. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 78.
40. Там же. С. 79–81.
41. Повстанческое движение на Алтае. Новониколаевск, 1922. С. 16.
42. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 84.
43. Там же. С. 85.
44. Там же. С. 88, 91.
45. Там же. С. 126–127 ; Кадейкин В. А. Указ. соч. С. 327 ; Шишкин В. И. Указ. соч. С. 31, 33 ; Плотникова М. Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новосибирск, 1971. С. 78.
46. Незабываемое: воспоминания активных участников борьбы за установление и упрочение Советской власти на Алтае: сборник. Барнаул, 1960. С. 90 ; Партизанское движение в Западной Сибири, 1918–1920 гг.: док. и материалы. Новосибирск, 1959. С. 342, 3543, 509, 549 ; Питерцы на фронтах гражданской войны: сб. воспоминаний. Л., 1970. С. 98–99.

47. Щетинов Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России. конец 1920–1921 гг. М., 1984. С. 82, 84.
48. Штырбул А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 54.
49. Там же. С. 97.
50. Там же. С. 103.
51. Там же. С. 104, 150.
52. Партизанское движение в Приморье, 1918–1920 гг. Л., 1928. С. 110–112 ; Агеев А. В. Амурские партизаны. Благовещенск, 1974. С. 87–88, 90–91, 98–99, 146, 148–150, 172–174, 184, 202 ; Дальспарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток, 1924. Кн. 2. С. 42, 47, 49, 51, 133.
53. Мальшев В. П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 192–193.
54. Агеев А. В. Указ. соч. С. 99.
55. Беликова Л. И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке: Приморская организация РКП (б) в 1917–1922 гг. Хабаровск, 1967. С. 147.
56. Дальспарт. Владивосток, 1922. Кн. 1. С. 55–56 ; Днепровский С. П. По долинам и по взгорьям: воспоминания участников гражданской войны на Дальнем востоке. Хабаровск, 1956. С. 65–66.
57. Днепровский С. П. Указ. соч. С. 65–66.
58. Беликова Л. И. Указ. соч. С. 150–151.
59. Днепровский С. П. Указ. соч. С. 103–106.
60. Беликова Л. И. Указ. соч. С. 152.
61. Там же. С. 153–154.
62. Цит. по: Днепровский С. П. Указ. соч. С. 131.
63. Ауссем О. Х. Николаевская-на-Амуре коммуна (1920) // Пролетарская революция. 1924. № 5 [28]. С. 42.
64. Днепровский С. П. Указ. соч. С. 134.
65. Цит. по: Беликова Л. И. Указ. соч. С. 155.
66. Павлов Я. С. Указ. соч. С. 376.
67. Беликова Л. И. Указ. соч. С. 157.
68. Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток. Л., 1928. С. 168.
69. Беликова Л. И. Указ. соч. С. 158.
70. Тепляков А. Г. Суд над террором: партизан Яков Тряпицын и его подручные в материалах судебного заседания // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / сост. А. В. Посадский. М., 2015. С. 730.
71. Там же. С. 729.
72. Беликова Л. И. Указ. соч. С. 160.
73. Революция на Дальнем Востоке. М.: Пг., 1923. Вып. 1. С. 7–8.
74. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1973. С. 229–230 ; Красный остров: воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре 1918–1922 гг. Хабаровск, 1967. С. 152 ; Павлов Я. С. Указ. соч. С. 378.

## **7. Н. И. Махно и партизанско-повстанческое движение на Украине в 1919–1921 гг.**

### **7.1. Современники о Махно**

«Отважный и очень популярный разбойник и талантливый партизан». **А. И. Деникин – с января 1919 г. главком «вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. V. С. 134.**

«...в чем ему надо было отдать справедливость – это в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречающимися армиями.

Это умение вести операции, не укладывающиеся с тем образованием, которое получил Махно, даже создало легенду о полковнике германского генштаба Клейсте, будто бы состоявшем при нем и руководившем операциями... Насколько это верно, сказать трудно, но только факт тот, что Махно умел вести операции, проявлял недюжинные организаторские способности и умел влиять на крупную часть местного населения, поддерживавшего его и пополнявшего его ряды».

**Я. А. Слащев, командир 2-го армейского корпуса Врангелевской армии. Нестор Иванович Махно. Воспоминания. Материалы и документы. Киев, 1991. С. 8–9.**

«Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы добились и поймали Антонова и Махно».

«Прилагаю еще одно «предупреждение». Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов».

**В. И. Ленин. Письма Э. М. Склянскому (зам. Председателя РВСР, т. е. Л. Д. Троцкого). Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., Т. 52. С. 42, 67.**

«Махно – человек среднего роста с телом гибким и нервным, выдающим человека, не занимающимся спортом. Одетый в безыскусную синюю форму, он выглядит одновременно симпатично и представительно. Живые пронизательные глаза, в которых читается безграничная смелость и незаурядный ум. Он откидывает волосы назад, открывая, таким образом, лоб, что делает его более привлекательным и величественным...

Махно незаурядный кавалерист, его чаще можно видеть на коне, чем спящим. Уже то, как Махно прибыл на встречу, когда он поприветствовал всех с улыбкой на губах, дало народу возможность понять, что это умный человек с характером вождя есть прежде всего такой же пролетарий, как и мы, понять, что он – настоящий друг, вдохновляемый великой любовью к тем, кто страдает, и жгучей ненавистью к угнетателям.

Он поднялся на трибуну и заговорил. Он говорил долго, часто прерываемый аплодисментами и овацией. Глаза сверкали от веры и энтузиазма, впечатляющие жесты, он говорил в течение примерно часа, и я, не понимавших смысла его речи, восхищался легкостью языка и зажигающим красноречием. Я был очарован его взглядом и мимикой, ибо я видел, что он жил теми словами, которые произносили его губы. Он сумел, конечно, найти зажигающие слова, которые привели аудиторию в восторг: в тот момент, когда он спускался с трибуны, началось исступление: «Да здравствует революция! Долой буржуазию! Да здравствует Махно!» – кричали со всех сторон. Тогда я понял, насколько велика и заслужена была популярность Махно на Украине.

Вождь огромного масштаба, прежде всего пролетарий и революционер, в которого влюблены солдаты и все население – таким я увидел Махно, и таким его знают тысячи людей, осознающих, что он – один из лучших борцов нашей революции».

**9 мая 1919 г. Стефан Роже. Редактор газеты «Ваг» в Париже. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 143.**

«С виду он был неказист: небольшого роста, узкоплечий, с русыми, под горшок стриженными волосами. Ему можно было дать лет около 30, одет он был в солдатскую форму, сбоку у него болталась сабля. В общем напоминал мне тогда полицейского урядника. Махно не производил бы никакого впечатления, если бы не его взгляд. Сначала я думала, что только мне делается страшно, когда он взглянет на меня своими серыми, холодными, стальными, прямо-таки гипнотизирующими глазами, но потом оказалось, что самые заурядные разбойники-махновцы не выносили этого взгляда и начинали дрожать мелкой дрожью».

**Сухогорская Н. учительница из Гуляй-Поля. Сухогорская Н. Воспоминания о махновщине // Кандальный звон. 1927. Т. 6. С. 39.**

«Махно гулял в Пологах и Гуляйполе среди австрийцев. Я сама видела, как он, переодетый бабою, ходил по селу, луща семечки, во время пребывания у нас белых... Махно был то торговцем на базаре, то нищим и даже раз венчался в церкви, удачно изображая собой невинную невесту».

**Сухогорская Н. Там же. С. 50.**

«Небольшого роста, с землисто-желтым, нечисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами падающими длинными прядями на плечи, в суконной черной пиджачной паре, барановой шапке и высоких сапогах – Махно напоминал переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом. По первому впечатлению, это больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды. И только небольшие темно-карие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жестоких приказаний, – глаза, как бы все знающие и раз и навсегда покончившие со всеми сомнениями, – вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому пришлось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и щедростной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно – человек воли, импульса, страсти, которые бешено кипят в нем, которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской».

**Герасименко Н. В. офицер, участник Белого движения. Герасименко Н. В. Батько Махно. М., 1928. С. 29–30.**

«Каков он из себя? Ну, что сказать? Был низенького роста. Носил длинные волосы, настолько длинные, что они свисали за загорбок. Признавал единственный головной убор – папазу, служившую ему и зимой и летом. Владел прекрасно всеми видами оружия. Хорошо знал винтовку, отлично владел саблей. Метко стрелял из маузера и нагана. Из пушки мог стрелять. Это импонировало всем его приближенным – сам батько Махно стреляет из пушки.

Сам Махно не отличался высоким уровнем развития. Он, как анархист, читал кое-что Кропоткина, Оргеяни, а также, может быть, Бакунина, но этим ограничивался его багаж.

Думается, Махно обладал недюжинными природными задатками. Но не развил их. И не понимал, какова его ответственность. Ему пьстило,



что вокруг него собралась такая большая армия. Но что делать завтра – этого он себе не представлял».

**Дыбец И. известный анархист-эмигрант. Цит. по: Скирда А. Нестор Махно – казак свободы (1888–1934). Париж, 2001. С. 233.**

«Вообще это фигура колоритная и до известной степени замечательная. Махно – это средний вывод украинского народа (а может быть и шире). Ни одна из воюющих сторон без него не обходилась. Вам (большевикам) он помог при взятии Донецкого бассейна. Потом помогал добровольцам. Хотя бы пассивно, очистив фронт. При последнем занятии Полтавы махновцы опять помогали вам. А затем Советская власть объявила его вне закона. Но он над этим смеется и этот смех напоминает истинно мифистифельскую гримасу на лице нашей революции».

**Короленко В. Г., русский писатель, общественный деятель. Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С. 209.**

«Я не раз пытался найти махновскую идеологию и проникнуть в ее глубины, но всегда безрезультатно. Безрезультатно потому, что у них никакой идеологии вообще не было. Была идеология грабежа. Махно менял свои «идеи» ежечасно, если это было выгодно. Он находил для себя возможным союз с большевиками, с Петлюрой, с Григорьевым, с Врангелем, опять с большевиками и т. д. Верить Махно нельзя было ни на грош. Массе же особенно идеологией не интересовалась. Массе было безразлично – какие лозунги написаны на черном анархическом знамени. Массе нужен был лишь один лозунг: «Свобода грабежа!» и махновцы грабили – не только буржуазию, но и своего брата – крестьянина...»

«Возможно, что общество, знакомое с Тарасом Бульбой XX в. по художественным произведениям, будет восторгаться подвигами и славой Махно, но это не изменит суда истории. Как для современников, так, я думаю, и для будущих историков, Нестор Махно был и будет беспринципным зверем и бандитом, погубившим много невинных людей».

«Что касается Махно, то он, безусловно, был человеком честолюбивым и любил рисоваться. Наполеоновских поз он не принимал, но зато подражал манерам запорожских атаманов и перенимал их позы. Он любил, чтобы ему все посвящалось и носило его имя. Так, у махновцев почти каждый полк, отряд, орава и просто шайка неизменно назывались «имени батьки Махно».

**А. В. Бипецкий, белогвардейский офицер. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 783, 793, 785.**

«Весной 1919 г. <...> внешне Махно оставался тем же, а внутренне он был уже совсем другим человеком. Он весь горел своим делом. Во всех его движениях сказывались ум, сила воли и проницательность... Целыми неделями и месяцами он дни и ночи был на фронте, обычно в цепи, наряду с прочими повстанцами. А когда приезжал в Гуляй-Поле, все время отдавался работе в штабе. Работа эта ежедневно длилась до часу ночи и дольше. Лишь после окончания ее Махно ложился спать. А на другой день в пять-шесть часов утра он уже ходил по Гуляй-Полю и стучал в окна заспавшихся членов штаба. При этом ежедневно он принимал участие в митингах и собраниях – или в самом Гуляй-Поле, или в соседних селах...

Главной чертой личности Махно является его огромная сила воли. Казалось, этот небольшой человек сложен из какого-то особенно твердого материала. Ни перед какими препятствиями он не отступал, если брался преодолеть их. В тягчайшие минуты своей жизни, когда происходила катастрофа на фронте или когда на глазах его погибали ближайшие друзья, он оставался неизменным, словно случившееся не касалось его... Спокойствие его было поистине изумительным: он не обращал никакого внимания на тысячи снарядов, разрывавших на куски повстанческий отряд, на ежеминутную опасность быть раздавленным красными армиями. Постороннему наблюдателю это хладнокровие Махно могло бы показаться хладнокровием душевнобольного человека. Но такой вывод мог сделать лишь тот, кто был с ним мало знаком. Знающие Махно видели, что в этом своем спокойствии он представлял собою сплошной волевой порыв к победе над врагом...

Махно всегда впереди: верхом, если здоровый, или в быстрой коляске, если раненый. Это неизменное правило в армии. Он, несомненно, обладал огромным военным талантом. В какие только невероятно тяжелые условия ни ставила его и его армию украинская действительность! Он всегда с достоинством выходил из них...

По своему революционному и социальному мировоззрению Махно – анархист-коммунист. Он фанатично предан своему классу – бесправному и подневольному беднейшему крестьянству. Махно – хироумный. Это природное его свойство, обострившееся в крестьянской среде, проявляется во всем... Его связь с народом всегда была настоящей черноземной связью. Вряд ли в России найдется человек, который бы пользовался такой популярностью и живой любовью масс, как Махно...

В личности Махно ярко проявлены черты большого человека – ум, сила воли, смелость, энергия, активность... обладая Махно большими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество вместо некоторых поражений имело бы ряд вы-

дающихся побед, которые сыграли бы колоссальную – быть может, решающую – роль в дальнейшей судьбе всей русской революции... Махно обессмертил свое имя в русской революции, и история с полным правом отнесет его к числу выдающихся людей этого времени».

**П. А. Аршинов, ближайший сподвижник Н. И. Махно, руководитель Культпросветотдела, один из лидеров Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат». Аршинов П. История махновского движения (1918–1921 гг.). Запорожье, 1995. С. 205–211.**

«Парадоксальность личности Махно заключалась в том, что человек этот, обладавший силой воли и незаурядным характером, не мог противостоять некоторым слабостям и искушениям, которые брали верх над ним и разделялись многими его друзьями и соратниками. (Иногда эти последние неблагоприятно влияли на него, а он не мог решительно возразить.)

Его самым большим недостатком было, конечно, злоупотребление алкоголем. Он пил все больше и иногда оказывался в довольно жалком состоянии.

Пьянство затрагивало в основном его нравственные качества. Физически он оставался крепким. Но под воздействием алкоголя становился злым, возбужденным, несправедливым, невыносимым, грубым. Не раз во время своего пребывания в армии я уходил от него в отчаянии, не в силах добиться от этого человека ничего разумного из-за его ненормального состояния, причем необходимо было срочно принимать важные решения! А иногда такое состояние становилось для него почти... «нормальным»!...

Вторым недостатком Махно и многих его друзей – не только командиров – было их отношение к женщинам. Выпив, эти люди совершали недопустимые – однозлые, другого слова нет – поступки, вплоть до оргий, в которых были вынуждены участвовать некоторые женщины.

Нет нужды говорить, что такой разврат оказывал деморализующее воздействие на тех, кто об этом знал. Страдала и репутация командования...

Недостойные поступки Махно и некоторых его товарищей были все же явлениями отдельными, спорадическими и в целом компенсировались многочисленными и бесспорными подвигами. Не следует усматривать «линию поведения» в том, что являлось всего лишь заблуждением.

Важно то, что это не было рассчитанными, постоянными, жесткими действиями правительства, опиравшегося на силы принуждения и ста-

вившего себя во главе движения. В общей свободной среде, в широком сознательном народном движении зло являлось лишь частным случаем, не могущим отравить весь организм».

**Волин (наст. фамилия Эйхенбаум) В. М.** ближайший сподвижник **Н. И. Махно**, председатель Военно-Революционного Совета, один из идеологов махновского движения . **Волин В. М.** *Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 523–525.*

### **Н. И. Махно в эмиграции**

«...все на нем выглядело как на заброшенном в Париже белом эмигранте: серый выцветший костюм-тройка из универсального магазина, вишнево-красный галстук, пальто-дождевик в пропотевшем воротничке и помятая фетровая шляпа. Глубокий шрам пересекал его лицо справа ото рта до уха. Он слегка хромал, временами тревожно озирался вокруг. Говорил теноровым певучим голосом. Так же, как и прежде, в 1923 г., мечтал о возвращении на родину».

**Писатель Л. Никулин.** *Никулин Л. Гибель махновщины // Знамя. 1941. № 3. С. 169.*

«Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я его не видела никогда. Мне говорили, что в последние годы он голодал...»

**Французская анархистка И. Метт.** *Нестор Иванович Махно: воспоминания, материалы, документы. Киев, 1991. С. 130.*

«Однажды, в конце июня я зашла к нему в госпиталь. Он был уставший, измученный, ослабевший. На мой вопрос: «Ну как?» – он ничего не ответил, только из глаз покатались слезы. Я тоже заплакала, нам больше не о чем было говорить, я поняла, что ему очень тяжело, что жизненные силы покидают его, что он уже больше не жилец на этом свете. ...Через пару дней мы его хоронили на кладбище Пер-ла-Шез. Тело его было сожжено в крематории, и урна с прахом была замурована в стене».

**Жена Н. И. Махно Галина Андреевна Кузьменко.** *Цит. по: Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991. С. 224.*

## 7.2. Н. И. Махно и анархизм

Разновидностью российского анархизма, одним из его многих течений, проявившихся в конкретной деятельности крестьянских масс Украины, была махновщина, которую с полным правом можно считать своеобразным «анархизмом действия». В отличие от других анархистских течений России, махновщина была реальной политической и военной силой, основу которой, обусловившую длительный период ее существования в условиях Гражданской войны, составляла значительная часть украинского крестьянства. Особые социальные условия юга Украины сделали возможным как появление махновщины, так и придали ей как анархистскому течению, своеобразный, ярко выраженный национальный характер. К тому же это была единственная реальная сила, руководимая анархистами, с которой большевики вынуждены были официально заключать трижды своеобразный военный союз, хоть и на короткое время.

Говоря о махновщине А. Скирда считал, что «...политическая окраска движения не ограничивается черным цветом Анархии, а охватывает всю гамму крайне левых сил того времени: левые эсеры, максималисты, большевики, порвавшие с партией, и даже «беспартийные» – все они объединились на основе идеи свободных советов. Уточним еще, по этому поводу, что махновское движение было только самым значительным – по силе и продолжительности – и самым видным – по социальным достижениям и своей структуре – среди десятков партизанских движений, которые расцвели тогда в Украине, в Центральной России и в Сибири» [1].

Можно отметить, что махновщина оставила в истории российских революций и Гражданской войны свой особый, неповторимый след. Хотя, как пишет А. А. Штырбул, «махновский очаг, при всей его оригинальности и неповторимости, не был для событий 1917–1921 гг. в России чем-то из ряда вон выходящим и уникальным. Можно привести ряд примеров, когда анархисты пытались создать, хотя и менее успешно, подобные очаги в разных районах России и в разные периоды бурного пятилетия Великой русской революции 1917–1921 гг. Единственное, что в этом отношении бесспорно – махновцы были более последовательны и упорны, и пошли дальше других анархистов, чему способствовала также и объективная военно-политическая обстановка в регионе их деятельности и, кроме того, несомненно, субъективный фактор в лице Н. И. Махно» [2].

По сути с выводами А. А. Штырбула солидаризируются составители сборника документов и материалов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921» (Т. Шанин, В. Кондрашин, Н. Тархова):



«Гуляй-Поле и весь Юг Украины стали мощным очагом крестьянской революции, охватившей территорию с населением в 2 млн. чел., выстоявшей против белых и красных армий, создавшей свободную «Махновку», ставшую единственной силой в революции и Гражданской войне, с которой пришлось идти на союз большевикам. Хотя будут зажигаться во всех регионах многочисленные крестьянские восстания, даже в самых известных из них – «Антоновщине», «Чапанной войне», «Вилочном восстании», Западно-Сибирском и других известных крестьянских восстаниях против политики Советского государства в годы Гражданской войны – не будет проявлено участниками столь эффективной политической активности, крестьянской самодеятельности и военной изобретательности, как в махновщине» [3].

Надо сказать, что далеко не все исследователи махновщины считают это партизанско-повстанческое движение анархистским. К тому же некоторые исследователи махновского движения вообще ставят под сомнение анархизм Махно. Например, В. Лобачев назвал свою статью таким образом: «Был ли батька Махно анархистом?». В ней он писал: «Строго говоря Нестор Иванович никогда не был анархистом», правда, здесь же противореча себе, оговорился: «Он принадлежал к организации анархо-коммунистов» [4]. В конце же своей статьи В. Лобачев, еще раз противореча себе, доказал, что политические взгляды Махно несколько не изменились, говоря о его пребывании в эмиграции: «Махно писал статьи, воспоминания, пытаясь обобщить горький опыт, и не переставал верить в будущее «безвластное государство» и в «организованное анархическое движение» [5].

Не соглашаясь с тем, что махновщина была в большей степени анархистским, чем каким-либо другим движением, В. Ф. Верстюк писал, что в советский период в исторической науке «очень популярным был совершенно нелепый термин «анархо-махновщина». Если судить трезво и объективно, влияние анархизма на повстанческое движение в советской литературе преувеличено. Сами анархисты неоднократно отмечали принципиальные различия между анархизмом (идейным учением) и махновщиной (крестьянским вооруженным движением). Если у них и были точки соприкосновения, то только там, где речь шла о неприятии государственной диктатуры, то ли правой помещичьей, то ли ультралевой коммунистической. У Махно неоднократно возникали конфликты с идейными анархистами, доходившие до разрыва. Он сам любил подчеркивать, что в первую очередь считает себя революционером, а уж затем анархистом» [6].

В. Ф. Верстюка поддерживают и развивают его мысли составители сборника документов и материалов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921», а также В. Кондрашин (один из авторов введения в сборнике) в статье «Повстанческая армия Махно: мифы и реальность» [7]. В сборнике говорится о том, что «публикуемые документы, тем не менее, свидетельствуют, что анархисты не оказывали решающего влияния на принятие решений в повстанческой армии, не командовали ею и не руководили Батькой Махно... Влияние анархистов на махновское движение имело свои четкие границы. Им была отведена роль политических работников. Не они вели крестьян, махновское движение возникло на собственной почве, развивалось как самостоятельное крестьянское движение, хорошо осознавшее свои цели, вобравшее в себя те элементы анархизма, которые способствовали их достижению» [8].

При этом авторы введения к сборнику документов подчеркивают, что, по крайней мере анархизм Махно использовал «...от анархизма и анархистов он брал то, что совпадало с чаяниями широких масс крестьянства, способствовало достижению целей крестьянской революции, успехам его Повстанческой армии. В возглавляемом им крестьянском движении так же. Как и в других эпицентрах крестьянской революции, крестьянские вожди использовали революционные партии и их идеологии в своей борьбе как с большевистским государством, так и с белой контрреволюцией, а не наоборот. Махно рассматривал анархизм, сквозь призму крестьянских интересов, без колебания идя на конфликт с анархистами в случае их действий, противоречащих, по его мнению, этим интересам» [9].

И далее практически признание и того, что Н. И. Махно был анархистом и того, что анархизм, как идеология, был одним из самых известных и популярных среди повстанцев политических течений: «Столь высокая популярность анархистских идей среди сподвижников Махно объяснялась в первую очередь силой его личного примера. Его авторитет был достаточным аргументом в пользу анархизма. В анархизме Махно привлекала идея народной «социальной» революции и разрушения государственной власти, всегда стоявшей на страже интересов эксплуататоров. Ключевой идеей, программной установкой Н. И. Махно и руководимого им крестьянского движения была идея самоуправления народа, крестьянской самодеятельности, неприятие диктата любой власти, опора на собственные силы» [10].

Вот что писал сам Н. И. Махно о бывших в составе крестьянской армии анархистах и появляющихся там на некоторое время анархистских идеологах: «Стоя во главе от начала и до конца революционной махновщины и ру-

ководя ее авангардом – армией повстанцев-махновцев, я, конечно, старался стянуть в это широкое низовое массовое революционное движение как можно больше анархических, мало-мальски знающих анархизм и его прямые задачи в революции, сил. Я радовался, когда некоторые мои идейные товарищи-анархисты появлялись в рядах повстанчества. Я ценил и уважал их. Я слишком близко допускал их к делам, которые в движении возлагались на меня, как на первого среди равных вдохновителей и руководителей его, движения. Но поскольку появлявшиеся товарищи в армии повстанцев-махновцев выдавали себя временными людьми в ней, т. е. поскольку они в своем большинстве появлялись в рядах повстанчества неожиданно и также неожиданно всегда покидали их, повстанчество в массе смотрело на них как на приходящий и отходящий элемент в его рядах и мало в чем с ними считалось. Повстанческая крестьянская масса любила и доверяла тем из них, кого видела в своих рядах не только с хорошим словом, поясняющим задачи повстанчества в революции, но и с винтовкой в руках, умеющих, как и она, бороться и страдать при неудачах» [11].

Любопытно мнение самих махновских идеологов и на само движение и на роль в нем анархизма. Вот что писал пропагандистский отдел штаба армии революционных повстанцев (махновцев) о сущности махновщины:

«Что такое махновщина?»

Махновщина – это стихийное, самостоятельное, революционное, опирающееся на трудовые массы, движение, стремящееся в конечной цели к утверждению свободы и общественно-хозяйственного благоустройства...» [12].

В разделе «Общность между Махновщиной и Анархизмом» говорилось следующее:

«Отрицательное отношение махновщины к капитализму и государственности говорит за то, что движение это – чисто анархическое, и, наконец, поголовное участие в нем трудящихся знаменует собой далекое от утопии и фантазии социальное явление.

Можно смело сказать, что махновщина и анархизм тождественны, то есть общны.

Махновское движение, сознательно опирающееся на принципы анархизма, т. е. на право вольного труда, на право общественного самоуправления и на основы безвластия, есть в общем и целом типичное олицетворение анархизма» [13].

И далее:

«...анархизм – не мистика, не утопия, не разговоры о прекрасном и не крик отчаяния. Нет, анархизм, прежде всего, велик своею преданно-

стью угнетенному человечеству. Он зовет массы к правде, к героизму, самопожертвованию, к волевым устремлениям и, в настоящее время, является единственным учением, на которое массы могут доверчиво опереться в своей борьбе. А раз махновщина и анархизм тесно переплетены между собою, то естественно тому и другому дороги и близки идеи свободы, равенства и братства. Не зря повстанческое махновское движение из всех социальных учений остановило свой выбор именно на анархизме и смело и открыто провозгласило лозунг:

– За безвластное, вольное, ни от кого не зависящее общество, за вольный труд, за свободу!

– Да здравствует махновщина: повстанческое, революционное движение!

– Да здравствует махновщина: свободное объединение рабочих и крестьян!

– Да здравствует махновщина: кровная идея анархизма!» [14].

Как писал А. Скирда: «...если Махно был символом своего движения, гуляй-польская группа коммунистов-анархистов была его душой» [15]. Благодаря Н. И. Махно и его ближайшему окружению (а это были известные и лично преданные ему люди, как правило, анархисты), осуществлялось военное руководство повстанческой армией. При этом, как указывал А. Скирда: «Самые высокие ответственные посты – начальника штаба, командира кавалерии, командира специального отряда и каждого из трех армейских корпусов – подлежали ротации и заменялись по очереди самыми способными и известными, пользующимися уважением повстанцев» [16].

В ответе на книгу М. Кубанина «Махновщина» Н. И. Махно конкретизировал вопрос о военном руководстве крестьянским движением: «Главное руководство повстанчеством, его армией, во всех его внутренних разветвлениях, как то: административных, хозяйственных, организационных и контрольных, строевых и оперативно-боевых, неизменно находилось в руках крестьян и рабочих. Братья Каретники, Ф. Крат, Мощенко, А. Марченко, И. Лютый, братья Махно, Тихенко, Гавриленко и многие, многие другие – все они крестьяне-анархисты, в большинстве своем из батраков» [17].

Слова лидера движения подтверждает и приводимый начальником штаба махновской армии В. Ф. Белашом факт. В избранный на 4-м Александровском съезде (28.10.1919) Реввоенсовет армии вошли: «...42,5 % анархистов (85 человек, все командиры и начальники военных управлений), 10,5% – левых эсеров и максималистов (21 человек, из которых

часть командиров и часть делегатов от сел), 2% большевиков – (4 человека, из которых от рабочих г. Александровска – Велик, Екатеринослава – Новицкий, от Харцызска – Иванов и от армии – Колодуб), 35% беспартийных крестьян (70 человек и 10% рабочих (20 человек) от различных промышленных районов. Меншевики, народники, правые эсеры и националистические партии отказались принимать участие в работах РВСвета» [18]. И очень важный вывод Белаши: «Как видно, представители «военного анархизма» преобладали над какой-либо другой группой делегатов, оттого они и были составным элементом военного командования, скелетом и головой армии» [19].

Можно сделать вывод о том, что партизанско-повстанческое движение, вошедшее в историю Гражданской войны как махновщина, находилось под значительным (более чем любое другое партизанско-повстанческое движение в стране) влиянием анархистов и возглавлялось анархистом. При этом на разных этапах существования махновщины на протяжении 1918–1921 гг. степень влияния анархистов на Н. И. Махно и его деятельность были различны. Когда же на первый план выплывали вопросы самого существования махновщины как движения, т. е. военного характера, батько шел на конфликт с идейными анархистами, в том числе и с руководителями Конфедерации «Набат». В конечном счете именно неудачный исход войны для Махно и махновцев и привел к окончательному разрыву с анархизмом. При этом, находясь в эмиграции, батько никогда не забывал о своих анархистских взглядах и ближайших идейных соратниках. Писал воспоминания и работы по анархизму, которые публиковал в различных анархистских изданиях вел заочные дискуссии с авторами советских книг по истории махновщины. (Например, с М. Кубаниным, написавшим книгу: «Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны». Л., 1927).

Почему же все-таки Н. И. Махно не удалось построить «...своей трудовой, хозяйственной, общественной и культурной жизни на свободных началах, без опеки, без давления и диктаторства какой бы то ни было личности, партии или власти» [20]?

На этот вопрос емко и точно ответил А. А. Штырбул: «Махновско-анархистский социальный эксперимент не удался по ряду причин: обстановка войны; слабость и немногочисленность идейных анархистских кадров; общий низкий уровень политической культуры и культуры вообще у значительной части населения «очага». Но если поставить вопрос иначе: «А могли этот эксперимент закончиться удачно?», то к названным причинам следует добавить еще одну, основную, которая так или иначе вбирает в себя



все остальные: объективную невозможность в то время при том социально-экономическом и культурном уровне общества и в той геополитической обстановке «отменить государство с сегодня на завтра» и установить анархический безгосударственный коммунистический строй в 1918–1921 гг. К этой же причине нужно добавить и то, что подавляющая часть трудящихся России осталась равнодушна (и пассивна) к таким социальным проектам (даже если и принимала разрушительную сторону анархизма)» [21].

А что же Н. И. Махно как личность, как герой или антигерой Гражданской войны? Наиболее яркие его характеристики современных историков лишь дают повод к еще более тщательному и всестороннему изучению и личности Махно и махновского движения.

Украинский историк В. Ф. Верстюк писал по этому поводу следующее: «Несомненно, перед нами тип героя, рожденного взрывом народной стихии, вобравшего все ее характерные черты, мятущегося, импульсивного, одновременно тирана и раба силы, вознесшей его на гребень славы и величия. Не разгадав феномен Махно, как и других похожих на него пасынков революции, мы не сможем понять весь драматизм гражданской войны, состояние, в которое был ввергнут народ этой войной, и ее необратимые последствия. Возможно, в этом отношении судьба Махно наиболее показательна, трагична и уродлива» [22].

Говоря о месте Н. И. Махно в истории Гражданской войны, публицист В. Я. Голованов написал: «И не тремя книжками жалких мемуаров оправдан Махно перед Историей. Он вошел в нее как сретик; его оправдание, его слово, его завет – в беспощадной и бескомпромиссной битве. С белыми. С красными. В непокорстве. В сопротивлении до конца, вопреки логике и здравому смыслу. Это дано не многим: противоречить, когда другие уже смирились, драться, когда другие опасливо пригибаются, продираться к смертельной свободе безудержно и слепо, как рыба, идущая на нерест в верховья реки... Он споткнулся в своем упрямом непокорстве – и вынужден был начать собственную борьбу. Которую проиграл. Или выиграл?» [23].

### Примечания

1. Скирда А. Нестор Махно – казак свободы (1888–1934). Париж, 2001. С. 9.
2. Штырбул А. А. Безгосударственные общества в эпоху государственности. С. 328.
3. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: док. и материалы. /под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006. С. 9.
4. Лобачев В. Был ли батька Махно анархистом? // Наука и религия 2001. № 11. С. 22.

5. Там же. С. 24.
6. Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. / авт. вступ. ст. и сост. В. Ф. Верстюк. Киев, 1991. С. 9.
7. Кондрашин В. Повстанческая армия Махно: мифы и реальность // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне. М., 2015. С. 368–376.
8. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 11.
9. Там же. С. 12.
10. Там же. С. 10.
11. Махно Н. И. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики // Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. М., 2017. С. 299.
12. Скирда А. Указ. соч. С. 344.
13. Там же. С. 345–346.
14. Там же. С. 346.
15. Там же. С. 252.
16. Там же.
17. Махно Н. И. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. С. 301.
18. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993. С. 121.
19. Там же.
20. Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 2. С. 357.
21. Штырбул А. А. Безгосударственные общества в эпоху государственности. С. 344.
22. Нестор Иванович Махно. Материалы и документы. / авт. вступ. ст. и сост. В. Ф. Верстюк. Киев, 1991. С. 6.
23. Голованов В. Я. Тачанки с Юга. М., 1997. С. 439.

### **7.3. Социально-культурная политика анархистов на территории, контролируемой махновцами**

После прихода большевиков к власти в октябре 1917 г., в России начались грандиозные преобразования во всех сферах общественно-политической жизни. Не обошли они стороной и культуру. Идеологи различных течений российского анархизма также не остались в стороне от изучения этого явления и разработки своих рецептов развития культуры в стране.

Например, один из видных идеологов российского анархизма-универсализма Г. Аскарков писал: «Не нации будут строить и Новый Мир. Личность его основа. От личности по всему миру. Возвращение всех богатств, всей культуры – личности, и через нее – всему миру» [1].

А. Боровой, один из авторов Декларации «Московского союза идейной пропаганды анархизма», напрямую связывал анархизм с культурой. В своей работе «Анархизм», вышедшей в 1918 г. он писал: «Анархизм есть, таким образом, глубоко жизненный, а, следовательно, и культурный идеал. Анархизм должен объявить себя наследником многовековой мировой культуры. Ведь ему – анархическому духу, жившему во все времена и у всех народов, обязаны своим существованием величайшие культурные ценности» [2].

В своем воззвании А. Боровой призывал к сохранению созданных человечеством культурных богатств и к их защите: «Анархизм – учение культуры! Ибо анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но бережному хранению ценностей, в которые заключены творческие достижения человека, которые необходимы, как средство к последовательному, непрерывному нашему освобождению. Анархизм – наследник всех прошлых освободительных стремлений человека и несет ответственность за их сохранность» [3].

Аполлон Карелин, возглавлявший анархистскую фракцию ВЦИК Советов нескольких созывов, все преобразования культуры и культурную жизнь будущего содружества людей заключал как бы в некий средневековый Вольный город, который «...устроит свои школы и учреждения для образования и самообразования по соглашению с другими местностями России. Вольный город возьмет в свое заведывание высшие учебные заведения и, при помощи других городов и селений, поставит дело высшего образования, предоставив высшим учебным заведениям необходимую для них автономию. Нечего и говорить, что всякий желающий может заниматься в Вольном городе преподаванием, Свои библиотеки, музеи, картинные галереи, театры, кинематографы и пр. Вольный город сделает общедоступными» [4].

Проблему школьного образования совершенно иначе, чем анархокоммунисты, видели пананархисты и их лидеры, братья Владимир и Абба Гордины, писавшие в созданном ими «Манифесте Пананархистов» (текст его написан на особом языке неоязе), ставшем программой этого весьма оригинального анархистского течения: «Уж одним отрицанием этого душековеркательства, этой школьной психофабрикации, самим собою напрашивается установление нового вида воспитания, практического, трудового, на нашем языке: пантехникатического, т. е. воспитание, доставляющее воспитаннику всю совокупность действий, приемов, навыков, практических искусств, ремесел, сноровок, организованных

привычек, всякого рода умений, необходимых в практической жизни, словом, всю практическую культуру. Школу, дающую такое воспитание, занимающуюся, следовательно, не образованием, т. е. белоручеством, жалким интеллигентствованием и преступным обезличиванием молодежи /генерационной десиндивидуализацией/, а воспитанием, настоящим воспитанием, трудовым, точнее политехническим, т. е. всепрактическим, всетехническим, и реализующую это воспитание, опять-таки не книжно-теоретически, а практически, приспособительно – такую школу называем Адаптиной или Репродуктивной» [5].

И далее авторы уточняют, что (раскрывают вводимые ими в обиход понятия) : «Адаптина – это школа приспособления к жизни. Репродуктивная – это школа Воспроизведения жизни» [6].

Отрицая буржуазную культуру, братья Гордины и их немногочисленные сторонники считали, что ей на смену придет культура угнетенных, а эта культура «...не вымысел религии и науки, не измышление надчувственных миров, а пересоздание реального, чувственного мира. Культура угнетенных – это не фабрикация духов, чертей, молекул и эфиров, вечных законов, естественных законов и социальных природ, а перекраивание перестраивание мира и общества. Культурой трудящихся всегда был и будет труд, а потому наша культура, истинная, не обманная – это труд, техника, пантехника /всетехника/... Трудящиеся ничего общего не имеют с лентяйской религией и праздношатайской наукой» [7].

Авторы «Манифеста пананархистов» выступили с весьма радикальным призывом к молодому поколению России: «Учащаяся молодежь! Берите школы в ваши руки! Творите вашу самобытность, проявите вашу волю к творчеству. Будьте самими собою. Самоуправляйтесь! В вашей груди пламя всепожирания, в вашем дыхании бунт всеразрушения и в вашем уме – дух всеотрицания. Но старики-тираны вас поработили и утомили. Взгляните! Горбы родителей на ваших душах. Уничтожьте предрассудки старших, гоните вон, исключите из школы религию и науку, культуру отцов и создайте вашу культуру, культуру сынов!» [8].

Однако, по меткому замечанию П. И. Талерова, «...за откровенной анархистской риторикой и экспрессией, которыми наполнены политико-педагогические статьи и речи, прокламации и листовки в анархо-политическом дискурсе революционного периода, редко просматриваются конкретные методики и системы обучения, структуры, программы и планы. Многие педагогические идеи выглядят достаточно умозрительно и утопично» [9].

И все же попытка провести в жизнь некоторые идеи из числа многих взглядов российских анархистов на культуру и образование им предста-

вилась на территории Украины, охваченной ожесточенной гражданской войной, в рамках, созданного Н. И. Махно своеобразной «анархистской федерации», которую таковой можно назвать условно в силу ряда причин и недолгого ее существования в постоянно меняющихся границах.

Вопросами культуры и образования в повстанческой махновской армии занимались многие приехавшие на Украину анархисты из Харькова, Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Одессы, Елисаветграда и других городов, хотя ближе всего к махновщине оказалась Конфедерация анархистов Украины (КАУ) «Набат», которая стремилась объединить анархистов различных течений (в это время их существовало в России более десяти) и с этой целью провела в ноябре 1918 г. свою первую конференцию в г. Харькове. Признав махновское движение своим, набатовцы хотели придать ему анархистские черты: послали своих представителей к батьке Махно в начале 1919 г., а затем более значительную группу анархистов – весной того же года. Приглашал к себе анархистов и сам Н. И. Махно, говоривший: «Присоединяйтесь ко мне, и мы сумеем подготовить условия для действительных анархистских экспериментов» [10], – вспоминала побывавшая у него в гостях известная американская анархистка Эмма Гольдман.

Вскоре набатовцам удалось в значительной мере, хотя и не надолго, подчинить своей воле верхушку махновщины, заняв в ее руководстве важные посты. Н. И. Махно были необходимы носители и проводники анархистских взглядов для укрепления своей власти, набатовцы же для расширения своего влияния на массы и проведения в жизнь идеи строительства бесклассового общества нуждались в реальной военной силе, которой являлось революционное повстанчество. Организационно решение о союзе «Набата» с Махно было оформлено следующим образом: секретариат Конфедерации «Набат» был включен в состав махновского Реввоенсовета (полувыборного, полуназначаемого самим батькой органа) и взял на себя всецело идейное и политическое руководство махновщиной. В принятой секретариатом «Набата» на секретном совещании резолюции ставились следующие задачи:

«а) Сама история диктует необходимость скорейшего перехода от слов к делу, т. е. к осуществлению заветов отцов анархизма Бакунина, Кропоткина, Малатеста и др.

б) В силу всех объективных условий и возможностей, какие имеются на Украине, долг перед общей анархистской революцией обязывает именно украинских анархистов-набатовцев быть застрельщиками в деле реального осуществления анархизма, совершения первых опытов и экспериментов анархистского строительства.



в) Ближайшей задачей должно стать завоевание при помощи повстанчества небольшой территории, в пределах которой должны начаться эксперименты строительства бесклассового общества, что собственно и явится лучшим результатом еще не пораженной 3-й революции.

г) В силу всех вышеуказанных задач сама по себе вытекает необходимость... настолько крепко связать махновщину с набатовским движением, чтобы ни тени различия, ни тени обособленности, несогласованности в общих задачах и целях – не проявлялось» [11].

Возможность воплотить свои идеи в жизнь представилась анархистам в 1919 г. когда войска Махно захватили значительный район, в который входили населенные пункты: Екатеринослав, Верхнеднепровск, Кичкасы (село, существовавшее до сооружения Днепрогэса, размещавшееся на берегах Днепра выше г. Запорожье), Никополь, Апостолово, Бреславль, а вокруг территории распространения махновщины возникла полоса действия крестьянских партизанских отрядов, хотя и не входивших в сферу влияния Махно. Большинство их стояло за Советы, но против коммуны. В других местах действовали петлюровские отряды, тяготевшие к батько Махно и часто помогавшие ему, а иногда даже терпявшие в силу этого свою самостоятельность.

Проблемами культуры и образования в повстанческой армии Н. И. Махно стал ведать специально созданный Культпросветотдел, который возглавил учитель батьки, впоследствии его биограф, известный анархист П. Аршинов, ставший главным редактором анархистских газет и листовок, т. е. практически политическим руководителем махновщины, а также В. М. Волин возглавивший летом 1919 г. Культпросветотдел и одновременно в течении шести месяцев работавший в Военно-революционном совете повстанческой армии.

По словам В. Ф. Белаша после проведения 28.10 – 2.11.1919 г. 4-го рабоче-крестьянского повстанческого съезда освобожденных РПАУ территорий, по инициативе В. М. Волина, Культпросветотдел «...делился на секции: 1) печати, 2) устной пропаганды, 3) театральную, 4) школьную и другие... Такой же аппарат был при каждом корпусе, имея в своем военном хозяйстве небольшую типографию «американку», где издавал еженедельную газету «Повстанец», а больше – листовки [12].

Конфедерация «Набат» и ее лидеры уделяли огромное внимание печати на контролируемой махновцами территории: «Центральная газета штарма (штаба армии – В. Е.) была «Путь к свободе», а потом и «Шлях до воли», первая на русском, а вторая на украинском языках: обе ежедневные газеты. Кроме того выходила партийная газета «Набат» и

местные газеты: «Вольный Бердянск», «Вольный Мелитополь», «Вольное Гуляй-Поле», «Вольное Орехово» и «Вольный Никополь» – все они находились под непосредственным руководством секретариата «Набат» и на полном иждивении сектора печати» [13].

Из-за целого ряда трудностей военного времени, и, прежде всего, из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных литературных сил и в связи с нехваткой бумаги, приходилось ежедневную газету выпускать через день-два, а то и неделю. Правда листовки выходили аккуратно и в большом количестве. На территории, контролируемой денкинцами, секретариат «Набата» умудрялся издавать нелегальные газеты и воззвания в Полтаве, Миргороде, Елизаветграде, Кременчуге, Одессе, Киеве, Волчанске, Харькове, Севастополе, Симферополе. Все они выходили под названием «Набат» [14].

Весьма любопытно В. Ф. Белаш описал работу секции устной пропаганды, которая «...также имела свой аппарат и довольно многочисленный. Кроме штатных руководителей, доведенных до полков, в состав его входили и другие лица, командиры и повстанцы, обладающие хоть сколько-нибудь даром слова. Они почти ежедневно собирали местных жителей, то на конференции и собрания, а то прямо на улицах и в хатах вели с ними беседы на разные политические, а больше экономические темы... Такие ораторы как Волин, Махно, Бармаш, Алий, Аршинов, командиры корпусов: Вдовиченко, Калашников, Гавриленко, Павловский и Володин, как А. Губенко, Уралов, Могила, вполне могли претендовать на классиков ораторского искусства, особенно Волин и Махно» [15].

Анархисты оказали значительное влияние на повстанческое движение юга Украины, придав ему специфические, практически нигде больше в годы гражданской войны не встречавшиеся черты. Среди массы прибывших к Махно анархистов многие из числа наиболее заметных являлись широко образованными людьми, хорошо владевшими пером и ораторским искусством. Например, анархист В. Волин, возглавлявший Реввоенсовет армии, владел тринадцатью языками, будучи в эмиграции, прекрасно себя чувствовал в любом обществе и вращался среди самой изысканной публики [16].

Не совсем обычно решался Н. И. Махно национальный вопрос. В советской прессе и исторической литературе, начиная с периода Гражданской войны и вплоть до развала Советского Союза, батько Махно и махновцы почти всегда обвинялись в антисемитизме, национализме и погромных настроениях. И хотя случаи проявления антисемитских настроений среди повстанцев имели место, связывать это с деятельностью Махно и его бли-

жайшего окружения вряд ли корректно, т. к. в махновском Реввоенсовете и Культпросветотделе среди идейных анархистов было много лиц еврейской национальности, определявших идеологию самого движения (А. Барон (Полевой)), В. Волин, И. Готман, Я. Алый (Суховольский), И. Тепер (Гордеев), А. Коган), состояли евреи и в махновской контрразведке, например: Я. Глазгон, Х. Цинцинер, братья Л. И. Д. Задовы (Зиньковские) и др.

Помимо этого, сам Н. И. Махно часто сурово наказывал повстанцев как за погромные настроения вообще, так и за конкретные бандитские действия в отношении еврейского населения, им и его Реввоенсоветом неоднократно издавались листовки с призывами не допускать погромов и наказывать виновных, замеченных в их организации или участии. Вот, например, что говорилось в одном из такого рода воззваний, выпущенных за подписью Махно и Веретельникова от имени «Исполкома Военно-революционного совета Гуляй-Польского района» в апреле 1919 г.:

«В ряды партийных борцов стали вкрадываться отрицательные, преступные элементы, для которых великая, тяжелая, революционная борьба сделалась громоотводом на пути к издевательствам, насилию и личной наживе, с одной стороны, и сознательной, явной услуге контрреволюции – с другой.

Еврейская беднота стала истекать кровью от грязных рук сознательных и бессознательных контрреволюционеров.

На светлом ярком фоне революции появились темные, несмыслимые пятна запекшейся крови бедных мучеников-евреев. Величественная драма революционного повстанческого движения омрачена бездумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское, нечеловеческое существование.

Ваш революционный долг – закричать громко, во всеуслышание, против еврейских погромов, против избивания и вырезывания мирных еврейских жителей.

Товарищи повстанцы! В настоящий момент, когда на русскую народную революцию, начавшуюся с рабоче-крестьянских низов, обрушился интернациональный враг – буржуазия, империалисты и бюрократы всех стран и всех оттенков сеют в рядах трудовых масс национальную травлю, для того, чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент классовой борьбы – солидарность и единение всех трудящихся, – вы должны, как один, выступить против всех сознательных и бессознательных контрреволюционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти.

Ваш революционный долг – пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов.

Все лица, сеющие национальную травлю, точно так же, как и те бандиты, которые вырезают мирных еврейских обывателей, являются явными врагами трудящихся и революции. Они должны быть сметены с лица земли самым беспощадным образом.

Товарищи повстанцы! Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента» [17].

Был далек Махно и от украинского национализма, хотя вокруг него еще весной 1919 г. сгруппировалась небольшая группа украинской интеллигенции с ярко выраженными национально-шовинистическими взглядами, которая пыталась повлиять как на самого «батько», так и на махновцев. Этой группе удалось привлечь на свою сторону жену Махно – Галину Андреевну Кузьменко – и усилить свое влияние в повстанческой армии, в особенности в период ухода от «батьки» набатовцев. Однако, несмотря на это, далее некоторого усиления националистических взглядов дело не пошло. Вообще лозунг «бей жидов, москалей и комиссаров» никогда не был официальным лозунгом махновщины [18].

Вот что говорилось в «Декларации», выпущенной в октябре 1919 г. Реввоссоветом повстанческой армии имени «батьки» Махно в главе по национальному вопросу:

«Говоря о независимости Украины, мы понимаем эту независимость не как независимость национальную, типа петлюровской самостийности, а как независимость социальную и трудовую рабочих и крестьян. Мы заявляем о праве украинского (как и всякого другого) трудового народа на самоопределение не в смысле „самоопределения наций“, а в смысле „самоопределения трудящихся“» [19].

Отвечая на поступающие запросы от учителей о том, на каком языке преподавать в школах, Культпросветотдел махновской армии в газете «Путь к Свободе» ответил на этот вопрос следующим образом:

«Революционные повстанцы, держась принципов подлинного социализма, не могут ни в какой области и ни в какой мере насильствовать естественные потребности народа украинского. Поэтому вопрос о языке преподавания в школах может быть решен не нашей армией, а только самим народом, в лице родителей, учащихся и учащихся...

В интересах духовного развития народа, язык школьного преподавания должен быть тот, к которому естественно склоняется местное на-

селение, учащие, учащиеся и их родители, и оно, а не власть и не армия, должно свободно и самостоятельно разрешить этот вопрос» [20].

Белогвардейский офицер А. В. Бипецкий, попавший в плен к махновцам обратил внимание на одно показавшееся ему странным явление: «Хотя Махно и был малороссом, и в его банде были исключительно малороссы, однако „государственным“ языком считался русский. Так, бумаги в полках и приказы самого Махно писались по-русски, названия полков были русские, девизы на бронепоездах писались по-русски. В обиходе же был принят украинский язык» [21].

После захвата в октябре 1919 г. на несколько недель Екатеринослава Н. Махно объявил свободу речи, печати и собраний. В городе всего лишь за несколько дней появилось с полдюжины новых газет, которые представляли широкий спектр различных политических мнений [22]. В это время в городе свободно издавались: орган правых эсеров «Народовластие», левых эсеров «Знамя восстания», большевиков – «Звезда», «Молот» и др. Любопытно, что секретариат Конфедерации «Набат» и махновский Реввоенсовет были настолько уверены в своем определяющем влиянии на повстанцев, что в одном из своих воззваний по поводу свободы печати и организаций писали следующее:

«1. Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространения своих взглядов, идей, учений, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

2. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут» [23].

В повстанческой армии культурно-просветительной работе уделялось большое внимание. И она, будучи весьма разнообразной, велась даже в условиях боевых действий. Во время отдыха частей от боев устраивались митинги, собрания, спектакли, читались лекции, распространялись анархистские газеты и листовки. Батько Махно считал очень важным и эффективным средством общения с народом посещение им крестьянских свадеб, «которые зачастую, превращались в веселые и массовые мероприятия в деревне. При этом батько Махно старался находить хотя бы час времени, чтобы побывать



на крестьянской свадьбе, куда его заранее приглашали молодые. С крестьянами он старался поддерживать прежние мужицкие отношения, был к ним внимателен и жил той же простой жизнью, что и они» [24].

Об этом же говорила и «Записка о Махно» от 2 мая 1919 г. командующего армиями Украинского фронта В. А. Антонова-Овсенко, председателю СНК УССР Х. Г. Раковскому и наркомвоену Н. И. Подвойскому: «Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно; налаживаются детские коммуны, школы; Гуляй-Поле – один из самых культурных центров Новороссии: здесь три средне-учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто до 10 госпиталей для раненых...» [25].

Не забывали махновцы о своих великих земляках, в частности о Т. Г. Шевченко. Так в марте 1919 г. «вечером в кинематографе было дано большое театрализованное представление, посвященное 105-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко... сохранившиеся в Гуляйполе театральная труппа, хор и оркестр подготовили репертуар из произведений Т. Г. Шевченко. Зал был переполнен [26].

По воспоминаниям художника А. В. Коморного, писавшего в годы Гражданской войны портрет Н. И. Махно: «Врезался в память концерт, проходивший в зрительном зале товарищества „Просвіта“ („Просвещения“). В нем выступали приезжие артисты. Русские народные песни и романсы исполняла Щербина-Башарина, болгарка по национальности. Драматизм ее исполнения был так силен, что самые бесшабашные махновцы заливались слезами...» [27].

Не обошел махновцев стороной и кинематограф. О чем также рассказал А. В. Каморный: «Останавливался я на квартире у своего друга Пети Руднева, помощника киномеханика иллюзиона „Шантеклер“ (позже переименованного в кинотеатр „Червона Зірка“ („Красная заря“). В один из таких воскресных дней я помогал в киновудке Пете „крутить“ порнографические фильмы для махновцев. Киномеханик иллюзиона Николай Николаевич Кудрявцев принес нам целый металлический ящик короткометражных порнофильмов, привезенных хозяином „Шантеклера“ из Парижа, от фирмы „Патэ“. Кудрявцев приказал крутить ленты, пока махновцы „не посинеют“. Мы крутили, а из зала доносился смех, доходящий до визга» [28].

Часто в освобожденных повстанцами районах вывешивались красочные объявления о проведении того или иного спектакля. Как правило, массовые зрелищные представления заканчивались аукционом, на котором продавались то обыкновенный женский платок, то фунт конфет, то бутылка водки и т. п. Спектакли были чаще всего платными, каждый присутствующий платил столько, сколько считал нужным, а собранные сред-

ства направлялись в пользу раненых повстанцев. Весьма любопытный в этом отношении приказ издал в октябре 1919 г. комендант г. Бердянска после вступления в него махновских частей: «...Приказываю всем товарищам повстанцам платить за вход в театры... Приказываю всем владельцам домов, а где их нет – их заместителям привести в трехдневный срок дома и прилегающие к ним площади в должное санитарное состояние» [29].

П. Аршинов вспоминал: «...театру повстанцы уделили большое внимание. Еще до соглашения с большевиками, когда повстанческой армии приходилось изо дня в день принимать бои с многочисленными противниками, при ней постоянно сохранялась театральная секция из самих повстанцев, которая, насколько позволяла боевая обстановка, ставила пьесы частью для повстанческой массы, частью для крестьян. В Гуляй-Поле имеется довольно большое театральное здание. Но профессиональные артисты в селе всегда были редкостью. Гуляй-Поле обходилось обыкновенно местными любительскими силами крестьян, рабочих и сельской интеллигенции, т. е. главным образом, учащихся и учащихся. За время Гражданской войны, жестоко разорившей Гуляй-Поле, интерес у гуляй-польцев к театру несколько не ослабел, а даже возрос. В дни соглашения махновцев с большевиками, когда в связи с договором была снята блокада, театр в Гуляй-Поле ежедневно переполнялся тружениками; при этом крестьяне, повстанцы и их жены были не только артистами: на сцене шли пьесы, написанные ими же самими» [30].

В частности, П. А. Аршинов указывал на то, что с большим успехом на сцене местного театра шла пьеса «Жизнь махновцев», написанная молодым гуляй-польским крестьянином. При этом, по его же словам, «культурно-просветительный отдел армии махновцев принимал непосредственное и активное участие в организации театрального дела в Гуляй-Поле и по всему району» [31].

О театре в повстанческой армии в своих воспоминаниях пишет и В. Ф. Белаш: «Театральной секцией руководили махновские артисты-любители: Никита Конопля – заведующий и Цыганок – заместитель. Секция делилась на группы: музыкальную, драматическую, оперную, сатирическую. Музыкальная, хоровая и сатирическая группы своим аппаратом были доведены до роты, эскадрона и батареи. Струнные и духовые оркестры были при штабме, штабах корпусов и некоторых полках. Низовой аппарат музыкальной группы составлялся из повстанцев-виртуозов, играющих на гармошке, баяне. Этот народный инструмент, между прочим, господствовал в частях. Отдых всегда сопровождался музыкой и танцами... Штатная гармошка была куплена на средства армии и находилась, кроме

штабов, по одной во взводе. Кроме того, полки имели струнный оркестр, уступающий по своей организации оркестрам гармошек» [32].

По словам того же В. Ф. Белаша: «Драматическая и оперная группы комплектовались не только из среды профессионалов артистов, но и любителей; последние преобладали над первыми... Среди них было много женщин. Пьесы из боевой жизни давал им анархист-итальянец, приехавший в махновщину для связи и оставшийся до 1921 г., пока не попал в Бузовке в плен к буденновцам. Он великолепно писал драмы» [33].

Лишь после разрыва отношений лидеров «Набата» с Махно прекратил свое существование и походный махновский театр, а его режиссер Лейба Лейхтенлейб (Лев Грозный) «загнал» на толкучке на метры, как мануфактуру, используемый в походных представлениях занавес мелитопольского городского театра [34].

Собранные во время театральных представлений и аукционов деньги могли помочь отдельным раненым и больным, но, конечно, далеко не всем. Больные и раненые, особенно из числа местных жителей, отправлялись на выздоровление в родные места, скрывались в отдаленных селах и на хуторах. Те же из их числа, кто не имел родных и знакомых, обычно перевозились на тачанках вместе со всяким скарбом, а иногда и на задках орудий или на зарядных ящиках, и были предоставлены практически сами себе, т. к. на всю армию имелось лишь несколько мобилизованных махновцами докторов, но и они при практически полном отсутствии медикаментов мало в чем могли помочь нуждающимся в лечении от ран и болезней. В этих условиях даже легкое ранение или болезнь могли привести к гибели махновца. Особенно значительные потери понесли повстанцы осенью и в начале зимы 1919 г., когда эпидемия тифа буквально «выкосила» их ряды. В то время умерло несколько тысяч махновцев, просто чудом выжил и сам Н. И. Махно.

На распространении разного рода болезней сказывалось и нерегулярное питание, т. к. по воспоминаниям одного из современников, «братки» (так махновцы обычно называли друг друга) жили, что называется, на «подножном корму», т. е. по приходе в село, размещались по крестьянским хатам и питались, «чем бог послал». При такой системе махновцы особой нехватки пищевого довольствия не ощущали. Разумеется, не обходилось без грабежа и бессмысленной порчи крестьянских запасов [35].

При этом всяческое злоупотребление и изъятие большего, чем требовалось, количества продуктов могло привести к наказанию повстанцев. Вот, например, о чем говорилось в одном из приказов батьки Махно:

«Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек, без бумаг от начальника снабжения, воспрещается

под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольные реквизиции привлекают в ряды повстанческой армии самых отъявленных хулиганов, стремящихся лишь к наживе, дают им возможность под именем революционных повстанцев, творить подлые дела, позорящие наше революционное освободительное движение» [36].

Особенно трудно было командующему повстанческой армией контролировать действия своих подчиненных при занятии крупных населенных пунктов:

«При занятии гор. Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится эта вакханалия в силу определенных социальных условий (или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации). Во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизан-махновцев, борющихся за независимость, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства.

Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющихся своими завоеваниями революционного народа, я именем партизан всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои или насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мною пресекаться в корне. Каждый преступник, совершивший преступление, вообще и в особенности под именем махновцев, или других революционных отрядов, творящих революцию под лозунгами восстановления советского строя, будут беспощадно расстреливаться, о чем объявлено всем гражданам, призывая их также бороться с этим злом, подрывающим в корне не только завоевание революции, но и вообще жизнь честного гражданина.

Главнокомандующий Батько Махно» [37].

В благодарность за оказываемую помощь и гостеприимство батько Махно делился с крестьянами захваченными в городе товарами, материалами, углем и т. д. Раздача имущества обычно осуществлялась на справедливой основе, причем подобным образом махновцы делали население того или иного села как бы соучастниками повстанцев, и оно уже никак не могло не оказывать им содействие в будущем, боясь мести Красной армии или белогвардейцев.

После захвата Екатеринослава махновцы заставили буржуазию города платить некую контрибуцию и, собрав деньги, значительную их часть раздали нуждающимся. Вот как проходила в городе выдача «пособий»: «Впускали по очереди, по одному, в отдел социального обеспечения. Здесь один



из членов Реввоенсовета, анархист-интеллигент (по-видимому из сельских учителей) просматривал паспорт просителя, задавал вопросы, чтобы выявить степень нужды, назначал размер пособия и записывал в книгу как фамилию просителя, так и цифру пособия, а сидевший за другим столом кассир доставал из лежащих на полу мешков деньги и отдавал просителю, не требуя никакой расписки. Размер пособия достигал иногда, если проситель или просительница (исключительно жены и вдовы рабочих) представляли веские доводы, довольно значительную по тому времени цифру – до тысячи рублей: на такие деньги целая семья могла просуществовать с избытком более месяца.

Таким же путем была оказана помощь городским детским приютам: выдано деньгами около миллиона рублей и, кроме того, немало продуктами – мукой, салом и колбасой. Надо отдать справедливость махновцам после добровольцев приютские дети в течение месяца «подкормились» [38].

Следует признать, что довольно распространенным явлением среди повстанцев было пьянство. Слаб был в этом отношении и сам «Батько», однако пил он только в спокойной обстановке и жестоко преследовал и наказывал повстанцев за так называемое «несвоевременное пьянство», когда противник был рядом, грозя наступлением и окружением махновским частям. В Приказе № 1, подписанным Н. И. Махно говорилось: «Пьянство считается преступление. Еще большим преступлением считается показываться повстанцу революционной армии в нетрезвом виде на улице» [39].

Не отставали от своего лидера в попытках пресечь пьянство и другие командиры махновской армии. В приказе командира Екатеринославского повстанческого полка А. Клейна говорилось следующее:

«Товарищи повстанцы! Приказом командующего армией Батько Махно приказывается в двухдневный срок с момента объявления сего приказа уничтожить все винокуренные аппараты. Всех пьяных повстанцев задерживать и, обезоружив, отправлять в распоряжение Батько. Товарищи повстанцы! Пора опомниться, неужели вы еще не научены горьким опытом, когда гидра контрреволюции старается на каждом шагу, заметив, что повстанцы представляют мощный несокрушимый революционный кулак, она старается подорвать его, пуская в ход все подлое и спиртные напитки, служащие главным злом для разложения армии... Помните, что мы можем победить врага крестьянской революции – кадета Деникина тогда, когда мы прекратим пьянство, игру в карты и будем задерживать на месте преступления тот злой для нас элемент, который втесался в ряды наших повстанцев и хочет разложить наши ряды: но помните, если есть такие элементы, то лучше сами уходите и не пачкайте вверенный мне полк. Помните, товарищи повстанцы, вы хорошей спаянностью в рядах ваших есть залог победы...» [40].



Победить пьянство было не так-то просто, а в условиях постоянно меняющейся обстановки на фронте – тем более. Пьяные дебоши, кровь и насилие, развращали население, делали его совершенно спокойным к убийствам, практически не вызвали протестов. Совершаемые на глазах взрослых, а зачастую и детей, пытки и зверства, приводили к тому, что и крестьянские ребятишки начинали играть не просто в войну, а в казни и пытки. Результатом таких «игр» стало несколько замученных своими сверстниками крестьянских детей [41].

Происходило это, по мнению В. Ф. Белаша из-за того, что «школа была военизирована, отчего учащиеся проводили военные занятия, которые заканчивались порой настоящими побоищами. Последние являли собой страшные инциденты, доходившие до убийства» [42].

Почти все махновцы, и батько Махно в том числе, очень заботились о своей внешности. С момента первого захвата Екатеринослава многие из них облачились в реквизированные в городских ломбардах и у зажиточного населения шубы и сразу же были прозваны народом «шубниками», т. к. не снимали добытую одежду до полного износа вне зависимости от времени года. Очень популярны были венгерки, ярко вышитые цветными нитками спереди и сзади. Одно время свита Махно была одета в одинаковые красные костюмы и носила длинные волосы, затем окружение батько стало одеваться кто во что горазд. Часто даже во время жестокого боя в очереди у гуляй-польской парикмахерской стояло много махновцев, которые брились и стриглись, наводя красоту. Есть много свидетельств, в которых красочно описаны одежды, внешний вид и вооружение махновцев. Вот одно из них: «Пестрые наряды... Папахи с разноцветными верхами... Шубы, поделки, штатские пальтишки, разнохарактерные галифе из гардин и диванной обивки: одеяла и женские юбки, накинутые на плечи в защиту от стужи... Некоторые в чудесных офицерских сапогах и рваных шинелишках; другие – босиком и в бобровых шубах. Попадалась и английская обмундировка, захваченная где-то на юге в отбитых у белых складах» [43].

Значительное внимание Культурно-просветительный отдел махновского Реввоенсовета уделял реформе школьного образования и обучению грамоте, хотя бы в самом примитивном виде, взрослых участников партизанско-повстанческого движения. Боевые действия на территории Гуляй-Поля и окружающих его территорий губительно сказались на школьном деле. Учителя разбрелись, не получая за свою работу никакого жалования. Многие из них вынуждены были устраиваться на самую низкооплачиваемую неквалифицированную работу лишь бы добыть

себе и своей семье деньги на пропитание. Школьные здания опустели и стали просто разрушаться без надлежащего за ними ухода. Вступление в Гуляй-Поле войск Н. И. Махно и подписанное махновцами соглашение с Советской властью о союзе и сотрудничестве радикально изменили ситуацию в области образования.

По воспоминаниям П. Аршинова, решение вопроса о образовании Культпросветотдел поставил в плоскость самоуправления трудящихся: «Руководимые этой мыслью гуляй-польские крестьяне и рабочие воодушевленно приветствовали мысль об отделении школы от государства, о полной независимости ее от последнего – так же, как и от церкви. В том же Гуляй-Поле оказались последователи и проповедники идей свободной школы Франциско Ферера (Ф. Ферер – испанский педагог и анархист. В 1901 г. открыл «Современную школу» где дети могли получать рациональное и светское образование, причем мальчики и девочки учились совместно, а не раздельно. После его гибели в октябре 1909 г. в Нью-Йорке в 1911 г. была создана первая и наиболее заметная «Современная школа»), а также теоретики и практики идеи единой трудовой школы» [44].

Известно, что и сам Н. И. Махно живо интересовался проблемами возрождения школьного образования, но уже на совершенно иной основе. Он аккуратно посещал все собрания гуляй-польцев по данному вопросу и даже попросил «знающих лиц сделать ему несколько докладов-лекций по теории и практике единой трудовой школы» [45].

Конкретная работа в области школьного дела выразилась в том, что «крестьяне и рабочие всем селом обязались взять на содержание учительский персонал, необходимый для обслуживания всех школ села (В Гуляй-Поле имелось несколько начальных школ и две гимназии). Была создана школьная комиссия из представителей крестьян, рабочих и учащихся, которой были поручены учебно-организационная, а также хозяйственная сторона школьного дела... был разработан определенный план и подготовлена большая теоретико-организационная предварительная работа...» [46].

Наряду с этим в столице махновщины стали проводиться занятия с неграмотными и малограмотными повстанцами. В среде, прежде всего анархистов, «нашлись люди с серьезной подготовкой и многолетним стажем, специалисты по обучению грамоте взрослых» [47].

Культпросветотдел организовал и курсы политической грамоты для мало или совсем неграмотных повстанцев, ставя своей целью дать им минимальные знания по истории, социологии и другим предметам. По словам того же П. Аршинова: «Занятия на курсах велись самими же повстанцами из крестьян и рабочих, наиболее начитанных. В их програм-

му входили: а) политическая экономия; б) история; в) теория и практика анархизма и социализма; г) история великой французской революции (по Кропоткину); д) история революционного повстанчества в русской революции и другое. Лекторские силы у махновцев были крайне слабы; однако благодаря серьезному отношению к делу и со стороны лекторов, и со стороны повстанческой аудитории курсы с первого же дня приняли живой, крайне деловой характер, обещая сыграть значительную роль в дальнейшем развитии движения» [48].

Более сдержанно о школьной секции писал В. Ф. Белаш: «Школьной секцией руководила Галина Андреевна Кузьменко – жена Н. Махно, как председатель союза Народного образования. Ее функции сводились к организации школьного дела, изысканию средств и управлению, путем привлечения к этому делу родителей учащихся и преподавателей, выработке программы и контроль за ее исполнением. Похвалиться нечем... секция... не вполне закончила свой организационный период и не успела еще созвать ни одного съезда родителей учащихся и преподавателей, хотя и преуспевала в массовых районных конференциях педагогического персонала» [49].

Вопросы политического просвещения участников махновского движения не покидали анархистов и Н. И. Махно и в период заключительных аккордов Гражданской войны. Так в телеграмме Совета революционных повстанцев (махновцев) представителю Повстанческой армии при штабе Южного фронта Д. И. Попову от 14 ноября 1920 г. была выражена просьба буквально требовать от советского командования выслать в Гуляй-Поле «...подбор научной литературы для лекций по истории, по рабочему и крестьянским вопросам, по анархизму, социализму и революционным пьес: Горького – «На дне», «Враги», «Марбо» и «Жань», и Мадленко-Белого – «Безработные», «Степняки» и «Непогребенные», Дмитриева – «Рабочая слободка» [50].

Намечаемые и уже проводимые Конфедерацией «Набат» реформы в образовании и социально-культурной сфере так и не были доведены до конца. Сотрудничество и тесное взаимодействие Н. И. Махно с секретариатом «Набата» развивалось на протяжении 1919–1920 гг. не без сложностей и не единожды было на грани разрыва в силу сложной политической и военной обстановки, и часто из-за личностных качеств отдельных анархистских руководителей, самого Н. И. Махно и окружавших его командиров повстанческих отрядов. Вторжение анархистов в своеобразную жизнь повстанческой вольницы и их попытка превратить контрразведку в военно-разведывательный орган, лишив его карательных функций, а также вмешательство А. Барона (одного из основателей и лидеров КАУ «Набат») в дела военного

командования, довели взаимоотношения «бацьки» Махно с секретариатом «Набата» до крайних пределов взаимной подозрительности и резкого недовольства друг другом. Разногласия стали известны и рядовым махновцам, т. к. А. Барон на страницах газеты «Путь к свободе» заявил о том, что «махновщина далека от анархизма, нельзя махновщину сопоставить с анархистами, в частности с набатовским движением» [51].

О настроениях махновцев в этот период красноречиво говорит запись в дневнике одного из работников Культпросветотдела, датированная 3 ноября 1920 г.: «Скучно и грустно. Терзает и не дает покоя мысль – „а что дальше будет?“ Белогвардейщина будет раздавлена, и что дальше будет с повстанческой армией В комсоставе чувствуется усталость. Сам Махно дышит усталостью, нет никакой намеченной цели в армии и определенного плана, а также нет культурных работников... Боюсь, что коммунисты объявят нас вне закона и тогда начнется снова пролитие трудовой крови. Эти головопаты не могут понять, что у них разлагается Красная Армия и перейдет на нашу сторону. Но весь трагизм состоит в отсутствии культурных сил. Махно тоже воздерживается от работы. Я чувствую, что он устал» [52].

Разрыв «Набата» с махновщиной стал неизбежен. Начавшиеся в октябре 1920 г. переговоры между Махно и командованием Красной армией были враждебно встречены секретариатом «Набата» и окончательный разрыв наконец состоялся. В ноябре 1920 г., после проведения операций красноармейских частей по уничтожению махновщины, украинская ЧК ликвидировала как анархистские организации, так и руководящую военную верхушку повстанческого движения.

Украинские чекисты арестовали 346 человек и среди них секретаря штаба Махно Попова, членов штаба Буданова, Хохотву, одного из адъютантов Махно Среду, командиров 2-го кавалерийского полка Зинченко и пехотного полка Кусенко, командира одного из отрядов повстанцев Колесниченко. Убиты были видные махновские командиры Каретников и Гавриленко. Арестован почти весь секретариат харьковской Конфедерации «Набата»: В. Волин (Эйхенбаум), А. Барон, М. Мрачный (Кливанский), Л. Готман (Давид Коган), Л. Рубан, О. Таругута, Чекересс, Доленко (Алексей Олопецкий) и др. При ликвидации ассоциации анархистов в Киеве были задержаны видные анархисты Консе, Аккерман и Гофман, арестовали и членов полтавской и роменской ассоциаций анархистов [53]. Ряд военных руководителей махновщины по постановлению ВЧК были расстреляны, одиннадцать анархистов-набатовцев (и среди них В. Волин (Эйхенбаум)) по постановлению президиума ЦИК УССР были высланы за границу [54].

### Примечания

1. Аскарлов Г. Вопросы анархизма-универсализма. М., 1921. С. 15.
2. Боровой А. Анархизм. М., 1918. С. 156.
3. Там же. С. 169.
4. Карелин А. Что такое анархия? М., 1923. С. 53.
5. Братья Гордины. Манифест Пананархистов. М., 1918. С. 28.
6. Там же. С. 29.
7. Там же. С. 49.
8. Там же. С. 56–57.
9. Талеров П. И. Классический анархизм в теории и практике российско-го революционного движения. 1860-е – 1920-е гг. СПб., 2016. С. 357.
10. Цит. по: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма в России. М., 1974. С. 330.
11. Цит. по: Тепер (Гордеев) И. Махно. Киев. 1924. С. 72
12. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993. С. 121.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Тепер (Гордеев) И. Указ. соч. С. 46.
17. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1932. Т. 4. С. 105.
18. Тепер (Гордеев) И. Указ. соч. С. 50–51.
19. Цит. по: Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921). Запорожье, 1995. С. 193–194.
20. Там же. С. 194.
21. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: док. и материалы. М., 2006. С. 785.
22. Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006. С. 230.
23. Цит. по: Аршинов П. Указ. соч. С. 151–152.
24. Там же. С. 206.
25. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 129.
26. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Указ. соч. С. 36.
27. Цит. по: Семанов С. Н. Нестор Махно. Вожак анархистов. М., 2005. С. 217.
28. Там же. С. 218.
29. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 866.
30. Аршинов П. А. Указ. соч. С. 170–171.
31. Там же. С. 171.



32. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Указ. соч. С. 121.
33. Там же.
34. Чуднов М. Н. Под черным знаменем (записки анархиста). М., 1930. С. 216.
35. Мирошевский В. Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция. 1922. № 9. С. 200.
36. Цит. по: Аршинов П. А. Указ. соч. С. 202.
37. Цит. по: Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991. С. 59.
38. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Указ. соч. С. 124.
39. Цит. по: Аршинов П. А. Указ. соч. С. 203.
40. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 866.
41. Сухогорская Н. Воспоминания о махновщине // Кандальний звон. 1927. Т. 6. С. 39, 46.
42. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Указ. соч. С. 121.
43. Мирошевский В. Указ. соч. С. 199.
44. Аршинов П. А. Указ. соч. С. 169.
45. Там же.
46. Там же. С. 169–170.
47. Там же. С. 170.
48. Там же.
49. Белаш В. Ф., Белаш А. В. Указ. соч. С. 121.
50. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 525.
51. Тепер (Гордеев) И. Указ. соч. С. 89.
52. Цит. по: Волковинский В. Н. Указ. соч. С. 174.
53. На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии 1917–1922 гг.: сб. док. и материалов. Киев, 1971. С. 244.
54. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1982. Кн. 2. С. 46.

#### **8.4. К вопросу о награждении Н. И. Махно орденом Красного Знамени**

В жизни батьки Махно было много страниц, которые впоследствии обросли какими-то иными деталями, слухами, домыслами, а затем и легендами. Одной из самых живучих из их числа стал вопрос о якобы имевшем место награждении комбрига Н. И. Махно орденом Красного Знамени, причем якобы получил его батько в нашей стране одним из первых красных командиров (Первый советский орден Красного Знамени РСФСР был учрежден ВЦПК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) 16.09.1918. Право награждения орденом предоставлялось только

ВЦИК. 15.03.1919 такие же полномочия получили Реввоенсоветы фронтов). Попытаемся разобраться в этом не простом вопросе.

Впервые об этом стали писать, причем почти одновременно, в ряде научных и популярных изданиях, в 1990 г. В дальнейшем факт награждения Н. И. Махно орденом стал обрастать все новыми и новыми подробностями переключивая из одного издания в следующее вплоть до настоящего времени.

Вот как написал об этом событии украинский историк В. А. Савченко: «За ряд побед над денikinцами Махно был награжден орденом Красного Знамени» [1]. Об этом же написал в своей книге «Комбриг Нестор Махно» и его украинский коллега В. Ф. Верстюк. При этом он подменил понятия о награждении и о представлении к награждению. Более того, он написал, что Председатель Совнаркома Украины Х. Г. Раковский направил на имя командующего Украинской армией В. А. Антонова-Овсеевко телеграмму с просьбой о награждении атамана Н. А. Григорьева и комбрига Н. И. Махно орденами Красного Знамени. Первого – за взятие Одессы, а второго – за взятие Мариуполя. Как мы видим, просьба о награждении или даже представление к награждению никак не являются самим награждением, право на которое предоставлялось только ВЦИК. А В. Ф. Верстюк констатировал, что награждение состоялось, а советские историки в своих трудах якобы вплоть до 1990 г. скрывали этот факт от общественности [2]. И пошло и поехало.

Публицист И. Мороз статье «Предводитель неизвестной войны» повествует об этом событии таким образом: «В списке первых награжденных орденом Красного Знамени четвертая строка густо замазана черной краской. Под ней прячется неожиданная, непривычная для советского человека, воспитанного на «кратком курсе» и литературе социализма фамилия – Махно...» [3].

Авторы предисловия к мемуарам Н. И. Махно А. Кочетков и А. Тимофеев в журнале «Слово» в статье, посвященной Гражданской войне, более скромно упоминают об этой якобы имевшей место странице в биографии батько: «Как утверждают, в мае 1919 г. комбриг Махно был награжден орденом Красного Знамени» [4].

Более красочно о награждении орденом Н. И. Махно написали журналисты Ю. Сяков и А. Вотчель, опирающиеся на почему-то только им известные «воспоминания» жены Махно Галины Кузьменко. Ю. Сяков написал о Н. И. Махно: «А ведь он был награжден орденом Красного Знамени раньше Климента Ворошилова и Семена Буденного! (Кстати, С. Буденный был награжден за бои против белоказаков атамана П. Н. Краснова под Ца-

рицыным в январе-феврале 1919 г. – В. Е.). Но не стал «первым красным офицером» и лучшей шашкой республики. Защищая вольных землепашцев, он оказался заложником скрытых и явных политических интриг, которые в конечном счете и определили его судьбу. Даже объявленный вне закона, Махно продолжал воевать на стороне Советской власти, потому что видел в вольных Советах идеал, который отвечал мужицким интересам». И далее Ю. Сяков привел текст «воспоминаний» Г. Кузьменко: «4 июня 1919 г. в Гуляй-Поле был настоящий праздник. В штабе Махно чувствовалась настоящая приподнятость, хлопцы улыбались и поздравляли друг друга. Нестор сидел за столом. Рядом с ним были телохранители Петр Лютый и Сидор Лютый. Потом пришли Виктор Белаш, Лева Задов, братья Махно Григорий и Савелий, Семен Каретник, Алексей Марченко и другие товарищи. Нестор сказал мне: „Ты, Галя, руководи, чтобы стол был накрыт всем, что надо“.

Нестор послал своего брата Григория на станцию встречать Клим Ворошилова. Он приехал туда на бронепоезде. Григорий встретил Ворошилова и пригласил его в штаб Махно. Лихая тройка повезла Ворошилова к штабу. Мы вышли на крыльцо. Под звуки оркестра, игравшего „Интернационал“, Ворошилов подъехал к стройным рядам украинских партизан. Махно вперед вышел и доложил: „На фронте держимся успешно. Идут бои за Юзовку и Мариуполь. От имени революционных повстанцев приветствую Вас, товарищ Ворошилов. Докладывает комбриг батько Махно“.

Крепкое рукопожатие. Махно представил Ворошилову членов Гуляй-Польского исполкома и своего штаба. Ворошилов осмотрел бойцов запасного полка, которые в это время находились в Гуляй-Поле, и кавалеристов.

Потом состоялся митинг, на котором Нестор заверил советское правительство в дружбе, обещал помочь в военных действиях против белых. Потом все были приглашены за стол. Ворошилов сел против Нестора и его помощников. Потом Ворошилов поднялся и сказал: « По поручению Реввоенсовета разрешите вам вручить Нестор Иванович, орден за оборону Южного фронта и взятие Екатеринослава. Нестор взял орден и ответил: „Я воюю не за ордена, а за победу революции. Я крестьянин, и наша цель уберечь революцию от белых. Выпьем за светлое будущее“. Потом все кричали „ура“, играл духовой оркестр.

После короткого веселья Нестор с Ворошиловым ушли в штаб. На следующий день Ворошилов уехал, а Махно из штаба Красной армии прислали машину и самолет» [5].

Однако воспоминания жены Н. И. Махно Г. Кузьменко как доказательства награждения батьки вряд ли могут удовлетворить исследователя по целому ряду обстоятельств:

Во-первых, ее воспоминания были неоднократно опубликованы, но они повествуют о зиме и весне 1920 г., а никак не о событиях 1919 г. Никаких других воспоминаний жены Махно о Гражданской войне более нигде не публиковалось и о их возможном существовании более ничего не известно.

Во-вторых, историк С. Н. Семанов в 1960-х гг. встречался с Г. Кузьменко и спросил ее о том, правда ли, что Нестор Иванович был награжден советским орденом Красного Знамени? Он получил следующий ответ: «Нестор был действительно награжден орденом Красного Знамени, когда это случилось я не помню, но сам орден помню очень хорошо, он был на длинном винте, его полагалось носить, проколов верхнюю одежду, но Нестор не надевал его никогда. Хранился он у меня, а во время бегства мы побросали все вещи, видимо, среди них и орден» [6].

В-третьих, текст, приписываемый Ю. Сяковым Галине Кузьменко, очень уж смахивает на воспоминания командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсененко, которые рассказывали о приезде в бригаду Махно 7 мая 1919 г. уполномоченного Совета Оборона Л. Б. Каменева. В состав его окружения, вместе с В. А. Антоновым-Овсененко как раз и входил К. Е. Ворошилов. Правда, во время их пребывания в расположении войск батько Махно ни о каком ордене Красного Знамени речи не было.

Вот для сравнения выдержка из текста воспоминаний В. А. Антонова-Овсененко: «Лихая тройка помчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под звуки оркестра, игравшего «Интернационал», перед фронтом загорелых партизан навстречу комфронта вышел малорослый, молодежавый, темноглазый, в шапке набекрень человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: «Комбриг батько Махно. На фронте держимся успешно. Идет бой за Мариуполь... Основные части бригады в бою. Здесь – резервный полк и пара кавалерийских сотен...» [7]

Выше изложенное ставит под сомнение подлинность приводимых воспоминаний Г. Кузьменко. К тому же 7 мая 1919 г. вспыхнул мятеж атамана Н. А. Григорьева, который вскоре распространился на значительную часть территории Южной Украины. А 19 мая 1919 г. бригада Н. И. Махно была разбита войсками генерала А. Г. Шкуро, а 25 мая под давлением Л. Д. Троцкого, прибывшего на Украину 16 мая, Совет рабоче-крестьянской обороны УССР принял секретное решение, направленное против махновцев:

«1). Ликвидировать Махно в кратчайший срок 2). Предложить ЦК всех Советских партий (коммунистов и украинских социалистов-революционеров-коммунистов) немедленно принять политические меры к ликвидации махновщины. 3). Предложить командованию УССР на протяжении суток

разработать военный план ликвидации Махно. 4). Предложить ЦК прифронтовой линии организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действий Махно. 5). Обратиться к Реввоенсовету Республики для координации действий по ликвидации Махно. 6). Это постановление довести до сведения Реввоенсовета Республики телеграфом» [8].

2 июня 1919 г. газета штаба РВС Республики «В пути» опубликовала статью Л. Д. Троцкого «Долой махновщину!», а 6 июня Троцкий призвал махновщину разгромить. Спустя два дня, 8 июня, батько Махно и его окружение были объявлены вне закона и подлежали суду ревтрибунала. Хотя в это время, т. е. 6–9 июня полки Н. И. Махно гибли в боях против белых за Гуляй-Поле и Токмак. Все эти действия, предпринятые советским командованием, вынудили Н. И. Махно и его штаб выступить против Советской власти, правда еще 10 июня Махно направил телеграмму В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, председателю Петроградской коммуны Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву, Х. Г. Раковскому и К. Е. Ворошилову, в которой сообщал о своей преданности делу революции и объяснял разрыв с Красной армией нападками на него представителей центральной власти [9].

В силу перечисленных выше обстоятельств столь торжественная встреча Махно с Ворошиловым и вручение партизанско-повстанческому командиру ордена Красного Знамени 4 июня просто не могла состояться. К тому же практически в это же время Н. И. Махно и его штабу было приказано явиться на станцию Гайчур (недалеко от Гуляй-Поля) для переговоров с наркомом внутренних дел УССР и командующим 14-й армией и внутренним фронтом Украины. Эти посты в то время занимал К. Е. Ворошилов.

Очень странно, что в процитированных выше текстах о докладах батько Махно в одном случае В. А. Антонову-Овсеенко, а в другом К. Е. Ворошилову речь идет об одном и том же: «Идет бой за Мариуполь» и «Идут бои за Юзовку и Мариуполь», хотя эти события по времени разведены практически на целый месяц: Л. Б. Каменев, В. А. Антонов-Овсеенко и К. Е. Ворошилов были у Н. И. Махно 7 мая, а К. Е. Ворошилов, по приводимым воспоминаниям Г. Кузьменко, гостил у него 4 июня. И при этом фронт не сдвинулся ни на шаг: «Идут бои за Мариуполь!...». Можно с полной уверенностью сказать, что Ю. Сяков и А. Вотчель опубликовали явную фальшивку!

Красноармейские части своими провокационными действиями фактически способствовали разгрому бригады Н. И. Махно белогвардей-



скими войсками, а 9 июня 1919 г. вошли в Гуляй-Польский район, но уже с целью уничтожения как белогвардейцев, так и объявленных вне закона махновцев. При этом части особого назначения под командованием комбрига К. Медведева и автобронедивизион арестовали в Гуляй-Польском районе более тысячи махновцев. Прибывшие на станцию Гайчур члены махновского штаба были расстреляны. Та же участь постигла и махновскую делегацию в Харькове. Сам батько, предупрежденный о возможном аресте, ушел с небольшим отрядом в тыл белых, где спустя несколько месяцев, подняв крестьянские массы на борьбу с деникинцами, оказал неоценимую и во многом решающую помощь Красной армии в разгроме белогвардейской армии А. И. Деникина. Объясняя поворот от войны с Советской властью к войне против белогвардейцев, Н. И. Махно заявил: «Главный наш враг товарищи крестьяне, – Деникин. Коммунисты – все же революционеры... С ними мы сможем рассчитаться потом. Сейчас все должно быть направлено против Деникина» [10].

Попытки доказать или хотя бы назвать якобы имеющийся факт награждения Н. И. Махно орденом Красного Знамени продолжают иметь место. При этом, по-прежнему, не называется источник или источники подтверждающие это событие, а время и место действия часто не сходятся друг с другом. Например, доктор исторических наук В. В. Колин в книге «Нестор Махно. Мифы и реальность» сам создал новый миф, заявив о том, что осенью 1919 г. «...за большой вклад в разгром Деникина Махно был награжден Советским правительством орденом Красного Знамени» [11].

В комментариях к книге Н. И. Махно «Воспоминания» доктор исторических наук С. С. Волк написал о батько Махно: «За победы, одержанные над деникинцами, он был награжден орденом Красного Знамени» [12].

В достаточно серьезной работе – биографическом справочнике «Политические деятели России. 1917» о действиях батьки Махно в 1919 г. говорится следующее: «Осенью этого года заключил новый союз с Красной армией. 26 сентября прорвал фронт белых и совершил дерзкий рейд в направлении на Бердянск и Таганрог, отвлекая на себя крупные силы деникинцев. За эту операцию был награжден орденом Красного Знамени (№ 4)» [13].

Составитель именного указателя в книге В. М. Волина «Неизвестная революция, 1917 – 1921» А. Дубовик написал о Н. И. Махно: «За взятие Мариуполя был награжден советским командованием орденом Красного Знамени за № 4» [14]. За ряд наступательных операций, написал в предисловии к книге «Н. И. Махно. Азбука анархиста» В. Черкасов-Геор-

гиевский батько, «...как утверждают некоторые историки... был награжден большевиками орденом Красного Знамени, причем за № 4» [15].

В очень солидном сборнике документов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине», вышедшем в 2006 г., в документе за № 453 публикуются «Воспоминания Г. А. Кузьменко «Награда Родины» о вручении Н. И. Махно ордена Красного Знамени». При этом составители сборника указали, что этот документ был опубликован в книге В. Ф. Верстюка Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990. С. 35 – 36, а датируется он по книге Л. Д. Яруцкого (Яруцкий Л. Д. Махно и маховцы: Литературное произведение. Мариуполь, 1995. С. 65.). Яруцкий привел в книге следующий факт: «В 1976 г. Г. А. Кузьменко в последний раз приехала в Гуляй-Поле, и внучатый племянник Н. И. Махно Виктор Иванович Яланский, записал ее рассказ об этом событии» [16].

Что вновь смущает в приведенном «документе»? Прежде всего, историк С. Семанов, встречавшейся с вдовой Н. И. Махно в г. Джамбуле, писал в своих заметках об этой встрече, что Г. Кузьменко «в начале 60-х съездила в родные места, но родных уже не нашла» [17]. Даже, если предположить, что вдова Махно была в Гуляй-поле в 1976 г., то ей было уже (на момент смерти батьки 37 лет, умерла она 23.03.1978 г.) около 79–80 лет! (по другим данным она родилась в 1892 г., и тогда, в 1976 ей было бы исполнилось 84 года!). Могла ли она столь подробно, в деталях помнить награждение своего мужа орденом Красного Знамени? В работе уже приводились выше, записанные С. Семановым слова Г. Кузьменко о том, что она не помнит когда это случилось!

К чести составителей сборника документов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине», в примечании издателей они высказались следующим образом по поводу опубликованного текста за № 453: «Данный текст печатается по копии письма жены Н. И. Махно Г. А. Кузьменко, предоставленной нам двоюродным внуком Нестора Ивановича Виктором Яланским, проживающим ныне в г. Гуляй-Поле. Публикуется впервые. Считаем своим долгом предупредить читателей, что в воспоминаниях возможны отдельные неточности, т. к. публикуемое письмо написано много лет спустя, после изложенных в нем событий» [18].

И вновь в приведенных выше очень сомнительных «воспоминаниях» Г. А. Кузьменко, похожих по форме и близких по содержанию, есть деталь, которая сразу же ставит рассказ бывшей жены Н. И. Махно под сомнение. В воспоминаниях Г. А. Кузьменко, приведенными Ю. Сяковым и А. Вотчелем батьке Махно орден Красного Знамени вручают «...за оборону Южного фронта и взятие Екатеринослава», а в тексте внучатого племянника Махно

В. И. Яланского «за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя»! И еще одна любопытная, но вызывающая недоверие деталь. По словам того же Яланского, Г. А. Кузьменко трижды приезжала в Гуляй-Поле, но почему-то рассказала ему о награждении Махно орденом в 1976 г., когда ей было уже за 80 лет! По меньшей мере, это как-то странно...

Упоминания об ордене Махно продолжают появляться в исторических работах и публицистике. Известный писатель М. Веллер упомянул об этом в своей книге о Махно, вышедшей в 2007 г.: «Махно контролирует Донбасс, Азов, красным отгружается уголь и хлеб, Деникин утирается. И к Махно прибывает – лично! – командующий фронтом Антонов-Овсеенко. Который конкретно брал Зимний и арестовывал Временное правительство, который в пенсне, но с наганом, легендарный. Оркестр, караул, встреча, доклад! И из рук командфронта Махно получает Орден Красного Знамени № 4! И звание красного комдива» [19].

В четырехтомной энциклопедии, посвященной революции и Гражданской войне в России 1917–1923 гг. в статье, посвященной Н. И. Махно, говорится следующее: «за рейд на Мариуполь 27.03.1919, замедливший наступление белых на Москву, комбриг Махно был награжден орденом Красного Знамени за номером 4» [20].

Московский историк П. В. Рябов в работе, вышедшей в 2010 г. также пишет о том, что Н. И. Махно наградили «...одного из первых – орденом Боевого Красного Знамени» [21].

Публицист Н. Я. Надеждин в 2011 г. написал, что после падения г. Мариуполя 19 марта 1919 г. «...за эту операцию Нестор Иванович был награжден первым и в то время единственным большевистским орденом Красного Знамени. Ему якобы был вручен орден за номером 4. Архивные документы этот факт опровергают – орден Красного Знамени под номером 4 получил лагерь Ян Фабрициус. Однако некоторые историки считают, что сделано это было задним числом – во время кампании очернительства и вымарывания из истории имени Нестора Махно. В пользу версии награждения говорит фотография Нестора Махно с орденом на груди и слова его супруги Галины Кузьменко: «Нестор был действительно награжден орденом Красного Знамени, когда это случилось я не помню, но орден помню очень хорошо, он был на длинном винте, его полагалось носить, проколов верхнюю одежду, но Нестор не одевал его никогда. Хранился он у меня, а во время бегства побросали все вещи, видимо, среди них и орден» [22].

В отличие от С. Семанова, текст которого здесь использовал Н. Я. Надеждин (он приведен в данной работе ранее) в качестве доказательства награждения Н. И. Махно, Надеждин использует фотографию батьки,

на которой вроде бы виднеется на гимнастерке что-то блестящее, напоминающее какой-то орден, а скорее нагрудный знак красного командира, по дизайну весьма похожего на орден Красного Знамени. Но вот беда, у жены Махно говорится о том, что орден можно было носить только на верхней одежде из-за длинного винта, а на фото батько одет по-летнему.

В своей книге «Время Махно» (2010 год) В. В. Белый без всяких ссылок и сомнений написал: «В начале своей полководческой карьеры Н. И. Махно за освобождение губернского города Екатеринослава (ныне Днепропетровска) награждают орденом Красного Знамени» [23].

В Большой Российской энциклопедии за 2012 год в томе № 19 С. Ю. Щукарев, автор статьи, посвященной Н. И. Махно написал: «Существует гипотеза, что в 1919 г. Махно был награжден орденом Красного Знамени, однако документального подтверждения этому нет» [24].

На сайтах в интернете, посвященных жизни Н. И. Махно, изучению его биографии и т. д. «факт» награждения батько Махно орденом Красного Знамени уже почти не оспаривается, а считается абсолютно доказанным. При этом момент награждения одного из самых известных участников Гражданской войны обрастает все новыми и новыми деталями и подробностями. Приведем несколько примеров:

«Все исследователи (уже все! – В. Е.) жизни Махно сходятся на том, что он получил орден за номером четыре. Несмотря на то, что данные советских архивов частично изъяты, частично уничтожены, историкам (интересно кому? – В. Е.) все же удалось найти свидетельства о получении им ордена за операцию 27 марта 1919 г. Как отмечалось в победном рапорте П. Дыбенко: «Заднепровская бригада взяла портовый город Мариуполь, сломя сопротивление белогвардейской и французской эскадры, при этом стойкость и мужество полков было несказанными. Захвачено более 4 млн. пудов угля и много воинского снаряжения. Комбриг Н. Махно и комполка В. Куриленко одними из первых в РСФСР награждены орденами Красного Знамени». Действительно, в Сборнике документов и материалов «Гражданская война на Украине. 1918–1920» начальник 1-й Заднепровской дивизии П. Дыбенко телеграфировал из освобожденного Мариуполя Совнаркому УССР: «Прошу награждения 8-го и 9-го полков, артиллерийского дивизиона особыми Красными знаменами и командира 8-го полка т. Куриленко орденом Красного Знамени» [25]. О Махно здесь ни слова.

В сборнике документов и материалов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921» за № 61 приводится «Представление к награждению командира 8-го полка В. В. Куриленко, подписанное командиром 1-й Заднепровской дивизии П. Е. Дыбенко, за бои по взятию Мариуполя».



поля»: «За сверхдоблестное поведение в боях ходатайствую о награждении 8-го и 9-го полков Красными знаменами. Командиру 9-го полка тов. Тахтамышеву прошу объявить благодарность в приказе по армии, а командира 8-го полка тов. Куриленко за целый ряд боев при взятии ст. Пологи, Царево-Константиновки, Верхнего Токмака, Бердянска, Волновахи и Мариуполя, всегда присутствовавшего в наступающих цепях и личным мужеством и доблестью подававшего пример младшим товарищам, прошу наградить орденом Красного Знамени» [26]. О Н. И. Махно и о его награждении как и в предыдущем документе также не говорится ни слова!

Правда, составители этого объемного по полноте и содержанию сборника документов сделали весьма любопытную ссылку за № 71: «В 1926 г. Государственным военным издательством была издана книга «Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным Революционным Оружием», в котором нет ни имени командира 8-го полка В. В. Куриленко, ни командира 9-го полка В. Ф. Тахтамышева, ни комбрига 3-й бригады Н. И. Махно. Известно, что документы на награждение могли оформляться задним числом, как это было, например, в случае с П. Е. Дыбенко. Приказ о награждении его как начдива 1-й Заднепровской дивизии был утвержден в 1922 г. (приказ РВСР № 36). Возможно, что после объявления Махно врагом Советской власти в мае 1919 г ни о каком оформлении наградных документов на командиров его бригады уже не могло идти речи» [27].

На неофициальных и любительских сайтах, как правило, в большинстве случаев не указан автор и практически никогда не бывает ссылок на цитируемые документы, как и ссылок на документы, которые авторы текстов вольно пересказывают. Правда, бывают и исключения. Вот текст С. Коломнина, полковника, члена редколлегии журнала «Ориентир», представленный, как «Исторические свидетельства о награждении Н. И. Махно на страницах Официального журнала Региональной общественной организации «Академия русской символики»:

«Известно, что Махно представляли к награде несколько раз, по крайней мере наградных листов на Махно было несколько (и где они? – В. Е.), но он успел получить только один орден (вот так! – В. Е.). Инициатором его награждения неоднократно выступал тогдашний председатель Совнаркома Украины Х. Г. Раковский, но его предложения в центре вызвали споры и сомнения. Вполне вероятно, что наградной лист на Махно существовал и до взятия Мариуполя (не перестаешь удивляться! – В. Е.), а успешные действия частей под командованием Махно поставили в этих спорах точку. Поэтому, видимо, батяка получил орден № 4, который уже был за ним закреплен ранее» [28].



Этой публикации в интернете С. Коломнина видимо поверил и писатель В. Голованов, который в своей книге «Нестор Махно», вышедшей в серии биографий ЖЗЛ, на страницах своей работы прокомментировал текст С. Коломнина несколько раз на него сославшись, а затем в разделе «Основные даты жизни и деятельности Н. И. Махно» написал: «27 марта – взятие Мариуполя, за которое Махно был удостоен ордена Боевого Красного Знамени под номером 4» [29].

Историк В. В. Кондрашин, стремящийся развенчать мифы о Н. И. Махно в работе «Повстанческая армия Махно: мифы и реальность» лишь поддержал старый миф о награждении батько, заявив, что «Боевые заслуги Махно были отмечены высшей наградой РСФСР орденом Красного Знамени за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя. Впоследствии этот факт был вычеркнут из биографии атамана» [30], при этом он ссылается на уже упомянутого выше В. Ф. Верстюка.

Одним из последних по времени (работа опубликована в декабре 2016 г.) о награждении Махно написал Е. Гуслиров: «Но воевал он за красных достойно. Был награжден орденом Красного Знамени № 4 за рейд по тылам Белых армий, что дало красным возможность собрать силы и перейти в осеннее наступление 1919 г.» [31].

Нет никакой уверенности в том, что еще в ряде публикаций, в том числе и научного характера упоминается о награждении Н. И. Махно орденом Красного Знамени, что перечислены абсолютно все случаи описания этого события. Однако приведенные выше примеры показывают, что документального подтверждения этого факта в настоящий момент нет. Еще в 1994 г. сотрудник Российского государственного военного архива П. Аптекарь констатировал: «Те, кто уверен в факте награждения, считают, что Нестор Иванович получил орден за заслуги в организации антигерманского и антигетманского крестьянского движения, которое сыграло одну из решающих ролей в установлении Советской власти на Украине и поражении армии генерала Краснова в Донском бассейне. Однако длительный и тщательный поиск в документах управления делами Реввоенсовета Республики, где хранятся приказы о награждении орденами и почетным революционным оружием, не привел к положительным результатам. Были просмотрены также материалы штаба Украинского фронта, поскольку утверждалось, что награду вождю анархистов вручал сам командующий фронтом, известный революционер В. Антонов-Овсенко. К сожалению, не нашлось даже представления к награждению командира Заднепровской бригады» [32].

Хотелось бы найти и установить истину, но, кажется, что вряд ли это возможно, потому что кому-то очень хочется, чтобы орден Красного Знамени у Н. И. Махно был. И не важно в силу каких причин те или иные историки и публицисты об этом пишут. Уж очень хочется, чтоб так было. И, как говорится, Бог им судья! Вот только непонятно почему сам Нестор Иванович об этом факте нигде ни разу не обмолвился. Ни на родине, ни в эмиграции в – Румынии, Польше, Германии и, наконец, Франции! Правда его воспоминания закончились по времени на 1918 году, однако в работе «Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина» Н. И. Махно описывал события и 1919, и 1920 гг., но об ордене нигде не упомянул [33]. Да и его ближайшее окружение тоже. Ну ладно В. Ф. Белаш, который знал все о Махно и написал одну из самых интересных и объективных книг о партизанско-повстанческом движении на Украине не упомянул об ордене [34]. Он ведь ее писал практически по заданию ЧК и мало ли что? А что же промолчали об этом десятки махновских газет и еще большее количество листовок, издаваемые в годы Гражданской войны? К тому же ближайшие соратники батьки П. А. Аршинов и В. М. Волин (Эйхенбаум) были в эмиграции во Франции вместе с Н. И. Махно и там то уж могли об этом где-то написать (их книги известны всем исследователям махновского движения! [35] или хотя бы упомянуть в обширной переписке!? Не написали, не упомянули. Загадка на то и остается загадкой...

### Примечания

1. Савченко В. А. Измена батьки Махно и «железная метла» Л. Д. Троцкого // История СССР. 1990. № 2. С. 84.
2. Верстюк В. Ф. Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990. С. 12.
3. Мороз И. Предводитель неизвестной войны // Аргументы и факты. 1990. 15 сент. (№ 37). С. 6.
4. Кочетков А., Тимофеев А. Предисловие к мемуарам Н. И. Махно // Слово. М., 1990. № 10. С. 50.
5. Сяков Ю. Под знаменем черным гигантской борьбы // Час пик. 1991. 24 авг. С. 8; Вотчель А. В гостях у дочери Махно // Казахстанская правда. 1990. 1 нояб.
6. Семанов С. Парижанка из Джамбула // Родина. 1990. № 10. С. 35–36.
7. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1932. Т. 4. С. 110.
8. Нестор Иванович Махно: материалы и док. Киев, 1991. С. 16.
9. Волковинский В. Н. Нестор Иванович Махно // Вопросы истории. 1991. № 9/10. С. 50–51.
10. Цит. по: Там же. С. 55.
11. Комин В. В. Нестор Махно. Мифы и реальность. М., 1990. С. 43.

12. Махно Н. И. Воспоминания / под ред. С. С. Волка. М., 1992. С. 9.
13. Политические деятели России. 1917: биограф. слов. М., 1993. С. 212.
14. Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 579.
15. Махно Н. И. Алфавит анархиста. М., 2005. С. 10.
16. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 828.
17. Семанов С. Парижанки из Джамбула // Родина. 1990. № 10. С. 71.
18. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 827–828.
19. Веллер М. Махно. М., 2007. С. 132–133.
20. Революция и гражданская война в России. 1917–1923: энциклопедия: в 4 т. М., 2008. Т. 3. С. 6.
21. Рябов П. В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках: Анархические письма. М., 2010. С. 47.
22. Надеждин Н. Я. Нестор Махно: «Батько»: биограф., рассказы. М., 2011. С. 102.
23. Белый В. В. Время Махно. Мелитополь, 2010. С. 24.
24. Большая Российская энциклопедия. М., 2012. Т. 19. С. 414.
25. Гражданская война на Украине. 1918–1920: сб. док. и материалов: в 3 т., 4 кн. Киев, 1967. Т. 1, кн. 2. С. 291–292.
26. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. Указ. соч. С. 109.
27. Там же. С. 856; Сборник лиц, награжденных орденом Красного знамени и почетным революционным оружием. М., 1926.
28. Коломнин С. Загадка ордена Красного Знамени // Он-Линс Альманах «Марс». 2006. № 4.
29. Голованов В. Я. Нестор Махно. М., 2008. С. 117–119, 476.
30. Кондрашин В. В. Повстанческая армия Махно: мифы и реальность // «Атаманщина» и «партизанщина»... С. 376.
31. Гусяров Е. Есенинская душа батьки Махно. Что сближало с поэтом самого непредсказуемого командира гражданской войны // Родина. 2016. № 12. С. 64–69.
32. Ермаков В., Аптекарь П. А был ли орден? // Родина. 1994. № 10. С. 39–40.
33. Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина» // Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. М., 2017. С. 247–317.
34. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993.
35. Аршинов П. История махновского движения (1918–1921 гг.). Берлин, 1923; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. Книга написана в 1940-е годы.

## Заключение

### Анархистское движение в стране после окончания

### Гражданской войны 1917–1922 гг.

После окончания Гражданской войны лишь отдельные, тесно сотрудничавшие с большевиками, а чаще всего и вступившие в большевистскую партию бывшие анархисты оставались на высоких постах в армии, промышленности и местных органах власти. Эта часть представителей анархистского движения заявила о его кризисе, перерождении и о своем искреннем желании трудиться на благо Советской республики.

Многие анархисты из числа признавших политику большевиков вынуждены были на страницах различных советских газет и журналов выступать с объемными заявлениями о покаянии, о своем духовном перерождении, об открытии перед ними светлого и ясного пути, проложенного большевистской партией. Вынуждены они были также обращаться к своим бывшим товарищам по партии анархистов с предложением последовать их примеру. Впрочем, анархисты, точнее отдельные представители этого политического течения, не были оригинальны. Большевики вынудили так поступить и представителей других российских партий и течений. Дискуссии об этих проблемах стали обычным явлением на страницах официальной большевистской печати.

На страницах центральных большевистских изданий в 1920-х – 1930-х гг. с пространными заявлениями выступали известные анархистские идеологи: Д. И. Новомирский (Кирилловский) (Открытое письмо к анархистам // Правда. 1920. 19 мая); Г. Б. Сандомирский в 1924 г., после смерти В. И. Ленина, также выступил в печати с отречением от анархизма, хотя и продолжал еще некоторое время сотрудничать с анархистами; И. С. Гроссман (Рошин) опубликовал «Письмо» в газете «Правда» от 14.02.1926; П. А. Аршинов – статью «Крах анархизма» в газете «Известия» от 30.06.1935; подобного рода заявления писали и другие известные и рядовые члены анархистских организаций: А. К. Гастев, И. М. Гейцман, Н. Доленко (Чекерес), Аникет, В. С. Шатов и другие [1].

Другая, не менее многочисленная часть идейных лидеров и рядовых представителей анархистского движения, предпочла духовному порабощению как по собственному желанию, так и в связи с насильственными действиями большевиков, эмиграцию, наладив во многих странах мира выпуск анархистских изданий и создав в местах проживания, как прежде в годы эмиграции при Романовых, различные, в основном малочисленные, анархистские организации. Активно российские анархистские лидеры, оказавшиеся за рубежом, сотрудничали с коллегами по убеждениям в тех странах, в которых они вынуждены были проживать, являясь при этом часто и членами различных зарубежных и международных анархистских организаций, проводивших после Первой мировой войны активную политическую деятельность среди многочисленных сторонников в Европе, Азии, США и Латинской Америке.

Третья часть приверженцев анархистских взглядов и отдельные их лидеры предпочли, оставаясь в России, продолжать работу по вовлечению в свои ряды новых членов, вести агитацию и пропаганду среди различных слоев российского общества, выпуская при этом анархистские периодические издания и листовки, действуя в легальных условиях, так как не призывали к свержению существовавшего в стране строя. Они наталкивались при этом на сильное сопротивление власти. Так, например, Международный Красный крест констатировал, что в Советской России «...анархисты содержатся в тюрьмах не за преступные дела, а исключительно в виде изоляции, как члены политических партий, оппозиционных коммунистической» [2].

Преследования анархистов с окончанием Гражданской войны продолжались. По данным Д. Б. Павлова «весной-летом 1921 произошли массовые аресты анархистов различных направлений: «Свободной ассоциации анархистов» (группа членов во главе с Львом Черным (П. Турчаниновым) в сентябре 1921 расстрелян за участие в экспроприации), анархистов-коммунистов (карелинцев). Разгром, произведенный в марте 1921 г., прекратил существование «Российской конфедерации анархистов-синдикалистов» и Московского рабочего союза анархистов. В августе 1921 г. властями была начата серия запретов органа анархистов-кропоткинцев журнала «Почин»; в ночь с 1 на 2 ноября в Москве произведены массовые аресты анархистов-универсалистов, разгромлены созданные ими коммуны, после чего работа этой организации стала замирать» [3].

Несмотря на это (можно сказать вопреки всем преследованиям и запретам!) на протяжении 1920-х гг. действовавшие в Советской России Федерация анархистов-коммунистов, Конфедерация анархистов-синдикалистов, Секция анархистов-универсалистов, Организация анархистов-универсалистов (интернационалистов), Креаторий биокосмистов



и другие, сохранив за собой материальную базу, продолжали активную издательскую деятельность. Российские анархисты издавали не только свои периодические органы. Но и книги, брошюры. Например, типография анархистов-кооператоров, ставшая собственностью организованной анархистами трудовой артели «Почин», выпускала различную анархистскую литературу до конца 1922 г. Всероссийская федерация анархистов-коммунистов и Всероссийская федерация анархистов выпускали свою печатную продукцию до конца 1924 г., а анархо-синдикалистское издательство «Голос труда» продолжало на протяжении 1920-х гг. (вплоть до 1929 г.) выпускать тиражом в 2–3 тысячи экземпляров книги по теории анархизма, произведения зарубежных анархистских авторов, переведенные на русский язык.

Анархистская литература находила своих читателей в различных районах России, поскольку, несмотря на серьезные потери среди своих приверженцев, различные анархистские группы и организации действовали в 1920-х гг. во многих городах Центральной России, Украины, Белоруссии, Закавказья и в Сибири. По подсчетам С. Н. Канева, местные организации анархистов существовали в 1922 г. в 11 городах страны [4].

Продолжали иметь место попытки повстанческой борьбы анархистов с Советской властью. По данным историка Д. И. Рублева, «на 1922 г. есть данные о 15 отрядах и готовивших восстание подпольных группах партизан-анархистов... В 1923 г. известны 6 отрядов... Их численность имела тенденцию к падению. Их средний численный состав упал до нескольких человек. Были и крупные подразделения» [5].

Мощная волна арестов участников анархистского движения прошла в 1924 – начале 1925 гг. По данным того же Д. И. Рублева, «лишь за 1924 г. ОГПУ провело 18 операций по разгрому анархистских групп, в результате которых были арестованы более 300 анархистов, в оперативной разработке в связи с анархистскими группами оказалось 750 человек в Москве и свыше 4000 по всему СССР» [6].

После смерти П. А. Кропоткина был создан Всероссийский комитет по увековечению его памяти. С первых же шагов работы этого комитета началась непримиримая полемика и вражда между вдовой духовного отца российского анархизма С. Г. Кропоткиной и анархистской секцией, созданной московскими анархистами в рамках Всероссийского комитета. Суть разногласий заключалась в том, что анархисты видели в П. А. Кропоткине только своего духовного отца – известного во всем мире анархиста-революционера, а С. Г. Кропоткина справедливо считала, что ее покойный муж являлся не только известным анархистом, но и крупнейшим, с мировым именем ученым и общественным деятелем,

писателем, и лишь только часть его многогранного творческого наследия могла быть использована российскими анархистами.

Уже в феврале 1921 г. С. Г. Кропоткина категорически воспрепятствовала созданию исключительно анархистского Комитета памяти П. А. Кропоткина и сумела добиться создания Всероссийского общественного комитета, стоявшего вне политических партий и открытого для различных идейных, научных и культурных организаций, задачи и деятельность которых не противоречила бы основным идеям и принципам П. А. Кропоткина [7].

Наступило временное равновесие сил в Комитете. Однако, в 1925 г. последовали новые споры, возник новый конфликт во время которого от имени и по поручению Анархической секции А. М. Атабекян обвинил вдову П. А. Кропоткина в измене его заветам и выступил с требованием ее ухода, а заодно с нею и «полупраздных представителей разлагающейся и вырождающейся русской общечественности» [8], имея ввиду В. Н. Фигнер, П. А. Пальчинского, М. П. Шабалина, И. И. Горбунова-Посадова, Н. К. Лебедева и других. Вскоре подчинившие себе Анархистскую секцию А. А. Солонович и его сторонники превратили проводимые музеем П. А. Кропоткина мероприятия в средства распространения идей мистического анархизма, что привело к превращению помещения музея в арену фракционной борьбы между сторонниками различных анархистских фракций и течений.

В середине 1920-х гг. наметился и стал резко усиливаться новый кризис в российском анархизме. Он был вызван как продолжавшейся эмиграцией анархистских лидеров (в 1924 г. эмигрировал в США А. Л. Гордин, и с его отъездом фактически исчезла в стране организация анархистов-универсалпестов (интериндивидуалистов), так и смертью известных анархистских лидеров и идеологов (в частности, в 1926 г. умер А. А. Карелин, что вызвало прекращение деятельности Всероссийской федерации анархистов и всероссийской федерации анархистов-коммунистов).

В 1928 г. ОГПУ, желавшее, видимо, арестовать оставшихся на свободе всех известных анархистов сразу в одном месте, «предложило» ряду анархистских лидеров выступить с заявлением об окончательном банкротстве российского анархизма на специально созванном для этой цели Всероссийском анархистском съезде. Бывшими анархо-синдикалистами Аблонским, Е. Ярчуком, добровольно вернувшимся из эмиграции, анархистом-коммунистом Башеевым и другими было образовано инициативное бюро по созыву намечаемого съезда. Однако вскоре выяснилось, что собирать было уже некого. Ни крупных анархистских ор-

ганизаций, ни достаточного числа известных анархистских лидеров в стране на воле не было.

Одним из последних аккордов борьбы, а точнее уничтожения политически, а чуть позже и физически носителей анархистских идей стала ликвидация ГПУ в Москве так называемой «контрреволюционной анархо-мистической организации «Орден Света». На протяжении ноября 1929 – лета 1930 гг. были разгромлены орденские кружки в Москве, Нижнем Новгороде, на Северном Кавказе, Свердловске и других городах. Анархисты-мистики, не выступавшие против Советской власти, а наоборот, дорожившие возможностью легальной работы, в количестве 33 человек были арестованы и привлечены к следствию решением Особого Совещания Коллегии ОГПУ. Несмотря на отсутствие «серьезных» доказательств их антисоветской деятельности, что будет подтверждено спустя 45 лет, 26 человек из числа арестованных были приговорены к отбыванию различного рода наказаний – от трехгодичной ссылки до пяти лет политизолятора или лагерей с последующей ссылкой и поражением в правах. Нити следствия привели к Кропоткинскому Комитету и музею его имени [9].

Анархистская секция Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина после целенаправленной деятельности ОГПУ в 1928–1931 гг. была разгромлена. Многие работавшие в музее анархисты были арестованы и подвергнуты репрессиям. В 1929–1930 гг. за решетку были оправлены А. Андреев, В. Бармаш, Н. Рогдаев, И. Хархардин и другие [10]. В 1934 г. своей смертью умерли М. П. Сажин и Н. К. Лебедев, входившие в руководство Кропоткинского Комитета. Анархистская секция прекратила свое существование. В центре анархистской пропаганды не осталось ни одного деятеля, обладавшего хотя бы общими знаниями анархистской теории. Музей П. А. Кропоткина также продолжал переживать нелегкие времена, так как платы за входные билеты и добровольных пожертвований едва хватало на его содержание.

Анархисты, лютые враги любой государственности, вынуждены были просить деньги у властей. 2 октября 1938 г. музей П. А. Кропоткина был передан вдовой покойного в дар Советскому правительству. Вскоре и последнее пристанище анархистских идей в стране оказалось закрытым [11].

Пытаясь приспособиться к новым условиям жизни в стране после укрепления большевистской диктатуры, ряд известных анархистских лидеров и рядовых членов различных анархистских организаций в начале 1920-х гг. вступили в ряды большевистской партии. Например, в 1922 г., по данным партийной переписи, в рядах РКП (б) состояло 633 бывших анархиста [12]. И это при том, что в 1921 г. во время проводи-

мой в большевистской партии чистки из числа ее членов был исключен 221 человек, ранее причислявших себя к анархистам [13].

Процесс признания «окончательной» победы большевизма анархистскими лидерами продолжался и в дальнейшем: в середине 1920-х гг. вступил в ряды большевистской партии В. И. Федоров-Забрежнев, в 1928 – А. В. Мокроусов, в 1931 – А. К. Гастев и другие. С начала 1920-х гг. отошел от активной политической деятельности и вернулся к врачебной практике А. М. Атабекян (с 1930 г. пенсионер, умер в Москве в 1933 г.). С середины 1920-х гг. также отошел от активной работы в анархистском движении и ушел на преподавательскую стезю И. С. Гроссман (Рошин), (умер в Москве в 1934 г.). Один из известнейших идеологов анархо-синдикализма и кооперативного реформизма В. А. Поссе с 1930 г. стал персональным пенсионером РСФСР (умер в Ленинграде в 1940 г.).

В вынужденной или сознательной эмиграции оказались лидер партизанско-повстанческого движения крестьян Украины Н. И. Махно (умер в окрестностях Парижа в 1934 г.), его ближайший соратник по борьбе – Председатель Военно-революционного совета в армии Махно В. М. Волин (Эйхенбаум) (умер в Париже в 1945 г.). Также ближайший сподвижник Н. И. Махно, возглавлявший вместе с В. М. Волиным Конфедерацию анархистских организаций Украины «Набат», претендующую на роль политического руководителя махновского движения, П. А. Аршинов (Марин) оказался в эмиграции. Долгое время активно боролся на Западе с так называемым «анархо-большевизмом» [14], затем возвратился в СССР и был репрессирован в конце 1930-х гг. Правда, А. Никитин в работе «Рыцари Ордена Света. ГПУ против анархистов» упомянул о том, что Аршинов в начале 1930 г. был выслан из Франции за связи с Москвой и ОГПУ [15].

В эмиграции оказалась ближайшая сподвижница П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит (умерла в Париже в 1932 г., по другим данным – в 1936). В Англию эмигрировал ближайший соратник и друг П. А. Кропоткина В. Н. Черкезов (умер в Лондоне в 1925 г.), в США – один из лидеров анархистов-универсалистов-интериндивидуалистов А. Л. Гордин (умер в Израиле в 1960-х гг.), его родной брат и соавтор ряда работ по теории российского анархизма В. Л. Гордин в 1925 г. в СССР попал в психиатрическую больницу и дальше следы его потерялись. Эмигрировал в Латинскую Америку Г. П. Максимов (дальнейшая судьба его также неизвестна) и другие.

Значительное число лидеров российского анархизма на протяжении 1920–1930-х гг. подверглось репрессиям и в конце-концов как и видные представители других политических партий страны, являвшихся оппонентами большевиков, были уничтожены беспощадной машиной сталинского террора.



После второго ареста в марте 1930 г. погиб во время допроса в тюрьме НКВД активнейший участник октябрьских событий 1917 г. и гражданской войны К. В. Акашев. Известный анархист-синдикалист, занимавший ряд ответственных государственных должностей А. К. Гастев в 1938 г. был арестован карательными органами, а в 1941 погиб. Н. И. Музиль – организатор ряда крупных экспроприаций и актов политического террора еще в царское время, член анархистской секции музея П. А. Кропоткина в Москве, был арестован в мае 1929 г. и заключен в Суздальский политизолятор, а затем сослан в Ташкент, где умер в 1934 г. Д. И. Новомирский (Кирилловский) – один из ветеранов анархистского движения в стране, лидер одесских анархистов в годы Буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., даже несмотря на вступление в ряды большевистской партии еще в 1920 г., в 1936 г. был арестован. Приговорен к 10-ти годам лагерей, после чего его след навсегда потерялся в застенках НКВД.

Г. Б. Новомирский – один из ветеранов анархистского движения в России, тесно сотрудничавший с большевиками, в 1934 г. был арестован, заключен в лагерь, сослан в г. Енисейск. Вновь арестован в начале 1937 г. и в марте 1938 НКВД Башлага приговорен к расстрелу. А. Г. Таратута – активнейший участник октябрьских событий 1917 г., редактор ряда работ М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, был арестован в декабре 1934 г. Далее содержался в Верхне-Уральском политическом изоляторе. Был переведен в Суздальский политизолятор. В сентябре 1937 г. расстрелян. А. А. Боровой – соратник П. А. Кропоткина, один из учредителей «Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина» и активнейший работник музея П. А. Кропоткина в Москве с лета 1929 г. находился в ссылке в Вятке, затем во Владимире, где и скончался в 1935 г.

К сожалению, этот далеко не полный скорбный список можно было бы продолжить. Увы, но дальнейшая судьба многих известных анархистских идеологов и практиков анархистского движения в России и СССР до сих пор неизвестна. Хотя можно легко домыслить, что стало с теми из их числа, кто дожил до страшных 1937–1938 гг. Нет сомнения в том, что репрессии коснулись всех их, т. к. безжалостная машина красного террора практически не допускала ошибок и не давала сбоев в отношении выявления и уничтожения «врагов народа», которыми, естественно, для большевистского руководства страны были все анархисты.

Можно сделать вывод о том, что, если практическая деятельность анархистских групп и организаций уже к середине 1920-х гг. была сведена на нет из-за действий, в основном, советских карательных органов и полностью была прекращена в конце 1920-х гг., то носители анархистских идей продолжали еще жить и работать, подвергаясь все большим ре-



прессиям. Нам неизвестны крупные теоретики или практики российского анархистского движения (кроме упоминавшегося уже А. В. Мокроусова, а также известнейшего теоретика мистического анархизма, прошедшего через ГУЛАГ В. В. Налимова), оставшиеся в живых после окончания Великой Отечественной войны. Под корень, с муками и кровью древо российского анархизма было вырвано насильственно из сознания многих тысяч носителей взглядов этого идейно-политического течения.

По справедливому замечанию Пола Эврича: «Русский анархизм никогда не становился символом веры для массы крестьян и промышленных рабочих... анархизм в целом был обречен оставаться мечтой небольших групп личностей, которые отчуждались от основных тенденций современного общества... Успех большевистской революции лишил анархистов большинства их сторонников, как в рядах рабочего движения, так и среди интеллигентов, многие из которых приняли должности и посты, предложенные им новым режимом, став тем самым «советскими анархистами». Тем не менее большинство продолжало хранить верность своим убеждениям... Такие анархисты были обречены подвергаться поношениям, клеветническим обвинениям и т. д., пока наконец их не подавляли или не отправляли в ссылку. Те же, кто выжил, пусть им и достались мучительные периоды потери иллюзий и отчаяния, до конца хранили верность своему идеализму» [16].

Однако анархизм в нашей стране оказался живуч и возродился в эпоху перестройки и развала СССР. Существование анархистского движения и носителей анархистских взглядов – бесспорный факт сегодняшней действительности.

### Примечания

1. Политические партии России. С. 39–40.
2. Цит. по: Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – сер 1950-х гг. М., 1999. С. 65.
3. Там же. С. 67.
4. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. С. 387.
5. Рублев Д. И. Анархисты в Советской России: 1922–1953 гг. Стратегия борьбы и выживания в условиях диктатуры // Анархизм: pro et contra, антология. СПб., 2015. С. 910.
6. Там же. С. 913–914.
7. Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 89.
8. Там же.
9. Никитин А. Рыцари Ордена Света. ГПУ против анархистов // Родина. 1992. № 11–12. С. 118–122; Его же. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992.

№ 4–5, С. 8–10; № 6–7, С. 23–27; № 8, С. 26–31; № 9, С. 20–23; № 10, С. 16–18; № 11, С. 56–60; № 12, С. 10–15; 1993. № 4, С. 42–44; № 6, С. 54–55; № 7, С. 23–25.

10. Павлов Д. Б. Указ. соч. С. 70.

11. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма в России. С. 398–400; История политических партий в России. С. 386–387.

12. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма в России. С. 383.

13. Там же. С. 384.

14. Аршинов П. А. Анархо-большевизм и его роль в русской революции: К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции: Анархизм и диктатура пролетариата: доклад Конференции анархо-комм. Групп Сев. Америки и Канады // Анархизм: pro et contra: антология. СПб, 2015. С. 860–918.

15. Никитин А. Рыцари Ордена Света. ГПУ против анархистов. С. 22.

16. Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. С. 267–268.

## Приложение 1

### Биографии наиболее активных участников Гражданской войны из числа анархистов

**Акашев Константин Васильевич** – 22.10.1988, с. Махалино Пилденской волости Люцинского у. Витебской губ. 3.04.1931, Москва, Ваганьковское кладбище

Из крестьян. Окончил реальное училище в Двинске. В период революции 1905–1907 вел революционную пропаганду среди крестьян Люцинского уезда. Из-за угрозы ареста перешел на нелегальное положение и уехал в Петербург где вскоре примкнул к анархистам-коммунистам. Вел революционную агитацию и пропаганду в Петербурге и Киеве (кон. 1906 – начало 1907). В апреле (по другим данным в мае) 1907 арестован в Киеве за принадлежность к группе анархистов-коммунистов-«чернознаменцев». Содержался в Лукьяновской тюрьме в Киеве (до 25.07.1907), а затем был этапирован в распоряжение начальника Петербургского губернского жандармского управления, а дело его было направлено на рассмотрение военно-окружного суда. В мае 1908 оправдан за недостаточностью улик. На 4 года выслан (31.05.1908) в Туруханский край под гласный надзор полиции за участие в покушении на премьер-министра России П. А. Столыпина. В марте 1909 сумел бежать из ссылки за границу, проживал в Алжире, Германии, Франции, а в августе 1910 выехал в Италию. С декабря 1910 по июнь 1911 учился в военной авиационной школе Капрони в Милане. По ее окончании 1.06.1911 получил диплом пилота-авиатора. Три года (1912–1914) учился в Высшем училище аэронавтики в Париже. По его окончании получил диплом инженера-аэронавта-механика. В начале Первой мировой войны 1914–1918 вступил добровольцем во французскую армию. В составе 1-го авиаполка участвовал в боях на Западном фронте. В мае 1915 добровольно вернулся в Россию и был 14.05. арестован в Торнео. Возбудил ходатайство перед министром внутренних дел Маклаковым Н. А. о прекращении дела, которое было удовлетворено уже другим министром внутренних дел Н. Б. Щерба-

товым 17.06.1915. Из-за неблагоприятных отзывов о политической неблагонадежности не смог поступить на службу в авиационный отряд действующей армии. В конце 1915 – начале 1916 стал летчиком испытателем завода В. А. Лебедева в Петербурге, позже помощником директора по технической части на заводе С. С. Щетинина. В конце 1916 занял аналогичную должность на заводе В. В. Слюсаренко. В 1916–1917 являлся секретарем Петроградского клуба анархистов-коммунистов. Принимал участие в событиях Февральской и октябрьской революций 1917. В период Июньского кризиса Временного правительства являлся одним из инициаторов проведения 18.06.1917 демонстрации в знак протеста против политики, проводимой в стране Временным правительством. В конце августа 1917 был назначен штабом Петроградского военного округа комиссаром Временного правительства в Михайловском артиллерийском училище. В период начала большевистского выступления по захвату власти в стране, 25.10.1917 по собственной инициативе вывел из внутренних дворов Зимнего дворца две артиллерийские батареи Михайловского училища. Своим поступком оказал значительную поддержку большевикам, подготовившимся к захвату резиденции Временного правительства. К тому же своими действиями способствовал тому, что проникающие в Зимний дворец красногвардейцы, солдаты и матросы не были встречены артиллерийским огнем и практически не понесли боевых потерь. Принимал активное участие в подавлении мятежа А. Ф. Керенского – генерала П. Н. Краснова. Петроградским ВРК в конце ноября был назначен военным комиссаром управления Военного Воздушного Флота (ВВФ). С декабря 1917 исполнял обязанности председателя Всероссийской коллегии по управлению ВВФ Республики. На коллегии были возложены функции по созданию и строительству воздушного флота Республики, включая подготовку кадров и материально-техническое обеспечение этого вида войск. В мае-июле 1918 – военный комиссар Главного управления Рабоче-крестьянского Военного Воздушного Флота (Главвоздухофлота), а в июле-октябре 1918 – командующего Воздушным флотом 5-й армии Восточного фронта. В 1918 являлся инициатором создания и главным редактором центрального органа Всероссийской коллегии по управлению ВВФ журнала «Вестник Воздушного Флота». В июне-декабре 1919 исполнял обязанности начальника авиации и воздухоплавания Южного фронта, а с июля одновременно и начальника ВВФ Республики. Возглавлял специальную авиагруппу (август-сентябрь), созданную для

разведки и бомбардировки белоказачьей конницы генерала К. К. Мамонтова и генерала А. Г. Шкуро. Организовал воздушную поддержку красноармейцев в боях за Ростов-на-Дону и Новочеркасск. С марта 1920 по февраль 1921 являлся начальником Главного управления рабоче-крестьянского красного военно-воздушного флота (РККВВФ), затем до февраля 1923 переведен на военно-дипломатическую работу и был командирован за границу как представитель Главвоздухофлота для приобретения авиатехники. В феврале 1922 являлся представителем РСФСР на Международной дирижабельной конференции в Лондоне, в апреле был экспертом по вопросам воздушного флота при делегации РСФСР на Генуэзской конференции, занимал должность торгового представителя в Италии, а в октябре того же года являлся представителем РСФСР на международной конференции аэронавтики в Риме. Являлся одним из руководителей Военно-Воздушный Сил страны (ВВС) до 1925. Работал на авиационном заводе Москвы (завод № 1), был членом технического совета Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ). Преподавал в созданной Военно-воздушной академии РККА имени Н. Е. Жуковского. С 1927 исполнял обязанности директора авиационного отделения ленинградского завода «Большевик». В 1929 был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, после проведенной голодовки – освобожден. В начале марта (3.03.) 1930 арестован вторично по делу «Весна». 3.04.1931 Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже. Расстрелян 3.04.1931. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Реабилитирован 1.09.1956.

#### Сочинения

Как ушла артиллерия из Зимнего дворца 25 октября 1917 г. // Былое. 1924. № 27–28.

#### Литература

Павлов И. У. Записки красного летчика. М., 1936 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 28–29 ; Авиация в России: справочник. М., 1988 ; Гальперин Ю. М. Воздушный казак Вердена: повесть-хроника. М., 1990 ; Политические партии России. С. 23–24 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997 ; Каратеев А. Ю. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1903–1945 гг. М., 2013 ; Полонский И. Константин Акашев – отец советской военной авиации // Военное обозрение. 2014. 14 авг. ; Российская историческая энциклопедия. М., 2015. Т. 1. С. 208–209.



**Балтахинов Павел – 25.11.1900 улус Средняя Тараса (Дунда-Айл) Боханского хошуна Балаганского у. Иркутской губ. 25.02.1921, улус Средняя Тараса**

Из семьи православных бурят. Крещен родителями с именем Павел, однако в родном улусе помнили его детское имя Михаил. Окончил Тарасинскую начальную церковно-приходскую школу, а затем Идинское инородческое 2-х классное училище в Бохане. В 1912 был отдан в Иннокентьевский монастырь в Иркутск, а затем в духовное училище с полным бесплатным пансионом. В семинарии Балтахинов читал и распространял запрещенные цензурой труды Кропоткина и Бакунина, издавал нелегальный литературный журнал семинаристов «Расцвет». К началу 1917 вступил в местную группу анархистов-коммунистов. В январе 1917 исключен из семинарии за неуспеваемость и радикальные взгляды и уехал преподавать в церковно-приходскую школу в улусе Олой. В начале лета 1917 возвратился в Иркутск. В 1917 доучивался в семинарии. В 1918 (июнь) избран делегатом на Иркутский съезд Советов от Боханского хошуна. После прихода к власти в Сибири в ноябре 1918 адмирала А. В. Колчака, перешел на нелегальное положение, а в марте 1919 бежал в Монголию по чужому паспорту на имя Худугуева. В декабре 1919 стал создавать свой партизанский отряд. Встречался с Н. А. Каландаришвили, стал членом штаба его партизанского отряда. Каландаришвили предложил Балтахинову создать партизанский отряд из бурят. В начале 1920 «Первый бурятский партизанский отряд», насчитывающий 50–60 человек был создан. После того, как все партизанские отряды и народно-революционные дружины влились в Красную армию, его отряд вошел в состав 5-го Зиминского добровольческого кавалерийского полка под командованием И. Новокшенова. Балтахинов стал комиссаром полка. После образования Дальневосточной республики (ДВР) полк Новокшенова вошел в состав Народно-революционной армии (НРА) ДВР. По состоянию здоровья Балтахинов демобилизовался и вернулся в Иркутск. 25.11.1920 вступил в ряды РКП (б). С мая 1920 работал инструктором Бурятской секции Иркутского губкома, а с августа 1920 – военным комиссаром Ангарского аймака. 25.02.1921 пал в бою с белогвардейским отрядом подьесаула Д. Донского на своей родине в улусе Средняя Тараса.

#### **Литература**

Революционный подвиг сибиряков: сборник. Иркутск, 1972 ; Егуннов Н. П. Павел Балтахинов. Иркутск, 1979 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005 ; Улицы Улан-Удэ – памятники истории: словарь-справочник. Улан-Удэ, 2010.

**Белоцкий (Черный) Морис Львович – 1895, г. Липовец Киевской губ. (ныне Винницкая обл.) – 1944, Вышний Волочек Калининской (ныне Тверская) обл.**

В 1916–1917 член Федерации анархистов. В августе 1918 вступил в РКП (б). Являлся председателем революционного комитета в Литве, затем секретарем революционного комитета и уездного комитета РКП (б) в Липовце и Умани. С 1920 в РККА. Исполнял обязанности заместителя начальника политуправления 1-й Конной армии (июль–сентябрь 1920), а затем военного комиссара 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии (10.10.1920 – 9.07.1921). За отличие в боях с белогвардейской армией генерала П. Н. Врангеля и в период Советско-польской войны 1920–1921, а также во время штурма мятежного Кронштадта (уполномоченный в 79-й бригаде), в 1921 был дважды награжден орденом Красного Знамени за боевые заслуги. После окончания гражданской войны продолжил службу в РККА. Окончил в 1923 Военную академию РККА. Остался в ней в качестве преподавателя социально-экономических дисциплин и одновременно исполнял обязанности помощника комиссара академии. Являлся редактором сборника «Военная академия за пять лет, 1918–1923». М., 1923. В мае 1924 уволен в бессрочный отпуск, с июня по декабрь 1924 Генеральный консул СССР в г. Термезе Бухарской Народной Советской Республики. В 1925–1927 исполнял обязанности первого секретаря Скопинского уездного комитета ВКП (б). Находясь в дальнейшем на партийной работе, в 1930 занимал должность инструктора Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б), затем ответственного секретаря Миллеровского окружного комитета ВКП (б) Донецкой губернии и первого секретаря (1930) Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Работал в ВСНХ, авиационной, химической и оборонной промышленности. По окончании в 1932 курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б), работал первым заместителем председателя «Осоавиахима». С сентября 1933 по март 1937 первый секретарь Киргизского обкома ВКП (б). Член ЦИК СССР 7-го созыва (с февраля 1935 по 1937), член Совета Национальностей ЦИК. Был делегатом 10-го (1921), 15-го (1927), 17-го (1934) съездов ВКП (б). 9.07.1937 был исключен из рядов ВКП (б), а затем вместе со всей семьей по обвинению в связи с врагами народа арестован. Приговорен к лишению свободы. В 1944 умер в тюрьме г. Вышний Волочек.

#### Литература

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 64 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность.

**Берг Эйжен Августович – 1892, Рига – 20.09.1918, 207-я верста Закаспийской железной дороги между станциями Перевал и Ахча-Куйма.**

Из семьи рыбака. По профессии слесарь. В период Буржуазно-демократической революции 1905–1907 боец рабочей дружины. На военную службу в Балтийский флот призван в октябре 1913. Служил машинистом на линкоре «Севастополь». Участник революционного движения, анархист-коммунист. С 1917 член РСДРП (б), член судового комитета линкора, руководитель большевистской организации на корабле. Член Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) 1-го и 3-го созывов. В период Июльского кризиса был арестован. С августа 1917 член ЦК Центрофлота. Командовал отрядом балтийских матросов при ликвидации выступления генерала Л. Г. Корнилова. В составе сводного отряда моряков 2-го Балтийского флотского экипажа принимал участие в захвате стратегических объектов Петрограда, включая и Зимний дворец в период октябрьских событий 1917. 26.10.1917 избран членом Военно-морского революционного комитета. Являлся комиссаром сводного отряда матросов, посланного в ноябре 1917 на помощь рабочим Москвы в период захвата власти большевиками. Выступил посредником на переговорах на ст. Куженкино (в районе ст. Бологое) между командованием матросским отрядом (Ф. Ф. Раскольников и Н. А. Ховрин) и командой следовавшего по направлению к Москве бронепоезда, подчинявшейся приказам А. Ф. Керенского. В результате переговоров бронепоезд достался матросам, а его команда сдалась им в плен. В декабре во главе матросского отряда принимал участие в ликвидации контрреволюционного выступления атамана А. М. Каледина и его сторонников на Дону. Комиссар штаба отряда матросов, воевавшего под Белгородом, Харьковом, Чугуевым. Направлен на Каспий в апреле 1918 Наркоматом по морским делам для реорганизации Каспийской военной флотилии и укрепления боеспособности кораблей бакинского рейда. С июля 1918 являлся членом ВРК и одновременно исполнял обязанности начальника связи Кавказской Красной армии. Принимал участие в боевых действиях против немецко-турецких войск, осаждавших Баку. 17.08.1918 по распоряжению Директории Центрокаспия арестован в числе 35 членов правительства Советского Азербайджана (Бакинской коммуны). Содержался в Красноводской тюрьме. Расстрелян 20.09.1918 в числе 26 бакинских комиссаров.

#### Литература

«Памяти 26»: материалы и док. к истории бакинской коммуны 1918. Баку, 1922 ; Последние дни комиссаров бакинской коммуны: по материалам судебных процессов. Баку, 1928 ; Ратгаузер Я. Арест и гибели комисса-

ров Бакинской коммуны. Баку, 1928 ; Толетов И. Э. А. Берг (1892–1918) // Герои Октября. Л., 1967 Т. 1 ; Микоян А. И. О днях Бакинской коммуны // Юность. 1967. № 11–12 ; 1968. № 12; Его же. Дорогой борьбы. М., 1971 ; Его же. Так было Размышления о минувшем. М., 2014 ; Шаумян Л. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1968. С. 45–46 ; Большая советская энциклопедия: в 30 томах. 3-е изд. М., 1969–1978 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 64 ; Смирнов Н. Г. Бакинская коммуна и ее комиссары. М., 1987 ; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. 2-е изд. М., 1990 ; Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. Киев, 1991 ; Политические партии России. С. 65 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность.

### **Богацкий Генрих Маркович – ? – ?.**

Анархист. Политический эмигрант. До 1917 являлся участником анархистского движения в Швейцарии. После Февральской революции весной 1917 являлся секретарем «Центрального Швейцарского комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию». Участвовал в организации отправки членов различных российских политических партий на родину. В том числе (с апреля-мая 1917) через территорию Германии. Осенью 1917 возвратился в Россию. Организовал в Петрограде и Кронштадте небольшой по численности «Союз независимых анархистов». Как представитель Союза вошел в состав Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК). Активный участник октябрьских событий 1917 в Петрограде. С 11.11.1917 являлся соредактором анархистской газеты «Буревестник», однако в конце ноября вышел из состава редакции. 26.11.1917 на 2-й конференции «Петроградской Федерации анархистов-коммунистов» (ПФАК) был избран в комиссию по подготовке Всероссийского съезда анархистов. В своем выступлении на конференции обосновал революционную роль фабрично-заводских комитетов и Советов, а также необходимость участия анархистов в их работе. Странник необходимости сотрудничества анархистов с большевиками в целях совместной борьбы против внутренней контрреволюции и германской интервенции. 1.03.1918 был делегирован ПФАК в Комитет революционной обороны Петрограда с целью добиться отмены решения этого комитета о невыдаче оружия анархистским отрядам. До 1923 жил в Советской России, активно участвовал в анархистском движении. Дальнейшая судьба неизвестна.

### **Литература**

Петроградский ВРК: док. и материалы: в 3 т. М., 1969. Т. 3 ; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2.

**Блейхман Илья Соломонович (Иосель Хонон Шоломов) (псевдонимы: Н. Солнцев, Старый и др.) – 1874, м. Видзск Ново-Александровского у. Ковенской губ. 1921, Москва.**

Из мещан, сапожник, жестянщик. С 1897 в революционном движении. Политический эмигрант. В 1904 в эмиграции примкнул к анархиста-коммунистам. Возвратился в Россию и до сентября 1913 вел революционную работу в Двинске, в сентябре 1913 по июль 1914 – в Петербурге. Занимался распространением анархистских идей среди членов профсоюзов портных, булочников, кожевников, текстильщиков. С июля 1914 на нелегальном положении. В 1914 арестован, сослан в Сибирь. В 1917 член Петроградской группы анархистов-коммунистов. Активный участник Февральской революции 1917. С марта член Петроградского и Кронштадтского Советов рабочих и солдатских депутатов. 7.03.1917 выступил на заседании рабочей секции Петроградского Совета и потребовал от имени столичной группы анархистов-коммунистов допустить их в Совет в качестве полноправных депутатов, а также удовлетворить их материальные нужды, разрешить издание журнала и оставить за анархистами право на ношение личного оружия. Выступил на заседании Петроградского Совета (22.05.1917) по вопросу о положении в Кронштадте. Присоединился к мнению ряда министров-социалистов Временного правительства (В. М. Чернова, М. И. Скобелева, И. Г. Церетели), осуждавших решение Кронштадтского Совета о взятии всей полноты власти в свои руки. Внес на рассмотрение Совета резолюцию, отвергающую решение кронштадтцев, правда, окончательное решение этого вопроса было отложено. На 1-й конференции фабзавкомов Петрограда (30.05 – 5.06.1917) заявил о том, что именно в них надо сосредоточить всю полноту власти и использовать их в интересах революции, однако это предложение не нашло поддержки. Являлся одним из руководителей отряда петроградских анархистов, захвативших 5.06.1917 редакцию газеты «Русская воля». От имени анархистов заявил редактору газеты, что помещение будет занято до тех пор, пока представители социалистических партий не выскажутся о дальнейшей судьбе этого действия анархистов. Лишь после появления перед зданием редакции двух рот Егерского и Семеновского полков и сотни казаков во главе с командующим Петроградским военным округом генерал-лейтенантом П. А. Половцовым и после проведения переговоров с членами Исполкома Петроградского Совета (Гоцем, Анисимовым и Каменевым), анархисты согласились покинуть здание редакции и сдать оружие, если им будет обеспечена личная неприкосновенность. Во время массовой



500-тысячной демонстрации в Петрограде группа анархистов во главе с Блейхманом и сочувствующими им солдатами Гренадерского полка, напали на «Кресты» и освободили из тюрьмы 7 человек, включая и редактора «Окопной правды» Ф. П. Хаустова. Участник нелегального совещания петроградских анархистов 2.07.1917 на даче генерала П. Н. Дурново. Призвал мобилизовать все наличные силы для участия рабочих, матросов и солдат к вооруженному выступлению против Временного правительства. Переодевшись в форму рядового 2 и 3.07. вел агитацию за решительное вооруженное выступление и насильственный захват власти в Петрограде среди солдат нескольких рот 1-го пулеметного полка. 3.07.1917 выступил с докладом на полковом митинге и способствовал принятию пулеметчиками резолюции о проведении вооруженной демонстрации 4.07. Был избран председателем Временного революционного комитета. После расстрела Июльской демонстрации войсками верными Временному правительству ушел в подполье, т. к. был объявлен в числе анархистов и большевиков, преследуемых по закону. С лета 1917 и до 1919 – член и секретарь Петроградской федерации анархических групп. В период октябрьских событий поддерживал большевиков в их стремлении захватить власть, решением ПВРК от 28.10.1917 был введен в число его членов. Был наблюдателем от анархистов 18.01.1918 на собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. По некоторым данным до апреля 1918 являлся одновременно членом и Московской и Петроградской федераций анархических групп. В 1917–1918 являлся одним из редакторов еженедельной газеты «Буревестник», органа Петроградской Федерации анархистских групп. В 1918 арестован большевистским ЧК и был отправлен на тяжелые принудительные работы в лес. Тяжело заболел, был освобожден от наказания по болезни. Вернулся в Москву и вскоре умер от болезни легких. По другим данным в 1920 являлся председателем Московского профсоюзного губотдела, в октябре арестован вместе с группой анархистов, заподозренных в связях с Н. И. Махно, однако после допроса освобожден. О дальнейшей его политической деятельности ничего неизвестно. В 1921 умер в Москве.

#### Литература

Горелик А., Комов А., Волин. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922. № 1 ; Октябрьская революция и фабзавкомы. От Февраля к Октябрю. М., 1927 Ч. 1 ; Матвеев Ф. П. Из записной книжки депутата 176 пехотного полка // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. М.: Л., 1932 ; Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 г. М.;

Л., 1964 ; Петроградский Военно-революционный комитет ; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. 2-е изд. М., 1990 ; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Л., 1991 Т. 1 ; Политические деятели России 1917: биограф. слов. М., 1993. С. 32–33 ; Политические партии России. С. 69–70 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. М., 2006 ; Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород, 2008.

**Ге (настоящая фамилия Голберг) Александр Юльевич (псевдонимы: А. Ю., Г.) – 1879, Кенигсберг (Германия) – 7.01.1919, близ станции Товарная в районе г. Кисловодска.**

Воспитывался в гимназическом отделении Лазаревского Института восточных языков в Москве. Исключен из 6 класса гимназии за революционную пропаганду. Проживал с 1902 в Петербурге, слушал лекции в университете. После начала Буржуазно-демократической революции 1905–1907 примкнул к анархистам, являлся членом петербургского Совета рабочих депутатов, вел революционную пропаганду на фабриках и заводах столицы империи. После ареста в декабре 1905 заключен в «Кресты». По состоянию здоровья освобожден в августе 1906. Был вынужден эмигрировать в Швейцарию. В России заочно был приговорен к 5 годам каторги. С 1906 по декабрь 1917 находился в эмиграции, где сотрудничал с рядом анархистских печатных изданий: «Рабочий Мир» – орган Цюрихской группы группы анархистов-коммунистов (1912–1914), «Рабочее знамя», издававшееся в Лозанне и Женеве (1915–1917). Писал статьи и очерки для газет и журналов Киева. Являлся одним из организаторов созыва Швейцарской конференции анархистов в Цюрихе (май 1913), которая констатировала необходимость скорейшего объединения на федеративных началах всех анархистских групп русских анархистов-коммунистов и созыва для этого Объединительной конференции. Являлся одним из организаторов 1-й Объединительной конференции русских анархистов-коммунистов в Лондоне (декабрь 1913 – январь 1914), вошел в состав Организационной комиссии конференции, был избран (вместе с М. И. Гольдсмит и Г. И. Гогелия) в состав редакции первого федеративного печатного органа русских анархистов газеты «Рабочий Мир». Выступал в поддержку идеи проведения в августе 1914 федеративного съезда российских анархистов в эмиграции и необходимости созыва общего съезда всех российских анархистов за границей. С началом Первой мировой войны 1914–1918 занимал резко выраженную антивоенную позицию, руководил группой анархистов-коммунистов в Швейцарии.

Вернулся в Россию лишь в начале декабря 1917 уже после прихода к власти в стране большевиков, по приезде сблизился с ними. Был избран членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Являлся автором лозунга «Врозь идти, вместе бить!». Выдвигал идеи децентрализации государственного управления и активно критиковал во ВЦИК политику большевиков по укреплению своей власти в стране на всех уровнях. Принципиальный противник Брестского мира 1918 и тактики революционного террора. Являлся оппонентом В. И. Ленина и его большевистского руководства по вопросу о возможности проведения и победы пролетарской революции в Германии. В мае 1918 возглавил Кисловодскую ЧК, с июля исполнял обязанности председателя ЧК в составе правительства Северо-Кавказской советской республики. Являлся членом Чрезвычайного штаба по обороне Пятигорского округа от белогвардейских войск Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. Принимал участие в боях. В начале января 1919 получил ранение и 7.01.1919 схвачен белогвардейцами и убит (зарублен шашками) без суда и следствия на ст. Товарная в районе Пятигорска.

#### Сочинения

Бакунин и Маркс (Личные характеристики). Лозанна, 1916 ; Путь к победе. Лозанна, 1917 ; О расстрелах анархистов // Анархия. М., 1918. № 43. С. 3.

#### Литература

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 141; Усыскин Г. С. Старший следователь ЧК // Октябрем мобилизованные. М., 1987. С. 198–212 ; Политические деятели России 1917: биограф. слов. М., 1993. С. 77 ; Политические партии России. С. 144–145 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2 ; Абрамов В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005 ; Шубин А. Анархия – мать порядка. Между белыми и красными. М., 2005 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917. М., 2006. ; Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР, 1917–1923. М., 2011.

**Евдокимов Ефим Георгиевич – 20.01.1891, г. Копал Копальского у. Семиреченской обл. (ныне г. Копал Талды-Курганской обл. Республика Казахстан), (по другим данным: Пермская губ.) – 2.02.1940, спецполигон НКВД «Коммунарка» Московская область.**

Родился в крестьянской семье (по другим данным сын путевого обходчика). Образование неполное среднее. Принимал участие в революционной деятельности. В 1905 ранен в перестрелке с карательным отрядом (по некоторым данным в составе группы анархистов). Осужден на четыре года

каторги с заменой по несовершеннолетию тремя годами тюрьмы. В 1911 вышел из Верхнеудинской тюрьмы и был выслан за пределы Иркутского генерал-губернаторства в г. Камышлов, однако оттуда скрылся и нелегально перебрался на Дальний Восток, а затем в Москву. В 1911–1917 анархист-синдикалист. В годы Первой мировой войны 1914–1918 скрывался от призыва в армию, перешел на нелегальное положение. После Февральской революции 1917 в марте призван в армию и зачислен рядовым 12-го Сибирского запасного полка (Иркутск). Избран в полковой революционный комитет. В сентябре 1917 демобилизован по состоянию здоровья. Перебрался в Москву. Участвовал в Октябрьском перевороте в Москве в составе Красногвардейского отряда Благуше-Лефортовского района. В 1918 Евдокимов вступил в Красную армию, а также в члены РКП (б). В 1919 поступил на работу в ЧК. Начальник Особого отдела Московской ЧК (июнь-декабрь 1919). Руководил следствием по делу «Штаба Добровольческой армии Московского района». По результатам его расследования все участники организации были расстреляны. С января 1920 заместитель начальника Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов. Руководил следствием по делу «Комитета вызволения Украины» в Полтаве. Один из активных участников и руководителей проведения массового террора в Крыму после изгнания белогвардейской армии генерала П. Н. Врангеля. 21.11.1920 Евдокимов был назначен начальником Особой Крымской ударной группы, руководившей работой особых отделов, которые занимались расстрелами пленных белогвардейцев, несмотря на обещание их амнистии. За проделанную «работу» (было расстреляно не менее 12 000 человек (по другим данным в совокупности в Крыму значительно больше) бывших белогвардейских генералов, офицеров старшего среднего и младшего звена, а также рядовых) без афиширования был представлен М. В. Фрунзе, (на тот момент уполномоченным РВСР на Украине и командующим войсками Украины и Крыма), к ордену Красного Знамени. После кровавой деятельности в Крыму Евдокимов был назначен начальником секретного оперативного управления Всукраинской ЧК, полномочным представителем ОГПУ на Правобережной Украине (1922), начальником секретно-политического отдела. В 1923 назначен полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе. Дважды требовал санкции на арест писателя М. А. Шолохова у И. В. Сталина за его «сочувствие белогвардейцам, но вождем отказал Евдокимову. Участвовал в фабрикациях и «расследовании» многих знаковых для СССР политических процессов: «шахтинское дело», расказачивание, раскулачивание и т. д. Евдокимов уже в послевоенные годы был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени (1923, 1927, 1930), знаком «Почетный чекист». С учетом ордена Красного Знамени, полученного



в 1921, он был единственным работником ОГПУ, награжденным четырьмя орденами Красного Знамени. В 1931–1932 полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии. Боролся с басмачеством в Туркменской и Таджикской ССР. С 1933, в основном, на партийной работе. В 1933 (по другим данным с января 1934 по 13.03.1937) избран первым секретарем Северо-Кавказского крайкома партии. В 1937 (13.03.1937 – 13.09.1937) Азово-Черноморского, а затем (13.09.1937 – май 1938) Ростовского обкомов ВКП (б). Вошел в состав особой «тройки», созданной по приказу НКВД СССР от 30.07.1937 для проведения массовых сталинских репрессий. С 1934 член ЦК ВКП (б), с 1937 – депутат Верховного Совета СССР. В мае 1938 назначен на должность заместителя наркома водного транспорта СССР (наркомом в это время был Н. И. Ежов – бывший нарком внутренних дел). Евдокимов 9.11.1938 был арестован, а 2.02.1940 расстрелян на спецполигоне НКВД «Коммунарка» Московской области. Там же и похоронен. В 1956 посмертно реабилитирован и восстановлен в партии.

#### Литература

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 203; Петров В. П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 гг. // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 2; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность; Залесский К. А. Кто есть кто в империи Сталина. М., 2001; Из годового отчета КрымЧК за 1921 // Реабилитированные историей. Автономная республика Крым. Симферополь, 2004. Кн. 1; Абраменко Л. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005; Абрамов В. Евреи в КГБ. Палячи и жертвы. М., 2005; Наумов П. А. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. Опричный двор Иосифа Грозного. М., 2006; Архив ВЧК. М., 2007; Кучков Г., Плеханов А. Чекисты: история в лицах. М., 2008; Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР, 1917–1923. М., 2011; Яковлева М. А. МЧК: московские чекисты. М., 2011; История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2012.

**Железняков (Железников) Анатолий Григорьевич (псевдоним: Викторский, Матрос Железняк) – 20.04.1895, с. Федоскино Московской губ. 27.07.1919, г. Пятыхатки Екатеринославской губ, похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.**

Родился в мещанской семье. Образование получил в Лефортовском военном фельдшерском училище в Москве, где учился в 1911–1912. Исключен (1912) из училища за отказ участвовать в параде в честь именин жены Николая II императрицы Александры Федоровны. Недолго работал в аптеке на текстильной фабрике А. Морозова в Богородске. Уехал в Одес-



су, в 1914–1915 работал портовым рабочим, кочегаром на торговых судах Черноморского флота. В 1915 работал слесарем на Бутырском снарядном заводе Г. Листа в Москве. Принимал участие в революционном движении, распространял антивоенную и антиправительственную литературу, установил связь с большевиками. С осени призван на службу. С 1915 служил на Балтийском флоте. Зачислен во 2-й Балтийский флотский экипаж, в машинную школу. Позже служил матросом учебного судна «Океан», стал анархистом. Из-за угрозы ареста вынужден был 12.06.1916 дезертировать, плавал на торговых судах на Черном море под фамилией «Викторский». С 1917 по амнистии вновь в Петрограде, являлся матросом машинной школы. В мае 1917 избран делегатом 1-го съезда Балтийского флота (Центрофлот). 19.06.1917 находился на даче бывшего генерала П. Н. Дурново, являвшейся штабом анархистов Выборгского района. После разгрома дачи войсками Временного правительства оказался в числе 59 арестованных. Принял активное участие в событиях Июльского кризиса Временного правительства, участник вооруженной демонстрации в Петрограде. Арестован после начала репрессий в отношении большевистских и анархистских организаций в числе других наиболее известных и авторитетных деятелей этих политических партий. Приговорен к 14 годам каторги. Спрыгнув с семиметровой высоты в начале сентября 1917 бежал из «Крестов». Принял участие (25.09. – 5.10.1917) в работе 2-го съезда моряков Балтийского флота на яхте «Полярная звезда» в районе Гельсингфорса, являлся секретарем съезда. Выступил на съезде с резкой критикой политики Временного правительства. На съезде был избран в число 14-ти делегатов от моряков Балтики на Северный областной съезд Советов и на 2-й Всероссийский съезд Советов. Будучи командиром отряда моряков 2-го флотского экипажа 24.10.1917 занял помещение Петроградского телеграфного агентства (ПТА), 25.10. принял участие в составе сводного отряда моряков Балтийского флота в захвате Зимнего дворца. 25–26.10.1917 в качестве делегата принял участие в работе 2-го Всероссийского съезда Советов, 26.10. избран членом Военно-морского революционного комитета (ВМРК) под фамилией Викторский. Участвовал в боях против частей генерала П. Н. Краснова на подступах к Петрограду. Под командованием Ф. Ф. Раскольникова и Н. А. Ховрина (комиссара отряда) в составе отряда революционных моряков Гельсингфорса и Кронштадта в качестве члена штаба и адъютанта 3.11.1917 прибыл в Москву для оказания помощи местным большевикам в захвате власти. Вернулся в Петроград в начале 1918 и по решению Петросовета был назначен комендантом Таврического дворца. Командовал отрядами, находившимися под большевистским влиянием, осуществлявшими охрану дворца во время заседаний Учредительного собрания. В ночь с 5.01. на 6.01.1917

(в пятом часу утра), выполняя поручение П. Е. Дыбенко (наркома по морским делам), предложил депутатам, обращаясь к лидеру правых эсеров, бывшему министру Земледелия Временного правительства В. М. Чернову («...караул устал») покинуть Таврический дворец. С января 1918 исполнял обязанности помощника командира отряда матросов, направленного для борьбы с контрреволюцией на Юг страны (командир отряда Н. А. Ховрин, комиссар – И. П. Павлунов, начальник штаба – А. Ф. Ильин-Женевский). Был включен в состав верховной коллегии для руководства борьбой против румынской интервенции и эвакуации окруженных на Дунае русских войск и кораблей. Отвез 5 млн. рублей на расходы коллегии, а также полевому казначейству войск Румынского фронта и Черноморского флота. Из Одессы вышел на миноносце «Дерзкий» в Вилково, где были сосредоточены корабли Дунайской флотилии и принял участие в боевых действиях против румынских войск. В январе-марте 1918 являлся председателем Ревкома штаба Дунайской флотилии. По возвращении в Одессу возглавил специальный отряд морских сил для обороны приморских подступов к городу. В марте 1918 назначен командиром Бирзульского укрепленного района. По приказу командующего Южным фронтом В. А. Антонова-Овсеенко возглавил отряд из матросов и солдат (около 1500 человек) с которым участвовал в боевых действиях против австро-германских войск. С отступающими советскими войсками эвакуировался в тыл. По возвращении в Петроград был назначен членом политического отдела Морского генерального штаба. В середине июня 1918 отправлен на фронт в район Царицына. Летом 1918 командиром Еланского стрелкового полка в дивизии В. И. Киквидзе (14-я армия). Участвовал в ожесточенных боях против казачьих войск атамана П. Н. Краснова. Из-за конфликта с военспецами и Н. И. Подвойским был отстранен от командования полком, избежал ареста благодаря заступничеству Киквидзе и вынужден был уехать в Москву. В октябре 1918 был направлен на подпольную работу в Одессу. Активно занимался подпольной агитацией, сблизился с членами боевой дружиной Г. Котовского. Принимал активное участие в восстании в городе при приближении частей РККА. После освобождения Одессы Красной армией 6.04.1919 был избран председателем профсоюза моряков торгового флота. С мая 1919 командовал (отремонтированным под его руководством бронепоездом имени Худякова в составе 14-й армии Южного фронта. В мае-июне 1919 принимал участие в подавлении мятежа атамана Н. А. Григорьева. Вместе с другими советскими частями принимал участие в боях с войсками Добровольческой армии генерала А. И. Деникина в районе Екатеринослава и Александровска. 26.07.1919 деникинцы смогли обходным путем отрезать бронепоезд от его базы на станции Эрастовка Екатеринославской губернии, захватив стан-

цию Верховцево. По приказу Железняка бронепоезд прорвался на станцию Верховцево и ликвидировал кольцо окружения, однако его командир в конце боя получил тяжелое ранение. Был доставлен санитарным поездом в г. Пятихатки, где умер от полученного ранения. Его останки были вывезены в Москву. 3.08.1919 гроб с его телом был провезен на броневике в траурной процессии с большим числом матросов, боевых друзей и товарищей Железняка с Новинского бульвара, где проходило последнее прощание до Ваганьковского кладбища. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

### Литература

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. М., 1925 ; Амурский И. Матрос А. Железняков. М.; Л., 1939 ; Долгов Н. Л., Лушенькин В. Н. Балтийская слава: сб. воспоминаний, Калининград, 1959 ; Мар Е. Человек из песни. М., 1963 ; Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. Калининград, 1967 ; Амурский И. Е. Матрос Железняков. М., 1968 ; Пронин М. А. Анатолий Железняков: док. повесть. Л., 1970 ; Мордвинов Р. Н. В грозные годы гражданской войны. М., 1971 ; Гражданская война и военная Интервенция в СССР. С. 208 ; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. 2-е издание. М., 1990 ; Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. Киев, 1991 ; Политические партии России. С. 207–208 ; Пищикова Е. Смертельно уставший караул. К столетию со дня рождения матроса Железняка // Общая газета. 1995. 11–17 мая. (№ 19) ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Леонтьев Я. Пасынок революции. Красная дьяволиада матроса Железняка // Родина. 1997. № 1 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Савченко В. А. 100 знаменитых революционеров и анархистов.

**Жук Иустин Петрович – 31.05.1887, с. Городище Черкасского у. Киевской губ. 25.10.1919, ст. Грузино Петроградской губ.**

Из крестьян. В 1899 закончил курс в сельско-хозяйственной школе в с. Городище. В 1901 учился в двухклассном училище при местном заводе, которое закончил в 1904, получив работу при заводской химической лаборатории Городищенского сахарного завода. Во время буржуазно-демократической революции 1905–1907 примкнул к анархистам. Работал на Мариинпольском сахарном заводе в родном селе. С братом Якомом в 1906 организовал анархистскую группу местной молодежи, совершавшей мелкие экспроприации в районе Городище-Смела-Смелянка. В 1907 арестован после совершенной экспроприации на сахарном заводе, но вскоре освобожден. Создал в окрестностях Киева сеть анархо-синдикалистских групп «Южно-русская федерация крестьян анархо-синдикалистов». В январе 1909 арестован на конспиративной квартире в с. Смелянка. Вместе с братом оказал при

аресте вооруженное сопротивление, убив при этом несколько стражников. Киевским окружным судом 20.05.1909 был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отбывал наказание в Лукьяновской тюрьме в Киеве, а затем в Смоленском центральном. В 1911 за подготовку к побегу переведен в Шлиссельбургскую крепость (1911–1917). После Февральской революции 1917 освобожден из тюрьмы рабочими Шлиссельбургского порохового завода. С организованной им боевой дружиной освободил оставшихся заключенных, а тюрьму сжег. Поступил на работу на Шлиссельбургский завод подручным слесаря. Один из организаторов отрядов Красной гвардии в Шлиссельбурге. Избран рабочими первым красным директором Шлиссельбургского завода. Принял участие в работе 1-й конференции фабзавкомов Петрограда (30.05. – 3.06.1917) на которой выступил с докладом. В период выступления войск генерала Л. Г. Корнилова пригнал в Петроград по Неве баржу со взрывчаткой. С 25.10.1917 вместе с председателем Шлиссельбургского Совета рабочих депутатов Н. М. Чекаловым командовал отрядом шлиссельбургских красногвардейцев по захвату власти большевиками в Петрограде, участвовал в захвате Зимнего дворца. После установления в стране Советской власти, с рядом анархистов выступал за сотрудничество с большевиками и за совместную с ними работу в Советах. В 1918–1919 регулярно посещал петроградский центр анархо-синдикалистов на Бармалеевой ул. Петроградской стороны. В 1918 принимал участие в установлении Советской власти в Шлиссельбургском уезде, являлся уездным комиссаром по продовольствию. Неоднократно ездил на Украину в родные места, добывая продовольствие для рабочих завода. Летом 1918 был на конспиративной работе на Украине в районе Киева, организовывал повстанческие отряды для борьбы против немцев и гетмана П. П. Скоропадского. Организовал интернат для детей рабочих Шлиссельбургского завода. Являлся комиссаром 55-й стрелковой дивизии, с августа 1919 член Военного Совета Карельского участка фронта. Погиб в бою. Похоронен в братской могиле в поселке имени Морозова. Приказом Реввоенсовета республики 16.03.1920 был посмертно награжден орденом Красного Знамени № 554.

### Литература

Вместо венка на могилу павших: сборник. Шлиссельбург, 1922 ; Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. М., 1925 ; Моршанская М. И. Жук. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927 ; Вересов А. Конец «русской Бастилии». Л., 1964 ; Ильина Л. И. П. Жук (1887–1919) // Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1967 Т. 1 ; Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. Киев, 1991 ; Политические партии России. С. 210 ; Ермаков В. Д. Анархист-



ское движение в России: история и современность ; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2 ; Шубин А. Анархия – мать порядка. Между белыми и красными ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917.

**Каландаришвили (Каландарашвили) Нестор Александрович** (псевдоним: Дедушка, Дед) – 26.06.1876 (по другим данным 1874), с. Квирикеты Озургетского у. Кутанской губ. (по другим данным д. Шемокмеди, ныне махарадзевского района Республика Грузия) – 6.03.1922, около Якутска.

Из дворян. В 1892 окончил Тифлисскую гимназию и там же поступил в учительскую семинарию в которой учился до 1903 с перерывом в учебе на службу в армии (с 1895 по 1897). В 1903 исключен из семинарии за революционную деятельность, примыкал к эсерам. Уехал в Батум, учительствовал, работал конторщиком в «Русском обществе пароходства и торговли». Окончил нелегальные военные курсы эсеров (1903). В 1904 вышел из рядов ПСР и вступил в Партию социалистов-федералистов Грузии. Выполнял обязанности связного между Батумским и Кавказским комитетами РСДРП. В годы Буржуазно-демократической революции 1905–1907 являлся членом боевой дружины батумских рабочих, принимал участие в вооруженном восстании в Батуми (в ночь с 29 на 30.11.1905). После поражения восстания вынужден был покинуть Батум и перейти на нелегальное положение. Принимал участие в партизанской борьбе в Грузии (1906). Вышел из Партии социалистов-федералистов Грузии и вступил в Федерацию анархистов-коммунистов (1907). Участвовал в экспроприациях и террористических актах. Из-за преследования полиции в конце 1907 покинул Грузию и продолжил революционную деятельность на Украине. Уже за годы революции стал широко известен в революционных кругах: 8 раз арестовывался и при этом 6 раз освобождался за недоказанностью обвинений и дважды бежал из-под ареста (из Керчинской и Лукьяновской тюрем). Скрываясь от преследований со стороны полиции в конце 1908 прибыл в Иркутск. Находясь на нелегальном положении работал фотографом и артистом в театре. Принимал участие в работе подпольных большевистских организаций Сибири. Трижды (в 1910, 1911 и 1913) арестовывался в Иркутске за организацию противоправного сообщества и за участие в проведении террористических актов. Просидев более двух лет в одиночном заключении был в очередной раз освобожден за недоказанностью обвинений. После Февральской революции 1917 член группы иркутских анархистов, принимал участие в работе военной секции Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов. После известия о революции в Петрограде и приходе к власти



большевиков. 27.11.1917 принял активное участие в установлении Советской власти в Иркутске. Член штаба Красной гвардии города. С началом Гражданской войны в Сибири возглавил сформированный им кавалерийский дивизион (1-й Иркутский кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов). В мае-июне 1918 сражался против войск атамана Г. М. Семенова, участвовал в боях против белочехов, руководил партизанским движением в Иркутской губернии и на Верхней Лене. В начале октября 1918 его отряд был разгромлен под Троицкосавском (Кяхта). В 1919 колчаковцы назначили за голову Каландаришвили 40 000 рублей. Отряд Каландаришвили, насчитывавший 500 кавалеристов и ряд других партизанских отрядов составили в декабре 1919 самостоятельный партизанский фронт на пути к Иркутску. После вспыхнувшего в городе антиколчаковского восстания отряды под его командованием вошли в город и приняли участие в обороне города от каппелевцев, а затем их преследовании. При этом у Каландаришвили время от времени вспыхивали трения и конфликты с партизанским командованием, Иркутским ревкомом, коммунистами (еще в декабре 1919 вспыхнул его конфликт с главкомандующим Северо-восточным партизанским фронтом Сибири коммунистом Д. Е. Зверевым). В феврале 1920 командовал отрядом по разгрому войск генерала В. О. Каппеля. Командовал Верхоленской группой Советских войск (март-апрель 1920). Бывший партизанский отряд Каландаришвили, находившийся под серьезным влиянием анархистов, хоть и влился в ряды Красной армии, но представлял собой автономную боевую единицу, наподобие бригады Н. И. Махно в составе Украинской Красной армии весной 1919, правда в весьма уменьшенном масштабе. Весной 1920 Каландаришвили выступил с инициативой созыва Сибирского съезда анархистов. По ряду причин съезд не состоялся, а его инициатор со своим отрядом, насчитывающим до 2 тысяч человек был отправлен на территорию Дальневосточной республики (что было крайне выгодно советским руководителям Сибири, чтобы под благовидным предлогом избавиться от неудобного с политической точки зрения, командира-анархиста). С мая 1920 командовал кавалерийскими частями Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Руководил разгромом банд барона Р. Ф. Унгерна. В августе 1920 был представителем МИД Дальневосточной Республики при Китайской военной миссии в Москве. Встречался с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким. С октября 1920 командовал в ДВР «Корейской революционной армией». В январе 1921 вступил в ряды РКП (б). Ему был зачтен партийный стаж с 1917 за боевые заслуги. С декабря 1921 будучи командующим войсками Якутской области и Северного края, руководил ликвидацией бандитизма в Якутии. 12.01.1922 направился из Иркутска в Якутию для продолжения действий

по ликвидации орудовавших там банд. Под Якутском (на перегоне между деревнями Тектор и Табаги) 6.03.1922 вместе со штабом попал в засаду и погиб в бою. Похоронен 2.04.1922 в Якутске. 17.09.1922 был перезахоронен в Иркутске на Иерусалимском кладбище.

### Литература

Рябиков В. В. Центросибирь. Новосибирск, 1949 ; Борьба за власть Советов в Иркутской губернии в 1918–1920 гг.: сб. документов. Иркутск, 1959 ; Барамидзе Н. А. Герой гражданской войны Нестор Каландаришвили. Батуми, 1960 ; Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе в колчаковщине. Иркутск, 1960 ; Церетели М. Б. Народный герой Нестор Каландаришвили. Тбилиси, 1965 ; Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири. 2-е изд. Иркутск, 1971 ; Его же. Боевые соратники Каландаришвили. Улан-Удэ, 1975 ; Его же. Партизанские тропы героев. Улан-Удэ, 1986 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 249 ; Шли дивизии вперед (1919–1921) : НРА в освобождении Забайкалья: сб. документов. Иркутск, 1987. Т. 3 ; Василевский В. И. Революция и Гражданская война в Забайкалье: краткий биограф. указ. Чита 1989 ; Политические партии России. С. 235–236 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в. ; Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999 ; Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001 ; Подшивалов И. Ю. Путь анархиста // Политический журнал. 2008. № 5.

**Мокроусов Алексей Васильевич (настоящее имя Фома Матвеевич) – 9.06.1887, с. Поньри Фатежский у. (ныне Поньровский район) Курской губ. 28.10.1959, Симферополь.**

Родился в многодетной крестьянской семье. Оставшись без родителей, в 1904 отправился на заработки в Таврическую губернию. В 1905 работал на Донбассе шахтером. Командовал боевой дружиной анархистов. Уволен с работы за активное участие в революционных событиях. Длительное время бедствовал, живя на случайные заработки. В 1908 призван на службу в Балтийский флот. Служил в Гельсингфорсе матросом на эсминце «Прыткий». В 1912 арестован за революционную пропаганду, однако при помощи товарищей по подполью по поддельному паспорту на имя Алексея Васильевича Савина бежал в Швецию (оставил себе новое имя и отчество). В эмиграции вплоть до 1917 проживал и работал в Дании, Великобритании, Австралии и Аргентине. Принимал активное участие в рабочем движении, сотрудничал с организацией

«Союз русских рабочих-эмигрантов». К началу Первой мировой войны 1914–1918 в столице Аргентины Буэнос-Айресе организовал такой же союз среди русских рабочих Южной Америки. После Февральской революции 1917 вернулся в Россию. Сотрудничал с анархистами, был избран членом Севастопольского Совета рабочих депутатов. Перебрался в Петроград, пользовался авторитетом среди революционных матросов Балтики. В октябрьские дни 1917 будучи командиром отряда моряков-балтийцев, занял Петроградское телеграфное агентство. Возвратился в Крым. Сформировал в Севастополе «Черноморский революционный отряд» численностью около 2 500 человек. Командуя отрядом жесточайшим образом насаждал Советскую власть в Крыму, Украине и на Дону, тесно сотрудничая с большевиками. В конце ноября 1917 под Белгородом в боях у сел Крапивное, Драгунское и Белое черноморцы нанесли поражение 6-ти тысячному отряду белогвардейцев. В январе-феврале 1918 отряд участвовал в тяжелых боях против белоказаков под Ростовом и Новочеркасском, а после против немцев и гайдамаков на Украине. Являлся фанатичным сторонником проведения самого жестокого красного террора. По разным оценкам, при установлении Советской власти в Феодосии казнил от тридцати до шестидесяти арестованных офицеров. В марте 1918 был назначен начальником областного штаба Красной армии в Крыму. Был назначен начальником Херсонского, Бердянского и Таганрогско-Ростовского оборонительных районов, с мая 1918 командовал левым флангом Доно-Кубанского фронта, начальник 4-й колонны войск Северного Кавказа. В сентябре 1918 был тяжело ранен. В июне 1919 вернулся на фронт. Начальник Южного боевого участка, командир 2-й стрелковой бригады 47 стрелковой дивизии. Успешно сражался с частями денкинской и петлюровской армиями при выходе оказавшейся в окружении Южной группы войск (командир И. Э. Якир), сформированной из остатков 12-й армии (45-я и 58-я стрелковые дивизии), командуя 3-й стрелковой бригадой 58-й стрелковой дивизии (с сентября 1919 по апрель 1920). Пройдя с боями свыше 400 км., 19.09.1919 части группы освободили г. Житомир и соединились с основными силами Красной армии. 25.02.1920 за боевые отличия в боях Мокроусов был награжден орденом Красного Знамени. С июля по ноябрь 1920 командовал Крымской повстанческой армией, действовавшей в тылу «Русской армии» под командованием барона П. Н. Врангеля. С 1921 на руководящей хозяйственной и административной работе в Крыму. Возглавлял в течение двух лет сельхозкоммуну, созданную в феврале 1921 в д. Кара-Кият. С 1928 член ВКП (б). В 1933–1934 возглавил Колымскую экспедицию.

С небольшой группой ее сотрудников пересек на собаках и оленях глухие таежные места Восточной Сибири в поисках мест для создания аэродромов. По возвращении в Крым исполнял обязанности директора Крымского государственного заповедника. В 1936–1937 воевал добровольцем в Испании в период Гражданской войны 1936–1939 на стороне республиканского правительства. Занимал пост военного советника командующего Арагонским фронтом. По возвращении из Испании, несколько лет исполнял обязанности первого секретаря Крымской АССР. После начала Великой Отечественной войны 1941–1945 являлся командующим отрядами народного ополчения Крыма. В октябре 1941 назначен партизанским движением Крыма, осуществлял руководство 29-ю партизанскими отрядами. По некоторым данным, в июле 1942 за пьянство, бездарное командование и произвол был снят с занимаемой должности и отправлен самолетом в Москву. Был назначен начальником разведки (что не логично) Северо-Кавказского фронта. С августа 1943 – командир 66-го гвардейского стрелкового полка. Участник десантной операции на Керченском полуострове. Освобождал от фашистов Румынию, Болгарию и Югославию. Войну закончил в звании полковника. В 1946 уволен в запас Жил и работал в Симферополе. С 1948 – директор Крымской ТЭЦ. Возглавлял туристско-экскурсионное бюро. Умер в 1959.

#### Сочинения

В горах Крыма. Записки о красно-партизанском движении во врангелевском тылу. Симферополь, 1940.

#### Литература

Поликарпов В. Бурям навстречу. Симферополь, 1961 ; Пятков Г. И. А. В. Мокроусов. Симферополь, 1971 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 354 ; Ермаков В. Д. Анархист А. В. Мокроусов – герой трех войн // 50 лет коренного перелома в Великой Отечественной войне. Кемерово, 1992. С. 45–47 ; Его же. Анархистское движение в России ; Брошеван В. А. В. Мокроусов: жизнь в борьбе. Симферополь, 2000 ; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921 ; Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 г. и гражданской войны: февраль 1917 – март 1921 гг. СПб., 2007 ; Бобков А. А. Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и Феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия. Симферополь. М., 2008 ; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008 ; Поляков В. Обзор литературы о крымских партизанах // Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М., 2009.



**Рогов Григорий Федорович – 1883, с. Жуланиха Маринской волости Барнаульского у. (ныне Заринский район Алтайского края – 3.07.1920, с. Евдокимово Дмитро-Титовской волости Барнаульского у. (похоронен в с. Хмелевка Алтайского края в братской могиле).**

Из семьи крестьян. Работал в хозяйстве отца, самоучка. В 1900 призван в армию. Воевал на Русско-японской войне 1904–1905, за храбрость и отвагу был награжден Георгиевскими крестами, получил звание фельдфебеля. В 1907 вернулся домой, работал продавцом в казенной винной лавке. В 1914 остался без работы, родственники помогли ему построить дом и обзавестись хозяйством. По мобилизации, в связи с началом Первой мировой войны 1914–1918, был призван в армию. Служил в железнодорожном батальоне в звании зауряд-прапорщика. В 1917 вернулся на родину. После Февральской революции 1917 неоднократно менял свои политические взгляды: эсер, после Октября 1917 – большевик, затем анархист. Избран от Маринской волости членом губернского земельного комитета алтайской губернии (начало 1918). Был делегирован на первый Кузнецкий съезд Советов. На нем заявил о поддержке анархистов. Летом 1918 в родном селе Жуланиха вначале организовал боевую группу, а затем партизанский отряд для борьбы против Временного Сибирского, а затем колчаковского правительств. Ко второй половине 1919 под командованием Рогова находилось в Причумышье до 5 тысяч партизан. Ими было освобождено 18 волостей на правобережье Оби. Под Сорокино партизанами был разбит отряд поручика Романовского в 1500 бойцов, под Зыряновкой эскадрон голубых улан атамана Анненкова численностью в 700 человек, а также был разгромлен сильный гарнизон белых в с. Тогул, имевший в своем составе более тысячи солдат и офицеров. Действия партизан отрядов, подчиняющихся Рогову нередко сопровождалось различными противоправными действиями в отношении гражданского населения. 12.12.1919 двухтысячный объединенный отряд Г. Ф. Рогова и И. П. Новоселова вошел в Кузнецк. В городе началась «чистка», сопровождавшаяся казнями, реквизициями и экспроприациями. И сегодня цифры убитых и ограбленных горожан колеблются от 12 до нескольких сот человек, крайне противоречивы показания очевидцев событий и тех, кто услышал о них через вторые руки. Были подожжены местная тюрьма, Спасо-Преображенский собор, Одигитревская церковь. После отступления роговцев из Кузнецка под напором колчаковских войск, последние, войдя в город, продолжили чинить противоправные действия, разграбив и разрушив то, что не успели партизаны. 21.12.1919 отряд Рогова вступил в Щегловск (в это время под его командованием до 10 тысяч человек, на их вооружении имелись десятки станковых и ручных пулеметов и два орудия). Натолкнувшись на ожесточенное сопротивление колчаковцев, пробивавшихся на Восток, партизаны



оставили город. По приказу Реввоенсовета 5-й армии 25.12.1919 Рогов во главе своих отрядов должен был войти в подчинение командиру 35-й дивизии Нейману. Однако он отказался выполнять этот приказ. 25.12.1919 Рогов был арестован и отправлен из Щегловска в Кузнецк для разбора его преступлений перед местным населением. Вскоре он был отправлен под конвоем в Новониколаевск. В тюрьме Новониколаевска был избит в ЧК, однако уже в феврале 1920 был выпущен на свободу, получив из партийной кассы новониколаевских большевиков 10 тысяч рублей в знак признания его заслуг перед революцией. Освобождению Рогова способствовали действия анархистов и бывших партизан, которыми он командовал. Во время выборов в Советы в с. Жуланиха анархистами был созван съезд бывших партизан-роговцев под предлогом сбора средств на покрытие издержек по освобождению Рогова из заключения. Анархисты заручились поддержкой и его самого, т. к. он поддержал их лозунги и программу действий. Массовая кампания в защиту Рогова, развернувшаяся в Причерноморском крае, заставила представителей Советской власти вести себя иначе по отношению к весьма известному и популярному партизанскому командиру. От вступления в ряды большевистской партии и предложенной работы в советских органах он отказался. После освобождения заболел тифом и уехал лечиться в родную Жуланиху. Некоторое время был в стороне от политики. После выздоровления открыто выражал недовольство политикой советской власти в отношении бывших партизан и крестьянства. В конце апреля 1920 в районе деревень Жуланиха и Мироновка стали сосредотачиваться группы бывших партизан, находившихся под влиянием анархистов и Рогова. 1 мая в Жуланихе состоялся митинг на котором присутствовало около 1000 партизан. Было поднято красное знамя и черное с надписью «Анархия – мать порядка!». По инициативе Новоселова была создана региональная анархистская организация Федерация алтайских анархистов (ФАА). В деятельности Боевой комиссии ФАА принял участие и Рогов. В конце мая Новоселов и рогов объединили свои отряды, однако в серии боев в июне объединенные силы повстанцев были рассеяны на небольшие группы, которые скрылись в тайге. Утром 3.07.1920 Рогов был обнаружен на сеновале у кулака Е. Тагильцева. На предложение сдаться властям не реагировал, был ранен и застрелился. По другой версии, его застрелил прибывший сюда председатель Дмитро-Титовского волревкома. Произошло это событие в с. Евдокимово Дмитро-Титовской волости Барнаульского уезда. Похоронен Рогов был в с. Хмелевка Алтайского края в братской могиле.

#### Литература

Егоров Г. В. Крушение Рогова: повесть. М., 1965 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в. Ч. 2 ;

Партизанское и повстанческое движение в Причумышье (1918–1922 гг.). Барнаул, 1999 ; Сибирская Вандея / сост. В. И. Шишкин Новосибирск, 2000. Т. 1: 1919–1920.

**Самсонов (Бабний) Тимофей Петрович (прозвище: Фома) – 9.05.1888, с. Михайляны Бессарабская губ. 28.10.1955, Москва, Новодевичье кладбище.**

Родился в украинской крестьянской семье. До 1902 учился в 3-х классной начальной земской школе. В 1906 закончил 3 класса Хотинского уездного училища. Учился и в Хотинском реальном училище. С сентября 1902 до октября 1906 работал в хозяйстве отца. С 1906 член РСДРП, в 1907– до февраля 1919 анархо-синдикалист. Впервые арестован в сентябре 1906, сидел в тюрьме Хотина (октябрь 1906 – январь 1907), был выпущен под залог. После освобождения продолжал заниматься революционной деятельностью, создал летучий отряд анархистов «Разрушай и созидай». Жил на нелегальном положении в Каменец-Подольске. Вторично арестован в Хотине в декабре 1907. В Хотинской тюрьме познакомился с Г. И. Котовским. С января 1908 по 1909 сидел в тюрьме в Каменец-Подольске. Одесским судом осужден в мае 1909 на 5 лет тюрьмы и вечную ссылку в Сибирь. Последовательно отбывал наказание в Александровском центре в Красноярске и Иркутске до июля 1910. Ссылку отбывал в Киренском уезде. С июля 1910 до августа 1914 работал плотником, грузчиком, горным рабочим. С 1914 проживал в Бодайбо, где был арестован за антигосударственную деятельность среди ссыльных. Был вскоре освобожден, перебрался на жительство во Владивосток где работал с августа 1914 до февраля 1915 грузчиком. В 1915 бежал оттуда в Китай, далее проследовал в Японию, Индию, Алжир, Испанию и добрался до Англии. Жил в Ливерпуле. Работал в порту (с июня 1915 до апреля 1917) грузчиком. Являлся одним из организаторов «Союза русских моряков», участвовал в местном профсоюзном движении, член анархо-коммунистической организации. Сотрудничал в журнале «Рабочее знамя». В апреле 1917 арестован в Ливерпуле после выступления на митинге. Сидел в местной тюрьме (апрель–октябрь 1917), был осужден на 6 месяцев каторжных работ, которые были заменены ему высылкой из Англии. В октябре 1917 вернулся в Россию. Был арестован в Архангельске местными властями и отправлен на Урал (Челябинск). Работал председателем Биржи труда. Был избран в Челябинский Совет. Являлся одним из руководителей Октябрьского восстания в Челябинске. 12.04.1918 арестован чекистами в Москве во время разгрома московских анархистских организаций. Вскоре после освобождения вступил в ряды РККА. С февраля 1919 член РКП (б). Работал в Регистрационном отделе 3-й армии Восточного

фронта. С 1919 Самсонов начальник Особого отдела ВЧК 3-й армии Восточного фронта, затем начальник Особого отдела и член коллегии Московской губернской ЧК. В 1919–1920 исполнял обязанности начальника Регистрационного отдела Полевого штаба РВСР. Член Президиума ВЧК с 1920 до 6.02.1922. С 1920 по 1923 – начальник секретного отдела ВЧК при СНК РСФСР (в дальнейшем ГПУ НКВД РСФСР, ОГПУ при СНК СССР). Участвовал в раскрытии белогвардейского заговора В. Н. Таганцева в Петрограде (1921), в ликвидации Антоновского мятежа в Тамбовской губернии. Награжден орденом Красного Знамени (1921). В должности Особоуполномоченного ОГПУ СССР был направлен в Минеральные Воды где находился с июня по декабрь 1923. Специализировался в советских карательных органах по борьбе с анархистами. Далее переведен на хозяйственную и партийную работу. В 1923 до апреля 1924 являлся заместителем председателя правления Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги. В 1924–1927 начальник отчетно-ревизионного отдела ВСНХ СССР. Будучи (с 25.02.1927 – 19.03.1935) управляющим делами ЦК ВКП (б), одновременно (19.06.1932 – 10.03.1934) был заведующим Учетным отделом ЦК РКП (б). С июня 1935 по июнь 1936 Самсонов исполнял обязанности директора АО Межрабпомфильм. С 1.09.1936 по 1.12.1937 вернулся к хорошо знакомой ему работе – управляющий делами Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Затем с 1.12.1937 находился в распоряжении ЦК ВКП (б). В 1938 арестован, однако осужден не был и в 1940 освобожден. По другим данным с 19.02.1938 до июня 1939 исполнял обязанности директора издательства АН СССР. В июне-октябре 1939 находился в распоряжении МК ВКП (б). С октября 1939 до июля 1942 возглавлял Московский протезный завод, который в годы войны выпускал гранаты. С июля 1942 до декабря 1944 являлся заместителем директора Всесоюзной книжной палаты, с декабря 1944 до июля 1945 – политическим редактором Главлита Наркомпроса РСФСР, с августа 1945 до июня 1949 – заведующим отделом классиков марксизма-ленинизма Госполитиздата. Последним местом работы Самсонова стала должность помощника директора Государственного издательства политической литературы по кадрам (с июня 1949 до 1955). В возрасте 67 лет в 1955 вышел на пенсию и через 2 месяца умер. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

### Сочинения

Вне закона. М., 1933.

### Литература

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 522; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность : Демоническое. История уголовно-политического террора в биографиях. М.,

2003 ; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921 ; Архив ВЧК. М., 2007 ; Кучков Г., Плеханов А. Чекисты: история в лицах. М., 2008 ; Симбирцев И. ВЧК в ленинской России, 1917–1922: в заре революции. М., 2008 ; Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР, 1917–1923. М., 2011 ; Яковлева М. А. МЧК: московские чекисты. М., 2011 ; Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012.

**Строд Иван Яковлевич – 29.03.1894, г. Люцин (Лудза) Витебской губ. 19.08.1937, Москва, Донское кладбище.**

Из семьи военного фельдшера. Окончил церковно-приходскую и трехклассную городскую школу. К 18 годам получил полное среднее образование. После начала Первой мировой войны 1914–1918 добровольцем ушел на фронт. Полный Георгиевский кавалер, получил чин прапорщика. После Октябрьских событий 1917 вернулся на родину, но после оккупации Прибалтики немецкими войсками вынужден был бежать в Советскую Россию. В 1918 вступил в РККА. С апреля по август воювал с чехословаками и войсками атамана Г. М. Семенова в Восточной Сибири и Забайкалье, стал командиром одного из отрядов РККА. С группой руководителей Центросибири во главе с Н. Н. Яковлевым уходит в якутскую тайгу. Отряд был разбит казачьим отрядом белогвардейцев. Чудом уцелев, Строд оказался в якутской тюрьме. Эсеровское руководство Якутской области, разочаровавшееся в политике правительства адмирала А. В. Колчака, привлекло Строда и его товарищей к свержению колчаковской власти в Якутии. В декабре 1919 он стал командиром кавалерийского дивизиона в 300 сабель, помогает устанавливать Советскую власть в других районах Восточной Сибири. Весной 1920 командовал батальоном, а затем полком в дивизии «дедушки» Н. А. Каландаришвили. Анархист-коммунист как и почти все ближайшее окружение знаменитого сибирского командира. Участвовал в боях с японскими интервентами, унгерновцами и семеновцами. За бой при станции Ульхунская 27.10.1920 был награжден орденом Красного Знамени. Совершил со своим отрядом длительный поход до Читы. По поручению Сибирского Революционного комитета принял участие в работе Учредительного съезда буферной Дальневосточной республики (ДВР). Служил в различных воинских формированиях Народно-освободительной армии ДВР. После изгнания японских интервентов и ликвидации в 1922 ДВР все ее вооруженные отряды влились в ряды РККА. В декабре 1921 Реввоенсовет 5-й армии направил Строда на ликвидацию вспыхнувшего в Якутии белогвардейского мятежа под руководством М. Коробейникова. Строд был назначен начальником го-



ловного эшелона 2-го Северного отряда командующего вооруженными силами Якутской губернии и Северного края Н. А. Каландаришвили. После его гибели, Строд принял командование отрядом, получившим имя Каландаришвили. Его отряд разгромил белогвардейских повстанцев под Якутском в хаптагайском и тулагинском боях, освободил осажденный красный гарнизон Амганска, ликвидировал белоповстанческое движение во главе с П. Павловым в Вилюйском округе. Военный талант Строда наиболее ярко проявился в ликвидации дружины генерала А. Пепеляева в урочище Сасыл-Сысы (Лисья поляна) неподалеку от слободы Амга (с 3.02. по 2.03.1923). Это сражение стало последним в истории Советской России крупным сражением Гражданской войны. За одержанную победу Строд был награжден вторым орденом Красного знамени, золотым, персонально для него изготовленным нагрудным знаком ЦИК ЯАССР и серебряной шашкой с золотой надписью «Герою Якутии». Однако неоднократные попытки свергнуть Советскую власть предпринимались и в других районах Восточной Сибири и Строд, командуя оперативным кавалерийским отрядом участвовал в ряде более мелких по масштабу сражениях с белоповстанцами. После разгрома осенью 1923 г. считавшегося несколько лет неуловимым в Приангарье и верховьях Лены белопартизанского отряда бывшего фронтового офицера Д. П. Донского, Строд был награжден третьим орденом Красного Знамени (всего же в стране за годы Гражданской войны и в 1920-х тремя орденами Красного Знамени был награжден 51 человек!). При этом он был весьма умелым дипломатом и переговорщиком, сохраняя жизни своим бойцам. Зимой 1924–1925 во время Тунгусского восстания, командуя маневренной группой Аяно-Нельканского направления, уговорил сдаться повстанцев М. К. Артемьева. В 1927–1928 гг. его ушлышали и сдались федералисты. При этом Строд нарушил секретный приказ ОГПУ «инсценировать» якобы имевшуюся со стороны федералистов открытую вооруженную борьбу против Советской власти для последующих жестоких карательных действий. В 1924 Строд окончил в Москве курсы комсостава «Выстрел». Продолжил обучение в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Не поддерживая длительное время связь с анархо-коммунистами, в 1927 вступил в ряды ВКП (б). Командовал рядом воинских частей РККА. В 1927 по состоянию здоровья был уволен из Красной армии (8 боевых ран, из них 5 тяжелых на протяжении Гражданской войны). Сосредоточился на писательской деятельности. Для работы с архивами Сибири добился направления в Томск. Получил должность руководителя городского Осоавиахима, а затем возглавил Томский Дом Красной армии. Как герой Гражданской войны получил статус персонального пенсионера РККА. В ряде длительных командировок



собирал литературный материал для своих повестей-воспоминаний. Являлся одним из ярких писателей-баталистов СССР. 4.02.1937 был арестован по обвинению в деятельности антисоветской террористической организации. 19.08.1937 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 23.07.1957 ВКВС СССР. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

#### Сочинения

Из эпохи Гражданской войны в Восточной Сибири // Пролетарская революция. 1926. № 5. С. 74–93 ; Унгерновщина и семеновщина (1920–1921) // Пролетарская революция 1926. № 9. С. 98–150 ; В тайге. М.; Л., 1928 ; В тайге. 2-е изд. М., 1931 ; В Якутской тайге. М.; Л., 1930 ; В Якутской тайге. 2–4-е изд. М., 1932–1934 ; В Якутской тайге. М., 1961. Серия «Военные мемуары» ; В Якутской тайге. Якутск, 1973 ; В Якутской тайге. Минск, 1914.

#### Литература

Томский В., Пестун И. Сасыл-Сысыы. Якутск, 1925 ; Потапов С. Герои Гражданской войны в Якутии. Якутск, 1931 ; Его же. Конец пепеляевщины. Якутск, 1932 ; Вишневецкий Е. К. Аргонавты белой мечты. Харбин, 1933 ; Петров П. У. Разгром пепеляевской авантюры. Якутск, 1955 ; Чемезов В. Н. Строд. Якутск, 1973 ; Алдан-Семенов А. И. Поход за последним «тигром». М., 1975 ; Кожевин В. Е. Боевые соратники Каландаришвили. Улан-Удэ, 1975 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 569 ; Симченко Ю. Навязанное счастье // Родина. 1990. № 10 ; Петрушин А. Омск, Аян, Лубянка... Три жизни генерала Пепеляева // Родина. 1996. № 19. С. 59–63 ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность ; Пестерев В. И. История Якутии в лицах. Якутск, 2001. С. 207–209 ; Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М., 2002 ; Юзефович Л. А. Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии, 1922–1923. М., 2015.

**Тряпицын Яков Иванович 28.04.1897, д. Саваслейка (Савастлейка) Муромского у. Липинской волости Владимирской губ. 9.07.1920, с. Керби, братская могила.**

Из семьи крестьян. Закончил четырехлетнюю сельскую земскую школу с похвальным листом. В 1915 работал помощником машиниста на паровозе во внутризаводском депо судоверфи «Мордовщик» Кулебакского горного завода Коломенского машиностроительного общества. В мае 1916 призван на военную службу. 3.06.1916 зачислен рядовым в 1-ю роту запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка в Петрограде. Находясь в столице сочувствовал местным анархистам, попав под обаяние их лозунгов. Убыл в

действующую армию в апреле 1917. Принял участие в летних боях 1917, получил звание ефрейтора, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (других наград и офицерского чина прапорщика не имел, его поздние рассказы об этом – неправда. В октябрьских событиях 1917 он никакого участия также не принимал, т. к. находился в это время на фронте). В апреле-мае 1918 после демобилизации, будучи в Москве в гостях у сестры, очевидно посещал мероприятия Московской Федерации Анархистских Групп (МФАКГрупп), вероятно, сблизился с анархистами, наблюдал разгром анархистских отрядов Черной гвардии большевиками 11–12 апреля 1918. Тряпицын возвратился на родину и все лето 1918 провел в Саваслейке. Прибыв в Омск в то время когда к власти пришел адмирал А. В. Колчак, в декабре 1918 скрылся из города и по железной дороге проследовал св сторону Дальнего Востока. В Иркутске был задержан местными властями, но вскоре освобожден (по другим данным бежал из тюрьмы). Выехал во Владивосток к другой своей сестре. Работал в порту грузчиком, сблизился с местными анархистами (анархисты из Владивостока будут «старожилами» его отряда на Амуре). Документальных свидетельств о том, что он тоже являлся анархистом (есть только косвенные) нет. В конце мая-начале июня уходит в тайгу к партизанам. Точных сведений о том где он воевал до конца 1919 в настоящее время не имеется. Появился в конце 1919 в районе станции Верено, был участником партизанской конференции в Анастасиевке (12 ноября 1919). После преобразования партизанской армии в регулярную Красную армию Николаевского фронта, был создан штаб, который и возглавил Тряпицын. В его составе было несколько полков, включая и Анархо-коммунистический полк в с. Личи (здесь размещался штаб армии). В январе 1920 Тряпицын направил парламентаров для недопущения кровопролития при захвате Николаевска-на-Амуре, однако они были убиты японцами и белогвардейцами. Вскоре (февраль 1920) японцы вынуждены были подписать соглашение о нейтралитете и части Красной армии вошли в город. В ночь с 11. на 12.03.1920 японцы вероломно напали на органы Советской власти, командование и воинские части Николаевского фронта, расквартированные в Николаевске-на-Амуре. В результате этого нападения Тряпицын был тяжело ранен, его заместитель Мизин и начальник штаба Наумов были убиты. Сотни бойцов армии и мирные жители города были убиты и ранены. Через несколько дней, благодаря помощи прибывших в город свежих партизанских сил, бой закончился победой Красной армии. К вечеру 14.03.1920 главные японские силы были разгромлены. Почти вся японская колония (834 человека) была истреблена русским населением и партизанами в ходе боев в Николаевске-на-Амуре. События в Николаевске явились репетицией для скоординированного вероломного нападения японских оккупационных

войск на Дальнем Востоке в ночь с 4 на 5.04.1920 на органы Советской власти и военные гарнизоны Дальневосточной республики (ДВР). Несмотря на несогласие Тряпицына с решением о создании ДВР, 22.04.1920 согласно приказу Главнокомандующего Народно-революционной армией Г. Х. Эйхэ, он был назначен командующим Охотским фронтом, который оказался в изоляции от основных вооруженных сил ДВР. 13.05.1920 был создан Военно-революционный штаб, которому была передана вся полнота власти. Согласно приказу Эйхэ из Николаевска должна была быть проведена эвакуация всех кто имел отношение к борьбе против белогвардейцев и японцев, чтобы не допустить военного столкновения с японской армией. Выполняя приказ, Тряпицын вместе со штабом приняли решение эвакуировать русское население Николаевска-на-Амуре в с. Керби и уничтожить Николаевск и крепость Чныррах, чтобы не допустить зверств японской армии по отношению к мирному населению города. До начала массовой эвакуации (23.05.1920 – 30.05.1920) под патронажем китайского консула удалось эвакуировать иностранцев (англичан, поляков, китайцев и т. д.). По приказу Тряпицына после проведенной эвакуации были казнены все японские военнопленные, уничтожены обыватели города по цензу «благонадежности» и социальной принадлежности, а также несогласные с действиями Тряпицына партизаны. В результате эвакуации в тайгу части населения города погибли почти все дети в возрасте до 5 лет. В ночь с 31.05, на 1.06.1920 многие здания Николаевска-на-Амуре были подожжены или взорваны, как и укрепления крепости Чныррах. 3.06 город покинул и сам Тряпицын со своим штабом, командирами полков и работниками органов Советской власти в Сахалинской области. В результате заговора (во главе его стоял бывший белогвардейский офицер И. Т. Андреев, член Исполкома и начальник Сахалинской областной милиции. По другим данным ликвидация «Тряпицынщины» было делом рук самих партизан, инициируемая большевистскими спецслужбами) Тряпицын и члены его штаба, а также многие командиры его армии были арестованы и преданы скорому суду. Подсудимые были лишены судебной защиты и приговорены к высшей мере простым голосованием 9.07.1920 за содеянное в Николаевске-на-Амуре и его окрестностях. После расстрела Тряпицын был похоронен в братской могиле в с. Керби.

### Литература

Памяти кербинских мучеников (Трагедия тайги): сборник, посвященный годовщине казни товарищей 9 июля 1920 г. Благовещенск, 1921 ; Жук-Жуковский И. И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Чита, 1922 ; Бузин (Бич) Д. С. Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура 1919–1920 гг. // Революция на Дальнем Востоке. М.: Пг., 1923. Вып. 1 ; Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918–1920 гг. Чита-

Владивосток, 1923 Кн. 1 ; Володин М. Трагедия Николаевска-на-Амуре. Анархический вестник. Берлин, 1923 ; Партизаны. Три года героической борьбы рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1923 ; Ауссем О. Х. Николаевская-на-Амуре коммуна 1920 г. // Пролетарская революция. 1924. № 5 [28] ; Гутман А. Гибель Николаевска-на-Амуре, страницы из истории гражданской войны на Дальнем востоке. Берлин, 1924 ; Дальспарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток, 1922 Кн. 1 ; Там же. Кн. 2. Владивосток, 1924 ; Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье 1918–1920 гг. Л., 1928 ; Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток. Л., 1928 ; Гревс У. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). М., 1932 ; Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. М.: Хабаровск, 1933 ; Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934 ; Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. док. Владивосток, 1955 ; Днепровский С. По долинам и по взгорьям: Воспоминания участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1956 ; Григорьевич С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922). М., 1957 ; Победа советской власти на северном Сахалине (1917–1925): сб. документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959 ; Малышев В. П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961 ; Ильюхов Н. К., Самусенко И. П. Партизанское движение в Приморье. 1918–1922. М., 1962 ; Беликова Л. И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Приморская организация РКП (б) в 1917–1922 гг. Хабаровск, 1967 ; Ее же. К вопросу о партизанском движении в низовьях Амура (1919–1920 гг.) // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого экстремизма» (1903–1930 гг.). Калинин, 1978 ; Красный остров: воспоминания, очерки, док. о борьбе за власть Советов на Амуре 1918–1922 гг. Хабаровск, 1967 ; Агеев А. В. Амурские партизаны: очерк по истории партизанского движения в Амурской области 1918–1920 гг. Благовещенск, 1974 ; Очерки истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.). Хабаровск, 1979 ; Безрукова А. В. Банкротство анархизма на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и Гражданской войне. М., 1980 ; Шурыгин А. П. Борьба коммунистов против анархистов и эсеров-максималистов в низовьях Амура // За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989 Вып. 4 ; Левкин Г. Яков Тряпицын: герой или бандит? // Гипотеза. 1993. № 5–6 ; Его же. Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999 ; История Востока: в 6 т. М., 1995 Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.) ; Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность; Дальний Восток России в период революций 1917 г. и



гражданской войны: сб. науч. ст. Владивосток, 1998 ; Клипель В. Тряпицынщина // Дальний Восток. 1999. № 5–6. С. 246–269 ; Воронкова Е. Тряпицын – не Кутузов, но город сжег: Николаевск-на-Амуре в 1920 г. // Аргументы и факты. 2000. 31 мая (№ 22). Приложение «АиФ-Дальинформ» ; Фуфыгин А. Н. Яков Тряпицын и Иван Андреев: жертва и палач? // Вестник Сахалинского музея. 2001. № 8. С. 161–181 ; Емельянов К. А. Люди в аду: к 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре. Владивосток, 2004 ; Последние бои на дальнем Востоке: сборник / сост. С. В. Волков. М., 2005 ; Смоляк В. Г. Николаевский инцидент // Тихоокеанская звезда. 2008. 3 июля ; Его же. Междоусобица. Хабаровск, 2009 ; Словинский Д. Николаевские дни // Хлебниковские чтения. Комсомольск-на-Амуре, 2010. Вып. 1: Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия» ; Нелюбова С. Н. События гражданской войны на Нижнем Амуре глазами очевидцев // Четвертые археологические научные чтения имени В. И. Чернышевой: Дальний Восток России: историческое наследие и современность. Хабаровск, 2012 ; Пак В. Земля вольной надежды: Тревожные годы Приморья (1917–1922 гг.). Свидетельства эпохи. Владивосток, 2013 ; Птицын С. А. Николаевск в 20-м: Воспоминания партизана. Хабаровск, 2013 ; Гребенник Н. Г. Исчезнувший город // Музейные вести. 2014. № 42. С. 21–23 ; Елисеенко А. Г., Мармышев А. В. Суд над террором: партизан Яков Тряпицын и его подручные в материалах судебного заседания // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне. С. 700–718 ; Николаевск-на-Амуре. Страницы истории: сб. архивных док. об истории развития города Николаевска-на-Амуре. Хабаровск, 2015 ; Кривенький В. В., Малафеева Е. Г., Фуфыгин А. Н. Яков Тряпицын без легенд: новые данные о судьбе партизанского командира // Acta eruditorum. 2018. Вып. 26. С. 126–129.

**Фурманов (Фурман) Дмитрий Андреевич 26.10.1891, с. Серда Средской волости Нерехтского у. Костромской губ. (ныне г. Фурманов Ивановской обл.) – 15.03.1926, Москва, Новодевичье кладбище.**

Родился в семье крестьян Ярославской губ. позже приписанной к мещанскому сословию (отец владел кабаком). Обучение проходил в городском училище и торговой школе Иваново-Вознесенска, затем в Кинешме в реальном училище (1909–1912). Сдал экстерном экзамен по латинскому языку и в 1912 поступил на юридический, затем по переводу на историко-филологический факультет (словесное отделение) Московского университета. Закончил университет в 1915, но выпускных экзаменов не сдавал. В 1915 добровольцем ушел на службу братом милосердия РОКК (Российского общества Красного креста) на санитарных поездах Земского союза.



Побывал на Кавказском, Западном и Юго-Западном фронтах. Демобилизовался в октябре 1916. Поселился в Иваново-Вознесенске, устроился на работу преподавателем рабочих курсов. С 1910 начинает и ведет до конца жизни (никогда с ним не расставаясь) дневник. С 1912 печатается. Дневниковые записи Фурманова станут литературной основой для его публицистической и литературной деятельности в период Гражданской войны. В 1917 по своим политическим взглядам социалист-революционер, максималист, а затем анархист (возглавляет группу местных анархистов). В августе 1917 стал секретарем Штаба революционных организаций Иваново-Вознесенска. Избран в Совет города, стал заместителем его председателя. После знакомства с М. В. Фрунзе, летом 1918 вступает в РКП (б), становится его ближайшим соратником. С ноября 1918 исполняет обязанности порученца у Фрунзе. С февраля 1919 направлен в составе отряда (полка) иваново-вознесенских рабочих на Восточный фронт. с 25.03. по 30.07.1919 исполнял обязанности комиссара 25-й стрелковой (Чапаевской) дивизии. Незадолго до гибели комдива переведен в Туркестан из-за конфликта с В. И. Чапаевым на почве ревности (роман Чапаева с женой Фурманова Анной Стешенко). Исполнял обязанности начальника Политуправления Туркестанского фронта (август 1919 – сентябрь 1920), уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта по Семиречью (с конца 1919), а затем в Верхнем (Алма-Ата) с 6.06.1920 оказался в центре событий, связанных с ликвидацией стихийного военного мятежа (12–19.06.1920). Будучи комиссаром десантного отряда Е. И. Ковтюха, участвует в военной операции по разгрому врангелевского десанта генерал-лейтенанта С. Г. Улагая на Кубани (28.08. – 5.09.1920). В ходе военной операции был сильно контужен. Был награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем исполнял обязанности начальника Политуправления 9-й Кубанской армии. В июне 1921 приезжает в Москву, работает в литературно-издательском отделе Политуправления Реввоенсовета. Назначен членом Высшего военно-редакционного Совета. Заведует редакцией журнала «Военная наука и революция» (с ноября 1921), параллельно завершает свое филологическое образование (1924) в Московском университете (закончил факультет общественных наук 1-го МГУ), получив диплом о высшем образовании. Политредактор, затем редактор отдела современной художественной литературы в Государственном издательстве (с сентября 1923). Пишет пьесу «За коммунизм», повести «Записки обывателя», «Красный десант». В феврале из печати вышел «Чапаев», не получивший авторского жанрового определения. В 1923 в Краснодаре вышла повесть «В восемнадцатом году». Последним завершенным произведением писателя стал очерковый цикл «Морские берега» (август-октябрь 1925). В 1923 Фурма-

нов вступил в члены МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей). Вскоре стал одним из организаторов и руководителей МАППа, а затем РППА (Российской ассоциации пролетарских писателей). Подвергался травле со стороны рапповской верхушки. Его обвиняли в «правом уклоне» и мягкотелости по отношению к попутчикам и т. д. Скоропостижно скончался от менингита 15.03.1926, явившегося осложнением после гриппа. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

#### Сочинения

Отчего мы стали анархистами // Рабочий край. Иваново-Вознесенск. 1918. 9 апр. (№ 29) С. 3 ; Анархисты и советская организация // Рабочий край. Иваново-Вознесенск. 1918. 26 апр. № 44. С. 2–3 ; Путь к большевизму, 1917–1918 (Иваново-Вознесенск): дневник. Л., 1927 ; Дневник: (1914–1915–1916) / под ред. А. Фумановой. М.; Л., 1929 ; Из дневника писателя / под ред. А. Фурмановой: предисл. Н. Плиско. М., 1934; Собрание сочинений: в 4 т. М., 1960–1961.

#### Литература

Серебрянский М. Дмитрий Фурманов. Л., 1936 ; Наумов Е. Д. А. Фурманов: Критико-биографический очерк. М., 1954 ; Д. А. Фурманов: Летопись жизни и деятельности. Биография. Материалы // Ученые записки Ивановского педагогического института. Иваново, 1963 Т. 32 ; Черников В. М. Новое о Фурманове. Саратов, 1965 ; Куприяновский П. В. Художник революции: О Дмитрие Фурманове. М., 1967 ; Исбах А. А. Фурманов. М., 1968 ; Фурмановский сборник. Иваново. 1973. № 1 ; Русская литература XX в. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиогр. слов. в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 594–598.

**Черный Лев** (настоящая фамилия и имя: Турчанинов Павел Дмитриевич) (псевдонимы: Г. А. Всеволожский, Л. Л. Черный, Павел) – 16.02.1878, Смоленская губерния (по другим сведениям – в Воронеже) – 27.09.1921, Москва.

Из дворян, сын отставного полковника. Учился в гимназии г. Рославль Смоленской губ. (1891–1896). Был исключен после окончания 5-ти классов за плохое поведение. С 1896 по 1899 учился в Черниговской гимназии. С 1899 студент медицинского факультета Московского университета. Участник студенческого движения с конца 1890-х. В 1901 решением Совета отчислен из университета за организацию студенческой демонстрации против введения «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений». Сослан под гласный надзор полиции в Рославль на три года. Однако уже летом 1901 вместе с

В. Фридолиным вел пропаганду среди рабочих железнодорожных мастерских, распространял листовки революционного содержания среди крестьян Рославльского и Ельнинского уездов. Вместе с И. Гинцбургом и М. Ривкиным создал в Рославле (конец 1901) революционный кружок эсеровского толка «Группу Рославльских интеллигентов». Летом 1902 арестован и привлечен к дознанию при Смоленском губернском жандармском управлении за распространение революционных воззваний среди рабочих и крестьян. Содержался в Рославльской тюрьме. Находясь в заключении разработал основные принципы своей оригинальной теории революционной борьбы («ассоциационного анархизма»), близкой идеям анархо-индивидуализма, которая предусматривала систематический террор как главное средство борьбы с самодержавием, детально проработал анархистское общество будущего, противопоставление политической ассоциации государству, обществу и т. д. По решению суда выслан в 1903 на 6 лет в Восточную Сибирь. Амнистирован после 17.10.1905 в связи с подписанием Императором Николаем II «Манифеста 17 октября». С конца 1905 в Москве. Установил связи с местными анархистами, создал вместе с женой Н. Егудиной «Московскую группу анархистов-ассоциационистов», пытаюсь в условиях начавшейся революции на практике осуществить собственные идеи. В начале 1907 была издана основная теоретическая работа Черного: «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм». Арестован с паспортом на имя Г. А. Всеволожского в ночь на 1.04.1907 в связи с ликвидацией полицией группы анархистов-ассоциационистов. Содержался в Сущевском полицейском доме до 14.05.1907, затем в Бутырской тюрьме. 17.08.1907 по решению суда был выслан на 4 года в Туруханский край. Уже в декабре 1907 сбежал с места ссылки в Москву, но в апреле 1908 был вновь арестован и направлен к прежнему месту ссылки. В октябре 1908 вновь бежал из ссылки, однако через две недели был задержан и сослан в д. Осиново. Настойчиво пропагандировал среди ссыльнопоселенцев и местных крестьян свои идеи ассоциационного анархизма. Являлся одним из создателей (декабрь 1908) «коммуны боевиков», которая должна была совершать экспроприации, организовывать отпор администрации и организовывать побег из ссылки. Вспыхнувший в начале 1909 бунт заключенных в Туруханском крае поддержал, но активного участия в организации побега ссыльных не принимал. Несмотря на это 3.02.1909 арестован в д. Осиново и заключен в Енисейский тюремный замок. Однако несмотря на это не был привлечен к делу о бунте даже как свидетель. В 1910 освобожден (по другим данным сбежал за границу). Работал шофером такси в Париже (с начала ноября 1910 до 1913). В 1913 был амнистирован, возвратился в Россию, служил в москов-

ском уездном земстве (по другим данным проживал в Париже вплоть до Февральской революции). После Февральской революции 1917 являлся одним из организаторов «Федерации работников умственного труда», которая ставила своей целью объединение интеллигентного пролетариата, член ее газеты «Клич». Секретарь Московской Федерации анархистских групп (с марта 1917). Летом 1917 вошел в Федерацию анархистских Групп Москвы (ФАГМ), один из ее лидеров и член секретариата (в 1918 – член Совета ФАГМ). Крайне негативно встретил приход большевиков к власти, негативно высказывался в адрес Советов и большевистского правительства. Много писал и свои работы публиковал в различных изданиях (сотрудник газеты «Анархия»), читал большое число лекций по истории и теории анархизма. Возглавил движение по созданию в Москве отрядов «Черной гвардии». Во время ликвидации ЧК отрядов «Черной гвардии» и центров анархистского движения в столице 12.04.1918 был арестован и вместе с другими идейными анархистами некоторое время содержался в Бутырской тюрьме, а затем был освобожден. Арестован в ноябре 1919 по подозрению в причастности к анархистской подпольной деятельности, приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. Освобожден в январе 1921, вернулся в Москву где стал лидером небольшой группы анархистов-ассоциационистов. В конце августа 1921 по трудно проверяемым данным ВЧК якобы «организовал группу грабителей и фальшивомонетчиков», был арестован и вскоре вместе с 9-ю арестованными вместе с ним анархистами 27.09.1921 расстрелян. Ряд свидетельств, а также сам характер следствия и процесса над Черным и его соратниками указывает на то, что это была тщательно подготовленная и исполненная провокация со стороны большевистских карательных органов.

### Сочинения

Новое направление в анархизме : ассоциационный анархизм. М., 1907 ; Новое направление в анархизме... с биографическим очерком автора. Нью-Йорк, 1923 ; Аграрный вопрос в 21 тезисе // Анархия. 1918. 3 марта (№ 10). С. 3 ; Государство и анархия // Анархия. 1918. 5 марта (№ 11). С. 2–3; 6 марта (№ 12). С. 2–3; 7 марта (№ 13). С. 2–3; 12 марта (№ 16). С. 2–3; 15 марта (№ 18). С. 3; П. А. Кропоткин // Сборник статей, посвященный памяти П. А. Кропоткина. Пг., 1922 ; О классах. М., 1924.

### Литература

МВД. Департамент полиции. Обзор революционного движения в России. СПб., 1909 ; Ветлугин А. Анархисты. Авантюристы гражданской войны. Париж, 1921 ; Горелик А., Комов А., Волин Гонения на анархизм в Советской России. № 1. Берлин, 1922 ; «Саша-Петр». Убийство Л. Чер-



ного и большевики: к двухлетию расстрела его чрезвычайной // Волна. 1923. № 46 ; Худолей В. Воспоминания анархиста // Там же ; Отверженный Н. Главные течения в анархической литературе XX в. // М. Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926 ; Ермаковский Д. Туруханский бунт. Записки участника. М.; Л., 1930 ; Хазиахметов Э. Ю. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск, 1978 ; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920. М., 1978 ; Лев Черный. Биографическая справка // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX в. М., 1994. С. 410–411; Политические партии России. С. 682–683 ; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2 ; Гарявин А. Н. Классовая теория Льва Черного // Общество и власть в истории России: сб. науч. тр. СПб., 1999. С. 41–43; Его же. Классовая теория Льва Черного // Анархизм: pro et contra. СПб., 2015. С. 687–692 ; Его же. Социально-экономический строй будущего в теории ассоциационного анархизма Льва Черного // Петербургская историческая школа: альманах: прил. к журн. для ученых «Клио». СПб., 2003. С. 143–156 ; Его же. Экономический идеал будущего общества в свете теории ассоциационного анархизма Льва Черного // Уроки истории – уроки историка: сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 183–191 ; Волин В. М. Неизвестная революция. 1917–1921 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Новоселов Г. В. Анархическая историческая мысль первой четверти XX столетия // Омский научный вестник. 2008. № 6. С. 13–17 ; Аладышкин И. В. На «окраине» общественно-политической жизни Российской империи (к истории становления анархо-индивидуализма в первое десятилетие XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. СПб., 2009. Вып. 1. С. 116–122.

**Шатов (Клигерман) Владимир Сергеевич (Родионович), (псевдоним: Большой Билл) – 24.12.1887, Киев – 11.10.1937 (родственникам сообщили о его смерти, последовавшей якобы в 1943).**

Из семьи служащего. Поступил в Киевский политехнический институт, со второго курса перешел в коммерческое училище и успешно его закончил. Зарабатывал уроками. С 1903 в революционном движении (социал-демократ), в 1904 арестован. В 1906 участвовал в «экспроприации» сберкассы, похитив 15 тыс. рублей. В 1907 (по другим данным в 1906) вынужден был эмигрировать в США. Взял псевдоним «Шатов» вступил в профсоюзную организацию анархо-синдикалистского направления «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), анархо-синдикалист. Руководил в ней русским отделением, занимался революционной пропагандой и агитацией среди россий-



ских эмигрантов и американских рабочих, принимал участие в забастовках. После победы Февральской революции 1917 в России, являлся одним из организаторов отправки политэмигрантов на родину. В мае 1917 добрался до Владивостока, а затем пересел в Петроград. Принимал активное участие в организации и деятельности фабрично-заводских комитетов (ФЗК). Несколько раз избирался в члены Президиума Центрального Совета фабзавкомов Петрограда. В августе 1917, будучи участником 2-й конференции ФЗК в Петрограде поддержал требование делегатов об установлении рабочего контроля на производстве. В сентябре 1917 на 3-й экстренной конференции ФЗК выступил категорически против циркуляров Временного правительства М. И. Скобелева, направленных на ограничение функций ФЗК на производстве. В октябре 1917 в Петрограде участвовал в работе Всероссийской конференции ФЗК, в ноябре – 5-й конференции, на которой избран в Центральный исполнительный комитет ФЗК. С 22.10.1917 являлся членом Петроградского Военно-революционного комитета от «Союза анархо-синдикалистской пропаганды». Был участником основных событий октября 1917 по захвату власти в городе и стране большевиками. В 1918 исполнял обязанности чрезвычайного комиссара по охране Николаевского вокзала в Петрограде, главного комиссара охраны всех железных дорог, а также Петроградского военного округа по охране путей сообщения. Беспартийный. С апреля 1919 являлся комендантом Центральной комендатуры революционной охраны Петрограда, с июля 1919 исполнял обязанности начальника управления коменданта Петроградского Уголовного розыска. С февраля 1919 по январь 1921 – член РВС 7-й армии. Во время второго наступления белогвардейских войск генерала Н. Н. Юденича на Петроград в октябре-ноябре 1919 командовал 6-й стрелковой дивизией, участвовал в освобождении Красного Села (награжден орденом Красного Знамени). В 1920 исполнял обязанности комиссара водного отдела Сибирского округа путей сообщения, уполномоченного по управлению всеми железно-дорожными и водными путями Восточной Сибири. С рядом партийных работников был направлен на Дальний Восток для создания Дальневосточной республики (ДВР), временного «буферного» демократического государства, чтобы не допустить прямого военного столкновения РСФСР с Японией. В марте-апреле 1920 на Учредительном съезде представителей трудящихся и партизан Прибайкалья был избран в состав правительства и Президиума ДВР. В нем одновременно занимал посты военного министра, министра путей сообщения, председателя военно-дипломатической миссии при японском командовании. Возглавил делегацию ДВР (июль 1920) на переговорах с Японией о прекращении военных действий и о постепенном выводе японских войск с территории Дальнего Востока, подписал 15.07.1920 договор о перемирии.

В конце 1921 переходит на хозяйственную работу, работает уполномоченный Совета Труда и Оборона РСФСР в правлении «Автономной индустриальной колонии Кузбасс», заместитель председателя «Нефтеэкспорта», с начала 1923 член правления Торгово-промышленного банка и управляющий его Северо-Кавказской краевой конторой в Ростове-на-Дону. Помимо этого исполняет обязанности члена правления Северо-Кавказского округа путей сообщения. С 1925 вновь на работе в Москве, становится членом правления Главметалла Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), фактическим организатором «Металлоимпорта». С 1927 исполняет обязанности начальника строительства Турксиба (за успешное руководство его строительством по постановлению ВЦИК и Совнаркома РСФСР был награжден орденом Трудового Красного Знамени), с ноября 1930 – начальника строительства «Сибжелдорстроя». С января 1932 становится заместителем наркома путей сообщения, исполняет обязанности начальника Главного управления железнодорожного строительства Наркомата путей сообщения. Помимо этого в 1933 одновременно руководит строительством магистрали Москва – Донбасс (Воронеж), исполняет обязанности члена Совета при наркоме путей сообщения. В 1936 Шатов руководил строительством железной дороги Нельды-Дзезказган в Казахстане. В 1921–1934 являлся членом ЦИК СССР. Арестован 25.12.1936 как «троцкист», этапирован в Москву, 4.05.1937 отправлен в Новосибирск, где был обвинен в шпионаже в пользу Японии, подвергался пыткам. Свою вину не признал. Был осужден тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю. 4.10.1937 был приговорен к высшей мере наказания за «контрреволюционную, националистическую деятельность». Расстрелян 11.10.1937. Реабилитирован в 1955.

### Литература

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 661 ; Политические деятели России 1917. С. 356–357 ; Политические партии России. С. 690–691 ; Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М. Оренбург, 2001 ; Шубин А. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Тепляков А. Г. Анархист, воин и строитель Владимир Шатов // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2.

**Ярчук Ефим Захарович (Хаим Захарьев) (псевдонимы: Яков, Янкель) – 1882, по другим данным 1886, м. Березно Ровенского у. Вольнской губ. 1938.**

Из мещан, рабочий-портной. Стал анархистом в 1903, а в 1904–1905 являлся членом группы анархистов-коммунистов «Хлеб и воля» в Белостоке.

В 1905 призван на военную службу, однако бежал и перешел на нелегальное положение. В октябре-декабре 1905 являлся одним из организаторов и лидеров Житомирской группы анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». Впервые был арестован на конспиративной квартире в Житомире 15.12.1905. Содержался в Лукьяновской тюрьме в Киеве (1905–1907), по решению суда был отправлен в ссылку в Якутскую область на 6 лет (1907–1913). В связи с 300-летием дома Романовых и объявлением широкой амнистии в апреле 1913 был освобожден из ссылки и эмигрировал в США. С 1913 стал анархистом-синдикалистом, членом «Федеративного союза русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады». Вел активную пропагандистскую работу, являлся членом анархистского Красного Креста, сотрудником издательской группы газеты «Голос труда». После победы Февральской революции 1917 вернулся в Россию. Вошел в состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, стал одним из лидеров небольшого Союза анархо-синдикалистской пропаганды (САСП), сотрудник, затем соредактор газеты «Голос труда». Был направлен Петросоветом в Кронштадт для ведения революционной работы. Быстро организовал несколько анархистских групп в городе и крепости и завоевав определенный авторитет среди моряков, солдат и рабочих был избран членом Исполкома и военно-технической комиссии Кронштадтского Совета. Во время Июльских событий 1917 после прочтения лекции о войне и мире (3 июля) в Кронштадте для моряков и рабочих, принял участие в митинге на Якорной площади, присоединившись к прибывшим из Петрограда делегатам 1-го пулеметного полка. Из-за радикальных призывов ряда анархистов участники митинга приняли решение о вооруженном выступлении против политики Временного правительства в столице. 4 июля Ярчук принял непосредственное участие в вооруженной демонстрации в составе одного из отрядов кронштадтских солдат и матросов. На митинге перед особняком М. Ф. Кшесинской поддержал большевиков в вопросе о необходимости прекращения последующих радикальных действий. Вместе с другими известными лидерами большевиков и анархистов преследовался Временным правительством за участие в июльских событиях. В период свержения власти Временного правительства в октябре 1917 был избран членом Петроградского ВРК от Союза анархо-синдикалистской пропаганды. Был избран (17.10.1917) делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов от Кронштадтского Совета. Являлся одним из руководителей кронштадтских моряков, принимающих участие в октябрьском большевистском перевороте. Был среди руководителей одного из отрядов моряков, захвативших Зимний дворец. Состоял в составе штаба сводного отряда моряков и солдат Кронштадта, созданного для борьбы с войсками

наступающих на Петроград войск генерала А. М. Каледина. По поручению Кронштадтского Совета (ноябрь–декабрь 1917) ездил на Дон для более полного ознакомления с положением дел на калединском фронте, а затем возвратился туда у же с отрядом моряков, который принял участие в разгроме войск генерала Каледина. В марте 1918 избран от Кронштадтского Совета делегатом 3-го Всероссийского съезда Советов. Состоял членом редколлегии Петроградских печатных органов анархо-синдикалистов «Голос труда» и «Вольный голос труда». Весной 1918 вышел из САСП, не согласившись с курсом большинства Союза на сотрудничество с Советской властью. В августе 1918 на 1-й Всероссийской конференции анархистов-синдикалистов был избран в состав Секретариата. Арестован ЧК в ноябре 1918 вместе с другими делегатами 2-й Всероссийской конференции анархистов-синдикалистов, однако вскоре был освобожден. Во время оккупации Киева денкинскими войсками (1919) занимался революционной деятельностью, находясь в анархистском подполье. В январе 1920 арестован вновь на короткое время органами ВЧК в Харькове при разгроме местной организации анархистов-синдикалистов, но вскоре был освобожден. Весной 1920 являлся секретарем анархистского клуба КАУ «Набат» в Харькове. Участвовал в конце ноября 1920 в подготовке Всероссийского съезда анархистов в Харькове, являясь на тот момент делегатом Временного исполнительного бюро Российской конференции анархистов-синдикалистов, однако с целой группой известных в то время анархистов был арестован 25.11.1920 при разгроме КАУ и отправлен в Москву. В январе 1921 был вновь освобожден и в связи со смертью П. А. Кропоткина в феврале 1921, являясь одним из пяти членов Комиссии по организации его похорон, от имени Российской конфедерации анархистов-синдикалистов подписал телефонограмму на имя В. И. Ленина с просьбой о временном освобождении анархистов из мест заключения для их участия в похоронах князя Кропоткина. Выполняя поручение комиссии по организации похорон, вместе с А. Беркманом 12.02.1921 встретился в Москве с заключенными анархистами и уведомил их о положительном решении Президиума ВЦИК о их участии в траурных мероприятиях. 13.02. принимал участие в похоронах П. А. Кропоткина на Новодевичьем кладбище. Поддержал Кронштадское выступление моряков Балтийского флота 1.03.1921. В течение марта 1921 дважды арестовывался органами ВЧК вместе с другими членами Секретариата РКАС. Содержался в Бутырской тюрьме. Во время второго ареста вместе с другими анархистами провел 10, 5 дневную голодовку протеста. 5.01.1922 в числе десяти известных в Советской России лидеров анархистского движения был выслан за пределы РСФСР. Некоторое время проживал в Германии. В Берлине

участвовал в организации заграничного бюро РКАС (1922–1924). Недолгое время состоял членом редакции журнала русских анархо-синдикалистов «Рабочий путь» и «Бюллетеня русских анархистов» (Берлин, 1923). Являлся членом «Комитета защиты анархо-синдикалистов» при Международном товариществе Рабочих (1923–1924) и его представителем в «Объединенном комитете защиты заключенных революционеров в России» (с 1923). В октябре 1925 сделал заявление о признании правильности политики большевиков, о необходимости существования в стране диктатуры пролетариата и участии анархистов в общественной, хозяйственной и культурной жизни страны и в конце года вернулся в СССР. По некоторым данным в 1925 вступил в ряды ВКП (б). В «Правде» 15.06.1927 было опубликовано открытое письмо Ярчука о его окончательном разрыве с анархизмом. Находясь под полным контролем ОГПУ и по его поручению в 1928 принял участие в создании «Инициативного Бюро по созыву ликвидационного съезда анархистов». Вероятно планы ОГПУ изменились и в 1929 Бюро самораспустилось. Арестован в мае 1938. Расстрелян.

#### Сочинения

Кронштадт в Русской Революции. Нью-Йорк, 1923.

#### Литература

Горелик А., Комов А., Волин Гонения на анархизм в Советской России. № 1 ; Максимов Г. П. За что и как большевики изгнали анархистов из России? ; Сивков П. З. Кронштадт. Л., 1972 ; Флеровский И. П. Большевицкий Кронштадт в 1917 г. // В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982 ; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. ; Политические деятели России 1917. С. 368–369 ; Политические партии России ; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Савченко В. А. 100 знаменитых анархистов и революционеров.



## Приложение 2

### Биографии Н. И. Махно и ближайших соратников

**Махно (Михно, Михненко) Нестор Иванович – 26.10.1888, с. Гуляй-Поле Александровского у. Екатеринославской губ. (ныне Запорожская обл., Украина) – б. (по другим данным 25). 07.1934, Париж, кладбище Пер-Лашез.**

Из крестьян. С 1895 сезонный рабочий. В 1897 окончил Гуляй-Польскую начальную школу. С 1903 рабочий чугунолитейного завода М. Кернера в Гуляй-Поле. Член «Кружка молодежи Украинской группы хлеборобов анархистов коммунистов» (с конца августа-начале сентября 1906), которая действовала в в Гуляй-Поле. Принял участие в нескольких экспроприациях, проводимых анархистами его группы: 5.09.1906 участвовал в попытке ограбления купца И. Брука на 500 рублей «для голодающих» (было изъято 151 руб.), 13.11.1906 – в нападении на промышленника М. Кернера с требованием денег (похищено 425 рублей и слиток серебра); 26.08.1907 – в попытке ограбления купца Г. Гуревича (близ ст. Гайчур). Неоднократно арестовывался полицией. Впервые в конце 1906 за незаконное хранение оружия, однако вскоре был освобожден, затем 5.10.1907 по обвинению в покушении на жизнь гуляй-польских стражников Захарова и Быкова. Содержался в Александровской тюрьме, освобожден 4.07.1908 под залог в 2 тыс. рублей. Вновь арестован 26.08.1908 на ст. Гуляй-Поле. Вначале содержался в Александровской тюрьме, а с 5.01.1910 в Екатеринославской губернской тюрьме. Сессией Одесского военного окружного суда от 20–22 марта 1910 г. в Екатеринославе был приговорен к смертной казни через повешение за участие в убийстве полицейского пристава, которая 7.04.1910 была заменена бессрочной каторгой. Содержался в нескольких тюрьмах: с 19.08.1910 по 15.10.1910 в Луганской тюрьме, с 17.10.1910 по 2.08.1911 в Александровской тюрьме, а с 4.08.1911 по 2.03.1917 в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве. На каторге благодаря знакомству с известным уже к тому времени анархистским идеологом П. А. Аршиновым и с его помощью занимался самообразованием, изучал теорию анархизма. Являлся активным участником

тюремных протестов (6 раз попадал в карцер, заболел туберкулезом легких). После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 вышел на свободу и 23.03.1917 вернулся в Гуляй-Поле. Авторитет каторжника помогло ему быть избранным товарищем председателя волостного земства, а также стать инициатором создания группы экспроприаторов «Черная гвардия». С помощью соратников и единомышленников Махно установил в селе свою личную диктатуру, направленную против местной буржуазии. 28–29.03.1917 был избран председателем Гуляй-Польского крестьянского Союза. Оставался в этом качестве и после реорганизации Союза (5–7.08.1917) в Совет рабочих и крестьянских депутатов. Решительно выступал за немедленные радикальные преобразования в стране не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Подписал депешу в Петроград (1.05.1917) с требованием немедленно изгнать из состава Временного правительства 10 министров-капиталистов. По его инициативе на предприятиях села в июне 1917 был установлен рабочий контроль, а в июле он с помощью своих сторонников разогнал прежний состав земства и провел новые выборы. В результате этих действий был избран председателем земства и объявил себя комиссаром Гуляй-Польского района. По инициативе Махно в августе 1917 при Гуляй-Польском Совете рабочих и крестьянских депутатов был создан Комитет батраков, деятельность которого была направлена против местных помещиков, а сам его инициатор в этом же месяце избран делегатом губернского съезда Крестьянского союза в Екатеринославе. Активно действовал Махно и в дни «Корниловского мятежа», возглавив Комитет по спасению революции, с помощью которого разоружил помещиков и буржуазию в районе. Был избран председателем районного съезда Советов (середина августа 1917) на котором вместе с другими анархистами-единомышленниками призвал крестьян игнорировать как распоряжения Временного правительства, так и Центральной Рады, стремившейся к отделению Украины от России. Советовал крестьянам немедленно отобрать помещичью и церковную землю и создать по усадьбам свободные сельско-хозяйственные коммуны. Подписал 25.09.1917 декрет уездного Совета о национализации земли и разделе ее между крестьянами. Махно принял участие в работе губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (5.12.1917) будучи представителем Гуляй-Польского Совета и поддержал на нем требование большинства делегатов о необходимости созыва Всеукраинского съезда Советов. Был избран в состав судебной комиссии Александровского ревкома для рассмотрения дел лиц, которые были арестованы представителями Советской власти. При этом высказывал недовольство работой комиссии, предлагая взорвать местную тюрьму и выпустить всех арестованных.

Крайне отрицательно отнесся к выборам в Учредительное собрание. Не получив значительной поддержки своим действиям, вышел из состава местного ревкома. В декабре 1917 после захвата Екатеринослава войсками Центральной Рады выступил с инициативой проведения экстренного съезда Советов Гуляй-Польского района, выступившего за создание сил, которые могли бы противостоять Раде. Отказался от поста председателя Совета (4.01.1918) в пользу начала активной борьбы по защите завоеванных революцией. Вместе со своими сторонниками разоружал казачьи эшелоны, возвращающиеся с фронта на Дон, выступил в поддержку победивших в Екатеринославе революционных сил. Возглавил Гуляй-Польский Ревком, представлявшую в то время коалицию, состоявшую из представителей левых политических партий (анархистов, левых эсеров и украинских социалистов-революционеров). После захвата Екатеринослава и его окрестностей австро-германскими войсками Махно создал партизанский отряд для борьбы против кайзеровских войск. Борясь с превосходящими силами противника, отряд вынужден был отступить в Таганрог. В конце апреля 1918 принял участие в работе конференции анархистов, проходившей в городе. Затем для ознакомления с действиями анархистов в других регионах страны выехал по маршруту Ростов-на-Дону – Саратов. В Саратове принял участие в работе еще одной анархистской конференции (май 1918), а затем проследовал в Тамбов и Москву. В столице встретился с лидерами различных анархистских течений и организаций (А. П. Аршиновым, А. А. Боровым, И. С. Гроссманом, Л. Черным (Турчаниновым) и с П. А. Кропоткиным). Состоялись встречи Махно и с руководителями Советского государства В. И. Лениным, Я. М. Свердловым (не подтверждены документально), Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым. В июне 1918 принял участие в работе Московской конференции анархистов, которая выработала определенную тактику борьбы против гетмана П. П. Скоропадского и оккупационных австро-германских войск. Получив одобрение со стороны Всеукраинского бюро по руководству повстанческим движением 29.06.1918 покинул Москву и 21.07.1918 с паспортом на имя И. Я. Шепеля прибыл в Гуляй-Поле для организации борьбы против оккупантов на Украине. Вступил рядовым бойцом в партизанский отряд Ф. Щуся (в июле) и вскоре (в сентябре) сумел возглавить его после ряда удачно проведенных боев против германских войск (Ф. Щусь на протяжении всей гражданской войны 1918–1921 оставался верным соратником для своего нового командира и одним из самых известных махновских командиров после Н. И. Махно). В сентябре-октябре 1918 партизанский отряд Махно стал наиболее боеспособной и боевой единицей в Александровском уезде, а затем и на территории всей Екатеринославской губернии. Центром

притяжения других партизанско-повстанческих сил. 1.10.1918 в ночь перед боем в селе Дибривка повстанцы объявили Н. И. Махно своим «батшкой». После победы Ноябрьской революции 1918 в Германии и аннулирования Брестского мира, Махно стал одним из руководителей борьбы украинского народа с режимом С. В. Петлюры на Украине. Захватив 27.11.1918 Гуляй-Поле, объявил его «столицей» своего войска, ввел в селе осадное положение, образовал и сам возглавил Гуляйпольский революционный штаб. После заключения соглашения о совместных военных действиях против Директории с Екатеринославским комитетом КП (б)У, 27–29.12.1918 с приданными ему силами освободил Екатеринослав. С 29.12. назначен военным комиссаром и членом губернского ВРК, с 30.12. главнокомандующим так называемой Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района. 31.12.1918 войска Махно и отряды местных коммунистов потерпели поражение от петлюровцев и оставили город. 5.01.1919 «батшко» с небольшим конным отрядом вернулся в Гуляй-Поле. В январе-феврале 1919 выступил инициатором саботажа аграрных мероприятий Советского правительства, в том числе – создание комбедов и продотрядов. 12–16.02.1919 говорил об этом на 2-и районном съезде Советов Гуляй-Польского района. В связи с наступлением войск Добровольческой армии генерала А. И. Деникина на Украину, в середине февраля 1919 заключил военное соглашение с командованием Красной армии и влился со своими войсками в состав 1-й Заднепровской дивизии под командованием П. Е. Дыбенко в качестве командира 3-й бригады. Махновские войска сражались с войсками белых на линии Мариуполь – Волноваха. В марте 1919 заключил гражданский брак с Г. А. Кузьменко. Продолжал критиковать политику Советского правительства на 3-и районном съезде Советов Гуляй-Польского района (10.04.1919). С 15.04.1919 командовал бригадой в составе 2-й Украинской армии (командующий – А. Е. Скачко). После начала мятежа атамана Н. А. Григорьева (7.05.1919) занимал выжидательную позицию, затем поддержал командование Красной армии, стремящейся ликвидировать мятеж, хотя вину за него возлагал на деструктивные действия Советской власти. На собрании командиров повстанческих отрядов в Мариуполе (май) Махно поддержал инициативу создания отдельной повстанческой армии. В обстановке сложного положения на фронте (успешное наступление частей Кавказской дивизии под командованием генерала А. Г. Шкуро), отсутствия поставок оружия и боеприпасов со стороны Красной армии, недовольством действиями повстанческой армии со стороны председателя РВСР Л. Д. Троцкого и целого ряда иных факторов, Н. И. Махно принимает решение разорвать соглашение с Советским правительством. 6.06.1919 за неподчинение командо-



ванию «батько» Махно был объявлен вне закона. 9.06. направил телеграмму лидерам Советского правительства и правительства Советской Украины В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву, Х. Г. Раковскому и К. Е. Ворошилову с сообщением о своей преданности делу революции и объяснял принятое решение о разрыве с Красной армией постоянными нападками на него и на повстанческую армию со стороны представителей центральной власти и большевистской прессы. Одновременно Махно выразил желание уйти с поста командующего 3-й бригады. После разрыва с большевиками тайно отступил в глубь Украины и развернул борьбу против Советского правительства. 27.07.1919 «батько» и его помощник А. В. Чубенко застрелили атамана Н. А. Григорьева во время переговоров. Создал на основе формирований Григорьева и отдельных воинских частей Красной армии, перешедших на сторону повстанцев (июль 1919) новую по составу повстанческую армию и возглавил ее РВС. В августе 1919 после начала похода денikinской армии на Москву призвал повстанцев на борьбу с белогвардейцами, считая, что они большее зло чем большевики, которые по его словам были все же революционерами. В с. Добровеличковка 1.09.1919 провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)». 26.09. в ходе сражения с частями Добровольческой армии и Директории под Уманью вырвался из окружения и приступил к уничтожению тыла денikinской армии. Активные действия махновских отрядов в тылу войск ВСЮР способствовали провалу наступления Добровольческой армии на Москву. Вернулся в Гуляй-Поле, а затем 15.10.1919 освободил Екатеринослав. 27.10.1919 на съезде Советов в Александровске Н. И. Махно объявил о создании в тылу денikinских войск «вольных советов» и самостоятельной крестьянской республики с центром в Екатеринославе. После освобождения Советской Украины от петлюровцев 11.01.1920, согласно приказу председателя РВС Республики Л. Д. Троцкого, Махно был во второй раз объявлен вне закона, а махновская армия подлежала ликвидации. В условиях развала РПАУ и эпидемии тифа буквально выкосившей ряды махновцев (переболел им и сам «батько») Н. И. Махно отдал приказ о временном роспуске армии. 26.02.1920 на митинге в с. Святодуховка призвал к беспощадной борьбе с большевиками. «Батько» со своим штабом ушел в Гуляй-Поле и весной-осенью 1920 продолжал боевые действия против войск Красной армии, совершив ряд рейдов в Екатеринославскую, Полтавскую и Харьковскую губернии с целью срыва земельной политики большевиков. При этом он не принял предложение командующего ВСЮР генерала П. Н. Врангеля действовать в союзе с ним против большевиков. 29.08.1919 ранен в ногу в бою у г. Изюм, почти месяц лечился в лазарете



г. Старобельска (всего же за годы гражданской войны был ранен, по разным сведениям от 11 до 15 раз, в одном из боев (16.08.1921 при переправе через Днепр) получил сразу шесть легких огнестрельных ранений). В условиях наступления белогвардейских войск из Крыма на территорию Южной Украины, Политбюро ЦК КП (б)У 29.09.1920 приняло решение вновь заключить с Махно военное соглашение о совместных действиях против Русской армии П. Н. Врангеля. 2.10.1920 соглашение было подписано в г. Старобельске. Были начаты также и переговоры об интеграции махновских «вольных советов» в систему большевистской власти. В октябре-ноябре части махновской армии приняли активное участие в разгроме врангелевских войск на территории Южной Украины, а 7–8.11.1920 вместе с другими частями Красной армии перешли через Перекоп в Крым, взяли укрепления белых на Перекопском перешейке и Литовском полуострове. 14.11.1920 ЦК КП (б)У принял секретное постановление о ликвидации отрядов Махно. После отказа «батько» и его соратников выполнять приказ командования Красной армии о передислокации махновцев на Южный Кавказ и их переформирования, началось вероломное уничтожение повстанческих отрядов. 26.11. части Красной армии совершили нападение на Гуляй-Поле и штаб Махно («батько» с боями вынужден был вырваться из окружения), был произведен арест политической делегации махновцев в Харькове, разгромлен Крымский корпус, его командир С. Каретник был расстрелян, а от корпуса численностью по разным оценкам от 1700 до 6000 бойцов осталось лишь около 250 всадников (их встреча с основными силами Махно произошла 7.12.1920 возле с. Старый Керменчик). Окруженные значительно превосходившими их численно и по количеству вооружения и техники воинскими частями, махновцы под руководством своего командира сумели вырваться (14.12.1920) из окружения под Андреевкой. 3.01.1921 ими был убит в бою командир 14-й кавалерийской дивизии красных А. Я. Пархоменко. Зимой и летом 1921 махновские отряды преследуемые частями Красной армии, совершили беспримерные переходы по районам Поволжья, Дона, Курской и Белгородской губерний, а также территории Украины (лишь после 20-го марта был на какое-то время определен перерыв в боях, связанный с очередным ранением Махно и необходимости его лечения в немецкой колонии у с. Заливного). 27.06.1921 в тяжелейшем бою под Недригайловым основные махновцев были разгромлены. 21.07. Н. И. Махно на военном совете в с. Исаевка принял решение с частью своего отряда пробиваться к границе. 28.08.1921 с группой своих соратников из 78 человек перешел границу Советской России с Румынией в районе г. Ямполь. На требование Нар-

кома иностранных дел Г. В. Чичерина выдать Махно Советскому правительству Румыния ответила отказом. До 11.04.1922 Махно вместе с женой и несколькими единомышленниками проживал в Румынии недалеко от Бухареста под контролем румынской полиции. Затем по решению правительства Румынии был переправлен в Польшу в Щелковский лагерь для интернированных (12.04.1922). 25.09.1923 Махно был арестован вместе с Г. Кузьменко, И. Хмарой, Я. Дорошенко и помещен в Варшавскую цитадель. 27.11 – 1.12.1923 предстал перед польским судом по обвинению в подготовке восстания в Восточной Галиции для присоединения ее к Советской Украине. 27.11. решением суда был оправдан. Его семья была отправлена на поселение в г. Торунь. Н. И. Махно был арестован за неуплату налогов и неподчинение распоряжения о выезде. Он был помещен в лагерь для интернированных лиц, где заболел тяжелой формой туберкулеза. 14.04.1924 после попытки самоубийства переведен под надзор полиции в г. Данциг. Жена с дочерью уехал в Париж. В. М. Воллин и другие русские анархисты в Германии стали ходатайствовать о его освобождении. В декабре 1924 с помощью российских анархистов-эмигрантов добился разрешения на выезд в Германию. В апреле 1925 переехал во Францию к семье в пригород Парижа Венсен. С 1925 вел активную работу в «Группе русских анархистов за границей», затем в Федерации анархистов-коммунистов «Дело Труда», где в одноименном журнале публиковал свои отдельные очерки, готовил к публикации свои мемуары (в 1927 был издан первый том его воспоминаний «Великая русская революция на Украине», остальные два тома воспоминаний, доведенные хронологически до конца 1918 были опубликованы посмертно). Выступал с докладами и лекциями в клубах анархистов и на собраниях общественных организаций. Являлся соавтором (вместе с П. А. Аршиновым) проекта «Организационной платформы Всеобщего Союза Анархистов», вызвавшего оживленную дискуссию в российском и международном анархическом движении. Участник международных конференций анархистов-коммунистов в 1927 и 1930. В последние годы жизни бедствовал, работал разнорабочим. Непосредственной причиной его смерти стало участие Махно (12.02.1934) в антифашистской демонстрации французских анархистов где он сильно простудился. Надломленный туберкулезом организм, последствия ранений, лишь усугубили его состояние и Н. И. Махно не справился с болезнью. 25.07.1934 он умер от костного туберкулеза в парижском госпитале Тенон. 28.07.1934 его тело было кремировано, урна с прахом Махно была замурована в стене колумбария (в ячейке под номером 6685) кладбища Пер-Лашез (Париж).

### Сочинения

Записки Н. Махно // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 1 (июль). С. 16–29 ; Ленин, его партия и недомыслие вокруг них // Рассвет. Нью-Йорк, 1925. 8 июля. С. 2 ; Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Париж, 1928; Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики // Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. М., 2017. С. 247–317 ; Русская революция на Украине. Париж, 1929. Т. 1 ; Советская власть, ее настоящее и будущее // Борьба. 1931. 25 окт. (№ 19/20) ; Печальные страницы русской революции // Рассвет. Чикаго, 1932 ; Чикагский Прогрессивный Клуб и Аршинов // Пробуждение. Детройт, 1932. № 23/27. С. 57–58 ; Под ударами контрреволюции. Париж, 1936 Т. 2 ; Украинская революция. Париж, 1937. Т. 3 ; Воспоминания Н. Махно: Фрагменты о встречах со Свердловым и Лениным: из Мюнх. изд. // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1989. № 5. С. 84–92 ; Гуляй-Поле / предисл. А. Кочетова и А. Тимофеева // Слово. 1990. № 10. С. 50–55 ; Воспоминания. Киев, 1991 ; Воспоминания / под ред. С. С. Волка. М., 1992 ; М., 2017 ; Воспоминания // Аршинов П. История махновского движения (1918–1921) ; Махно. Воспоминания: Дневник Г. А. Кузьменко. М., 1996 ; На чужбине. 1924–1934 гг. Записки и статьи. Париж, 2004 ; Азбука анархиста. М., 2005 ; Мятежная юность (1888–1917). М., 2006.

### Литература

Николаев А. Жизнь Нестора Махно. Рига. [б. г.] ; Равич-Черкасский М. Махно и махновщина. Екатеринослав, 1920 ; Ефимов Н. А. Действия против Махно с января 1920 по январь 1921 г. // Сборник трудов военно-научного общества при военной академии. М., 1921. Кн. 1 ; Лебедь Д. Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. Харьков, 1921 ; Павлов П. А. Особенности тактики Махно: по опыту операций сводной дивизии курсантов // Военное знание. 1921. № 8 ; Яковлев Я. Махновщина и анархизм // Красная новь. 1921. № 2 ; Горелик А., Комов А., Волин. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922. № 1 ; Лихаревский Е. Андреевский конфуз // Армия и революция. 1921. № 34 ; Мирошевский В. Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция. 1922. № 9 ; Руденко П. На Украине (повстанческое и анархическое движение). Буэнос-Айрес, 1922 ; Рыбаков М. Махновские операции в 1920 году // Красная армия. 1922. № 12 ; Слащев Я. А. Операции белых против Махно и Петлюры // Военный вестник. 1922. № 9–12 ; Аршинов П. История махновского движения (1918–1921 гг.). Берлин, 1923 ; Эрдэ Д. Годы бури и натиска. Харьков, 1923. Кн. 1: На левобережье ; Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923–

1924. Т. 1–2 ; Есаулов П. Налет Махно на Бердянск // Летопись революции. 1924. № 34 ; Конивец Г. 1919 год в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции. 1924. № 4 ; Тепер (Гордеев) И. Махно (От единого анархизма к стопам румынского короля). Киев, 1924 ; Экспедиция Каменева для продвижения продгрузов к Москве // Пролетарская революция. 1925. № 6 ; Эйдеман Р. Пятая годовщина одного урока // Война и революция. 1926. № 12 ; Эсбах Э. Последние дни махновщины на Украине // Война и революция. 1926. Кн. 12 ; Сергеев П. Полтавская операция против Махно // Война и революция. 1927. № 9 ; Сухогорская Н. Воспоминания о махновщине // Кандальный звон. Одесса, 1927. № 6 ; Новополин Г. (Брейфельд) Махно и Гуляй-Польская группа анархистов: по официальным данным // Каторга и ссылка. 1927. Кн. 34 ; Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. М., 1928 ; Его же. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. М., 2017 ; Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928 ; Никулин Л. Махно в Париже // Огонек. 1928. № 22 ; Его же. Гибель махновщины // Знамя. 1941. № 3 ; Волков С. Е. Банда Махно в Курской губернии. Курск, 1929 ; Горев Б. И. Анархизм в России (От Бакунина до Махно). М., 1930 ; Черномордик С. (Ларионов П.) Махно и махновщина (Анархисты за «работой»). М., 1933 ; Волин. Нестор Махно: некролог // Дело труда. Чикаго, 1934. № 82 ; Семанов С. М. Махновщина и ее крах // Вопросы истории. 1966. № 9 ; Его же. Парижанки из Джамбула. Рассказ жены Махно о скитаниях за кордоном и на Родине // Родина. 1990. № 10 ; Его же. Под черным знаменем, или жизнь или смерть Нестора Махно. М., 1991 ; Его же. Махно, как он есть: док.-ист. повесть. М., 1991 ; Его же. Махно: подлинная история. М., 2001 ; Его же. Махно. Судьба атамана. М., 2004 ; Его же. Нестор Махно. Вожак анархистов. М., 2005 ; Верстюк В. Ф. Комбриг Нестор Махно: из истории первого союза махновцев с Советской властью. Киев, 1990 ; Его же. Махновщина: селянский повстанческий дух на Україні (1918–1921). Киев, 1992 ; Комин В. В. Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1990 ; Волковинский В. М. Нестор Иванович Махно // Вопросы истории. 1991. № 9–10 ; Его же. Махно и его крах. М., 1992 ; Его же. Нестор Махно: легенді та реальність. Киев, 1994 ; Ермаков В. Д. Махновщина: некоторые социально-бытовые аспекты повстанческого движения крестьян Украины // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 76–86 ; Его же. Краткая биография Н. И. Махно // Там же. С. 87–90 ; Его же. Анархистское движение в России: история и современность ; Его же. Н. И. Махно в российской и украинской литературе последнего десятилетия (1997–2007) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: сб. науч. тр. СПб., 2008. С. 45–50 ; Нестор Ива-



нович Махно: воспоминания, материалы, документы. Киев, 1991 ; Поліщук К. Гуляйпільський батько: роман. Львів, 1991 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993 ; Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921). Запорожье, 1995 ; Яруцкий Л. Д. Махно и махновцы. Мариуполь, 1995 ; Беспечный Т., Букреева Т. Нестор Махно: правда и легенды. Донецк, 1996 ; Тимощук А. В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно. Сентябрь 1917 – август 1921. Симферополь, 1996 ; Голованов В. Тачанки с юга: художественное исследование махновского движения. М. Запорожье, 1997 ; Его же. Нестор Махно. М., 2008 ; Его же. Нестор Махно. М., 2012 ; Самбук Р. Махно: роман. Киев, 1997 ; Ошкадеров В. И., Седугин В. И. Нестор Иванович Махно // Харизматические личности в истории: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 67–69 ; Серьогін С. Третій шлях: Есторико-документальне видання, присвячене 110-й річниці з дня народження Н. І. Махно. Гуляйполе, 1998 ; Політична і військова діяльність Нестора Махна. Матеріали науково-теоретичної конференції. Запоріжжя-Гуляйполе, 1998 ; Телицын В. Нестор Махно. М., Смоленск, 1998 ; Федоровский Ю. Р. О взаимоотношениях атамана Григорьева и батьки Махно // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 169–171 ; Чоп В. М. Нестор Иванович Махно. Запорожье, 1998 ; Его же. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 гг. М., 2003 ; Шубин А. В. Махно и махновское движение. М., 1998 ; Его же. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг. М., 1998 ; Его же. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2005 ; Его же. Махно и его время: О Великой революции и гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013 ; Ахинько В. Нестор Махно: роман. М., 2000 ; Прудников В. В. Атаман из Гуляй-Поля: ист. док. повесть. Донецк, 2000 ; Шило И. Гуляйпольские ветры: док. худож. повесть. Днепропетровск, 2000 ; Капчинский О. Батька под колпаком ЧК. Сексоты железного «Феликса» в махновском войске // Родина. 2001. № 3. С. 62–63 ; Лобачев В. Был ли батька Махно анархистом? // Наука и религия. 2001. № 11. С. 22–24 ; Скирда А. Нестор Махно, казак свободы (1888–1934). Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921. Париж, 2001 ; Скрипник О. За золотом Нестора Махна. Запорожье, 2001 ; Мосияш С. Одиссея батьки Махно. М., 2002 ; Атоян О. Н. Воля к праву. Исследование махновщины и народного правосознания. Луганск, 2003 ; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005 ; Савченко В. А. Махно. Харьков, 2005 ; Его же. 100 знаменитых революционеров и анархистов. Харьков, 2010 ; Его же. Атаманщина. Мифы. Легенды. Действительность. Харьков, 2011 ; Его же. «Махновщина после Махно»: мах-



новское движение после вынужденной эмиграции Н. Махно из Украины // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. ст. М., 2013 ; Его же. Махновська Трудова федерація (1917–1921 рр.). Харьков, 2018 ; Шумов С. А., Андреев А. Р. Махновщина: сб. материалов. М., 2005 ; Болгарин И., Смирнов В. Девять жизней Нестора Махно: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1–2 ; Иванов Ю. В. Н. И. Махно в Польше 1922–1925 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 175–179 ; Мишина А. В. Большевики и крестьянское повстанческое движение Н. И. Махно (1918–1921 гг.) // Отечественная история. 2006. № 1 ; Веллер М. Махно. М., 2007 ; Науменко З. Последняя весна перед чужбиной. СПб., 2007 ; Ревякин С. Гуляй-поле: ист. роман. Запорожье, 2007 ; Данилов А. Негламурный Махно. М., 2008 ; Кушніренко І. Нестор Махно І повстаці: слідами махновцев. Запорожье, 2009 ; Его же. Нестор Махно «Союз бідних хліборобів: початок революційної боротьби. Запорожье, 2010 ; Белый В. В. Время Махно. Мелитополь, 2010 ; Штырбул А. А. Нестор махно, махновское движение и Сибирь. Омск, 2010 ; Надеждин Н. Нестор Махно: «Батько». М., 2011 ; Копылов Н. Троцкий и Махно. М., 2014 ; «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. ст. и материалов. М., 2015 ; Анархизм: pro et contra: антология / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. СПб., 2015 ; Гуслиаров Е. Есенинская душа батьки Махно. Что сближало с поэтом самого непредсказуемого командира гражданской войны // Родина. 2016. № 12. С. 64–69 ; Малышев И. Номах. Искры большого пожара. М., 2017 ; Чоп В., Лиман І. Місцями пам'яті повстаських перемог у Запорозькому краї: Азовська операція Нестора Махна. Запоріжжя, 2017 ; Вожаки и лидеры Смуты 1918–1922 гг.: биограф. материалы / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2017 ; Богачев С. Последний приказ Нестора Махно: ист. детектив. М., 2018 ; Никитина Ю. Правильная анархия. Опыты батьки Махно по созданию рая в Гуляйполе // Ваш тайный советник. 2018. № 2 [44]. С. 28–31 ; Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018.

**Аршинов Петр Андреевич (партийный псевдоним – Петр Марин) – 26.01.1887, с. Андреевка Нижнеломовский у. Пензенской губ. (по другим сведениям – Екатеринослав) – после 1938.**

Анархист. Из мещан (семьи рабочего). Окончил железно-дорожное техническое училище, слесарь. В 1904–1906 руководил организацией РСДРП на станции Кизил-Арбат (по другим сведениям большевик с 1905). Являлся редактором местной большевистской газеты «Молот». После приезда в Екатеринослав из-за преследования полиции работал на за-

воде Шодуар. Осенью 1906 примкнул к анархистам. В декабре 1906 стал во главе террористической группы екатеринославских анархистов-боевиков. Провел серию террористических актов, включая взрыв полицейского участка в рабочем поселке Амур (23.12.1906). При взрыве погибло три казачьих офицера, пристава и стражники из карательного отряда. Ни Аршинов, ни его товарищи не были раскрыты полицией. Весной 1907 в г. Александровске застрелил начальника железно-дорожных мастерских Василенко, выдавшего полиции св. 100 рабочих, участвовавших в Декабрьском вооруженном восстании. Аршинов был арестован, избит и 10.04.1907 приговорен военно-полевым судом к смертной казни через повешение. Однако в центре приведение приговора в исполнение приостановили, т. к. его дело по закону должно было разбираться не военно-полевым, а окружным судом. Эта отсрочка казни спасла ему жизнь. 22.04.1907 он сумел бежать с группой заключенных из тюрьмы, убив охрану во время ночного пасхального молебна в тюремной церкви. Эмигрировал во Францию, где присоединился к группе анархистов-коммунистов «Буревестник». В 1909 вернулся в Россию, находился на нелегальном положении, являлся членом Брянской группы анархистов-коммунистов. Был арестован за пропаганду анархизма, однако вновь сумел бежать из-под ареста. В 1910 вел пропаганду среди рабочих и крестьян Костромской и Смоленской губерний. Участвовал в экспроприациях казенных винных лавок в ряде сел этих губерний, организованных московскими анархистами. В августе 1919 выехал во Францию (по другим данным в Австро-Венгрию) за транспортом оружия и революционной литературы. В сентябре 1910 при нелегальном переходе границы арестован австро-венгерскими властями. Около года провел в Тернопольской тюрьме. 12.05.1911 был выдан российскому правительству. С 25.07.1911 под фамилией Ф. И. Махальского находился под следствием в Москве по процессу «организации анархистов-коммунистов-юнцов». По делу проходило 36 человек. Московской судебной палатой 25.10.1911 приговорен к 11 годам каторги (по другим данным к 20 годам). До 1.03.1917 наказание отбывал в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве. Являлся одним из неформальных лидеров заключенных анархистов, участником ряда протестов, за что неоднократно помещался в карцер. В тюрьме познакомился с Н. И. Махно, считавшим впоследствии его своим учителем. После победы Февральской революции освобожден. Один из организаторов в 1917 Лефортовской группы анархистов, а также в ряду с другими основатель и секретарь Московской Федерации анархических групп, секретарь Московского союза идейной пропаганды анархизма. Лектор, организатор издательства

«Голос Труда» и газеты «Анархия». Участник Московской конференции анархистов (июнь 1918). Участвовал в октябрьских событиях 1917 в Москве. С начала 1918 по приглашению Бюро анархистов Донбасса выступал с лекциями в городах Украины и Юга России, редактор газеты «Голос анархиста» (Екатеринослав, март-апрель 1918). Участвовал в подготовке к выпуску полного собрания сочинений П. А. Кропоткина, однако работа была не завершена. Будучи членом ЦК Всероссийского союза текстильщиков и заведующим транспортным отделом Центротекстиля, принимал участие в профсоюзной работе. В феврале-марте 1919 получил от Н. И. Махно приглашение присоединиться к украинскому повстанческому движению. Махно предполагал привлечь его для организации анархистской прессы в своей армии. С апреля 1919 в Гуляй-Поле. Избран председателем Культурно-просветительского отдела Военно-революционного совета ВРС) и штаба бригады Махно, назначен редактором газеты «Путь к свободе». С апреля 1919 по август 1921 – ближайший сподвижник Н. И. Махно, один из основных идеологов махновщины. В период с 1918 по 1921 вместе с В. М. Волиным возглавлял Конфедерацию анархистских организаций Украины (или Конфедерацию анархистов Украины (КАУ) «Набат». Активный противник действий атамана Н. А. Григорьева, призывал к ликвидации его мятежа. Соавтор воззвания «Кто такой Григорьев?». После разрыва Н. И. Махно с Советской властью в июне 1919 настаивал на отказе от открытой вооруженной борьбы с РККА и необходимостью организации отпора наступающим белогвардейским войскам генерала А. И. Деникина. Примерно в это же время выехал из контролируемого махновцами района для участия нелегально в работе Конфедерации анархистов Украины «Набат». Возвратившись в сентябре 1919 в район боевых действий повстанцев «батьки» Махно, заведовал в Культпросветотделе Военно-революционного совета отделом печати, наладив выпуск различных по формату и содержанию анархистских газет, как на контролируемой махновцами территории (Бердянск, Никополь, Орехово, Гуляй-Поле, Мелитополь), так и на территории, занятой деникинскими войсками, где нелегально издавались и распространялись анархистская газета «Набат», «Голос махновца» и листовки, распространяемые в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, Миргороде, Севастополе, Симферополе, Елизаветграде, Волчанске и Кременчуге. Вновь наладил выпуск газеты ВРС «Путь к свободе», став ее главным редактором. Газета издавалась в Александровске (октябрь-ноябрь) и в Екатеринославе (ноябрь-декабрь) 1919. Всего вышло 50 ее номеров. Принимал участие в выпуске газеты «Повстанец» при штабах корпусов Революционной Повстанческой Армии Украи-

ны (РПАУ). В начале января 1920 поселился в Екатеринославе где руководил местной анархистской группой «Набат». После начала большевистских репрессий вместе с группой ушел в подполье, а затем, с 13.06.1920 вновь присоединился к РПАУ. Летом-осенью 1920 редактор газеты «Повстанец», участвовал в рейдах махновцев по тылам красных. В сентябре 1920 избран в РВС РПАУ, с 11.11.1920 вновь назначен заведующим Культпросветотделом ВРС. В октябре-ноябре 1920 организовывал группы анархистов для создания типографий и пропаганды анархизма в легальных условиях на всей освобожденной территории Украины. С конца ноября 1920 после очередного разрыва Махно с Советской властью, участвовал в боях. С конца января 1921 по решению ВРС оставил повстанческое движение для подготовки к изданию книги по его истории. Участвовал нелегально в анархистской деятельности в Харькове и Москве. С осени 1921 в Берлине. В мае 1923 вышла в свет его книга «История махновского движения». Работа сделала его одним из самых авторитетных лидеров российского анархизма. В начале 1920-х участвовал в создании «Группы русских анархистов в Германии». В 1923–1924 редактировал журнал «Анархический вестник». Идейные споры привели к распаду группы. В начале 1925 переехал в Париж, где вместе с Н. И. Махно в июне создал новую анархистскую организацию и журнал «Дело труда». В начале 1926 при участии Махно и других анархистов разработал проект «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов». Большинство участников анархистского движения и значительная часть анархистов в СССР поддержали Платформу. Борясь со своими оппонентами написал в 1929 брошюру «Новое в анархизме (К чему призывает Организационная Платформа)». 6.04.1929 при его участии была организована Парижская международная конференция сторонников платформы. Полицией были арестованы все ее участники, включая и Аршинова. Вскоре они были освобождены, однако в январе 1930 он вновь арестован и депортирован в Бельгию. Журнал «Дело труда» был закрыт французскими властями. Постепенно Аршинов эволюционировал в сторону примирения с Советской властью. По совету своего бывшего сокамерника по Бутырской тюрьме С. Г. Орджоникидзе, являвшегося с 1930 членом Политбюро ЦК ВКП (б), обратился тайно с письмом к руководству страны, пытаясь добиться разрешения на возвращение в СССР. В ответ большевистское руководство потребовало доказать эту перемену делом. В октябре 1931 Аршинов выступил с докладом «Анархизм и диктатура пролетариата», в котором предлагал анархистам признать эту диктатуру. В 1933 основные идеи доклада получили дальнейшее развитие в брошюре «Анархизм и наша эпоха». После



этих выступлений Аршинов оказался практически в полной изоляции от анархистского движения, в особенности после смерти Махно (1934). В конце 1934 с разрешения ЦК ВКП (б) вернулся в Советский Союз. Его попытка вступить во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев закончилась отказом Центрального совета общества в связи с его участием в махновском движении. 30.06.1935 в газете «Известия» в № 152 в статье «Крах анархизма» отрекся от своих взглядов и от своих бывших единомышленников. В начале 1938 арестован по обвинению в создании и руководстве подпольной анархической шпионско-террористической организации. Был расстрелян.

#### Сочинения

История махновского движения 1918–1921. Берлин, 1923 ; Запорожье, 1995 ; Два побега (из воспоминаний анархиста 1906–1909 гг.). Париж, 1929.

#### Литература

Горелик А., Комов А., Волин В. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922 ; Верстюк В. Ф. Махновщина: крестьянский повстанческий рух на Україні (1918–1921). Киев, 1992 ; Нестор Махно. Воспоминания ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. : Политические партии России. С. 50 ; Шубин А. В. Анархический социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 ; Анархисты. Документы и материалы, 1883–1935 гг. М., 1999. Т. 2. ; Волин В. М. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005 ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 886 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Савченко В. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008 ; Российская историческая энциклопедия. М., 2015. Т. 2. С. 94.

**Бармаш (Бармашов) Владимир Владимирович – 1879 – после 1938 судьба неизвестна.**

Образование среднее. Позднее окончил 3 курса университета имени А. Л. Шанявского в Москве. С 1905 член Московской организации ПСР, участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 в Москве. В 1906 входил в боевую дружину эсеров-максималистов. Участник нацумевшей экспроприации Московского общества взаимного кредита, организованного В. В. Мазуриным 8.03.1906 с похищением 800 тыс. рублей. Организатор (июнь 1906) Московской группы анархистов-коммунистов «Свободная коммуна», лидер ее идейного крыла. 15.07.1906 организовал взрыв в здании Московского охранного отделения. Во время экспроприации частной конторы (осень 1906) арестован, приговорен Московским военно-окружным судом к 3 годам каторги. С 1909 в ссылке. В 1912 арестован и



вновь сослан. Содержался в Бутырской тюрьме из которой был освобожден 2.03.1917. В 1917–1918 организатор Лефортовской районной группы анархистов-коммунистов, один из создателей Федерации анархистских групп Москвы (ФАГМ), организатор ее издательства, член Секретариата, Совета, казначей. Активный и неутомимый пропагандист и лектор. Резко отрицательно отнесся к подписанному большевиками Брестскому миру, обвинял их в предательстве революции. При разгроме МЧК анархистов Москвы 12.04.1918 арестован в «Доме анархии» (М. Дмитровка д. 6). Осенью 1918 короткое время участвовал в деятельности «Первого Центрального социотехникума», основанного братьями А. Л. и В. Л. Гордиными (совм. псевдонимы – Бр. Гордин; Бр. Гордины). В 1918–1921 (в разное время и с перерывами) был депутатом Моссовета, работал в Московском педагогическом институте, Сельхозбанке, Россельхозбанке, Промбанке. Возможно, имел недоказанные связи с Московской организацией анархистов подполья. В сентябре-октябре 1919 присоединился к махновцам. Являлся сотрудником Культпросветотдела Военно-революционного совета Революционной Повстанческой Армии Украины РПАУ). Известен как один из популярнейших махновских ораторов. После временного роспуска РПАУ в январе 1920 вернулся в Москву. Один из организаторов «Московской секции анархо-универсализма» (МСАУ), соавтор платформы анархо-универсализма вместе с А. Гординым, Т. Аскаровым, И. Шапиро и другими. В 1920–1921 сотрудник журнала «Универсал». В конце 1921 арестован ЧК при разгроме МСАУ без предъявления обвинений, сослан в Костромскую губернию (сер. 1922). Арестован по обвинению в дезертирстве (1923). Коллегией НКВД приговорен к 2 годам ссылки (4.05.1923) в Коми-Зырянскую автономную область, однако вскоре это решение было отменено той же Коллегией НКВД 6.07.1923 с разрешением свободного проживания на территории РСФСР. Вернулся в Москву, работал управдомом. Стал членом Общественно-экономической секции Всероссийского общественного комитета по увековечиванию памяти П. А. Кропоткина (ВОК), участвовал в работе музея П. А. Кропоткина. Из-за его включения в борьбу идейных анархистов против анархо-мистиков (1927–1928), в марте 1928 вынужден был уйти из ВОК. В это время являлся одним из активных сторонников «Платформы» П. А. Аршинова и Н. И. Махно в России. В 1929 проживал в Можайске, работал в отделении Моссельхозкредита. 5.06.1929 арестован по обвинению в создании в Москве нелегальных анархистских групп, в связях с анархической эмиграцией и распространением анархистской литературы. Коллегией ОСО ОГПУ приговорен к 3 годам политизолятора (Суздаль). В августе 1930 доставлен в Бутырскую

тюрьму для проведения операции, после чего отправлен в Верхнеуральский политизолятор. Создатель и руководитель Верхнеуральской группы анархистов, пытался объединить остатки движения в нелегальную Анархистскую партию. Находясь в политизоляторе, поступил в институт заочного образования при Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. 5.06.1932 ОСО Коллегией ОГПУ приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь (Енисейск). После очередного ареста (21.03.1938) приговорен ОСО НКВД 23.04.1938 к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

### Литература

Нестор Махно. Воспоминания ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Анархисты. Документы и материалы.

**Барон (Барон Старший, Канторович, Факторович) Арон Давидович** (лит. Псевдоним – Полевой) – 1891, Киев – 1937 (по другим данным 1938).

Анархист. Из мещан (пекарь). В революционном движении со школьной скамьи. Около 1907 арестован и сослан за активную работу в Киевском союзе пекарей. Вместе с женой эмигрировал в США. С 1912 активист организации «Индустриальные рабочие мира», соредатор англоязычной газеты «Alarm» («Набат», Чикаго, 1915). Публиковался в газете Союза русских рабочих «Голос труда». Принимал активное участие в различных протестных акциях американских рабочих, неоднократно подвергался кратковременным арестам. Играл заметную роль в анархо-синдикалистском движении США. Летом 1917 вернулся из эмиграции в Россию. Возглавил в Киеве группу анархо-синдикалистов, был избран в местный Совет рабочих депутатов. Талантливый оратор и лектор. Принимал активное участие в вооруженном восстании на киевском Подоле против Центральной Рады в январе 1918, в боях против казаков атамана А. М. Каледина на Дону, а затем против австро-германских войск. Сформировал анархистский боевой отряд. В марте 1918 на короткое время стал комендантом Полтавы, участник ее обороны от интервентов. Выступил посредником и добился прекращения вооруженного конфликта между анархистами и большевиками в Екатеринославе. В мае 1918 вместе с анархистскими отрядами отступил к Ростову-на-Дону. Участвовал в проводимых в городе погромах и экспроприациях. Руководимый им отряд был разоружен под Царицыным вместе с другими анархистскими отрядами и босвыми дружинами разного толка. Летом 1918 участвовал в Курске в создании Инициативной группы анархистов «Набат», ставившей целью объединение всех анархистов Украины.

12–16.11.1918 в Курске состоялась Учредительная конференция Конфедерации анархистов Украины (КАУ) «Набат». Барон был избран в секретариат Конфедерации и в редколлегию газеты «Набат». Являлся одним из лидеров и идеологов Конфедерации и ее руководителем вплоть до конца 1920. На момент возвращения Советской власти в Украину находился в Киевском подполье. Ведет активную работу во многих городах Украины по объединению всех направлений анархистов в одну структуру. В начале 1919 работает в анархистском подполье Одессы, организует выпуск ряда листовок на английском и французском языках и их распространение среди войск интервентов. 12–18.02.1919 участвовал в работе 2-го Гуляй-Польского съезда. Весной 1919 редактировал газету «Одесский набат». На 1-м съезде КАУ (Елизаветград), 2–7.04.1919 заочно избран в секретариат. В Александровске и Екатеринославе несколько раз арестовывается чекистами. Уезжает в Москву для ведения подпольной работы. Был вновь арестован по делу о взрыве во время заседания Московского комитета РКП (б) в Леонтьевском пер., однако вскоре был выпущен на волю, т. к. имел лишь косвенное отношение к «анархистам подполья». В начале 1920 возвращается на Украину. Возрождает «Набат» в ряде ее городов. Участвовал в работе подпольных конференциях КАУ в Харькове в феврале и апреле 1920. Один из главных идеологов Конфедерации «Набат», выступал с платформой «единого анархизма», стремясь объединить все направления анархизма в стране в единую организационную структуру. Был избран официальным представителем Секретариата «Набата» при Совете революционных повстанцев (СРП) Революционной Повстанческой Армии Украины (РПАУ). Арестован Всеукраинской ЧК по обвинению в связях с махновцами. После 9-дневной голодовки освобожден. Летом 1920, подписав соглашение с Повстанческой армией «батьки» Махно, в составе членов секретариата Конфедерации вошел в число руководителей политических органов армии. С июля 1920 – председатель махновского Реввоенсовета (находился на этом посту после В. М. Волина меньше двух месяцев). Критиковал махновцев и лично Н. И. Махно (характеризовал его как «украинского Бонапарта») за недостаточный анархизм и прогрессирующее морально-политическое разложение, о чем заявил на страницах газеты «Путь к свободе». Являлся противником сотрудничества с Советской властью. Разногласия с Махно и его командирами заставили Барона покинуть повстанческую армию. В сентябре 1920 арестован в Москве чекистами. В начале октября 1920 освобожден по условиям военно-политического соглашения между РПАУ и Советской властью. В октябре 1920 возвратился в Харьков. Развернул активную пропаганду своих идей в Харькове, Луганске, Юзовке. Пытался издавать в

Харькове газету «Набат». Готовил к открытию 1 декабря 1920 Всероссийский съезд анархистов, однако его постигла неудача. 26.11.1920 был арестован чекистами вместе с другими членами Секретариата Конфедерации «Набат» и прибывшими в Харьков делегатами готовившегося съезда. Отправлен вместе с арестованными в Москву. В 1921 принял участие в похоронах П. А. Кропоткина. Вместе с другими идейными анархистами под честное слово покинул камеру, а после похорон вернулся в тюрьму. С апреля 1921 содержался в Орловском центре, провел 11-дневную голодовку протеста, был переведен в Харьков. В ноябре 1922 освобожден, однако вместо высылки из страны вместе с другими известными анархистами из-за продолжения им анархистской пропаганды по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ отправлен на три года в Соловецкие лагеря. В лагерях представлял анархистов в старостатах заключенных. Содержался в Петроминском, а затем Кемском лагерях. В 1925 освобожден, жил в Новониколаевске. В 1926–1930-х вновь в ссылке (отбыл трехгодичную ссылку в Сибири и три года в Ташкенте). В 1931 ему было запрещено новым постановлением Особого совещания проживать в ряде городов и местностях СССР. В 1934 поселился в Воронеже, где устроился на работу плановиком в местный Энерготрест. Вскоре вновь арестован по делу анархистских групп в городах центрально-черноземной области (Орел, Брянск, Харьков, Воронеж). Вместе с ним к суду было привлечено 23 анархиста. В мае 1934 сослан на три года в Обско-Иртышскую область. 1937 застал его в Тобольске, где он работал плановиком в одном из сибирских Трестов. 20.03.1937 арестован и в конце августа 1937 расстрелян по приговору Омской «особой тройки».

#### Литература

Аршинов П. А. История махновского движения 1918–1921. Берлин, 1923 ; Тепер (Гордеев) И. Махно. Киев, 1924 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Анархисты. Документы и материалы. М., 1999 Т. 2. ; Боровик М. А. Анархістський рух в Україні у 1917–1921 рр. // Українській історичний журнал. 1999. № 1 ; Загороднюк Н. И., Прибыльский Ю. П. Политические заключенные и ссыльные в Тобольске (1920-е – 1930-е гг.) // Политические, партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего столетия. Омск, 2000 ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. Указ. соч. С. 886 ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Савченко В. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008 ; Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону 1918–1923. М., 2008 ; Штырбул А. А. Нестор Махно, махновское движение и Сибирь. Омск, 2010.



**Белаш Виктор Федорович – 1893, с. Новоспасовка Бердянского у. Таврической губ. 24.01.1938, (Краснодар, по другим данным Харьков)**

Анархист. Из крестьян. Получил начальное образование. Машинист паровоза. С 1908 член Новоспасовской группы анархистов-коммунистов, имевшей связь с анархистами Бердянска и Мариуполя. Лидер группы в 1911–1918. В 1916–1918 – секретарь Новоспасовской группы анархистов. В октябрьские дни 1917 будучи в г. Туапсе являлся одним из руководителей восстания, командиром Красногвардейского отряда, членом Военно-революционного комитета. С апреля 1918, после оккупации Украины австро-германскими войсками ушел в подполье. С целью установления связи между отрядами и анархистскими группами, объехал Екатеринослав, Александровск, Бердянский и Мариупольский уезды. В мае 1918 пытался организовать восстание крестьян в районе Бердянска, которое было подавлено. По решению Новоспасовской группы анархистов отправился на Кубань для поиска оружия и добровольцев. 23–25.07.1918 во главе небольшого отряда анархистов (ок. 150 чел.) высадился в районе Мариуполя, но отряд был разбит германскими войсками. Скрывался от преследования на Кубани и Северном Кавказе. Летом-осенью 1918 командовал полком Красной армии. В середине ноября 1918 нелегально находился в Северной Таврии, пытаясь объединить повстанческие отряды в Мариупольском, Бердянском, Мелитопольском и Юзовском уездах и придать им черты регулярных воинских частей. После вступления в контакт с Военно-революционным советом (ВРС) махновцев, организовал и провел по их поручению 3–4.01.1919 в Пологах съезд повстанческих отрядов. Доклад Белаша произвел впечатление на Н. И. Махно и его окружение. Съезд выбрал оперативный штаб во главе с Белашем, приняв решение о реформировании отрядов в полки и налаживании четкого снабжения войск всем необходимым для успешного ведения боевых действий. С этого времени вплоть до ухода Махно с небольшой частью своих сторонников в Румынию в августе 1921 – Белаш – один из ведущих руководителей махновского движения. Он и его ближайшее окружение выступали за тесный союз с Советской властью в борьбе с белой контрреволюцией. 26.01.1919 по поручению штаба повстанцев выехал в Харьков для переговоров с командованием Южного фронта красных о военном союзе. Вступил в контакт с Секретариатом Конфедерации Анархистов Украины (КАУ) «Набат» и договорился о регулярной доставке на территорию контролируемую махновцами анархистской литературы и агитаторов. В феврале 1919 участвовал в работе 2-го Гуляй-Польского районного съезда, а 7.03. съезда Военно-революционного совета повстанцев. По его решению



оставил должность начштаба, был избран членом ВРС. С конца марта находился на фронте. 9.04.1919 назначен начальником штаба боевого участка махновской бригады в районе Волновахи. Фактически руководил разгромом казачьего корпуса генерала А. Г. Шкуро (15–16.04) у ст. Розовка. Участвовал в работе войскового съезда в Мариуполе (12.05.1919), созванного ВРС для определения отношения махновцев к мятежу атамана Н. А. Григорьева. На съезде высказался за вооруженную борьбу против Григорьева и сохранение союза с большевиками. Съезд преобразовал бригаду Н. И. Махно в дивизию, боевые участки в бригады. Белаш был назначен командиром 2-й бригады. В июне 1919 после разрыва махновцев с Советской властью, настаивал на примирении с нею и отстранении Махно от командования. 15.06. новое совещание боевых командиров под его председательством выступило против начала борьбы с большевиками и выбрало Белаша командиром повстанческой дивизии. Однако примириться с Советской властью не удалось, репрессии против махновцев с ее стороны продолжались. 24.06.1919 в связи с угрозой ареста, Белаш перешел на нелегальное положение. Летом 1919 участвовал в боях против белых в качестве рядового артиллерийской батареи красноармейской группы Кочергина. При его участии 19–20.08.1919 в этих частях Красной армии произошло восстание. Белаш настоял на освобождении арестованных командиров и комиссаров, был избран повстанцами начальником штаба и секретарем группы КАУ «Набат» Южного боевого участка. 30.08. состоялось воссоединение с основными силами махновцев. 1.09. на общеохотской съезде махновцев избран начальником штаба РПАУ и членом ВРС. Съездом была принята разработанная им структура повстанческой армии. Вместе с Махно руководил Повстанческой армией под Уманью в сентябре 1919 где повстанцы одержали блестящую победу над белогвардейской армией А. И. Деникина и приступили к стремительному наступлению на Екатеринослав. По его инициативе ряд специально выделенных отрядов махновцев были отправлены в Херсонскую, Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губернии для усиления давления на деникинские войска. 5.10 вместе со штабом остался в захваченном Александровске, продолжая осуществлять общее руководство армией. Делегат 4-го районного съезда (28.10 – 4.11.1919). Выступил на нем против немедленного расстрела М. Л. Полонского – организатора большевистского заговора в РПАУ. Осенью-зимой участвовал в формировании новых частей, в захвате 11.11. и 24–26.12.1919 Екатеринослава, будучи командиром кавалерийской группой 1-го Донского корпуса повстанцев. За участие Белаша в партизанско-повстанческом движении белогвардейцы убили его

отца, деда и двух братьев, сожгли все хозяйство. Вновь предложил добиться заключения нового военно-политического соглашения с Советской властью при условии признания большевистским руководством независимости Екатеринославской и Таврической губерний. С возобновлением репрессий со стороны красных, вновь перешел на нелегальное положение. В конце января 1920 уехал в Новоспасовку. 8.05. Новоспасовская группа присоединилась к РПАУ. Вновь был избран начальником штаба армии. С 29.05 одновременно занимал должности члена Совета революционных повстанцев, заместителя председателя СРП и начальника его оперативного отдела. В июне-августе 1920 – член редакции газеты «Повстанец». Участвовал в боях, несколько раз был ранен. 9.07.1920 собрание комсостава отклонило предложение Белаша о заключении нового военного союза с большевиками против П. Н. Врангеля. В связи с тяжелым ранением Н. И. Махно (29.08) влияние Белаша в руководстве РПАУ заметно усилилось. 27–29.09 он сумел добиться решения большинства членов СРП и штаба армии о заключении военного союза с большевиками. Участвовал в рейде РПАУ в тыл Врангеля. С 25.10.1920 штаб повстанческой армии и Белаш находились в Гуляй-Поле. Предвидя неизбежность разрыва союза с Советской властью после разгрома Врангеля, стремился стянуть махновские части в район Гуляй-Поля. С 26.11.1920 когда разрыв с большевиками состоялся, осуществлял оперативное руководство движением РПАУ во время рейдов с декабря 1920 по март 1921 по Таврии и Екатеринославщине. 15.03.1921 подписал вместе с Н. И. Махно приказ о временном самороспуске армии. Некоторое время скрывался в подполье. 17.07.1921 с отрядом в несколько сот человек отделился от основных сил «батьки» стремясь безуспешно пробиться на Кавказ. 13.09 его отряд самораспустился в Мариупольском уезде. Белаш с небольшой группой соратников пытался соединиться с повстанцами Г. С. Маслакова на Северном Кавказе, но 23.09 был арестован чекистами на Кубани в станции Должанской (при аресте оказал вооруженное сопротивление, был ранен). Содержался в Харьковской тюрьме в камере смертников. Однако в 1921 был по решению суда осужден на три года, а затем досрочно освобожден на поруки легальных анархистов. Проживал в Харькове, работал инструктором по тарифным вопросам правления треста «Югосталь». Участвовал в подпольной работе КАУ «Набат» за что в 1924 был арестован и сослан в Ташкент. В конце 1925 досрочно освобожден и вернулся в Харьков. С конца 1925 по февраль 1934 работал в аппарате «Югостали», «Стали» и «Гипроруде» служащим, механиком по ремонту пишущих машинок. Арестован в 1930 при подготовке нелегального съезда КАУ. На-

ходясь в тюрьме с ведома и по поручению ОГПУ написал воспоминания о махновском движении (работа содержит много ценных сведений по истории повстанческого движения Украины). После дачи обширных показаний о подпольной работе, в 1932 был освобожден. В феврале 1934 переехал на жительство в г. Краснодар. Работал при мастерской союза охотников. 18.12.1937 арестован НКВД в Краснодаре, умер во время допроса 24.01.1938. Реабилитирован посмертно 29.04.1976.

#### Сочинения

Махновщина // Летопись революции. 1928. № 3; Дороги Нестора Махно (вместе с сыном А. Белашом). Киев, 1993.

#### Литература

Аршинов П. А. Указ. соч. ; Яруцкий Л. Указ. соч. ; Нестор Махно. Воспоминания ; Шумаков А. Последний визит: о В. Ф. Билаше – нач. штаба повстан. армии // Азовский вестник. 1999. 7 декабря ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине ; Волин В. М. Указ. соч.

#### **Буданов (Буданев) Авраам – около 1886 – 1928 (1929?).**

Из крестьян Славяносербского у. Екатеринославской губ. Слесарь (по другим данным рабочий-шахтер). С 1905 анархист-коммунист, участник революции 1905–1907 в Донбассе. В 1917–1918 организатор анархистских групп среди шахтеров Донбасса. После оккупации Украины австро-германскими войсками уехал в Россию. С момента основания (осень 1918) член КАУ «Набат». В составе анархистской группы Васильева в конце 1918 прибыл в Юзовку для организации подпольной работы против гетмана П. П. Скоропадского. В мае 1919 прибыл в Гуляй-Поле. Сотрудник Культпросветотдела Совета повстанческой армии «батъки» Махно. В июне 1919 ушел в подполье. Рядовым бойцом вступил в одну из частей Красной армии. Был среди организаторов (20.08.1919) анархо-махновского восстания в 58-й дивизии красных. Объявив себя Южной группой, мятежники через несколько дней объединились с основными силами РПАУ. На общearмейском съезде 1.09.1919 избран членом ВРС Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) и начальником штаба 1-го Донского корпуса (октябрь 1919 – январь 1920). Активный участник осенне-зимней кампании 1919, приведшей к полному разгрому белогвардейской армии А. И. Деникина. Принимал участие в захвате повстанцами Елизаветграда и Кривого Рога (октябрь 1919), в боях под Александровском и Екатеринославом (ноябрь-декабрь 1919). С января 1919 в подполье в Гуляй-Поле вместе с другими лидерами махновцев. С февраля в отряде Н. И. Махно. 29.05.1920 избран членом СРП и начальником

его Культпросветотдела (до сентября 1920). В июле направлен в Старобельский уезд Харьковской губернии для организации новых отрядов РПАУ. Осуществлял общее руководство этими отрядами. В августе направлен в Донецкую губернию где объединил под своим командованием местные махновские отряды. Действовал совместно с отрядом Терезова. В конце сентября 1920 направлен в составе комиссии в Харьков для ведения переговоров с правительством Украины о заключении военно-политического соглашения. Стремился добиться от украинских большевиков признания независимости Екатеринославской, Александровской и Таврической губерний для создания на их территории вольного анархистского строя. В середине ноября 1920 вызван СРП в Гуляй-Поле для отчета о ходе переговоров. Из-за этого сумел избежать ареста при разгроме Конфедерации «Набат» 25–26.11.1920. С января 1921 вел партизанскую войну против красных в Донбассе (по другим данным 25.11.1920 арестован в Харькове, с января 1921 содержался в Бутырской тюрьме, с апреля – в Рязанской. Из последней 10.07.1921 бежал с группой анархистов). Вернувшись на Украину командовал партизанским отрядом. В начале 1922 отряд Буданова был разбит, а он пленен. Содержался в камере смертников Харьковской тюрьмы ВУЧК-ГПУ. В 1923 освобожден на поруки легальных анархистов. В 1920– гг. проживал в Мариуполе, работал на заводе. Продолжал вести подпольную анархистскую деятельность, организовал группу соратников по КАУ «Набат». В конце 1928 вместе с другими участниками своей анархистской группы арестован. При обыске у членов группы было найдено оружие. Расстрелян.

#### Литература

Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Архірейський Д. В. Анархіст-комуніст Авраам Буданов // Грані. 2002. № 2. С. 33–36 ; Волин В. М. Указ. соч. ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине.

#### **Вдовиченко (Удовиченко, Вдовин) Трофим Яковлевич – 1889 – 1921.**

Из семьи крестьян-батраков с Новоспасовка Мариупольского у. Екатеринославской губ. Образование начальное. С 1910 боевик, член Новоспасовской группы анархистов-коммунистов. Участник Первой мировой войны 1914–1918, в 1917 полный Георгиевский кавалер, прапорщик, председатель полкового комитета. В конце 1917 вернулся в Новоспасовку, возобновил связи с местными анархистами. В мае 1918 организовал 2-й Новоспасовский партизанский отряд во главе которого осенью 1918 присоединился к махновцам. Делегат фронтового повстанческого съезда (Пологи, 3–4.01.1919). Избран командиром 1-го Повстанческого полка (пре-



образован позднее в Новоспасовский полк). Зимой и весной 1919 полк во главе с Вдовиченко сражался с белогвардейскими войсками Добровольческой армии. В момент разрыва Н. И. Махно с красными, полк оставался на фронте, сдерживая наступление белых. В начале июля 1919 полк был включен в группу войск Красной армии под командованием Кочергина, затем И. Ф. Федько. В августе 1919 полк влился в РПАУ. 1.09.1919 Вдовиченко избран на общевойсковом съезде членом ВРС армии и командиром 2-го Азовского корпуса, которым командовал по декабрь 1920. В ходе Уманского боя (27.09.1919) войска Вдовиченко полностью разгромили 51-й Литовский офицерский полк и пленили 1-й и 2-й Лабинские пластунские (казацкие) полки белых. В ходе быстрого наступления в тылу белых корпус участвовал в захвате Алесандровска (5.10), Токмака (6.10), Бердянска (8.10), Ногайска и Новоспасовки (9.10), Мариуполя (14.10), захватив огромное количество военных трофеев. После перехода белых в контрнаступление к 9.11.1919 войска Вдовиченко оставили Мариуполь, Бердянск и Гришино и отошли на правый берег Днепра в район Никополя. В это время под его командой находилось три кавалерийские бригады и два пехотных полка. К началу декабря 1919 корпус насчитывал до 21 тысячи штыков. В декабре войска 2-го Азовского корпуса вновь взяли Александровск. После подхода к району боевых действий войск Красной армии, приступивших к разоружению махновцев, Вдовиченко во главе своих войск с боем прорвался в Гуляй-Поле (1.01.1920), где на другой день по приказу Н. И. Махно повстанческая армия была временно распущена. С частью лидеров махновского движения Вдовиченко уехал в Новоспасовку, где скрывался в подполье. 8.05.1920 Новоспасовская группа вновь влилась в ряды повстанческой армии Махно. С мая 1920 по май 1921 – командир Азовской группы Повстанческой армии. ВРС в начале июля 1920 назначил Вдовиченко своим представителем в Бердянском и Мариупольском уездах по руководству партизанско-повстанческим движением против красных. После заключения последнего военно-политического союза с большевиками в октябре 1920 находился в Гуляй-Поле, а 16.11.1920 был вновь направлен в Бердянско-Мариупольский район с задачей продолжить формирование махновских отрядов. После разрыва с Советской властью (25.11.1920) 2-я Азовская группа РПАУ под его командованием вела борьбу против Красной армии самостоятельно. 11.12.1920 она соединилась с основными силами Махно. Участвовала в рейдах по Причерноморью, в боях под Бердянском. Через Вдовиченко махновский СРП вел переговоры с командиром 2-й Конной армии красных Ф. К. Мироновым о его переходе на сторону Махно. В конце января 1921 Вдови-



ченко был тяжело ранен и оставлен на лечение в Новоспасовке. В апреле 1921 обнаружен и арестован карательным отрядом красных. Содержался в Александровской губЧК. Махновцы предприняли ряд безуспешных попыток освободить его. В мае 1921 Вдовиченко был расстрелян по приговору ВУЧК в г. Александровске.

#### Литература

Аршинов П. А. Указ. соч. ; Нестор Махно. Воспоминания ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Волин В. М. Указ. соч. ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине.

**Волин (настоящая фамилия Эйхенбаум или Эхембаум) Всеволод Михайлович (псевданимы: В. Э., Волин, В. Волин, С. Волин, Михайлович и др.) – 11.08.1882, г. Тихвин Новгородской губернии (по другим данным г. Воронеж или недалеко от Воронежа) – 18.09.1945, Париж (кладбище Пер-Лашез).**

Родился в семье земских врачей в г. Тихвине. С детства владел французским и немецким языком. После окончания гимназии в Воронеже переехал в Петербург. Поступил на юридический факультет (правовую школу) Санкт-Петербургского университета. В революционном движении с начала 1900-х гг. В 1904 покинул стены университета и в 1904 (по другим данным в 1905) вступил в Партию социалистов-революционеров (ПСР) и находился в ее рядах до 1911 г. Принимал активное участие в революционном рабочем движении. Был знаком с Г. Гапоном, участвовал в массовом шествии рабочих и членов их семей к Зимнему дворцу, в трагических событиях «Кровавого воскресенья» 9.01.1905. В период революции 1905–1907 вместе с Г. С. Хрустальевым-Носарем создавал Петербургский Совет рабочих депутатов, был арестован за участие в восстании в Кронштадте 25.10.1905. и помещен в Петропавловскую крепость, но вскоре освобожден. Вновь арестован и приговорен к ссылке на поселение в Енисейской губернии, однако бежал с этапа. Нелегально занимался революционной деятельностью в Нижнем Новгороде, однако в ноябре 1907 был вынужден эмигрировать во Францию. После разоблачения провокатора Е. Ф. Азефа вышел из ПСР. С 1911 становится членом небольшой анархистской группы, одним из организаторов заграничного анархистского движения. Вместе с А. А. Карелиным в 1912 в Париже создал группу «Вольных социалистов», с начала 1913 – «Братство вольных общинников». Член редакции и сотрудник печатного органа группы журнала «Молот», член издательской группы и сотрудник анархистской газеты «Голос Труда» (орган «Федерации союзов русских рабочих США и Канады», Нью-Йорк, с 1912). Соучредитель «Общества

активной помощи политическим каторжанам и ссыльным в России» (Париж, 1912). В октябре 1913 участник съезда анархистов группы «Братство вольных общинников». В 1914 примкнул к анархистам-синдикалистам. Во время Первой мировой войны 1914–1918 член русской и французской анархических групп в Париже, участник «Комитета Интернационального действия». В августе 1915 за антимилитаристскую пропаганду заключен в концлагерь. Бежал из него с помощью французских анархистов. Оказался в порту Бордо. Летом 1916 устроившись нелегально помощником кочегара на пароходе «Лафайет» уплывает в США. Входит в состав анархо-синдикалистского Союза русских рабочих в США и Канаде (СРР). Продолжил работу в газете «Голос Труда». После победы Февральской революции в 1917 вернулся в мае при помощи Анархистского Красного Креста вместе со всей редакцией «Голоса Труда» через Владивосток и Сибирь с другими анархистами в Петроград, где принял участие в создании «Союза анархо-синдикалистской пропаганды» (САСП) и возобновил издание «Голоса Труда», ставшего еженедельным органом САСП. В ноябре 1917 принял участие в работе Пятой конференции фабзавкомов Петрограда. Резко отрицательно отнесся к победе большевиков в октябре 1917. В ряде публикаций в газете «Голос Труда», распространявшего идеи революционного синдикализма среди столичных рабочих, выразил свой план возрождения хозяйства и экономики России («Две стороны», «От тупика к тупику», «Грядущие задачи», «Рабочее дело», «Революция и голод», «Задача момента» и др.). Начиная со второго номера Волин возглавил редакцию «Голоса Труда», который стал самым влиятельным анархо-синдикалистским изданием периода российской революции. Его тираж достигал двадцатипяти тысяч экземпляров. Отрицательно отнесся к Учредительному собранию и возможности его плодотворной работы. Резко осудил Брестский мир, подписанный большевиками со странами Четверного союза, сочтя его предательством революции. Призывал к неустанной партизанской войне против немцев. В начале марта 1918 вместе с другими анархистами по издательству «Голос труда» организовал и возглавил боевой анархистский отряд, который отправился на фронт на защиту революции от австро-германских войск. Весной и летом 1918 воевал против войск гетмана П. П. Скоропадского. Анархистский отряд Волина был разоружен на территории Советской России, как и другие анархистские отряды, прибывшие с Украины ввиду их практически полного разложения и недееспособности. По возвращении с фронта жил в городе Боброве, работал в просветительском отделе местного Совета, лектор в отделе народного образования Воронежской губернии. Осенью 1918 переехал в Харьков, один из создателей Конфедерации анархистских организаций

Украины «Набат» и редактор ее главной газеты. Сыграл одну из ключевых ролей на ее первой общей конференции, состоявшейся в ноябре 1918 г. в Курске, стремившейся выработать принципы анархистского движения, которые были бы приемлемы для всех идейных течений в российском анархизме: коммунизма, синдикализма и индивидуализма. В связи с этим Волин постепенно эволюционировал от анархо-синдикализма к более синтетической позиции, которую он называл «единым анархизмом». Видел воплощение идей своей программы в Конфедерации «Набат», которая помимо центра в Харькове, имела отделения в Киеве, Одессе и других крупных городах юга страны. Конфедерация помимо главного своего органа «Набат», выпускала ряд региональных газет, а также брошюры и прокламации. При Конфедерации существовала молодежная организация, а также Союз атеистов. Принял участие в работе съезда Конфедерации в Елизаветграде (апрель 1919). В 1919 – 1920 глава секретариата Конфедерации и один из редакторов газеты «Набат» (Харьков). Ближайший сподвижник Н. И. Махно (с августа 1919), председатель Военно-революционного совета (ВРС), один из идеологов махновского движения (вместе с П. А. Аршиновым, О. И. Таратутой, В. В. Бармашем, А. Бароном и др.). Один из самых ярких агитаторов и пропагандистов среди махновцев, красноармейцев и местного населения. 20.09.1919 от имени ВРС подписал в Жмеринке договор между РПАУ и Украинской народной республикой о временном прекращении боевых действий против петлюровцев. Являлся инициатором и организатором (28.10 – 2.11.1919) 4-го рабоче-крестьянского повстанческого съезда освобожденных РПАУ территорий (Александровск). На съезде выступил с докладом о деятельности ВРС и зачитал «Декларацию революционных повстанцев», которая стала программным документом махновского движения и содержала анализ хода событий на Украине в 1917–1919. Назначен заведующим Культпросветотделом махновской армии. После окончания работы съезда под его началом в Культпросветотделе были созданы секции: печати (глава – П. Аршинов), школьная (глава – Г. Кузьменко), устной пропаганды, театральная (глава – Н. Конопля). За враждебную пропаганду против Красной армии арестован ЧК в районе Кривого Рога (14.01.1920). С марта по октябрь 1920 находился под арестом в Москве. 1.10.1920 освобожден с связи с подписанным соглашением Советской власти с Махно о совместной борьбе с белогвардейскими войсками барона П. Н. Врангеля. Съездил в Дмитров и посетил П. А. Кропоткина. Затем отправился в Харьков, где участвовал в переговорах командования Красной армии с делегацией батьки Махно. После разрыва соглашения советского правительства с махновцами 25.11.1920 арестован в Харькове за подготовку съезда анархистов. С дека-

бря 1920 находился в московской Бутырской тюрьме, затем в Лефортово, потом – Таганке. Чудом избежал расстрела. Провел 10, 5 дневную голодовку. Хотел принять участие в похоронах П. А. Кропоткина, однако из находившихся в тюрьмах Москвы нескольких десятков анархистов, эта честь была предоставлена только семерым из их числа. В связи с запросом делегатов съезда Красного Профинтерна на имя Совнаркома РСФСР, освобожден из тюрьмы. Осенью и зимой 1921 жил в Москве, 5. 01.1922 выслан из России в числе 10 анархистов. В порту Штеттин вместе со своими товарищами был задержан германскими властями, но затем освобожден под гарантии немецких анархистов-синдикалистов. В 1922–1925 вместе с семьей жил в Германии. Являлся одним из организаторов и душой русского анархического центра в Берлине. Сотрудничал с анархо-синдикалистским Интернационалом – Международной ассоциацией трудящихся (МАТ), редактировал журнал «Анархистский вестник» – орган группы русских анархистов за границей, участвовал в работе Объединенного комитета защиты заключенных революционеров России. Написал ряд работ по истории анархического движения в России. Перевел на немецкий язык и снабдил предисловием «Историю махновского движения» П. Аршинова (Берлин, 1923). Готовил к выходу в свет книгу (в соавторстве) «Гонения на анархистов в Советской России». Получив приглашение от С. Фора, переехал в 1925 в Париж для работы над 4-х томной анархической энциклопедией (1925–1934). Сотрудничал в анархистских эмигрантских газетах и журналах: «Анархистский вестник» и «Интернационале» (Берлин), «Дело Труда» (Париж, с 1930 – Чикаго), «Либертер» и «Ревю анаршист» (Париж), «Голос Труда» (Буэнос-Айрес), «Мэн», «Дело Труда» и «Фрайе арбетер штиме» (США) и др. Им был выпущен и поэтический сборник, посвященный памяти умершего в 1921 П. А. Кропоткина и начата работа над фундаментальным трудом по истории российской революции. В Париже возникла анархистская группа «Дело Труда». В 1926–1927 в ней произошел раскол. В ответ на появление «Организационной платформы П. Аршинова и Н. Махно, Волин и его соратники» создали Парижскую группу русских анархистов-синдикалистов и написали коллективный «Ответ нескольких анархистов на «Организационную платформу». Острые организационные и идейные разногласия привели к личному конфликту между Волиным и его бывшими соратниками (Махно и Аршиновым). Отношения нормализовались лишь после отхода П. Аршинова от анархизма и его возвращения в СССР. Волин в начале 1930-х стал секретарем Махно в Париже и членом «Издательского комитета Н. Махно» и помогал ему в подготовке 2-й и 3-й книг воспоминаний, которые вышли в свет уже после его смерти. При этом Волин был ответственным редактором



и автором предисловия и комментариев к книгам «Под ударами контрреволюции» (Т. 2. Париж, 1936) и «Украинская революция» (Т. 3. Париж, 1937). В 1926 Волин присоединился к Анархистскому союзу Франции. Участвовал в работе Интернационального комитета при МАТ, оказывавшем помощь беженцам и эмигрантам из стран с фашистскими режимами: Испании, Болгарии, Португалии. Ответом на фашизм считал проведение социальной революции. С восторгом встретил Испанскую революцию. Выступил одним из инициаторов создания Франкоязычной анархистской Федерации (ФАФ) в Тулузе (август 1936). В 1937 был избран секретарем печатного органа Федерации «Террлибр». В 1939 после прихода к власти в Испании фашистского диктатора Ф. Франко, поселился в Марселе. С началом Второй мировой войны 1939–1945 занимал последовательную антивоенную позицию. Уже будучи тяжело больным редактировал нелегальный журнал «Рэзон», участвовал в подпольном анархистском съезде по восстановлению французского анархистского движения в Ажене (октябрь 1944). В 1945 возглавил редакцию печатного органа Либертарной федерации Южного региона – газету «Птит кай». 18.09.1945 скончался. Похоронен в Париже на кладбище Пер-Лашез, недалеко от могилы Н. И. Махно.

#### Сочинения

Москва / Из России // Анархист. Paris, 1909. № 3 (май). С. 28–30 ; О так называемом «выступлении» // Голос труда. Пг., 1917. 20 окт. (№ 11) ; Диктатура пролетариата и советская власть // Там же. 1917. 16 [29] дек. (№ 23) ; Ленин и анархизм // Там же. 1918. 16 [29] янв. ; Революция и анархизм: сб. ст. [Б. м.], 1919 ; Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат». [Б. м.] 1919 ; Дон и добровольческая армия: очерки недавнего прошлого. Ростов-на-Дону, 1919 ; Вместо венка // Сборник статей, посвященный памяти П. А. Кропоткина. Пг.; М., 1921 ; «Вожди и массы»: по П. А. Кропоткину // П. А. Кропоткин и его учение: интернац. сб., посвященный десятой годовщине смерти П. А. Кропоткина / под ред. и примеч. Г. П. Максимова. Чикаго, 1931. С. 55–63 ; Гонения на анархистов в Советской России / А. Горелик, А. Комов, Волин. Берлин, 1922 ; Нестор Иванович Махно: некролог // Дело труда. Чикаго. 1934. № 82 ; О вольном городе // Н. Махно и махновское движение. Из истории повстанческого движения в Екатеринославской губернии: сб. док. и материалов. Днепропетровск, 1993. С. 22–23 ; Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005.

#### Литература

Максимов Г. П. (гр. Лапоть) За что и как большевики изгнали анархистов из России (к освещению положения анархистов в России). Штеттин, 1922 ; Аршинов П. А. Указ. соч. ; Деникин А. И. Очерки русской смуты.



Берлин, 1925. Т. 5 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч ; Чоп В. М. Всеволод Волин (Эйхенбаум) – председатель махновского культпросвета // Запорожские еврейские чтения. Запорожье, 1999. Вып. 3. С. 53–63 ; Его же. Всеволод Волин – глава махновского культпросвета // Избранные труды Запорожских еврейских чтений. Запорожье, 2005. С. 369–382 ; Политические партии в России. С. 121–122 ; Анархисты. Документы и материалы ; Аврич П. В. М. Эйхенбаум (Волин): человек и его книга // Волин В. М. Неизвестная революция. С. 3–12 ; Его же. Русские анархисты, 1905–1917 ; Дамье В. Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. М., 2006–2007. Т. 1–2 ; Нестор Махно, Крестьянское движение на Украине ; Савченко В. 100 знаменитых анархистов и революционеров.

**Зиньковский (Левка Задов, настоящая фамилия Зодов) Лев Николаевич** – 11.04.1893, еврейская земледельческая колония **Веселая Бахмутского у. (по другим сведениям Мариупольского у.) Екатеринославской губ. 25.09.1938, Одесса.**

Родился в бедной еврейской семье. Около 1900 семья переехала в Юзовку. Окончил 2 класса начальной еврейской школы. Работал на мельнице, а затем на металлургическом заводе. Вступил в организацию анархо-коммунистов. За участие в экспроприациях в 1913 приговорен к 8 годам каторги. Отбывал наказание в Бахмуте, Луганске, Екатеринославе. Поменил не слишком приятную для слуха фамилию и стал Зиньковским. Был освобожден после Февральской революции 1917. Как политзаключенный был избран депутатом городского Совета Юзовки. С конца 1917 в анархистском отряде М. Черняка, а затем в рядах Красной армии. Сражался с австро-германскими войсками и с белоказаками. Вскоре стал начальником штаба боевого участка Котельниково-Жутово бригады Кругляка под Царицыным. В 1918 на подпольной работе на Украине. Осенью 1918 вступил в ряды махновской армии. Помощник командира полка. После захвата Александровска у повстанцев была создана армейская разведка. Ее начальником был назначен Л. Голиков, а его помощником – Зиньковский. Принимал участие в создании ряда повстанческих отрядов. В начале марта 1919 участвовал в штурме Мариуполя. В течение двух недель являлся помощником начальника Мариупольской контрразведки армии. С сентября по декабрь начальник контрразведки 1-го Донецкого корпуса. В ноябре-декабре 1919 являлся членом Военно-революционного Совета махновской армии. Член комиссии антимахновских дел при ВРС РПАУ. В декабре 1919 руководил расстрелом командира полка М. Полонского и его товарищей, заподозрен-

ных в заговоре с целью убийства Н. И. Махно. Вместе с братом Даниилом был среди повстанцев, которые смогли в январе 1920 спасти заболевшего тифом «батьку» Махно, спрятав его от красных. После этого отправился на Донбасс к родне, а весной 1920 вернулся в состав восстановленной махновской армии. После заключения в октябре 1920 Старобельского соглашения о сотрудничестве махновцев с войсками Красной армии для борьбы с белогвардейскими войсками барона П. Н. Врангеля в Крыму, Задов был назначен комендантом Крымской группы войск. Участвовал в штурме Перекопа и разгроме Врангеля. После разрыва с Красной армией и началом уничтожения махновских войск, находившихся в Крыму, Задов в составе небольшого кавалерийского отряда, насчитывавшего около 250 конников во главе с Марченко и Тарановским, пробился в декабре 1920 к Махно в Гуляй-Поле. Принимал участие в рейдах «батьки» в первой половине 1921, будучи членом штаба и адъютантом Н. И. Махно, а с января по август 1921 еще и начальником личной его охраны. 28 августа 1921, разоружив наряд пограничников, обеспечил небольшой группе махновцев в количестве 78 человек во главе с Махно переправиться через Днестр на румынскую территорию в районе г. Ямполь. Находился в эмиграции около трех лет. Вернулся на территорию Советской Украины нелегально в 1924 по разным версиям: не то по просьбе самого Махно за сокровищами, спрятанными в одном из кладов, не то по заданию румынской разведки для участия в диверсионной деятельности. Вступив на землю своей родины, Задов и его спутники тут же сдались ГПУ и после шести месяцев допросов он был освобожден. На него уже распространялась амнистия 1922 для бывших махновцев и к тому же чекисты решили использовать его богатый опыт для ведения нелегальной работы в ГПУ. После выхода на свободу вначале являлся внештатным сотрудником Харьковского республиканского ГПУ, а с 1925 оперуполномоченным иностранного отдела ГПУ, с 1932 служил сотрудником ИНО в Одесском отделе ГПУ-НКВД. С конца 1936 – уполномоченный 3-го отдела (контрразведка) Одесского УНКВД. Участвовал в чекистских операциях против эмигрантов и румынской разведки. Дважды награжден боевым оружием. Полковник госбезопасности, ответственный работник иностранного отдела. 26.08.1937 был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Румынии. Выездной сессией ВКВС СССР 25.09.1938 приговорен к расстрелу. В январе 1990 был реабилитирован.

#### Литература

Аршинов П. А. Указ. соч. ; Зинько Ф. Оболганный Лев Задов // Историчний феномен Гуляйполя. Запоріжжя, 1988. С. 130–146 ; Его же. Украинские деловые новости. 1995. № 14. С. 8; № 15. С. 22 ; Оппоков В. Г. Слуга

анархии и порядка // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 87–94; № 4. С. 82–84; № 10. С. 56–63; 1991. № 11. С. 69–71; Его же. Лев Задов: смерть от бескорыстия: повесть о махновце-чекисте. Петрозаводск, 1994; Турченко С. Лев Задов в литературе и жизни // Красная звезда. 1990. 3 февр.; Вітковський В. Останній рубікон Льови Задова // Вечір. Київ. 1991. 6 лют.; Его же. Скарби Нестора Махна або Льова Задов: хто він? : повість-хроніка. Вінниця, 2009; Дойников Ю. Лева Задов: бандит? чекист? Разведчик? // Советская милиция. 1991. № 1. С. 82–87; Еременко В. Лева Задов – махновец и чекист // Правда Украины. 1992. 25 дек.; Нестор Махно. Воспоминания. Указ. соч.; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч.; Попик В., Вітковський В. Зрадлива фортуна Льови Задова. Киев, 1993; Льова Задов – махновець і чекіст // Факт. 1993. № 1. С. 5; Седов Н. Хождения Лёвы Задова // Труд. 1993. 24 июня; Яруцкий Л. Д. Махно и махновцы. Указ. соч.; Жилінський В. Його звали Льова Задов // Голос Гуляйпільля. 1997. 7 черв.; Зиньковский В. Л. Правда о Зиньковском-Задове Льве Николаевиче – анархисте, чекисте. Новороссийск, 1999; Его же. Правда о Зиньковском-Задове Льве Николаевиче: главы из книги // Запороз. Січ. 1999; Капчинский О. Батька под колпаком ЧК. Сексоты железного «Феликса» в махновском войске // Родина. 2001. № 3. С. 62–63; Мельник В. Два життя Л. Зиньковского-Задова: (1893–1938) // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. Киев, 2003. С. 154–170; Два образа Льва Зиньковского-Задова // В мире спецслужб. 2004. № 3. С. 60–65; Корнев А. Лева Задов – правая рука Батьки // Вечерние вести. 2004. № 73; Волин В. М. Неизвестная революция; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине; Савченко В. 100 знаменитых анархистов и революционеров; Сто великих тайн России XX в. М., 2011. С. 238–242); Степаненко П. 120 років від дня народження Л. М. Задова (Зиньківського), активного учасника махновського руху, уродженця колонії Весела Катеринославської губернії // Туризм щільний рік: довідник. Запоріжжя, 2012. С. 14–16.

**Каретников (Каретник) Семен Никитич (Никитович) – 1893, с. Шагарово Гуляйпольская волость Екатеринославская губ. 28.11.1920, Мелитополь**

Родился в семье батрака, образование начальное. Анархист-коммунист с 1907. С 1917 член Гуляйпольской группы анархистов. С 1918 участник махновского движения, командир штабного батальона и Гуляйпольского отряда. Начальник гарнизона г. Бердянска (март-июнь 1919), командир 2-го пехотного Гуляйпольского полка (сентябрь-декабрь 1919). В июле 1919 принял участие в ликвидации атамана Н. Г. Григорьева и его окружение в с. Сентово. Лично застрелил телохранителя атамана Григорьева, пытавшегося убить

«батько» Махно. В декабре 1919 участвовал в разоблачении и расстреле М. Полонского (командира 3-го Крымского полка РПАУ), уличенного в заговоре с целью убийства Н. И. Махно и совершения большевистского переворота в повстанческой армии. С декабря 1919 по январь 1920 командир 1-го Донецкого корпуса РПАУ. С мая по октябрь 1920 заместитель Н. И. Махно. В боях с денкинцами был несколько раз ранен. Не веря в искренность действий большевиков, выступал категорически против подписания Военно-политического соглашения с УССР и армией «батьки» Махно от 16.10.1920. Несмотря на это был назначен раненым Н. И. Махно командующим особой Крамской группой войск Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) для борьбы против белогвардейских войск барона П. Н. Врангеля в Крыму. 8.11.1920 войска РПАУ под его командованием форсировали Сиваш и вышли на Литовский полуостров в тыл перекопских укреплений белых. 9.11 в ожесточенном бою у озера Безымянное Крымский корпус Каретника совместно с частями 2-й Конной армии красных разгромил пятитысячный конный корпус генерала И. Г. Барбовича. 23.11.1920 штаб Крымской группы получил приказ командующего Южным фронтом Красной армии М. В. Фрунзе о вхождении всех частей РПАУ в состав 4-й армии и их реформировании. Общее собрание командиров и штаба Крымской группы ответило отказом. 24.11.1920 Каретник и начальник штаба Крымской группы П. Гавриленко были вызваны в штаб Фрунзе. Оставив вместо себя А. Марченко и Е. Тарановского, Каретник и Гавриленко прибыли в Джанкой, где 26.11 были арестованы, затем отправлены в Мелитополь, где 28.11.1920 были расстреляны командованием сводной дивизии курсантов.

#### Литература

Аршинов П. А. Указ. соч. ; Конец «карьер» махновца Каретникова // Красное Запорожье. 1926. 6 мая (№ 101). С. 3 ; Махновский командир Каретников // Красное Запорожье. 1926. 24 дек. (№ 299). С. 4 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Нестор Махно. Воспоминания ; Волин В. М. Неизвестная революция; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине ; Кравец Ю. П. Махновский командир Пантелеймон Каретников и его судьба // Музейний вісник. 2011. № 11. С. 131–141.

**Никифорова Марья Григорьевна** (псевд.: Маруся, Маруська и др.) – около 1883-1885, с. Печениково Стародубский у. и волость Черниговской губ. (по другим данным, экономия Левшино Екатеринославской губ.) – октябрь 1919, Севастополь.

Из крестьян. Работала нянькой, торговкой, посудомойкой на водочном заводе в Александровске Екатеринославской губ. С 16 лет в революцион-



ном движении. Близка к Партии социалистов-революционеров. В 1907 участвовала в деятельности группы анархистов в Стародубе. Вела революционную работу в Клинцах Брянской губ. Участвовала в целой серии террористических актов. 13.10.1907 военный суд в Чернигове приговорил ее к 20 годам каторжных работ и лишению всех прав и преимуществ. Наказание отбывала в Новинской (Москова) женской губернской тюрьме. В числе 13 каторжанок в ночь с 30.06. на 1.07.1909 бежала из тюрьмы и эмигрировала во Францию. В 1912 переехала в Бельгию, до лета 1914 жила в Брюсселе, затем уехала в Париж. Продолжала заниматься революционной деятельностью в различных анархистских организациях. В годы Первой мировой войны 1914–1918 окончила военную школу в Париже, получила офицерское звание, воевала на Македонском фронте. После Февральской революции 1917 вернулась из вынужденной эмиграции в Россию. В Петрограде включилась в революционную деятельность по организации анархистского движения. Была арестована во время разгрома правительственными войсками штаб-квартиры анархистов на даче генерала П. Н. Дурново. В июне 1917 вместе с И. С. Блейхманом руководила налетом революционных солдат Гренадерского полка на тюрьму «Кресты», из которой было освобождено 7 заключенных, включая и редактора «Окопной правды» Ф. П. Хаустова. Во время Июльского кризиса Временного правительства возглавила петроградскую делегацию анархистов в Кронштадт. 2. и 3.07. на ряде митингов пыталась склонить моряков Балтийского флота к вооруженному выступлению в Петрограде для поддержки уже якобы начавшегося в городе восстания рабочих и солдат. После начала разгрома ряда большевистских и анархистских организаций Петрограда в июле 1917 прибыла в Александровск. 28.08.1917 с группой анархистов прибыла в Гуляй-Поле, где впервые встретилась с Н. И. Махно. В сентябре 1917 вместе с ним и его сторонниками участвовала в нападении на штаб воинских частей в Орехово. В октябре арестована по приказу комиссара Временного правительства Б. Михно в Александровске. Была освобождена после октябрьских событий 1917 в Петрограде. Приветствовала свержение власти Временного правительства большевиками. Весной 1918 возглавила сформированный ею в Александровске и Елизаветграде анархистский «Первый Вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией», действовавший в составе воинских соединений Красной армии под командованием В. А. Антонова-Овсеевко на Украине. В его состав в разное время входило от нескольких сот до тысячи бойцов. Маруся стала единственной женщиной – командиром крупного революционного отряда на Украине. Следы действий ее отряда весной 1918 можно найти в целом ряде мест Украины и России от Одессы до Ростова-



на-Дону. В Elizavetgrade ее «Вольная Боевая Дружина» помогла местным красногвардейцам и рабочим установить Советскую власть (в боях за город Никифорова первый раз была ранена), однако вскоре отряд анархистов стал действовать самостийно, его члены оказались замешаны в ряде не санкционированных «реквизициях», а то и просто грабежах и по требованию местных органов власти отряд Никифоровой вынужден был покинуть город. В апреле 1918 «Вольная Боевая Дружина» под ее командованием оказалась в Таганроге, проделав туда путь, участвуя в боях против австро-германских войск и войск Центральной Рады. Здесь по решению местного военного комиссариата и военного секретариата Украины отряд Никифоровой был разоружен, а его члены, включая и саму Никифорову, были арестованы. Однако в ее защиту выступили: В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Махно, считавший, что «Дружина» Маруси входила в пятерку самых боеспособных отрядов Украинского фронта, ряд боевых командиров, приславших с фронта телеграммы в ее поддержку, а также анархист Гарин, прибывший в Таганрог на бронепоезде Брянского завода (г. Екатеринослав). Проведенное следствие не выявило в действиях «Вольной Боевой Дружины» и ее командира незаконных действий. М. Г. Никифорова была освобождена и даже вошла в штаб, который руководил обороной Таганрога. Затем вместе со своим отрядом направилась в район Ростова-на-Дону и Новочеркаска, где в это время находилось бесчисленное множество различных отрядов и дружин всех мастей в состав которых входили представители различных революционных партий, включая и анархистов, а также масса всякого рода лихих авантюристов. В обстановке полного хаоса и анархии Никифорова и ее отряд действовали также бесконтрольно и стихийно, игнорируя постановление Президиума Исполнительного Комитета Таганрога о разоружении. В период боев за Ростов-на-Дону Маруся была тяжело ранена. По степени своей известности М. Г. Никифорова во второй половине 1917 – первой половине 1918 бесспорно превосходила будущего «батяку» Махно. Летом-осенью 1918 ее «Вольная Боевая Дружина» действовала на Воронежском-Брянском-Саратовском фронтах. Видели анархистскую «атаманшу» в Воронеже. По решению Совета Саратова 20.06.1918 она была арестована ЧК за противоправные действия, отправлена под охраной в Москву где была заключена в Бутырскую тюрьму. В тюрьме содержалась до 21.09.1918. Затем была освобождена по поручительству В. А. Антонова-Овсеенко и А. А. Карелина. При этом они настаивали на ее полной реабилитации и снятии всех обвинений в ее адрес. Сразу же после выхода из Бутырки Маруся вышла замуж за известного польского анархиста В. Бжостока. В ожидании суда пошла учиться живописи в студию Пролеткульта. Принимала

участие в работе I-го Всероссийского съезда анархистов-коммунистов (25–28.12.1918). Выступила на нем с докладом о ситуации на Украине. В принятой резолюции съезд вынес протест против ее ареста. 21 и 23.01.1919 состоялся суд столичного революционного трибунала. После обстоятельного разбора дела с заслушиванием обвинителя Р. П. Катаньяна и защитника М. Г. Гурьева, М. Г. Никифорова была признана виновной в дискредитации Советской власти действиями своего отряда, а также в неподчинении Советам на местах в сфере военных действий. При этом суд снял с нее обвинение в грабежах и незаконных реквизициях. Трибунал нашел ее заслуживающей снисхождения и обошелся очень мягким наказанием, приговорив анархистскую «атаманшу» к лишению права занимать ответственные посты в армии в течение 6 месяцев со дня приговора. Весной 1919 вновь на Украине, присоединилась к повстанческой армии Н. И. Махно. Занималась в ней вопросами образования и налаживанием самых простых возможностей для медицинского обслуживания местного населения. Являлась известным пропагандистом, часто выступала с лекциями. К военной работе «батько» Махно не допускалась. В мае 1919 по ходатайству Л. Б. Каменева (в это время он исполнял обязанности уполномоченного Совета обороны на Украине и 7 мая встретился с Н. И. Махно в Гуляй-поле) приговор в отношении Никифоровой был смягчен и сокращен наполовину. Вскоре она вновь была допущена на командную работу, приступила к формированию собственного полка, что было одобрено Москвой, однако покинула Гуляй-Поле и районы контролируемые махновской армией. Точные мотивы ее поступка неизвестны. По одной из версий ее разлад с «батькой» Махно произошел на почве личной неприязни, по другой версии из-за конфронтации повстанцев с Советской властью. Не вполне ясна пока и ее роль в деятельности так называемых «анархистов подполья» и помогавшим им левых эсеров, совершивших 25.09.1919 взрыв в здании МК РКП (б) в Москве в Леонтьевском переулке. В результате этого террористического акта, целью которого было устранение В. И. Ленина, было убито 12 человек, включая секретаря МК РКП (б) В. М. Загорского, а ранена 55 коммунистов и среди них видные большевистские лидеры: А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский и др. В ходе расследования обстоятельств дела выяснилось, что «анархисты подполья» («Всероссийская организация Анархистов подполья») или «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан») во главе с К Ковалевичем использовали московскую квартиру Никифоровой, точнее снимали квартиру на Арбате на ее имя. Однако, было ли это случайностью или Маруся знала о готовящемся террористическом акте, пока остается загадкой. По

крайней мере К. Ковалевич и М. Соболев были у Махно, были знакомы с Никифоровой и даже получили деньги у «батько» для борьбы против большевиков, правда слишком мало как им показалось. Последние дни жизни М. Г. Никифоровой мало известны и сведения о ней весьма противоречивы и многовариантны. По одним данным летом 1919 она была схвачена белогвардейцами в Крыму и расстреляна вместе со своим мужем – анархистом В. Бжостак. При этом имеются документально не подтвержденные сведения о том, что и он и его жена являлись секретарями Всероссийской Федерации анархистов. По другим сведениям Бжостак и Никифорова создали новую анархистскую группу и планировали организовать ряд покушений на лидеров белого движения в Крыму, включая генерала Я. А. Слащева, однако были опознаны на одной из улиц Симферополя и в сентябре 1919 были повешены по приговору военно-полевого суда. Еще одна версия говорит о том, что Никифорова была арестована белогвардейцами в Киеве в июне 1919, а в октябре предстала перед Севастопольским военно-полевым судом, была приговорена к смертной казни через повешение и казнена (сообщение об этом было опубликовано в газете «Известия», 1919. 21 октября). Имеет хождение и версия (скорее всего не последняя) о том, М. Г. Никифорова осталась в 1919 жива, была завербована органами ВЧК и работала на благо революции во Франции. В реальности же, как показывают последние изыскания историков, в конце июня 1919 Маруся и В. Бжосток оказались в Севастополе. 29.07. ее опознали и схватили вместе с мужем. Следствие по ее делу продолжалось весь август. В сентябре 1919 состоялось заседание военно-полевого суда под председательством коменданта Севастопольской крепости генерала Субботина. По приговору суда М. Г. Никифорова и В. Бжосток были расстреляны.

### Литература

Жизнь и творчество русской молодежи. М., 1919. № 17 ; Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1924–1933. Т. 1–4 ; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М.; Л., 1925 ; Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 // Пролетарская революция. 1925. № 5 [41] ; Зайцев И. 1917–1918 гг. в Таганроге // Пролетарская революция. 1926. № 10 ; Годы борьбы: сб. воспоминаний и материалов по истории революционного движения на Зиновьевщине. Зиновьевск, 1927 ; Тржасковский В. Каменское в 1918 году // Борьба за Советы на Екатеринославщине. Днепрпетровск, 1927 ; Янчевский Н. Л. Гражданская война на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 1–2 ; Морчадзе И. И. (Коридзе С. С.) Организация побега 13 полит. каторжанок в 1909 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 7 ; Махно Н. И. Воспоминания. Т. 1–3. ; Карелин А. А. Анар-

хисты // Рассвет. Чикаго. № 7. 9 янв. ; Чуднов М. Н. Под черным знаменем (записки анархиста). М., 1930 ; Ронис-Кантовский А. К. Отрывки воспоминаний // Каторга и ссылка. 1932. № 7 ; В огне Гражданской войны: сб. док. и материалов. Одесса, 1962 ; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966 ; Рошаль М. Г. Записки из прошлого. М., 1969 ; Верстюк В. Ф. Махновщина. Указ. соч. ; Яновський Ю. Байгород // Чотири шаблі. Киев, 1990 ; Ермаков В. Д. «Маруся»: портрет анархистки // Социологические исследования. 1991. № 3 ; ; Его же. Анархистское движение в России: история и современность ; Шаламов В. Т. Колымские рассказы. М., 1992. Кн. 2 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Босько В. Як Маруся Никифорова встановлювала в Елисаветі радянську владу // Наука-фантастика. 1994. № 8 ; Маруся – предводительница анархистов // МИГ. 1994. 14 червня ; Улянич В. Отаманша Маруся // Голос України. 1994. 26 березня ; Бондаренко К. Никифорова Маруся // Довідник з історії України. Киев, 1995. Т. 2. С. 285 ; Косинчук Г. Жінки в житті Нестора Махно // Я, ти, ми... 1995. № 5 ; Чоп В. Жінки в історії махновського руху // Жінки України: сучасний статус і перспективи. Киев, 1995. С. 52–54 ; Его же. Маруся Никифорова. Запорожье, 1998 ; Политические партии России. С. 395 ; Анархисты. Документы и материалы ; Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: ист. исследование. Харьков, М., 2000 ; Его же. 100 знаменитых анархистов и революционеров ; Маруся-атаманша // Слово. 2001. 2 червня ; Беленкин Б. И., Леонтьев Я. Н. «Черная тень революции» (атаманша Маруся Никифорова) // Отечественные записки. 2002. № 4. С. 169–178 ; Иванова Е. Н Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002. М., 2002 ; Воронин А., Авдеевский С. Маруся раздвоилась // Paradox. 2004. № 1 ; Митрофаненко Ю. Н. Махно та М. Никифорова: порівняльний аналіз // Наукові записки. Киев, 2005. Вип. 28. С. 135–153 ; Авдеев С. І. Тысяча и одна смерть: Український рахунок. Запоріжжя, 2006. С. 385–388) ; Дробышевский Д. В. Женщины в махновском движении // Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 154–159 ; Malcolm A. Atamansha: the Story of Maria Nikiiforova, the Fnarchist Joan jf Fre. Dublin, 2007 ; Террористка Марія Никифорова // Профиль. 2008. № 19 [38]. ; Семененко В. И. Легендарная террористка была... мужчиной: (Никифорова Мария) // Семененко В. И. Тайны, казусы, курьезы в истории Украины. Харьков, 2010. С. 102–103 ; Рублев Д. И. Маруся кричала: «Да здравствует анархия! Да здравствует свобода». Воспоминания З. Б. Гандлевской о деятельности анархистского подполья в Крыму летом 1919 // Исторический архив. 2015. № 4. С. 57–64 ; Леонтьев Я. В. Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне. С. 40–60.



**Таратута (урожд. Рувинская) Ольга Ильинична (наст. имя и отчество Элька Гольда Эльева) (псевд. Валя) – 21.01.1876, д. Ново-Дмитровка Херсонского у Херсонской губ. 8.02.1938, спецобъект НКВД Коммунарка Московской области.**

Из мещан, после окончания педагогического училища работала учительницей. С 1897 в революционном движении. В 1898–1901 состояла членом Елизаветградского кружка и группы «Южно-Русского союза рабочих» РСДРП братьев Гроссман. Привлекалась к дознанию в Одессе по делу кружка (1898). 1 год находилась под гласным надзором полиции. С 1901 по 1904 находилась в эмиграции в Германии и Швейцарии (по некоторым данным встречалась с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым). Там же стала сотрудничать с российскими анархистами-эмигрантами. В начале 1904 (январь) приехала в Россию, в Одессе вошла в состав местной группы махавцев «Непримиримых», под фамилией Д. Басист в апреле 1904 привлекалась жандармским управлением к дознанию по делу этой организации. Дело было прекращено из-за недостатка улик. С начала Буржуазно-демократической революции 1905–1907 член Одесской рабочей группы анархистов-коммунистов. В октябре 1905 вновь арестована, но после выхода в свет «Манифеста 17 октября» ее дело было прекращено. 17.12.1905 участвовала в одном из первых актов «безмотивного» антибуржуазного террора в России – метании бомб в кофейню Либмана в Одессе. Была арестована с 4-мя соратниками по делу и 1.11.1906 Одесским военно-окружным судом приговорена к 17 годам каторги, однако 15.12.1906 бежала из Одесской тюрьмы при помощи А. Г. Таратуты и группы товарищей-анархистов. Вместе с А. Г. Таратутой с декабря 1906 принимала участие в создании Московской группы анархистов-коммунистов «Бунтарь» и в издании одноименной газеты. 31.03.1907 (незадолго до ареста членов группы полицией) смогла эмигрировать в Швейцарию, где установила связь с российскими анархистами-эмигрантами в Женеве. С осени 1907 член «Боевой интернациональной группы анархистов-коммунистов». Как член «Боевого интернационального отряда» возвратилась в Россию (Киев) в начале 1908. Являлась одним из организаторов «Южной боевой группы анархистов-коммунистов», которая была создана для подготовки серии террористических актов в городах Юга России. В Екатеринославе (март 1908) участвовала в подготовке покушения на командующего войсками Одесского военного округа барона А. В. Кальбарса и других высших чинов полиции и администрации. Намерения анархистов были раскрыты и О. Таратута 25.03.1908 была арестована в Екатеринославе и после проведенного следствия Одесским военно-окружным судом была приговорена к 21 году каторги по совокупности с учетом уже



имевшегося прежде наказания. До 1.03.1917 содержалась в Лукьяновской каторжной тюрьме в Киеве. После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 была освобождена вместе с другими политзаключенными. Работала в Политическом Красном Кресте, оказывала помощь политическим ссыльным. К свержению власти Временного правительства и победе большевиков в октябре 1917 отнеслась отрицательно. С конца 1918, по другим данным с весны 1919 О. Таратута советник у Н. И. Махно, который ее очень ценил и к ее мнению весьма прислушивался. Организовала в Харькове (осень 1920) анархистский Черный Крест для помощи анархистам, сидевшим в советских тюрьмах. В ноябре 1920 – представитель Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) в Харькове при штабе Южного фронта, член секретариата Харьковской Конфедерации «Набат». Арестована ЧК во время подготовки Конфедерацией анархистских организаций Украины «Набат» анархистского съезда в Харькове вместе с лидерами этой организации. С конца 1920 по 26.04.1921 содержалась в Бутырской тюрьме в Москве. Участвовала в составе группы из семи анархистов, отпущенных из тюрьмы под честное слово, в похоронах П. А. Кропоткина. С конца апреля 1921 в Орловском центре. С 1922 находилась в ссылке в Вологодской губернии. По возвращении из ссылки в 1924 в Москве вступила во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев. В июне 1924 написала гневное заявление о своем выходе из общества, «которое по воле власть имущих превратилось в отделение Р. К. П.». Была отправлена в ссылку на 3 года. В конце 1920-х жила в Одессе. Была арестована за попытку создать анархистскую группу среди рабочих-железнодорожников. В 1928–1929 пишет о необходимости организовать всемирную компанию защиты анархистов, репрессированных в СССР. Была арестована. В 1931 вышла из тюрьмы. В последние годы жизни активного участия в общественно-политической жизни не принимала. Арестована 27.11.1937. Расстреляна 8.02.1938 в Московской области на спецобъекте НКВД «Коммунарка». Реабилитирована 2.09.1958 ВКВС СССР.

#### Сочинения

Киевская Лукьяновская каторжная тюрьма 15/XI 1916 г. // Каторга и ссылка. К истории революционного движения в России: сборник. Киев, 1924.

#### Литература

Таратута А. Г. В России и за границей. 1903–1907 // М. Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926 ; Ушерович С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1932 ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Политические партии России. С. 604 ; Анархисты. Документы и материалы ; Нестор Махно. Крестьянское

движение на Украине ; Эврич П. Русские анархисты, 1905–1917 ; Савченко В. А. Анархисты-террористы в Одессе в 1903–1913 гг. Одесса, 2006 ; Его же. 100 знаменитых анархистов и революционеров.

**Щусь Федор (Феодосий, Федос) Юстинович (псевд. Матрос) – 25.03.1893, с. Большая Михайловка (Дибровка) Александровского у. Екатеринославской губ. 13.06.1921, под г. Недригайловым Сумской у. Полтавской губ.**

Из бедной крестьянской семьи. В годы Первой мировой войны 1914–1918 служил на Черноморском флоте матросом на броненосце «Иоанн Златоуст». Увлёкся анархо-коммунизмом. С развалом Черноморского флота примкнул к одному из отрядов революционных матросов. Организатор Дибровской группы анархистов-коммунистов, активный участник Гуляйпольской «Черной гвардии». Один из первых партизан Юга Украины. С апреля 1918 (по другим данным с июня) руководил повстанческими отрядами, боровшимися с австро-германскими войсками и властью гетмана П. П. Скоропадского. После разгрома его отряда, в октябре 1918 присоединился к махновскому движению. Адьютант Н. И. Махно, член штаба повстанцев. С февраля по май 1919 – член штаба 3-й Заднепровской бригады имени «батьки» Махно. По своей популярности, благодаря исключительной смелости, энергии и природным командным качествам, уступал среди повстанцев и партизан Юга Украины, пожалуй, только Н. И. Махно. С июля по август 1919 командовал махновской кавалерией, делегат 2-го Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов и подотделов (12–16 февраля 1919). Почетный член 3-го районного съезда представителей волостей и уездов Екатеринославской губернии, повстанческих фронтовых частей в поддержку действий Махно (Гуляй-Поле, 10 апреля 1919). В сентябре 1919 избран командиром 1-й кавалерийской бригады РПАУ. С мая 1920 по апрель 1921 – член штаба Повстанческой армии имени «батько» Махно. Участвовал в борьбе против белогвардейской армии Врангеля. В начале апреля 1921 являлся заместителем Н. И. Махно (по другим данным с мая 1921 являлся помощником командующего РПАУ). С середины апреля 1921 командовал объединившимися махновскими отрядами Забудько, Кожина и Куриленко. Убит 13 июня 1921 под г. Недригайловым в Сумском уезде Полтавской губернии в бою с 8-й дивизией Червонных казаков.

#### Литература

Аршинов А. А. Указ. соч. ; Нестор Махно. Воспоминания ; Белаш А. В., Белаш В. Ф. Указ. соч. ; Волин В. М. Указ. соч. ; Савченко В. А. Махно ; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине.

## Именной указатель

- А**  
Аблонский 169  
Абраменко Л. 187  
Абрамов В. 185, 187  
Авдеев С. И. 256, 260  
Авдеевский С. 256  
Аверин В. 37  
Агеев А. В. 19, 206  
Азеф Е. Ф. 243  
Акашев К. В. 9, 21–23, 172, 175, 177  
Аккерман 151  
Аладышкин И. В. 212  
Алдан-Семенов А. И. 203  
Александр 43  
Александра Федоровна 187  
Алексащенко А. П. 117  
Алексеев 29,  
Алексеев М. А. 201  
Алый (Суховольский) Я. 139, 140  
Амурский И. Е. 6, 9, 114, 190  
Андреев А. 59, 170  
Андреев А. Р. 228  
Андреев И. Т. 116, 205, 207  
Андреев Н. 39  
Аникст 166  
Анисимов 15, 182  
Анненков 197  
Антонов-Овсеев В. А. 62, 71, 74,  
101, 117, 143, 152, 156, 157, 160, 163,  
164, 181, 189–191, 252, 253, 255  
Анулов Ф. 72  
Аптекарь П. 163, 165  
Артемьев М. К. 202  
Архирейский Д. В. 241  
Аршинов П. А. 12, 57, 125, 138,  
139, 144, 149, 152, 153, 164–166,  
171, 174, 218, 220, 224, 225, 227–  
229, 231–233, 236, 240, 243, 245,  
246, 247, 249, 251, 259  
Аскарров Г. 134, 152  
Аскарров Т. 233  
Аснин Ш. А. 15, 16  
Астраханцев 103  
Атабемян А. М. 52, 60, 169, 171  
Атоян О. Н. 227  
Ауссем О. Х.  
Ахинько В. 113, 114, 119, 206  
Ачканов Г. 79, 98
- Б**  
Бакунин М. А. 7, 27, 28, 37, 38, 106,  
122, 137, 172, 178, 185, 212, 226, 258  
Балтахинов П. С. 9, 103, 178  
Банкетов Н. Д. 31  
Барамидзе Н. А. 6, 9, 194, 160  
Барбович И. Г. 251  
Бармашев 12, 30, 139, 170  
Бармаш В. В. 232, 245  
Барановский (Попов) А. 36,  
Барон (Барон Старший, Канторо-  
вич, Факторович) А. Д. 234, 235  
Барон (Полевой) А. 140, 150, 151,  
245  
Басист Д. 257  
Башеев 169  
Бжосток В. 253, 255  
Безродный А. 72,  
Безрукова А. В. 5, 5, 25, 206  
Белаш А. В. 7, 134, 152, 153, 165,  
227, 232, 234, 236, 241, 243, 248,  
250, 251, 258, 259, 256  
Белаш В. Ф. 131, 132, 134, 138, 139,  
144, 145, 148, 150, 152, 153, 155,

- 164, 165, 227, 232, 234, 236, 237–241, 243, 248, 250, 251, 256, 258, 259
- Беленкин Б. И. 6, 9, 256
- Беликова Л. И. 112, 113, 115, 116, 119, 206,
- Белов 85, 87
- Белоцкий (Черный) М. Л. 179
- Белый В. В. 161, 165, 228
- Берг Э. А. 23, 73, 180, 181
- Березовский Н. Ю. 98
- Берзин П. 31
- Берзин Р. И. 64, 98
- Берзинь Э. 63
- Беркман 91
- Беркман А. 216
- Беспечный Т. 227
- Бипецкий А. В. 123, 142
- Блейхман (Солнцев) И. 12, 14, 16, 17, 21, 22, 63, 80, 182, 183, 252, 261
- Блохин Е. С. 74
- Блюмкин Я. Г. 39
- Блюхер В. К. 117
- Бобков А. А. 196
- Богацкий Г. М. 21, 22, 181
- Богданов 111
- Болгарин И. 228
- Бондаренко К. 256
- Бонч-Бруевич В. Д. 82, 98
- Борисов 64, 82
- Боровик М. А. 236
- Боровой А. А. 135, 152, 172, 220
- Босько В. 256
- Братья Гордины 12, 24, 30, 40, 41, 47, 54, 60, 91, 135, 136, 140, 152, 169, 171, 233, 248.
- Братья Л. и Д. Задовы (Зиньковские) 9, 140, 155, 248–250
- Братья Каретники 131
- Братья Махно 131, 155
- Брошеван В. А. 6, 9, 196
- Буданов (Буданев) А. 151, 240, 241
- Буденный С. М. 154
- Будрин И. А. 116
- Бузин (Бич) Д. С. 113, 205
- Буйских А. Н. 64, 111
- Булатов Д. 205, 261
- Бульба Т. 123
- Брук И. 218
- Бученков Д. Е. 6, 10
- Быков 218
- В**альк 96
- Васильев Б. 4, 7, 10
- Василевский В. И. 194, 240
- Вацетис И. И. 83
- Вдовиченко (Удовиченко, Вдовин) Т. Я. 139, 241, 242, 243
- Вересов А. 191
- Веллер М. 160, 165, 228
- Верстюк В. Ф. 128, 129, 133, 134, 154, 159, 163, 164, 226, 232, 256
- Ветлугин А. 30, 211
- Вершинин 96
- Викторов 98
- Вильямс А. Р. 21
- Вітковский Г. В. 250
- Власов 76
- Водолагин И. А. 38
- Возилкин Е. 108, 109
- Волк С. С. 158, 165, 225
- Волков 75
- Волков С. В. 207
- Волков С. Е. 226
- Волковинский В. Н. 126, 153, 164, 226
- Волобуев П. В. 8
- Володин 103, 139
- Володин М. 206
- Волошин М. 76, 78, 79, 97, 98

Воронин А. 256  
 Воронкова Е. 207  
 Ворошилов К. Е. 154–157, 222  
 Восходов А. 36  
 Вотчель А. 154, 157, 159, 164  
 Врангель П. Н. 79, 101, 102, 123, 179, 186, 195, 222, 223, 239, 245, 249, 251, 259  
 Всеволожский Г. А. 209, 210

## Габов 108

Гавриленко П. 131, 139, 151, 251  
 Гальперин Ю. М. 26, 177  
 Гамарник Я. 69  
 Гандлевская З. Б. 256  
 Гапон Г. 243  
 Гарин 253  
 Гарявин А. Н. 212  
 Гастев А. К. 166, 171, 172  
 Ге А. Ю. 11, 40, 184  
 Гейцман И. М. 20, 43, 111, 166  
 Генкин И. И. 38  
 Генкина Э. 38  
 Герасименко Н. В. 122  
 Гинцбург И. 210  
 Гладков Т. 39  
 Глазгон Я. 36  
 Глебов Л. Д. 38  
 Гогелия Г. И. 184  
 Голиков Я. 262  
 Головенченко Ф. 98, 262  
 Голованов В. Я. 133, 134, 163, 165, 227  
 Головин Я. 17  
 Голубенко Н. 69  
 Гольдман 91  
 Гольдман Э. 11, 137  
 Гольдсмит М. И. 171, 184  
 Гоппер К. 30, 37

Горбов Ф. С. 262  
 Горбунов-Посадов И. И. 169  
 Гордин А. Л. 12, 24, 30, 40, 41, 47, 54, 60, 91, 135, 136, 152, 169, 171, 233  
 Гордин В. Л. 12, 24, 40, 41, 135, 136, 152, 233,  
 Горев Б. И. 5, 7, 226  
 Горелик А. 5, 8, 183, 211, 217, 225, 232, 247  
 Готман И. 140  
 Готман (Давид Коган) Л. 151  
 Гоц 15  
 Грав Ж. 11  
 Грайцер 65, 67  
 Грачев П. 71  
 Гребенник Н. Г. 207  
 Гревс У. 206  
 Гречанинов М. 36  
 Гречанюк Н. М. 98  
 Григорцевич С. 206  
 Григорьев Н. А. 87, 88, 123, 154, 156, 189, 221, 222, 227, 230, 238, 250  
 Гринштейн А. 70, 72  
 Гроссман (Рошин) И. С. 11, 47, 166, 171, 220, 257  
 Губенко А. 139  
 Гусляров Е. 163, 165, 228  
 Гусман Л. Ю. 2  
 Гутман А. 206

## Даиян 26

Дамела-Ньювенгейс Ф. 11, 262  
 Дамье В. 248  
 Данилов А. 228  
 Датько-Фельдман Д. П. 69  
 Двигомиров (Вороной) 20  
 Дворянов В. Н. 118  
 Дворянов Н. В. 118  
 Девицкий 101



Деникин А. И. 50, 57, 79, 102, 117, 120, 147, 158, 160, 185, 189, 221, 230, 238, 240, 247  
 Дзержинский Ф. Э. 22, 31, 100  
 Днепровский С. П. 119, 206  
 Добрицкий А. 63  
 Добрицкий М. 63  
 Добровольский 45  
 Дойников Ю. 250  
 Долгов Н. Л. 190  
 Доленко (Олонецкий) А. 151  
 Доленко (Чекерес) Н. 151, 166  
 Домбровский А. 36  
 Донской Д. П. 106, 178, 202  
 Дорошенко Я. 224  
 Дрезен А. К. 25  
 Дробышевский Ф. 256  
 Другов Ф. П. 21, 22, 26, 111  
 Дубовик А. 7, 158  
 Дурново П. Н. 15–17, 20, 26, 183, 188, 252  
 Дыбенко П. Е. 79, 161, 162, 189, 221  
 Дыбец И. 123

**Е**вграфов 86, 88  
 Евдокимов Е. Г. 185, 186  
 Егоров Г. В. 198  
 Егудина Н. 210  
 Егунов Н. П. 6, 9, 178  
 Ежов Н. И. 187  
 Елизаров М. А. 196,  
 Елисеенко А. Г. 207  
 Емельянов К. А. 207  
 Емельянов Ф. 98  
 Еременко В. 250  
 Ермаков В. Д. 6, 7, 9, 10, 21, 22, 165, 177–179, 181, 184, 185, 187, 190, 191, 194, 196, 198, 200, 203, 206, 226, 256  
 Ермаковский Д. 212

Ерыгин 20  
 Есаулов П. 226  
 Ефимов Н. А. 225

**Ж**ебенев П. 64  
 Железняков (Викторский) А. (матрос Железняк) 9, 17, 23, 73, 74, 82, 187, 190  
 Железин Ф. В. 113  
 Желябов В. 62  
 Женевский А. 25  
 Жилінський В. 250  
 Жиляев А. 103  
 Жук И. П. 9, 16, 21–23, 26, 190, 191  
 Жук-Жуковский И. И. 205  
 Жуковский Н. Е. 177  
 Журавлев В. В. 9

**З**агорский В. М. 36, 254  
 Загороднюк Н. И. 236  
 Зайдель 62  
 Зайцев И. 255  
 Залесский К. А. 187  
 Зарубин А. Г. 196  
 Зарубин В. Г. 196  
 Захаров 218  
 Зверев Д. Е. 105, 193  
 Зиновьев Г. Е. 34, 89, 91, 157, 220, 222  
 Зинченко 151  
 Зинько Ф. 249  
 Зиньковский (Левка Задов, Зодов) Л. Н. 248, 250  
 Зиньковский В. Л. 250  
 Знаменский О. Н. 183  
 Зольников Д. М. 64, 72  
 Зуев 29

**И**ванов П. 111 132

Иванов Ю. В. 228

Иванова Е. Н. 256

Иваненко А. К. 116

Измайлов Н. Ф. 97, 190

Ильин (Раскольников) Ф. 97

Ильин Ф. И. 100, 101

Ильина Л. И. 191

Ильин-Женевский А. Ф. 71, 189

Ильиных 13

Ильюков Н. К. 206

Исаев П. 36

Исбах А. А. 209

**К**адейкин В. А. 5, 8, 118

Казаков 19

Каландаришвили Н. А. 9, 14, 58, 67, 103–106, 111, 117, 178, 192–194, 201–203

Калашников 139

Каледин А. М. 29, 180, 216, 234

Калинин М. И. 7, 24, 37, 85 90, 206

Каменев Л. Б. 15 255, 156, 157, 182, 222, 226, 254

Каменев С. С. 95

Канев С. Н. 5, 7, 8, 24, 37, 60, 99, 152, 168, 173, 174

Капель В. О. 103, 193

Капрони 175

Капчинский О. 227, 250

Карасв А. 66, 67

Карасев С. 104

Каратсев А. Ю. 177

Карелин А. 135, 152, 169, 243, 253, 255

Каретников (Каретник) С. Н. 131, 151, 251, 155, 223, 250, 251

Каринский Н. 16

Катаньян Р. П. 254

Каульбарс А. В. 257

Кебурье 31

Керенский А. Ф. 180

Кернер М. 218

Кизрин И. Г. 38

Киквидзе В. И. 189

Кин Д. Л. 117

Киселев А. А. 97

Клейн А. 147

Клименко В. А. 5, 8, 32, 37–39, 212

Климов Ю. Н. 97

Клипель В. 207

Клюев Е. П. 13

Кляцкин С. М. 38

Ковалевич К. 34, 36, 254, 255

Ковтюх Е. И. 208

Коган А. 104, 140, 151, 262

Кожан А. П. 103, 104 106

Кожевин В. Е. 6, 9, 72, 117, 118, 194, 203

Козловский 90, 92.

Козырь 110

Кокошкин Ф. Ф. 76

Колесниченко 151

Колобушкин П. 17

Коломнин С. 162, 163, 165

Колпакиди А. И. 201

Колчак А. В. 47, 64, 102, 103, 118, 178, 201, 204

Комаров А. И. 113

Комин В. В. 5, 7, 24, 158, 164, 226

Комов А. 5, 8, 183, 211, 217, 225, 226, 232, 247

Коморный А. В. 143

Кондрашин В. В. 127, 129, 134, 163, 165

Конивец Г. 226

Конопля Н. 245

Консе 151

Копылов Н. 228

Корнев А. 250  
 Корнилов Л. Г. 180, 191  
 Корноухов Е. М. 5, 8, 12, 24, 25, 97  
 Коробейников М. 201  
 Короленко В. Г. 123  
 Котовский Г. И. 189, 199  
 Косинчук Г. 256  
 Костромитинов 92  
 Кочетков А. 154, 164  
 Кочик В. Я. 201  
 Кошелев 19  
 Кошкин 65  
 Кравец Ю. П. 7, 251  
 Краковецкий А. 20  
 Краснов П. Н. 188, 189  
 Краснощеков А. И. 65  
 Крат Ф. 131  
 Крейс О. 76  
 Кремянский 79  
 Крестьянинов В. 6, 10, 96, 98, 99  
 Кривенький В. В. 6, 8–11, 22, 26, 38, 207, 228  
 Кропоткин П. А. 11, 12, 27, 28, 105, 122, 138, 150, 168–172, 178, 211, 216, 220, 230, 233, 236, 245–247, 258  
 Кропоткина С. Г. 168, 169  
 Кругляк 248  
 Крупенин М. 30  
 Крушанов А. И. 72  
 Крыжанов Д. А. 15  
 Кубанин М. К. 60, 131, 132, 134, 164, 165, 225, 226  
 Кудрявцев Н. Н. 143  
 Кузина Л. А. 25  
 Кузьменко Г. А. 126, 141, 150, 154–157, 159, 160  
 Кузьмин 90  
 Куприяновский П. В. 209  
 Куриленко В. В. 161, 162  
 Кусенко 151

Кучков Г. 187, 201  
 Кушніренко І. 228  
 Кшесинская М. О. 18, 215

**Л**аврентьев С. А. 63  
 Лавров 66, 67  
 Лазо С. 66  
 Ларьков Н. С. 5, 8  
 Лебедев В. А. 176  
 Лебедев Н. К. 169, 170, 205  
 Лебедева Н. М. 112, 113, 116  
 Лебедь Д. 225  
 Леверна 30  
 Левкин Г. 206  
 Лейхстенлейб (Лев Грозный) Л. 145  
 Ленин В. И. 22, 25, 32, 35, 80, 88, 92, 97, 98, 106, 120, 157, 166, 185, 193, 216, 220, 222, 225, 247, 254, 257  
 Леонов П. 108, 109  
 Леонтьев Я. Н. 6, 9, 190, 256  
 Лисс А. 46, 47  
 Лист Г. 188  
 Лихаревский Е. 225  
 Лобачев В. 128, 133, 227  
 Логинов В. 72  
 Ломакина И. 99  
 Лубков П. К. 104, 107  
 Лукьянов Х. Ф. 37  
 Лушенькин В. Н. 190  
 Лютый И. 131  
 Лютый П. 155  
 Лютый С. 155  
 Ляхов В. П. 113

**М**азурин В. В. 232  
 Маклаков Н. А. 175  
 Максимов Г. П. (Гр. Лапоть) 12, 23, 171, 217, 247

- Малатеста Э. 11, 137  
 Малафеева Е. Г. 9, 207  
 Малышев В. П. 119, 206  
 Малышев И. 228  
 Мальков В. М. 38  
 Мальков П. Д. 31, 38  
 Malkolm A. 256  
 Мамонтов Е. М. 108, 110  
 Мамонтов К. К. 57, 177  
 Мар (Высоцкий) Е. П. 6, 9, 190  
 Марголис Ю. Д. 212  
 Маркс 185  
 Мармышев А. В. 207  
 Марочкин Г. И. 25  
 Марченко А. 131, 155, 248, 251  
 Маслаков Г. С. 239  
 Матвеев Ф. П. 183  
 Матвеев Я. 76  
 Махальский Ф. И. 229  
 Махно Н. И. (Михно, Михненко) батько Махно 6, 7, 10, 34, 50, 58, 88, 101, 120–135, 137–143, 145–165, 171, 183, 193, 218–243, 245–259  
 Медведев Д. Н. 39, 158  
 Медведев К. 158  
 Мельник В. 250  
 Метт И. 126  
 Мизин Н. С. 116, 204  
 Микоян А. И. 181  
 Минц И. И. 39  
 Минц С. 26  
 Милюков П. Н. 13  
 Мирбах-Харфф В. 35, 39  
 Миронов Ф. К. 198, 242  
 Мирошевский В. 153, 225  
 Михайлов 117  
 Михалева В. М. 60  
 Михно Б. 218, 252  
 Мишина А. В. 228  
 Могила 139  
 Мокроусов А. В. 9, 23, 58, 81, 101, 102, 171, 173, 194, 195, 196  
 Мордвинов Р. Н. 190  
 Мороз И. 154, 164  
 Морозов А. 187, 191  
 Морчадзе И. И. (Коридзе С. С.) 255  
 Моршанская М. М. 6, 9, 26, 191  
 Мощенко 131  
 Мрачный (Кливанский) М. 151  
 Музиль Н. И. 172  
 Мурзин 108  
 Мясников (Мясникян) А. Ф. 36, 254, 266  
**Н**адеждин Н. О. 160, 165, 228  
 Назаров А. Ф. 38  
 Назаров И. Ю. 7, 10  
 Назимов Д. 17  
 Налимов В. В. 173  
 Науменко З. 228  
 Наумов Е. Д. 204, 209  
 Наумов П. А. 187  
 Наумов Т. И. 13  
 Нейман 198  
 Некрасов 108  
 Нелюбов С. Н. 207  
 Никитин А. Л. 171, 173, 174  
 Никитина Ю. 228  
 Никитин-Макаров Н. М. 117  
 Никифоров 111  
 Никифорова М. Г. («Маруся») 9, 19, 22, 34, 62, 251–256  
 Николаев А. 225  
 Николаев Ф. 36  
 Николай П. 42, 78, 187, 210  
 Новиков П. А. 178  
 Новодворский 110  
 Новокшонов И. 178  
 Новомирский Г. Б. 172

- Новомировский (Кирилловский) Д. 12, 172  
 Новополин (Брейфельд) Г. 226  
 Новоселов Г. В. 212  
 Новоселов И. П. 58, 67, 104, 106–109, 197, 198
- О**гарков 101  
 Озол Э. 31  
 Ольминский М. С. 36, 254  
 Оппоков В. Г. 6, 9, 249  
 Орджоникидзе Г. К. 38  
 Орджоникидзе З. Г. 38  
 Орджоникидзе С. Г. 231  
 Орлов 67  
 Ососов Г. 91  
 Островская Н. И. 74  
 Отверженный Н. 212  
 Оцевили 113  
 Ошкадеров В. И. 227
- П**авел  
 Павлов Д. Б. 6, 10  
 Павлов И. У.  
 Павлов Я. С. 115, 118, 119  
 Павлова И. В. 72  
 Павловский 139  
 Павлунов И. П.  
 Пак В. 24, 207  
 Пальчинский П. П. 169  
 Панкратов 75  
 Парняков П. 66  
 Парфенов (Алтайский) П. С. 115, 119, 206  
 Пархоменко А. Я. 223  
 Патрушев 91  
 Паутов 111  
 Пахмурный П. М. 117
- Пепеляев А. Н. 9, 202, 203  
 Переверзев П. Н. 14, 16  
 Перегубов И. И. 113  
 Пережогин 14, 66, 67, 104, 105  
 Перепелкин П. М. 91, 96  
 Перкус 91  
 Перцев М. Я. 64, 267  
 Перцевой 111  
 Пестерев В. И. 203  
 Пестун И. 203  
 Петерс Х. 30, 38  
 Петлюра С. В. 123, 221, 225  
 Петраш В. В. 97, 256  
 Петриченко С. М. 89, 91, 96  
 Петров П. У. 190, 203  
 Петровский Н. М. 21  
 Петрушин А. 203  
 Пирумова Н. 37  
 Пищикова Е. 190  
 Плеханов А. 187, 201, 257  
 Плиско Н. 209  
 Плотников Ф. Д. 104  
 Плотникова М. Е. 118  
 Подвойский Н. И. 84, 143, 189  
 Подшивалов И. Ю. 194  
 Познанский В. С. 72  
 Покровский М. Н. 36, 254  
 Поликарпов 117, 196  
 Полищук 110  
 Полищук К. 227  
 Половцов П. А. 15, 16, 182  
 Полонский И. 6, 9, 100, 177  
 Полонский М. Л. 238, 248, 251  
 Полторац С. Н. 98  
 Полупанов 84  
 Поляков В. 196  
 Попов 36, 98  
 Попов Д. И. 150, 151  
 Попов П. И. 98  
 Порубаев 61



Посадский А. В. 9, 119, 228  
 Поссе 171  
 Потапов С. 203  
 Прасолов П. 103  
 Прибыльский Ю. П. 236  
 Пронин М. А. 190  
 Проскуренко 85, 86  
 Прудников В. В. 227  
 Прудон П.-Ж. 106  
 Птицын С. А. 207  
 Пухов А. С. 97, 190  
 Пьятков Г. И. 196

**Р**авич-Черкасский М. 225  
 Раковский Х. Г. 143, 154, 157, 162  
 Раскольников Ф. Ф. 25, 83, 97, 180,  
 181, 184, 188, 190, 217, 255, 263  
 Ратгаузер Я. 180  
 Ратьковский И. С. 6, 10, 29, 37, 38  
 Ревякин С. 228  
 Ремпель Л. И. 71, 97  
 Решко 64  
 Ривкин М. 210  
 Рид Дж. 21  
 Роббинс Р. 31  
 Рогдаев Н. 170  
 Рогов Г. Ф. 104, 106–109, 197, 198  
 Роже С. 121  
 Рокер В. Р. 11  
 Романец В. В. 74  
 Романов-Богатырев 104, 110  
 Ронис-Кантовский А. К. 256  
 Рошаль М. Г. 71, 256  
 Рубан Л. 151  
 Рублев Д. И. 6, 9, 10, 21, 25, 168,  
 173, 256  
 Руденко П. 225  
 Руднев В. В. 226  
 Рыбаков М. 225

Рылт Х. 63  
 Рычкова Г. П. 71  
 Рябиков В. В. 72, 194  
 Рябов П. В. 160, 165  
 Ряппо Я. 98

**С**авин А. В. 194  
 Савинков Б. 30  
 Савицкий 63, 111  
 Савченко В. А. 6, 9, 154, 164, 190,  
 217, 227, 232, 236, 248, 250, 256, 259  
 Сажин М. П. 170  
 Сазонов И. К. 26  
 Самбук Р. 227  
 Самойлюк 13  
 Самохин С. Л. 74  
 Самсонов (Бабий) Т. П. 199, 200  
 Самусенко И. П. 206  
 Саңдомирский Г. Б. 12, 166  
 Сапон В. П. 6, 10, 21, 25, 26, 30, 37,  
 38, 59, 184  
 Сафонов В. Н. 99  
 Сафронов В. П. 25  
 Сахаров 100, 101  
 «Саша-Петр» 211  
 Свердлов 220, 225  
 Седов Ю. 268  
 Седугин В. И. 227  
 Семанов С. Н. 152, 156, 159, 160,  
 164, 165, 226  
 Семененко В. И. 256  
 Семенов Г. М. 193, 201  
 Семигин Г. Ю. 8  
 Серебрянский М. 209  
 Сергеев В. Н. 26, 38  
 Сергеев П. 226  
 Серeda 151, 207  
 Серж В. 214  
 Серьогин С. 227

Сивков П. З. 217  
 Сизиков 108  
 Сизов 13  
 Силин А. 37  
 Симбирцев И. 201  
 Симченко Ю. 203  
 Скачко А. Е. 221  
 Скирда А. 123, 127, 131, 133, 134, 227  
 Склянский Э. М. 121, 268  
 Скляр И. 87  
 Скобелев М. И. 182, 213  
 Скоркин К. В. 185, 187, 201  
 Скоропадский П. П. 191, 220, 240, 244, 259  
 Скрипник О. 227  
 Скурихин П. М. 23, 79, 80  
 Слещев Я. А. 120, 225, 255  
 Словинский Д. 207  
 Слюсаренко В. В. 176  
 Смирнов В. 228  
 Смирнов Н. Г. 181  
 Смоляк В. Г. 207  
 Соболев П. 34–36, 255  
 Соколов 85, 87  
 Соколов И. Л. 32  
 Солодянкин А. Г. 118, 194  
 Солонович А. А. 12, 169, 182  
 Спиридонова М. 22  
 Спирин Л. М. 39  
 Сталин И. В. 38, 186, 187  
 Старостин П. И. 78  
 Старцев В. И. 26, 71  
 Стеклов Ю. М. 36, 254  
 Степаненко П. 250  
 Стефановский 103  
 Столыпин П. А. 175  
 Строд И. Я. 9, 103, 106, 118, 201, 202, 203  
 Стулов П. И. 25  
 Субботин 255

Сухачев 64  
 Сухогорская Н. 121, 122, 153, 226  
 Сяков Ю. 154–157, 159, 164

**Т**
 аганцев В. Н. 200  
 Тагильцев В. 198  
 Талеров П. И. 6, 7, 10, 136, 152, 228  
 Тарановский 249, 251  
 Таратута А. Г. 257, 258  
 Таратута (Рувинская) О. И. 151, 245, 257, 258  
 Тархова Н. 127  
 Тахтамышев В. Ф. 162  
 Телицын В. 227  
 Тепер (Гордеев) И. 1470, 152, 153, 226, 236  
 Тепляков А. Г. 119, 214  
 Терезов 241  
 Тимирязев К. А. 234  
 Тимофеев А. 164, 225  
 Тимощук А. В. 227  
 Титов М. 206  
 Тихенко 131  
 Толетов И. 181  
 Томский В. 203  
 Тржасковский В. 255  
 Третьяк И. Я. 108  
 Третьяков Д. М. 13, 65, 67  
 Триполитов 64  
 Троцкий Л. Д. 18, 26, 37, 63, 84, 92–94, 107, 121, 156, 157, 164, 193, 220–222, 225, 228  
 Трусов М. П. 65, 67  
 Тряпицын Я. И. 9, 112–116, 119, 203, 204–207  
 Тузов 91  
 Туманов 111  
 Турин 92  
 Турченко С. 250  
 Тухачевский М. Н. 94, 95

**У** лагай С. Г. 208  
 Улановский 79  
 Улянич В. 256  
 Унгерн Р. Ф. 193  
 Уралов 139  
 Урицкий 34  
 Усырев 110  
 Усыскин Г. С. 185  
 Ушерович С. 258

**Ф** абрициус Я. 160  
 Федоров А. 17, 32  
 Федоров-Забрежнев В. И. 171  
 Федоровский Ю. Р. 227  
 Федько И. Ф. 242  
 Фельдман А. 69–71  
 Ферер Ф. 149  
 Фигнер В. 169  
 Флеровский И. П. 15, 25, 74, 97, 217  
 Фомин Ф. Т. 68, 69, 72  
 Франко Ф. 247  
 Фридолин В. 209  
 Фрунзе М. В. 120, 186, 202, 208, 251  
 Фурманов (Фурман) Д. А. 207, 208, 209,  
 Фурманова А. 209  
 Фуфыгин А. Н. 6, 9, 207

**Х** аджет-лаше М.-Б. 34  
 Хазнахметов Э. Ю. 212  
 Хархардин И. 170  
 Хаустов Ф. П. 16, 183, 252  
 Хацько 78  
 Хесин С. С. 26, 97  
 Хлебников Г. Н. 207  
 Хлебныйский Л. 36  
 Хлопов 105  
 Хмара 224

Ховрин Н. А. 180, 188, 189  
 Хоменко 78  
 Хохотва 151  
 Хрустарев-Носарь Г. С. 243  
 Худайкулов М. Х. 5, 7, 98  
 Худолой В. 212  
 Худугуев 178  
 Худяков Н. 69, 189

**Ц** ейтлин 31  
 Церетели И. Г. 182  
 Церетели М. Б. 6, 9, 194  
 Цинцинер Х. 36, 140  
 Цыпкин Р. Г. 26

**Ч** апаев В. И. 208  
 Чекалов Н. М. 191  
 Чекересс 151  
 Чемезов В. Н. 6, 9, 118, 203  
 Чередник 101  
 Черкасов-Георгиевский В. 158  
 Черкезов В. Н. 171  
 Черников В. М. 209  
 Чернов В. М. 18, 19, 25, 182, 189  
 Чернов-Чернобасв 20  
 Черномордик С. 226  
 Черный (Турчанинов) Л. 12, 24, 30, 167, 209–212, 220  
 Чернышева В. И. 207  
 Черняк М. 248  
 Чичерин Г. В. 224  
 Чоп В. 6, 9, 227, 228, 248, 256  
 Чубенко А. В. 222  
 Чуднов М. Н. 71, 153, 256

**Ш** абалин М. П. 169  
 Шаламов В. Т. 256  
 Шамбаров В. Е. 203

Шанин Т. 127, 133  
 Шанявский А. Л. 232  
 Шапиро А. М. 11, 45  
 Шапиро И. 233  
 Шатило Б. 64, 67  
 Шагов В. С. 12, 21, 22, 111, 166, 212, 214  
 Шаумян Л. 181  
 Шевцов Ф. 65  
 Шевченко 111  
 Шевченко Т. Г. 143  
 Шевчук 111  
 Шепель И. Я. 220  
 Шило И. 227  
 Шилов Д. 72  
 Ширмановский 92  
 Шингарев А. И. 76  
 Шиндилов Н. А. 26  
 Шишкин В. И. 5, 8, 118, 199  
 Шкуро А. Г. 57, 156, 177, 221, 238  
 Шолохов М. А. 186  
 Штырбул А. А. 6, 10, 20, 24, 25, 32, 38, 59, 66, 72, 107, 108, 110, 111, 117–119, 127, 132–134, 194, 198, 228, 236  
 Шубин А. В. 185, 192, 214, 227, 232  
 Шумаков А. 240  
 Шумов С. А. 228  
 Шумяцкий Б. З. 43  
 Шурыгин А. П. 5, 8, 206

**Щ**ербатов Н. Б. 175  
 Щербина-Башарина 143  
 Щетинов Ю. А. 99, 118, 176  
 Щукарев С. Ю. 161  
 Щусь Ф. Ю. 220, 259

**Э**врич П. 6, 10, 38, 39, 99, 152, 173, 174, 184, 185, 190, 192, 212, 214, 217, 232, 259

Эйдеман Р. 226  
 Эйхе Г. Х. 205  
 Эйхенбаум (Волин) В. М. 12, 126, 151, 164, 171, 243, 248  
 Эрдэ Д. 225  
 Эсбах Э. 226

**Ю**денич Н. Н. 213  
 Юзефович Л. А. 6, 9, 203

**Я**кир И. Э. 70, 72, 195  
 Яковенко В. П. 91  
 Яковлев Н. Н. 201  
 Яковлев Я. 5, 7, 60, 225  
 Яковлева М. А. 187, 201  
 Якупов Н. М. 24  
 Яланский В. И. 159, 160  
 Яновский Ю. 256  
 Янчевский Н. Л. 255  
 Япончик (Винницкий) М. 68–70  
 Ярославский Е. М. 36, 254  
 Ярославский П. 71  
 Яруцкий Л. Д. 159, 227, 240, 250  
 Ярчук Х. З. (Е. З.). 5, 8, 12, 21–23, 73–75, 81, 169, 214, 215, 217  
 Ященко В. Г. 6, 10, 38, 236

*Научное издание*

В. Д. Ермаков

АНАРХИСТЫ НА ФРОНТАХ  
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ  
1917–1922 ГОДОВ

В оформлении книги использованы работы художника Рашида Домнинова

Верстка А. С. Шитовой  
Дизайн обложки С. А. Владимировой  
Выпускающий редактор А. С. Шитова

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60×90/16.  
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 17. Тир. 100. Зак.  
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»  
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16  
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии  
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг» (ООО Первый ИПХ)  
194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У